СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXX, № 2.

А. С. ПУШКИНЪ

ВЪ

ЮЖНО-СЛАВЯНСКИХЪ ЛИТЕРАТУРАХЪ.

СБОРНИКЪ

БИБЛІОГРАФИЧЕСКИХЪ И ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИХЪ СТАТЕЙ.

ИЗДАННЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

ОРД. АКАД. **И. В. Ягича.**

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1901.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Августъ 1901. Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Когда Россія готовилась поминать столѣтнюю годовщину своего великаго поэта А. С. Пушкина, вспомнились и мнѣ мои давнишнія занятія, относящіяся сюда. У меня родилась мысль привести въ порядокъ мой давно собранный матеріалъ о переводахъ Пушкина на сербско-хорватскій языкъ, пополнить его и оживить примѣчаніями критическими. Приступая къ пересмотру матеріала я убѣдился въ томъ, что было бы гораздо лучше и для разнообразія и для полноты изложенія, если бы мнѣ удалось привлечь къ участію въ этомъ историко-литературномъ изданіи также другихъ знатоковъ въ области отдѣльныхъ южно-славянскихъ литературъ. Желаніе мое исполнилось, хотя и не въ томъ идеальномъ совершенствѣ, въ какомъ оно мнѣ представлялось. Идея литературной и научной ассоціаціи у славянъ еще очень мало развита. Существуютъ, правда, ученыя и литературныя общества, союзы, кружки, фонды и т. п. для каждаго славянскаго народа и племени отдѣльно, но дѣятельность ихъ по большей части такъ и ограничивается поддержкою и удовлетвореніемъ узкихъ домашнихъ потребностей. Мнѣ же, привыкшему уже давно смотрѣть на культурныя задачи славянскихъ народовъ съ болѣе высокой точки зрѣнія, хотѣлось и въ данномъ случаѣ выйти изъ узкой рамки и представить читателямъ этого сборника значеніе А. С. Пушкина для всѣхъ южныхъ славянъ въ возможно широкомъ объемѣ, именно въ переводахъ по всѣмъ южно-славянскимъ

литературамъ. Для достиженія этой цѣли пришлось обратиться въ разныя стороны съ просьбою и приглашеніемъ къ участію. Не всѣ, къ кому я обращался, были въ состояніи отозваться, что отчасти объясняется малочисленностью тружениковъ при большомъ количествѣ задачъ, отчасти же непривычкой или даже нежеланіемъ участвовать въ сборномъ изданіи.

Тѣмъ пріятнѣе для меня обязанность поблагодарить тѣхъ немногихъ, которые рѣшились содѣйствовать къ осуществленію моего плана. Я убѣжденъ, что Отдѣленіе русскаго языка и словесности Императорской Академіи наукъ, которое взяло на себя издать этотъ трудъ въ своемъ «Сборникѣ», раздѣляетъ мой взглядъ, что такимъ способомъ дѣйствительно ускоряется знакомство и сближеніе духовной жизни славянскихъ народовъ между собою.

Сборникъ этотъ печатался въ продолженіе слишкомъ двухъ лѣтъ. Отъ того и вышли нѣкоторыя неровности въ ссылкахъ на изданія, которыя сначала мнѣ были доступны только по частнымъ указаніямъ, потомъ же выходомъ своимъ опередили этотъ сборникъ.

И. В. Ягичъ.

Вѣна, 23 іюня (6 іюля) 1901 г.

I.

РУССКОЕ ВЛІЯНІЕ И ПУШКИНЪ

ВЪ БОЛГАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

Ив. Д. Шишманова.

Digitized by the Internet Archive
in 2024

https://archive.org/details/sbornik-otdeleniya-russkogo-yazyka-i-slovesnosti_1901_70_2

Вопросъ о Пушкинѣ въ болгарской литературѣ тѣсно связанъ съ болѣе широкимъ вопросомъ о вліяніи русской письменности на болгарскую. Къ сожалѣнію самая важная задача литературно-исторической критики—изслѣдованіе источниковъ, едва намѣчается у насъ. Самыя элементарныя условія, необходимыя для такого изслѣдованія, отсутствуютъ въ нашей литературѣ. Мы не имѣемъ даже сколько нибудь полной библіографіи болгарскихъ печатныхъ изданій отъ начала нашей письменности. Начатый А. Теодоровымъ трудъ этого рода—неоконченъ [1]). Обзоръ періодическихъ изданій, составленный Ю. Ивановымъ неполонъ [2]). Но печальнѣе всего то, что вслѣдствіе крайней трудности достать нѣкоторыя старыя изданія, ставшія библіографической рѣдкостью, — вслѣдствіе отсутствія ихъ даже въ главныхъ библіотекахъ страны, нисколько не спѣшащихъ, при томъ, пополнить этотъ важный пробѣлъ своихъ каталоговъ, — указанный недостатокъ еще долгое время будетъ чувствоваться. Вотъ почему даже такой сравнительно легкій трудъ, какъ составленіе библіографической замѣтки о болгарскихъ переводахъ Пушкина, требуетъ несоразмѣрной потери времени и усилій. Мы были часто принуждены рыться цѣлый день въ библіотекахъ, чтобы

1) Българска Книгопись, съставенъ отъ А. Теодоровъ. Дѣлъ Първи (1641—1877). Сборникъ за нар. умотв., наука и книжнина, 1893, кн. IX.

2) Юрд. Ивановъ, Българскиятъ Периодически Печатъ отъ възраждането му до днесь. София, 1893.

открыть какой нибудь незначительный переводъ изъ Пушкина, могущій свидѣтельствовать о размѣрахъ знакомства болгарскихъ литераторовъ съ произведеніями русскаго поэта. Впрочемъ этотъ трудъ оказался не безполезнымъ въ другомъ отношеніи: просмотръ почти всей нашей періодической литературы, далъ намъ возможность освѣтить гораздо болѣе интересный и неизслѣдованный еще вопросъ: о *зарожденіи русскаго вліянія* въ нашей письменности, вопросъ, который будетъ предметомъ другого спеціальнаго нашего изслѣдованія. Здѣсь мы его затронемъ насколько онъ, какъ болѣе общій, объясняетъ постоянное развитіе интереса болгарскихъ читателей и къ Пушкину.

Когда начинаются первыя литературныя сношенія между Россіей и Болгаріей (независимо отъ церковно-славянской письменности, такъ какъ вліяніе богослужебныхъ книгъ *русской* редакціи на *ново-болгарское правописаніе* имѣетъ лишь чисто формальный характеръ), точно сказать трудно.

Въ общемъ, несомнѣнно только то, что эти отношенія завязываются еще раньше середины прошлаго столѣтія.

Обыкновенно годомъ рожденія ново-болгарской литературы считается 1762 г., въ которомъ появилась извѣстная «*Исторія Славяно-болгарская*» Отца Паисія Хилендарскаго[1]). Но новѣйшія изслѣдованія доказали, что еще до Паисія существовала сравнительно богатая чисто-народная литература съ преимущественно религіозно-нравоучительнымъ характеромъ. Эта литература, состоящая главнымъ образомъ изъ цѣлаго ряда сборниковъ, такъ называемыхъ «*Дамаскиновъ*», восходитъ еще къ 17-му столѣтію[2]).

Для насъ здѣсь интересно то, что нѣкоторые изъ этихъ «Да-

---

1) См. Трѣмъ на българската словесность отъ А. Теодоровъ, Свезка I. Паиси Хилендарски, Історія Славеноболгарская 1762. Пловд. 1898.

2) См. Новобългарска писменность прѣди Паисия. Б. Цонева въ «Бълг. Прѣгледѣ», I, кн. 8, р. 80 и сл.; Л. Милетичъ, Сборникъ за нар. умотв. etc. XII, Повѣсть за паден. на Цариградъ въ 1453 год. стр. 399 sqq.

маскиновъ» заключаютъ между прочимъ переводъ одной очень популярной въ Россіи «Повѣсти о Цареградѣ».

Кто былъ авторомъ этого перваго до сихъ поръ констатированнаго заимствованія изъ русской литературы — неизвѣстно. Но несомнѣнно, что это было лицо духовное, по всей вѣроятности какой-нибудь монахъ, имѣвшій случай познакомиться съ русскимъ языкомъ во время управленія богатыми болгарскими метохами въ Россіи или во время своихъ странствованій для сбора подаяній [1]).

Извѣстно и отчасти документально доказано, что нѣкоторые изъ нашихъ монастырей были въ сношеніи съ Россіей еще въ XVII-мъ вѣкѣ. Такъ что, *по всей вѣроятности, и первыя русскія литературныя вліянія вышли изъ монастырей.* Это предположеніе подтверждается затѣмъ и присутствіемъ довольно большого количества русскихъ книгъ, находящихся въ нѣкоторыхъ нашихъ монастырскихъ библіотекахъ. Нужно сожалѣть, что каталоги этихъ библіотекъ такъ мало намъ извѣстны; иначе могли бы точнѣе судить о времени, когда русская литература начала пробивать себѣ у насъ дорогу.

Когда въ 1845 г. Григоровичъ посѣтилъ Рыльскій монастырь, онъ пожелалъ увидѣть скитъ св. Луки, гдѣ къ удивленію своему нашелъ благочестиваго старца Амвросія, имѣвшаго въ своей скромной библіотекѣ не только церковно-славянскія и греческія книги, но и *русскія.* «Я зашелъ здѣсь къ старцу Амвросію, проведшему 25 лѣтъ въ уединеніи. Удивила меня въ скромной келліи его избранная библіотека славянскихъ, *русскихъ* и греческихъ книгъ. Съ восхищеніемъ принялъ онъ привѣтъ русскаго и немедленно обратилъ разговоръ на духовныхъ писателей нашихъ прошлаго столѣтія. Умилительно говорилъ онъ

1) В. Григоровичъ, Очеркъ путешествія по Европейской Турціи, изд. II, 1877, стр. 55: «Я былъ встрѣченъ (въ Зографскомъ монастырѣ, на Аѳонѣ) весьма лестнымъ привѣтствіемъ выраженнымъ по *русски* (главные монахи познакомились съ русскимъ языкомъ, управляя своими богатыми метохами въ Россіи)».

о Платонѣ Митрополитѣ, *котораго сочиненія нѣсколько разъ читалъ*, о другихъ нашихъ проповѣдникахъ, и заключилъ просьбою, прислать ему третій и четвертый томы Ѳеофана Прокоповича»[1]).

Замѣчаніе Григоровича о Рыльскомъ монастырѣ можетъ быть съ неменьшей вѣроятностью повторено и относительно Аѳонскихъ болгарскихъ обителей, въ особенности Зографской и Хилендарской. Ученый путешественникъ жалуется, что когда онъ въ Зографѣ обратился «къ отцамъ распорядителямъ монастыря, изъ которыхъ главные были знакомы съ Россіей», съ просьбою показать ему монастырскія рукописи, Архимандритъ Анатолій, вмѣсто того, чтобъ ему открыть монастырскую библіотеку, показалъ ему свою собственную, состоящую изъ разныхъ печатныхъ книгъ, собранныхъ имъ въ С.-Петербургѣ, на толкунѣ[2]).

Слѣдуетъ замѣтить, что уже родоначальникъ ново-болгарской письменности, отецъ Паисій, пользуется при составленіи своей болгарской исторіи *русскимъ* переводомъ *Мавро Орбини* и *Баронія*, которыхъ онъ могъ по всей вѣроятности найти въ Хилендарѣ[3]).

Изъ вышесказаннаго и изъ характера приведенныхъ книгъ нужно заключить, что первыя книги, перенесенныя изъ Россіи въ Болгарію совсѣмъ не были только церковно-славянскіе букварп, часословы и псалтыри[4]). Уже немногочисленные приведенные нами примѣры указываютъ, что по крайней мѣрѣ въ монастыряхъ, имѣлись *русскія историческія и богословскія сочиненія*[5]). А судя по рукописи, находящейся теперь у меня, и со-

---

1) Ib., стр. 132.

2) Ib., стр. 55.

3) Другой нашъ историкъ прошлаго столѣтія «Іеросхимонахъ» Спиридонъ «отъ монастыря Нѣмца» въ Молдавіи, ставшій извѣстнымъ только въ послѣднее время, зналъ кромѣ того и русскій Синопсисъ. См. «Къмъ въпроса за тый нареченитѣ прѣправки на Паисиевата история отъ В. Н. Златарски». Изъ С. Пер. Спис. LIX, 1899.

4) Ср. въ Царегр. газетѣ «Турція», г. V, № 32.

5) Л. Милетичъ сообщилъ мнѣ недавно интересный фактъ, что онъ нашелъ въ одномъ Дамаскинѣ, составленномъ въ Габровѣ въ 1792 г. и содержащемъ болѣе позднія приписки, буквальную копію съ *русскаю* столь попу-

ставленной вѣроятно въ концѣ прошлаго столѣтія, — иногда переходили въ Болгарію и нѣкоторыя старинныя *русскія грамматическія сочиненія*, вродѣ грамматики Смотрицкаго, упоминаемой еще въ 1851 г. извѣстнымъ тогда Скопскимъ учителемъ И. Х. Константиновымъ[1]) и найденной мною въ библіотекѣ отца Неофита Рыльскаго. (Впрочемъ, наши книжники того времени пользовались болѣе грамматикой серба Мразовича). Моя рукопись, очевидно переписанная какимъ нибудь западнымъ болгариномъ, заключаетъ правила о «ѡбуче́ніе чи́ннаго чте́ніѧ и̂ писа́ніѧ», составленныя очевидно для южно-русса. Напр.: «Вмѣсто *ф* не гл҃и *хв*: ꙗ́кѡ Фїлі́ппъ, а̂ не Хвїлі́ппъ, Фараѡ́нъ, а̂ не Хвараѡнъ». Дальше: «Вмѣсто *ѣ* нѐ гл҃и *и*. Ꙗ́ко пѣвцы́, вѣнцы, вѣнчаются, а̂ нѐ пивцы̀, винцы, винча̀ются» и т. д. Интересно, что моя рукопись заключаетъ довольно большой списокъ «рече́ній съ произношеній себѣ подо́бящихся ѡба́че разли́чіе ꙗ́коже въ знаменова́ніи, си́це и̂ писа́ніи и̂мущихъ», между которыми есть много чисто русскихъ словъ, переведенныхъ на болгарскій или для большей ясности на турецкій. Здѣсь на шести страницахъ находимъ мы и спеціально русско-болгарскій словарь, въ которомъ слова сгруппированы безъ всякой системы. Подъ заглавіемъ «Россійскій» приводятся 125 словъ, частію невѣрно переведенныя и большею частію съ неправильнымъ удареніемъ. Мы имѣемъ предъ собой въ данномъ случаѣ, быть можетъ, первый опытъ русско-болгарскаго словаря, какихъ мы встрѣчаемъ затѣмъ еще нѣсколько, начиная съ первой трети вѣка. — Но первые болгарскіе литераторы эпохи мѣстнаго возрожденія не ждали появленія полныхъ русско-болгарскихъ словарей, чтобъ черпать въ богатомъ источникѣ русской литературы, особенно педагогической. Нѣкоторые изъ нихъ, выучившись неизвѣстно гдѣ, по-русски (въ Россіи или въ Румыніи?), занялись переводомъ учеб-

---

лярнаго потомъ и у насъ «Мартына Заде́ка, швейцарскаго старика предсказаніе. СПБургъ 1798». — Копія сдѣлана въ 1825 г. нѣкимъ Даскаломъ «Николчомъ изъ Севлїева, сыномъ Папа Недьова».

1) Цариградскій Вѣстникъ, 1851, № 83.

никовъ, для болѣе сложныхъ потребностей перваго болгарскаго общиннаго училища въ *Габровѣ*, основаннаго переселившимися въ Одессу купцами Априловымъ и Палаузовымъ, съ помощью нѣсколькихъ болгарскихъ патріотовъ въ Букарештѣ. Отчасти самое это мѣсто, откуда пришло только что указанное педагогическое нововведеніе, не могшее не отозваться на цѣломъ ходѣ развитія болгаръ, отчасти русская подготовка иниціаторовъ, должны были естественно втянуть новооткрытое заведеніе въ кругъ русскаго умственнаго вліянія. Это ясно замѣчается и въ первыхъ учебникахъ переведенныхъ для училища, какъ мы сказали уже,— съ русскаго языка.

Основаніе Габровскаго училища составляетъ такимъ образомъ знаменательную дату и въ исторіи болгарской литературы и болгарскаго литературнаго языка вообще, который долго колебался между западно и восточно-болгарскими діалектами. Оно нанесло и послѣдній ударъ приверженцамъ *греческой* школы у насъ. Негодованіе послѣднихъ ясно выражается въ предисловіи къ интересной книгѣ, вышедшей въ 1836 г. въ переводѣ нашего лучшаго тогда эллиниста, Райка Поповича «Христоиѳїя»[1]). Въ высшей степени характерно, что уже тогда поднимается споръ о томъ, *откуда болгаринъ долженъ почерпать высшее образованіе. Долженъ ли онъ предпочитать греческую или русскую литературу?*

Райко Поповичъ не колебаясь предпочитаетъ первую — изъ практическихъ соображеній: «Нѣкоторые «ревнители» говорятъ, что всѣхъ вышеупомянутыхъ писателей[2]), мы можемъ найти по церковнославянски и по русски, и не только ихъ, но и много другихъ... Славянскихъ и Россійскихъ (книгъ) много, но если мы заставимъ дѣтей учиться только по этимъ книгамъ,—они будутъ учиться безъ «сладости» и невозможно, чтобъ въ ихъ сердцахъ породилась какая нибудь «истинна теплота и душевно скло-

1) Христоиоія или благонравіе. Перев. съ греческаго Д. Н. Дарваря. 1836.
2) Подразумѣвая греческихъ.

неніе», потому что Болгарія не имѣетъ никакого отношенія къ Россіи. Некому имъ писать и не отъ кого отвѣтъ получать. Не съ кѣмъ имъ говорить. Тоже самое можно сказать и по отношенію къ славянскому. Поэтому оба эти языка въ Болгаріи мёртвы и недѣйствительны и кажутся имъ ненужными: или даже, если и нужны, то всѣ три,—церковно-славянскій, русскій и болгарскій — остаются мѣстными. Греческому же — молодежь очень радуется и любитъ его, такъ какъ Болгарія неразлучно соединена съ Греціей».

Между первыми приверженцами русскаго вліянія у насъ, нужно упомянуть и переводчика Венелиновой брошюры «О зародышѣ новой болгарской литературы. М. 1838[1]), «губернскаго секретаря» *Михаила Кифалова*, который въ качествѣ русскаго чиновника владѣлъ хорошо русскимъ языкомъ. Въ предисловіи къ своему переводу онъ рекомендуетъ двѣ коренныя реформы: употребленіе гражданскаго шрифта вмѣсто церковно-славянскаго и окончательное опущеніе знаковъ ударенія. Важно, что въ обоихъ случаяхъ онъ ссылается на примѣръ «*россіянъ*». Но Кифаловъ настаиваетъ на томъ, чтобъ не только въ нѣкоторыхъ формальныхъ вопросахъ мы подражали русскимъ, но и заимствовали изъ ихъ богатой литературы, пока у насъ заведутся собственные «Ломоносовы, Карамзины и Венелины». Горячій приверженецъ идеи сближенія между русскими и болгарами, Кифаловъ преподнесъ 50 экземпляровъ своего перевода «въ честь Болгаріи» Санктъ-Петербургской академіи, Московской, Петербургской и Одесской библіотекѣ и «различнымъ великимъ лицамъ».

Первый учитель въ Габровскомъ училищѣ, *Отецъ Неофитъ Рыльскій*, посланный нарочно въ Букарештъ для ознакомленія съ Ланкастерской методой, еще при самомъ открытіи заведенія собралъ 120 учениковъ; нѣкоторые изъ нихъ отправились продолжать свое образованіе уже не въ греческія училища, какъ было до тѣхъ поръ принято,— а въ Россію.

---

1) Заради возрожденіе новой Болгарской науки или словесности etc. Москва 1838.

Этотъ фактъ, такъ хорошо освѣщающій рѣшительную и сознательную перемѣну въ направленіи нашей національно-воспитательной политики, внесенную Априловымъ,— повторился и въ другихъ нашихъ училищахъ, открытыхъ по образцу Габровскаго: въ Пловдивѣ, Копривщицѣ и т. д., благодаря конечно и довольно въ то время снисходительному отношенію турецкаго правительства къ христіанскому населенію, которому султанъ Абдулъ Меджидъ какъ разъ тогда формальнымъ актомъ 22 октября 1839 г., знаменитымъ «Хати-Шерифомъ» обѣщалъ торжественно полноправность.

Переворотъ, совершенный въ Болгаріи въ понятіяхъ о томъ, откуда болгарская молодежь должна черпать свое высшее образованіе, — встрѣтилъ полное сочувствіе въ русскихъ правительственныхъ и особенно въ *славянофильскихъ кругахъ*; послѣдніе, начиная еще съ Погодина, оказывали самую ревностную поддержку нашей учащейся молодежи. Въ этомъ отношеніи, нельзя не отмѣтить и заслуги славянскихъ благотворительныхъ комитетовъ. Изъ записки заслуженнаго одесскаго болгарскаго патріота Н. Палаузова къ А. П. Озерову 1853 года, въ которой доказывается необходимость открытія спеціальнаго духовнаго училища въ Болгаріи, на томъ основаніи, что многіе изъ болгарскихъ молодыхъ воспитанниковъ, кончившихъ семинарію въ Россіи, или не возвращались въ Болгарію, или же не посвящали себя духовному званію,—мы узнаемъ, что еще въ 1840 году (т. е. 5 лѣтъ послѣ открытія Габровскаго училища) послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе принимать ежегодно четырехъ болгаръ, — въ Одесскую духовную Семинарію.

Такъ какъ значительная часть заслугъ Априлова и Палаузова въ созданіи культурнаго русскаго теченія въ Болгаріи, въ противоположность греческому, принадлежитъ первому преподавателю въ ихъ училищѣ, *отцу Неофиту Рыльскому*, то не безынтересно было бы узнать, насколько ему самому были извѣстны условія, при которыхъ приходилось развиваться нашему юношеству и затѣмъ зналъ ли онъ самъ русскій языкъ и могъ ли

пользоваться русской литературой? — На этотъ послѣдній вопросъ, можно, думаю, отвѣтить утвердительно, хотя мы еще не имѣемъ полной біографіи патріарха нашихъ педагоговъ. Неизвѣстно, посѣщалъ ли Неофитъ Россію, но судя по русскимъ цитатамъ и замѣткамъ о русскомъ языкѣ въ предисловіи къ его Грамматикѣ [1]), при которой находимъ, въ качествѣ приложенія, и маленькій словарь турецкихъ словъ въ переводѣ на болгарскій и «*россійскій*»; судя затѣмъ по запискамъ Григоровича, который въ 1845 г. имѣлъ случай видѣться съ Неофитомъ въ Рыльскомъ монастырѣ, послѣдній еще въ тридцатыхъ годахъ не былъ профаномъ въ русскомъ языкѣ, по крайней мѣрѣ въ грамматической литературѣ [2]). Впослѣдствіи отецъ Неофитъ успѣлъ обогатить свою библіотеку русскими книгами, какъ видно, изъ его собственноручнаго каталога, печатаемаго нами теперь въ предстоящемъ 16 томѣ министерскаго «Сборника за нар. умотворенія etc.».

Когда Неофитъ былъ назначенъ учителемъ въ Габровскомъ училищѣ, онъ былъ уже человѣкомъ зрѣлаго возраста, около 42 лѣтъ, при томъ онъ представлялъ такую силу въ эту эпоху, что его отсутствіе изъ Болгаріи почувствовалось бы какъ большая потеря. Извѣстно, что послѣ того, какъ онъ оставилъ Габровское училище, онъ былъ позванъ въ Копривщицу и т. д. Эта его апостольская миссія и его уже не молодые годы воспрепятствовали, навѣрное, Палаузову и Априлову предложить ему дополнить свое образованіе въ Россіи. Но уже о Неофитовомъ ученикѣ З. Княжескомъ, замѣстникѣ его въ Габровѣ, Венелинъ

1) Болгарска Грамматика сега перво сочинена etc. Крагуевацъ, 1835.

2) Вотъ что пишетъ Григоровичъ op. cit., стр. 129: «Отецъ Неофитъ замѣчательный автодидактъ. Родомъ изъ Бани, что въ Разложскомъ округѣ, съ ранней юности онъ посвятилъ себя духовному званію. Одаренный пытливостью и твердымъ характеромъ, при самыхъ ограниченныхъ средствахъ, онъ пріобрѣлъ познанія, кромѣ славянскаго, въ греческомъ древнемъ и новомъ, *русскомъ* и сербскомъ языкахъ. Нельзя повѣрить, какъ малы пособія, которыми пользовался онъ въ своихъ трудахъ. Въ русскомъ языкѣ напр. одинъ лексиконъ и письмовникъ Курганова были его постоянными руководителями, съ которыми онъ успѣлъ столько, что выражается нашимъ языкомъ съ замѣчательною легкостью».

сообщаетъ, что его «г-нъ Палаузовъ и Априловъ выписали на два года въ Одессу для усовершенія въ наукахъ»[1]). Съ той же цѣлью съ тридцатьдевятаго года рѣшаются и другіе ученики Неофита учиться въ Россіи и прежде всего въ Одессѣ. И съ тѣхъ поръ наплывъ нашей молодежи въ русскія учебныя заведенія постоянно увеличивается.

Вотъ какъ описываетъ упомянутый Захарій Княжескій въ одной запискѣ, составленной имъ и напечатанной въ «Письмахъ къ М. П. Погодину изъ Славянскихъ земель» (М. 1880, выпускъ III, стр. 712—3), первые шаги нашихъ учениковъ въ Россіи: «Молодые болгаре съ 1839 года какъ трудолюбивыя пчелы нашли..... въ Россіи для себя изобилующихъ медомъ цвѣтовъ, не щадя ни издержекъ, ни здоровье свое, всячески старались пріобрѣсть по возможности всего того, что нужно для любимой ихъ родинѣ: мы съ удивленіемъ смотрѣли на необыкновенныя ихъ занятія, и нелицемѣрной приверженности къ Болгаріи, каждый изъ нихъ безкорыстно старался принести ей свою лепту. Въ 1845 году уже два изъ нихъ окончили полный курсъ наукъ, одинъ въ Ришельевскомъ Лицеѣ, Найденъ Геровъ, другой въ Одесской Семинаріи, Захарій Княжескій».

О Найденѣ Геровѣ, который послѣ окончанія своего ученія, сдѣлался учителемъ въ своемъ родномъ городкѣ и самымъ дѣятельнымъ распространителемъ *русскаго языка,* скажемъ нѣсколько словъ дальше; здѣсь остановимся на другомъ изъ первыхъ окончившихъ въ Россіи учениковъ Неофита, именно Захаріи Княжескомъ, которому особенно принадлежитъ заслуга распространенія *русскихъ книгъ* въ народѣ около 50-хъ годовъ этого вѣка.

Изъ одного очень интереснаго его письма къ Погодину, писаннаго въ 1847 г.[2]), мы узнаемъ, что «послѣ окончанія полнаго курса наукъ» онъ получилъ «отъ болгаръ приказаніе отправиться не въ Болгарію, а въ С.-Петербургъ, для исходатайствованія

1) О зародышѣ, стр. 43.

2) Письма къ М. П. Погодину изъ слав. земель (1835—1861). Съ примѣчаніями Д. Ч. Нила Попова, М. 1880, вып. III, 709 сл.

отъ высшаго начальства нѣкоторыхъ пособій относительно къ образованію Болгаръ».

Получивши такую миссію (отъ какихъ болгаръ, не говорится опредѣленно) онъ отправился въ столицу, гдѣ пробылъ отъ 20 Января 1846 г. до 25 Апрѣля 1847 г. и успѣлъ дѣйствительно исходатайствовать цѣлый рядъ пособій, состоящихъ изъ: 1) *стипендій* для болгарскаго юношества и не только въ духовныхъ училищахъ, но и въ С.-Петербургскомъ Университетѣ, Медико-хирургической Академіи и въ Практическомъ Технологическомъ Институтѣ. Эти щедрыя пожертвованія такъ важны и такъ характерны, какъ проявленіе уже очень живой симпатіи русскаго правительства и общества къ образовательнымъ стремленіямъ болгаръ, что я себѣ позволю привести пассажъ изъ вышеупомянутаго письма Княжескаго къ Погодину, гдѣ подробно вычисляются всѣ пожертвованія съ обозначеніемъ жертвователей [1]).

«1) Въ теченіе этихъ 15 мѣсяцевъ я исходатайствовалъ 13 казенныхъ вакансій для болгарскаго юношества. А именно въ С.-П-бургской и Московской Семинаріяхъ по 4 человѣка чрезъ каждые 2 года и по окончаніи курса семинарскихъ наукъ переводить оныхъ въ Духовныя Академіи С.-П-бургскую и Московскую, а изъ Одесской Семинаріи переводить въ Кіевскую Академію, и такъ эти 14 болгаръ будутъ принимаемы въ Константинополѣ въ нашемъ посольствѣ и отправляемы на казенный счетъ въ упомянутыя Духовныя заведенія, такимъ же образомъ и по окончаніи курса будутъ возвращаемы въ Болгарію на сумму Духовно-учебныхъ капиталовъ.

2) Въ С.-П-бургскомъ университетѣ одну вакансію казенную навсегда для болгарскихъ юношей.

3) Двѣ казенныхъ вакансіи навсегда въ Императорской Медико-Хирургической Академіи.

4) Въ Практическомъ Технологическомъ Институтѣ двѣ вакансіи навсегда.

---

1) Ib., стр. 710—712.

5) Св. Синодъ пожертвовалъ всѣ свои изданія по 1 экз. для Болгарской Публичной Библіотеки на сумму 750 р. сер.

6) Медицинская Академія пожертвовала около 60 названій книгъ отъ своихъ изданій.

7) Духовная Академія также пожертвовала за всѣ годы «Христіанское чтеніе» по 2 экз. которыхъ и въ будущее время будетъ отпускать онымъ.

8) Топографическое Депо также отпустило безвозмездно 65 экз. картъ и плановъ для болгарскихъ училищъ.

9) Также пожертвовано для Библіотеки «Полное собраніе Россійскихъ Законовъ и Свода Законовъ» 1842 г. въ чистомъ переплетѣ 115 томовъ огромныхъ.

10) Министерство Нар. Пр. пожертвовало по 1 экз. своихъ изданій для всѣхъ болгарскихъ училищъ, кромѣ того отпустило за всѣ годы своего журнала и впередъ будетъ отпускать онаго по 2 экз.

11) Министерство Вн. Дѣлъ также отпустило и будетъ отпускать своего журнала по 2 экз.

12) Департаментъ Мануфактуры отпустилъ за всѣ годы своего журнала и навсегда будетъ отпускать онаго, кромѣ того отпустилъ два ящика (sic) земледѣльческихъ моделей.

13) Императорское Вольное Общество пожертвовало для всѣхъ болгарскихъ училищъ по 1 экз. изъ всѣхъ своихъ трудовъ и изданій.

14) Императорская Академія Наукъ также пожертвовала до 200 названій изъ своихъ кладовыхъ для Болгаріи.

15) *Отъ частныхъ лицъ собрано болѣе 30 пудовъ книгъ разнаго содержанія.*

16) Св. Синодъ пожертвовалъ для Болгаріи изъ Моск. Син. Типографіи *два станка* для болгарской типографіи и 4 сорта славянскаго шрифта, матрицы и 4 гражданскаго шрифта.

17) Кромѣ того по моей просьбѣ Св. Синодъ послалъ указы митрополитамъ С.-П-бургскому, Московскому и Кіевскому и 10 архіепископамъ и епископамъ, дабы каждый изъ нихъ предло-

жилъ церквамъ въ своей епархіи пожертвовать для болгарскихъ бѣдныхъ церквей всякія священническія облаченія, Евангелія, кресты, чаши, дискосы, воздухи и все принадлежащее къ церковному украшенію, что изъ С.-П-бургской Епархіи отправлено уже 30 яхчыковъ (sic) въ Одессу таковыхъ облаченій и посудъ.

18) Журналы «Современника» и «Финскаго Вѣстника» отпущены за всѣ годы и впередъ будутъ отпускаться.

Длинный списокъ Княжескаго и характеръ подаренныхъ предметовъ показываютъ, что русское правительство и общество отнеслись съ полнымъ довѣріемъ къ миссіи уполномоченнаго болгарами делегата. Изъ переписки Княжескаго съ Погодинымъ видно, что послѣдній особенно ему помогъ своими рекомендаціями, хотя инціатива и не принадлежитъ ему. (Въ одномъ письмѣ 23 Августа 1847 г. Погодинъ именуется «Милостивымъ отцомъ всѣхъ Болгаръ»)[1]). Несомнѣнно, что и другіе вліятельныя лица поддержали просьбу Княжескаго, иначе матеріальный успѣхъ не былъ бы столь блестящъ. Самая идея делегата — не только добыть побольше правительственныхъ стипендій, но и основать центральную народную библіотеку въ Старой-Загорѣ, встрѣчена была всюду сочувственно. Однакоже проекты Княжескаго не осуществились вполнѣ. Неизвѣстно почему, идея центральной библіотеки осталась только на бумагѣ. Помѣшало ли, въ данномъ случаѣ, турецкое правительство или греческое духовенство, — нельзя сказать съ увѣренностью; но что эта неудача столь прекраснаго плана не зависѣла отъ воли самого Княжескаго, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, въ виду искренняго патріотизма, который онъ показалъ и впослѣдствіи во многихъ случаяхъ. Несмотря на все это, подаренныя книги, хотя и не послужили для основанія всенародной библіотеки, не пропали безслѣдно. Какъ мнѣ удалось узнать, онѣ были распространены самимъ Княжескимъ по библіотекамъ нѣсколькихъ училищъ, гдѣ и теперь есть слѣды ихъ. Кто знаетъ, можетъ быть, разрозненныя

1) Письма къ М. П. Погодину, etc. вып. III, стр. 716.

такимъ образомъ, эти книги принесли больше пользы, чѣмъ еслибъ онѣ были спрятаны въ *одной* хотя и центральной библіотекѣ.

Все это заставляетъ насъ считать Княжескаго, дѣйствительно, не только самымъ раннимъ, но и однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ распространителей русской литературы между болгарами. Привезенныя Княжескимъ и подаренныя разнымъ болгарскимъ городамъ русскія книги, вмѣстѣ съ добытыми во время военныхъ походовъ и черезъ монастыри, при всей своей пестротѣ, составляли уже нѣкоторую, хотя и слабую основу для желающихъ сколько нибудь познакомиться съ русской литературой.

Оставалось только, чтобъ нашлись лица, которыя распространили бы и *знаніе русскаго языка*, послѣ того какъ была распространена *русская книга*.

Эту важную задачу первый взялъ на себя *Найденъ Геровъ*, товарищъ Княжескаго, окончившій вмѣстѣ съ нимъ ученіе, и назначенный еще въ 1846 г. учителемъ въ Копривщицѣ, гдѣ между другими предметами преподавалъ и русскій языкъ.

Примѣру Герова послѣдовали и другіе русскіе воспитанники, позднѣе окончившіе и имѣвшіе случай послужить своему отечеству въ качествѣ учителей: *Ботьо Петковъ* въ Калоферѣ, *Отецъ Атанасій Чолаковъ* въ Панегюрищѣ, *Димитрій Поповъ* въ Карловѣ, *Никифоръ Константиновъ* въ Еленѣ и Пазарджикѣ, *Н. Михайловскій*, *Момчиловъ* и др. — Біографъ современнаго болгарскаго писателя Вазова говоритъ ясно, что послѣдній учитель поэта въ Сопотѣ, Партеній Бѣлчевъ, воспитанникъ Кіевской духовной семинаріи, «что бы сдѣлать доступными своимъ ученикамъ богатства русской литературы, рѣшился учить ихъ по русски и ввелъ въ свои классы обязательное обученіе русскаго языка»[1]).

Всѣ эти учителя, окончившіе свое образованіе въ Россіи, были принуждены, при тогдашней бѣдности нашей педагогиче-

1) См. Юбилеятъ на Ив. Вазова, стр. 4.

ской литературы, употреблять русскіе учебники, изъ которыхъ диктовали своимъ ученикамъ, а иногда давали имъ въ руки и самый оригиналъ.

Однако надо замѣтить, что исключая Найдена Герова, который пріѣхалъ въ Болгарію уже русскимъ подданнымъ, другіе учителя, по скольку мнѣ извѣстно, не осмѣливались преподавать русскій языкъ какъ отдѣльный предметъ, а подъ названіемъ Староболгарскаго. Единственный примѣръ, гдѣ русскій языкъ предвидѣлся какъ спеціальный предметъ въ учебномъ планѣ нашихъ училищъ, я встрѣтилъ до сихъ поръ только въ Старозагорскомъ дѣвичьемъ классномъ училищѣ, основанномъ первыми нашими дѣвушками, получившими гимназическое образованіе въ Россіи.

Какъ бы то ни было, оффиціально или тайно, преподаваніе русскаго языка идетъ непрерывно, можно сказать, со времени Найдена Герова; вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивается и количество русскихъ книгъ.

Каждый русскій воспитанникъ естественно привозилъ съ собой хотя маленькую библіотечку учебниковъ и другихъ сочиненій. Такъ напр. І. Груевъ, бывшій директоръ Народнаго Просвѣщенія въ Восточной Румеліи, сообщаетъ мнѣ, что онъ пользовался русскимъ журналомъ «Библіотека для чтенія», найденнымъ имъ между русскими книгами Герова. Нѣкоторыя училища и частныя лица прибѣгали къ добрымъ услугамъ русскихъ дипломатическихъ представительствъ, которыя съ удовольствіемъ брали на себя легкую и безопасную для нихъ коммиссіонерскую должность. Преимущественно такимъ образомъ доставлялись книги Габровской гимназіи. Кромѣ того и старые способы добыванія изъ Россіи книгъ продолжали практиковаться. Часто и въ эту эпоху книги переносились *монахами*. Такъ въ 1863 г., когда отецъ Герасимъ Рыльскій отправился въ Россію собирать подаяніе на Арабовскій монастырь, Груевъ попросилъ его купить ему нѣкоторыя сочиненія новѣйшихъ русскихъ писателей. Русскія книги разносилъ по Болгаріи первый нашъ книгопродавецъ, *Хаджи Найденъ Іовановичъ* изъ Татаръ-Пазарджика

(книгопродавецъ по всей Болгаріи). Наконецъ не нужно забывать, что нѣкоторыя училищныя библіотеки снабжались русскими книгами черезъ посредство своихъ согражданъ, проживавшихъ за границей.

Какія именно книги, кромѣ учебниковъ доставлялись, едва ли когда нибудь можно будетъ точно установить; но что попадались иногда и беллетристическія произведенія, видно изъ интересныхъ записокъ Любена Каравелова въ его газетѣ «Знамя»[1]), гдѣ онъ разсказываетъ какъ началъ изучать русскій языкъ въ Пловдивѣ около 1849—1850 г. съ помощью случайно найденныхъ книгъ. Надо все-таки констатировать, что между русскими книгами, извѣстными Каравелову еще изъ Пловдива («Рыцари Лебедя или дворъ Великаго Карла», «Жизнь Наполеона Бонапарта», «Превращенія Овидія», «Разговоры россійско-греческо-французскіе») не упоминается ни одинъ изъ русскихъ беллетристовъ или поэтовъ. Груевъ ясно утверждаетъ, что кромѣ учебниковъ у большинства тогдашнихъ учителей, окончившихъ образованіе въ Россіи, рѣдко имѣлись другія книги. Болѣе посчастливилось только Вазову съ его послѣднимъ учителемъ въ Сопотѣ, упомянутымъ Партеніемъ Бѣлчевымъ. Этотъ наивный и восторженный идеалистъ часто декламировалъ громогласно ученикамъ своимъ стихотворенія Державина, Ломоносова, Хомякова и другихъ русскихъ поэтовъ[2]). Однако П. Бѣлчевъ былъ исключеніемъ, при томъ же онъ былъ сравнительно моложе. Вообще интересъ къ русской беллетристикѣ и поэзіи у большинства нашихъ старыхъ русскихъ воспитанниковъ, кажется, необыкновенно слабымъ.

Этимъ объясняется главнымъ образомъ и поразительная скудость переводовъ изъ русской изящной литературы, вообще, а также случайность выбора.

За всю эпоху отъ 40-хъ до 60-хъ годовъ, когда подростаетъ

---

1) *Знаме*, Букурещъ, 1874, № 3, стр. 11.
2) Юбилеятъ на Ив. Вазова etc. стр. 5.

новое поколѣніе, съ новыми стремленіями и общественными идеалами и когда подготовляется почва для нашей эмигрантской литературы, съ Любеномъ Каравеловымъ во главѣ, — мы находимъ только два-три перевода русскихъ беллетристическихъ сочиненій: «*Дворянскіе Выборы*», (комедія водевиль въ 1 дѣйствіи. Кишиневъ 1843), «*Бѣдная Лиза*» Карамзина («Сирота Цвѣтана», повѣсть Карамзина «поболгаренная» І. Груевымъ и «*Райна, Королева Болгарская*» Вельтмана (въ перев. Ел. Мутьевой и І. Груева).

Дѣйствительно въ тѣ годы, которые мы теперь изучаемъ, болгарская литература развивалась главнымъ образомъ при посредствѣ газетъ и журналовъ, но и въ періодической печати мы не находимъ ни одного важнаго произведенія русской изящной литературы. Что особенно характерно, это то, что почти всѣ наши писатели держатся какихъ то допотопныхъ представленій о русской беллетристикѣ. Изъ всего видно, что Карамзинъ еще самый новый изъ извѣстныхъ тогда у насъ русскихъ авторовъ. — 1858 г. Груевъ «поболгариваетъ» его «Бѣдную Лизу», но еще пять лѣтъ раньше Т. Н. Шишковичъ объявляетъ въ «Цареградскомъ Вѣстникѣ» (1853, № 148), что начнетъ изданіе «Библіотека для Чтенія» съ выдержками изъ разныхъ книгъ; въ ней онъ имѣлъ намѣреніе помѣстить какую то статью о «Петрѣ Первомъ русскомъ Царѣ» и свои записки изъ Карамзинскихъ «Переводовъ» и «Сочиненій». По неизвѣстнымъ причинамъ эта Библіотека не вышла въ свѣтъ; однако въ фельетонѣ той же газеты (№ 154) мы находимъ, какъ образецъ, переводъ изъ Карамзина «островъ Борнгольмъ» (перевелъ Т. Н. Шишковичъ, разсказъ русскаго путешественника К.).

Познанія нашихъ литераторовъ того времени о русской беллетристикѣ видимо остановились еще въ пятидесятыхъ годахъ на Карамзинѣ, хотя уже прошло полтора десятка лѣтъ со смерти Пушкина!

Впрочемъ и за то еще приходится быть благодарнымъ, такъ какъ въ случайныхъ цитатахъ газетныхъ статей и корреспон-

денцій обнаруживаются еще болѣе архаичныя понятія. Такъ напримѣръ старый *Кипиловскій*, переводчикъ первыхъ учебниковъ для Габровскаго училища, въ одномъ письмѣ 1850 года, въ которомъ возмущается по поводу нововведеній въ правописаніи и языкѣ, приводитъ въ доказательство того, что сложная ороографія не мѣшаетъ литературѣ развиваться, — великую славу русскихъ «просвященныхъ мужей» Димитрія Ростовскаго, Платона и Державина! — Добродушный Кифаловъ мечтаетъ въ 42 году, какъ бы намъ имѣть своихъ Ломоносовыхъ. Даже еще учитель Вазова въ 1865 году, декламируетъ своимъ ученикамъ главнымъ образомъ изъ Державина и Ломоносова. Но всего характернѣе что въ 1853 году (№ 134 Царегр. Вѣстника) извѣстный труженикъ по Скопскому возрожденію, Іорданъ Хаджи Константиновъ (Джинотъ)[1]) называется:

«*Философъ Скопскій*
Нашъ Тредьяковскій!»

И редакція отмѣчаетъ — что это «похвальные стихи» ученыхъ въ Цариградѣ.

Всѣ эти курьезные факты наводятъ насъ на мысль, что наши писатели середины этого столѣтія не только не имѣли возможности, но и *желанія* познакомиться съ болѣе новой русской литературой послѣ Карамзина и пользовались главнымъ образомъ тѣмъ, что находили въ училищныхъ библіотекахъ, часто непополняемыхъ со времени Княжескаго.

Къ этимъ устарѣлымъ понятіямъ подходитъ вполнѣ и первая статейка, которую находимъ въ нашей печати — о русской литературѣ. Она была помѣщена въ Цареградскомъ Вѣстникѣ еще въ 1848 году (Д. № 13) и представляетъ для насъ интересъ не только по своей наивности, некритичности и архаичности, но и потому, что была напечатана подъ редакціей Ивана Андреова (позже Д-ра Богорова), который въ качествѣ русскаго воспитан-

1) Ср. Български Прегледъ, III, кн. 4, стр. 85 сл. Статья В. Кличева.

ника, долженъ былъ бы хоть знать, что Пушкинъ не *сатирикъ!* Эта статья важна между прочимъ и потому, что она до появленія «Исторіи Славянскихъ Литературъ» Йорд. Иванова[1]), осталась единственнымъ общимъ обзоромъ русской литературы; поэтому я позволю себѣ привести изъ нея обширныя выдержки.

«Тотъ кто желаетъ глубже изслѣдовать и правильно судить о литературѣ другого народа, долженъ вспомнить когда она была въ пеленкахъ. Рожденіе просвѣщенія въ Россіи считается со времени Великаго Петра, а прежде этого славнаго самодержца, просвѣщеніе существовало только въ монастыряхъ, откуда появились русскія сочиненія, большей частью русскаго клира, между которыми и лѣтопись монаха Нестора...

«Такъ какъ переводы дѣлались большей частью съ греческаго, поэтому старо-русскій языкъ очень похожъ на греческій...

«Въ то время вышло въ свѣтъ много басень и героическое стихотвореніе съ надписью «Разказваніе за бойтъ на Князь Игоря къ Половцитѣ», чудное стихотвореніе старыхъ книжниковъ...

«Наконецъ вышли различныя *трагедіи*, которыя приписываются стихотворцу *Бѣгію* (sic), котораго называютъ соловьемъ всѣхъ временъ, хотя многіе изъ молодыхъ спорили, что это имя относится въ Россіи ко всѣмъ стихотворцамъ, которые пѣли на Царскихъ праздникахъ подвиги царскихъ намѣстниковъ».

«Наконецъ остроумный мужъ Великій Петръ познавъ, что правители чѣмъ болѣе учены, тѣмъ болѣе бываютъ славны и благополучны, положилъ основу въ С.-Петербургѣ первой русской Академіи, которую онъ не могъ видѣть оконченной, такъ какъ былъ унесенъ смертью среди своихъ безсмертныхъ трудовъ».

«Во время Великаго Петра жилъ Новгородскій митрополитъ Теофилъ (sic) Прокоповичъ, замѣчательный первосвященникъ по своему большому образованію и церковному краснорѣчію. Онъ всѣмъ сердцемъ помогъ добрымъ идеямъ этого управителя, со-

1) История на Славянскитѣ литератури. Отъ Йорданъ Ивановъ. Пловдивъ, 1896 г.

вѣтникомъ котораго онъ былъ. Между оставшимися сочиненіями этого первосвященника есть и надпись (sic) на гробѣ Петра Великаго, которая считается первымъ ораторскимъ произведеніемъ» (Говореніе на ораторство). «Труды Великаго Петра въ пользу просвѣщенія русскаго народа, скоро принесли ожидаемыя послѣдствія. Такъ какъ скоро послѣ этого въ Россіи появился первый литературный памятникъ, Сатиры Князя Антіоха Кандемирова (sic), родившагося въ Цареградѣ 1709 г., сына Молдавскаго управителя Димитрія Кандемира, который перешелъ на русскую службу и воспиталъ сына своего Антіоха въ русской Академіи въ С.-Петербургѣ, основанной Петромъ Великимъ. Многіе молодые критики сравниваютъ Князя Кандемира съ Горацiемъ, которому онъ «весьма разумно» въ многихъ мѣстахъ подражалъ».

«1710 г. появился *нѣкій новый, называвшійся Ломоносовымъ*, очистилъ русскій языкъ отъ чужихъ словъ и выраженій («фразове»). Первый онъ написалъ русскую грамматику, составилъ ораторское руководство и сочинилъ всевозможныя стихотворенія. Чудесное величіе фантазіи блещетъ повсюду въ его стихотвореніяхъ, а больше всего въ стихотвореніи, носящемъ названіе «*Трагедіи Міра*», въ которомъ, по мнѣнію критиковъ, находятся различныя и чудесныя «стихотворства». Въ 1803 г. Академія художествъ (авторъ пишетъ «академія на занаятитѣ», что значитъ собственно А. *ремеслъ*!) напечатала третье изданіе его сочиненій въ шести частяхъ».

«Во время царицы Елизаветы или 1750 г. была введена въ Россіи мелодрама Оеодора Волкова и немного позже поэзія Сумарокова, которыя создали въ Россіи первый русскій театръ, по приказанію этой царицы. Но эта эпоха предшествовала другой болѣе свѣтлой,— эпохѣ царицы Екатерины Второй, которая не только поощряла и подкрѣпляла просвѣщеніе во всемъ своемъ царствѣ, но и сама, часто занимаясь языками и искусствами, отдыхала отъ гражданскихъ тревогъ. Эта славная управительница своимъ примѣромъ вдохнула такое стремленіе къ ученію своему народу, что въ ея царствованіе, открылась въ Москвѣ первая

публичная типографія Новикова, въ которой были переведены и вышли въ свѣтъ почти всѣ эллинскія стихотворенія и сочиненія».

«Съ этой славной эпохи появились въ Россіи разные стихотворцы и писатели на *различныхъ языкахъ*, между которыми и одинъ изъ баснописцевъ, Крыловъ, *сатирикъ* (sic) Пушкинъ, книжовникъ Гнѣдичъ и опый который очистилъ и исправилъ русскій языкъ отъ чужихъ словъ и фразъ, знаменитый исторіографъ этого народа Карамзинъ и разные церковные писатели, какъ то архіепископъ Петербургскій и Новгородскій Михаилъ Дѣспинскій, Московскій Филаретъ, Казаньскій Амвросій, Кіевскій Евгеній и мн. другіе, число и описаніе которыхъ не есть нѣчто для краткаго описанія въ Періодическомъ изданіи».

Вотъ каковы познанія нашихъ «ученѣйшихъ мужей» по русской литературѣ около середины нашего вѣка! — Не слѣдуетъ впрочемъ забывать, до какой степени невѣрныя воззрѣнія встрѣчаются у насъ на отдѣльныя явленія въ русской литературѣ, даже въ 70-хъ годахъ, даже въ руководствахъ по словесности Шишкова и Войникова, которые приводятъ въ числѣ самыхъ великихъ русскихъ драматурговъ *Тургенева*. Шишковъ, составившій свое руководство главнымъ образомъ по Минину и наполнившій его цѣлой кучей образцовъ изъ русскихъ поэтовъ въ оригиналѣ, преспокойно пишетъ: «Русскіе Пушкинъ, Кукольникъ, Островскій, Писемскій, а самый новый между ними талантливый писатель (драматикъ) появился *Тургеневъ*[1]). Тоже самое твердитъ годъ позже и Войниковъ: «Самые извѣстные драматическіе поэты у русскихъ суть: Пушкинъ, Островскій и Тургеневъ»[2]).

До сихъ поръ мы слѣдили за вліяніемъ главнымъ образомъ русской *прозы* на болгарскую и констатировали, что вліяніе это весьма слабо.

Посмотримъ теперь, насколько сильно было вліяніе русской *поэзіи* и въ чемъ оно состояло. Для этой цѣли мы пересмотрѣли

1) Елементарна словесность въ два Курса отъ Т. Н. Шишкова, т. I. Цградѣ 1873, стр. 187.

2) Ржководство за Словесность отъ Д. П. Войникова, Віена 1874, стр. 217.

всѣ поэтическіе опыты, напечатанные въ нашихъ старыхъ періодическихъ изданіяхъ, въ особенности въ первомъ и второмъ томѣ «Царегр. Вѣстника». И тутъ дѣйствительно оказалось, что есть громадная разница между произведеніями нашихъ болѣе старыхъ «дидаскаловъ» поэтовъ и первыми стихотвореніями Славейковыхъ и Чинтуловыхъ, явно уже подражающихъ русскимъ.

Вообще нигдѣ русское вліяніе въ нашей болѣе старой литературѣ нельзя такъ ясно прослѣдить, какъ въ поэзіи. Тутъ можно дѣйствительно говорить о настоящемъ переворотѣ. Не трудно замѣтить коренную перемѣну какъ въ идеяхъ такъ и въ формѣ, какъ въ чувствахъ, выражаемыхъ поэтомъ, такъ и въ манерѣ ихъ передачи. Поэтическій стиль отличается рѣзко отъ стиля предыдущей эпохи. При этомъ первый разъ являются и настоящіе талантливые поэты. При пересмотрѣ «Царегр. Вѣстника» легко замѣтить, что подвизающіеся въ немъ поэты почти безъ исключенія «даскали». Общую черту всѣхъ этихъ пѣвцовъ составляетъ ихъ безъидейность. Ихъ стихотворенія похожи между собой какъ двѣ капли воды и по бездарности и по безсодержательности.

Вдругъ на страницахъ этого самого «Цареградскаго Вѣстника» единовременно появляются *Славейковъ* и *Чинтуловъ* и поэзія какъ бы по мановенію магическаго жезла совершенно преображается. Подъ чьимъ вліяніемъ происходитъ этотъ переломъ, указано ясно Славейковымъ, напечатавшимъ въ 49 году стихотвореніе *Гробъ* («*отъ русски*»)[1]). Стихи Чинтулова «*Проводы болгарина изъ Одессы*»[2]) также прекрасно показываютъ, кто были учителями поэта. — Славейковъ еще борется съ трудностями новой поэтической формы, къ которой не привыкъ. Какой прогрессъ въ техническомъ отношеніи между только-что указаннымъ переводомъ и изящнымъ переводомъ того же Славейкова Пушкинской сказки «О рыбакѣ и рыбкѣ!» Какъ бы нарочно для того, чтобы сдѣлать указанный переворотъ болѣе наглядымъ, Сла-

1) Царегр. Вѣстникъ, 1849, № 43.

2) Id. 1849 г., № 59. Стих. Д. П. Ч. «Испроводякъ на едного българина изъ Одесса».

вейковъ (тогда Славейскій) оставилъ намъ нѣсколько стихотвореній, писанныхъ въ старой даскалской манерѣ; одно изъ нихъ было даже напечатано въ томъ же 1849 году подъ заглавіемъ: «Второй Тырновскій пожаръ». Никто бы не повѣрилъ, что это стихотвореніе переводчика «Гроба».

Чинтуловъ, въ качествѣ русскаго воспитанника, еще съ юношескихъ лѣтъ испытавшій на себѣ вліяніе русской поэзіи, естественно уже въ первыхъ своихъ стихотвореніяхъ обнаружилъ большее мастерство формы, чѣмъ Славейковъ, автодидактъ, научившійся русскому языку въ Болгаріи. Однако позднѣе Славейковъ въ этомъ отношеніи далеко превзошелъ и Чинтулова и всѣхъ болѣе молодыхъ поэтовъ. Не удовлетворившись рабскимъ подражаніемъ русской поэзіи, онъ попробовалъ создать оригинальный болгарскій поэтическій стиль.

Стихотворенія, написанныя въ новой манерѣ, скоро пресѣкли струю даскальской поэзіи, которая съ 1852 г. перестаетъ наполнять столбцы Цареградскаго Вѣстника. Характерно, что на ея мѣстѣ появляются прекрасныя, чисто-народныя пѣсни. А рядомъ встрѣчаемъ даже переводы изъ Шиллера (Des Mädchens Klage) и изъ Гете (Вильгельмъ Мейстеръ; «Kennst du das Land»). Переводчикъ этой пѣсни, опять русскій воспитанникъ Н. Катрановъ—прототипъ Тургеневскаго Инсарова, къ несчастью умершій прежде чѣмъ развилась его богато одаренная натура.

Слѣдующему поколѣнію поэтовъ осталось только продолжать начатую еще въ 50-хъ годахъ реформу, сдружившись еще тѣснѣе съ русской музой.

При другихъ условіяхъ новое теченіе произвело бы реакцію; но отсутствіе всякой литературной традиціи, какихъ бы то ни было вліятельныхъ литературныхъ школъ — сдѣлало торжество новыхъ поэтовъ очень легкимъ.

Замѣтимъ здѣсь интересный фактъ, что въ 50-хъ-годахъ ходили въ народѣ нѣкоторыя русскія пѣсни даже въ *оригиналѣ*. Такъ напримѣръ въ одномъ маленькомъ моемъ рукописномъ сборникѣ пѣсенъ («собранныхъ въ лѣто Христово 1850»), находимъ

между прочимъ «Боже царя храни» и при томъ въ варіантѣ, который только отчасти напоминаетъ гимнъ Жуковскаго и подобное стихотвореніе Пушкина[1]). Курьезно, что русскій гимнъ, перенесенный въ Болгарію какимъ нибудь русскимъ воспитанникомъ, послужилъ позднѣе другому русскому воспитаннику для составленія по его образцу «Молитственной пѣсни о здоровіи и долгоденствіи милостивѣйшаго Султана Абдулъ Меджида», пропѣтый на экзаменѣ учениками Габровской школы, «такъ хорошо и умильно, что многіе присутствующіе, мужчины и женщины, отъ умиленія пролили слезы»[2]).

Тѣсныя рамки этого изслѣдованія не позволяютъ намъ прослѣдить основательнѣе ростъ русскаго вліянія послѣ 60-хъ и 70-хъ годовъ. Извѣстно, что новая школа успѣла чрезъ русскихъ воспитанниковъ Богорова, Бурмова и др. овладѣть самымъ вліятельнымъ нашимъ литературнымъ органомъ «Цариградскими Книжицами». Старая реакція, исходившая отъ Райно Поповича, основывавшаяся только на чисто практическихъ доводахъ, давно замолкла. Никто не смѣетъ уже твердить, что изученіе *греческаго* языка полезнѣе для болгаръ, чѣмъ русскаго. Вопросъ идетъ теперь иногда только о томъ, кому отдать предпочтеніе — Востоку (Россіи) или Западу? Но если послѣ 60-го года начинается новая реакція, то она имѣетъ скорѣе политическій характеръ и вытекаетъ изъ здравыхъ принциповъ національной независимости. Особенно сильно отражается политическая реакція въ органѣ церковной Уніи, «*Болгаріи*», которая не можетъ и относительно литературы и языка не поддерживать теченіе, противное русско-православному. Не менѣе враждебно настроена и партія «молодыхъ», органомъ которой служила газета «*Турція*»[3]). Здѣсь мы видимъ болѣе сознательное отношеніе къ задачамъ, связаннымъ съ нашими политическими отношеніями, въ особенности къ вопросу о литературѣ и языкѣ, но редакція очевидно опоздала

1) Сочин. А. С. Пушкина. Изд. общ. для пособ. нужд. литер. etc. т. I, 155.
2) Цар. Вѣстн. ч. VIII, 1858, № 391.
3) Турція, ч. IX, № 23, 39.

съ своей проповѣдью принципа, высказаннаго въ первый разъ, въ одной корреспонденціи «Цар. Вѣстника», именно «что намъ не нужно искать просвѣщенія у русскихъ, которые отстали въ просвѣщеніи 4 столѣтія назадъ отъ другихъ европейцевъ».

Сильная противо-русская тенденція проявляется и въ цѣломъ рядѣ статей и корреспонденцій въ газетѣ Раковскаго «Дунавскій Лебедь», но онѣ не затрогиваютъ языка и литературы и заключаютъ въ себѣ исключительно нападки противъ Россіи за то, что она манитъ болгаръ переселяться въ ея степи[1])

«Тотъ же политическій характеръ имѣютъ и анти-русскія статьи, которыя встрѣчаются прежде учрежденія экзархіи, не только въ Цареградскихъ, но и въ эмигрантскихъ газетахъ[2]). Однако же и они вызваны временнымъ національнымъ раздраженіемъ и не имѣютъ особеннаго значенія для литературнаго историка. Сильныя нападки противъ Россіи находимъ, особенно наканунѣ нашей побѣды, въ церковномъ вопросѣ. Единодушно всѣ вліятельные общественные органы востаютъ противъ неблагопріятнаго болгарамъ отвѣта русскаго Синода греческому вселенскому патріарху по церковному вопросу

Эти выраженія щекотливаго національнаго честолюбія и горячаго патріотизма, встрѣчаются часто и въ корреспонденціяхъ изъ русскихъ колоній, противъ руссификаціи болгарскихъ училищъ. Но, повторяемъ, это скорѣе выраженіе политическаго антагонизма или проблески временной національной вражды.

Единственная послѣдовательная реакція, вопреки всѣмъ невзгодамъ и неподготовленности иниціатора, нашла себѣ болѣе благопріятную почву только въ наше время. Это именно реакція Богорова, но и она ограничивается областью исключительно *языка*[3]). Что касается собственно литературы, то даже въ эпохи самыхъ

1) Дунавскій Лебедъ, Бѣлградъ 1860—61, № 53, 54, 57, 58, 60, passim.

2) Македонія, 1869, № 33, Дунавска Зора, Браила, 1868, № 35 и др.

3) «Книговище за прочитане», Списува Д-ръ Ив. А. Богоровъ. Шесть Книжки наедно. Віена 1875 и того же «Чистобългарска Наковалня», Пловдивъ, 1878.

большихъ политическихъ недоразумѣній, не исключая и послѣдней, русская литература осталась главнымъ источникомъ, изъ котораго Болгарія продолжала черпать свое образованіе. Даже самые рѣшительные противники русскаго вліянія пишутъ на языкѣ полномъ руссизмовъ. Если при всемъ томъ въ областной изящной литературѣ даже и послѣ 70-хъ годовъ это вліяніе оказывается не столь сильнымъ, то это отчасти объясняется недостаткомъ поэтическихъ и писательскихъ талантовъ съ болѣе широкимъ образованіемъ, а также трудностью, а подчасъ и небезопасностью книжныхъ сношеній съ Россіей.

Всѣ эти неблагопріятныя условія, дѣйствительно не существуютъ для тѣхъ нашихъ писателей и поэтовъ, эмигрантовъ, которые подобно *Каравелову* и *Ботеву*, жили въ Румыніи и слѣдовательно имѣли возможность свободно пользоваться богатствами русской литературы; они естественно гораздо болѣе находились подъ ея вліяніемъ. Но ихъ политическіе и соціальные идеалы, общіе у нихъ съ тогдашней русской интеллигенціей, дѣлали ихъ болѣе или менѣе безразличными или даже враждебными къ вопросамъ чисто-литературнымъ или эстетическимъ. Во имя насущныхъ потребностей современной ему крестьянской и безграмотной Болгаріи, Каравеловъ ведетъ жестокую борьбу противъ попытокъ познакомить болгаръ, путемъ переводовъ, съ образцами старой европейской классической литературы. «Идіотъ—тотъ, кто берется переводить Мильтоновъ «Потерянный рай», Тассовъ «Освобожденный Іерусалимъ» или Дантовъ «Адъ». Теперешній вѣкъ интересуется лишь знать, что говорятъ Токвиль, Бокль, Дреперъ и Страусъ, Фогтъ, Дарвинъ, Гексли и Гумбольдтъ, интересуется государственными науками, а не глупостями Тасса и Фенелона». По глубокому убѣжденію Л. Каравелова «всякое литературное произведеніе должно имѣть задачей очищать человѣческій мозгъ, бороться съ людскими суевѣріями, предразсудками и неправильными понятіями и давать человѣчеству очищенныя понятія. Однимъ словомъ каждое литературное произведеніе должно обогащать умъ и разсудокъ и *убивать во-*

ображеніе, отъ котораго происходятъ почти всѣ человѣческія несчастія»[1]).

При такихъ отрицательныхъ воззрѣніяхъ на творчество нельзя ожидать отъ Каравелова обогащенія болгарской литературы переводами изъ русскихъ классиковъ. Плохой поэтъ, онъ бы и не могъ передать достаточно изящно тонкую поэзію Лермонтова и Пушкина, но онъ могъ бы, вмѣсто того, чтобъ переводить Марка Вовчка, взять другого какого нибудь болѣе крупнаго русскаго беллетриста; но какая бы изъ этого вышла *польза* для «бѣднаго, безземельнаго, нравственно и матеріально порабощеннаго и полуубитаго отъ различныхъ страданій бѣдняка?»[2]). При всемъ томъ, въ двухъ случаяхъ, и только въ двухъ,—этотъ рѣшительный врагъ классиковъ и чистаго искусства, сдѣлалъ уступку русскому «Олимпійцу», онъ перевелъ и напечаталъ два разсказа Пушкина: «Капитанскую дочку» и «Кирджали»: послѣдній, очевидно, потому, что главный герой болгаринъ (Каравеловъ при всемъ радикализмѣ своихъ соціальныхъ взглядовъ, былъ пламеннымъ патріотомъ), а первый потому что цѣнилъ въ немъ тенденцію. Надо, впрочемъ, прибавить что на практикѣ Каравеловъ дѣлалъ вообще значительныя отступленія отъ защищаемой имъ теоріи; въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ, чутье дѣйствительности мѣшало этому замѣчательному человѣку, сдѣлаться узкимъ фанатикомъ доктрины.

Такое же отрицательное отношеніе къ чистому искусству мы видимъ и у *Хр. Ботйова*. Какъ поэтъ, послѣдній гораздо даровитѣе Каравелова и могъ бы быть прекраснымъ посредникомъ между русской и болгарской поэзіей; но и онъ искалъ въ искусствѣ главнымъ образомъ пользы и, если рѣшился перевести что-нибудь съ русскаго (напр. драму *Костомарова «Кремуцій Корд»*), то тоже лишь потому, что находилъ въ ней симпатичную ему политическую тенденцію. Представителями чисто-литературныхъ инте-

1) Газ. Независимость, Букурещъ, Годъ IV, № 19, стр. 155.
2) Ibid.

ресовъ въ противоположность Каравелову и Ботйову, являются члены маленькаго кружка только что основаннаго тогда «*Періодическаго Списанія*» и Цареградскій литературный органъ «*Читалище*». Критикъ «Періодическаго Списанія», профессоръ одной изъ Московскихъ гимназій, болгаринъ *Бончевъ*, въ особенной статьѣ, предшествующей его переводу «Тараса Бульбы» (Пер. спис. 1875, I, кн. 7 и 8): «Классическіе европейскіе писатели на болгарскомъ языкѣ и польза отъ изученія ихъ сочиненій», ставитъ капитальный вопросъ, съ чего мы должны начать наше изученіе иностранной литературы и приходитъ къ заключенію, «что мы должны изучать творенія тѣхъ писателей, которые стоятъ на первомъ мѣстѣ, а не терять время и деньги на копаніе въ сорѣ и выкапывать такихъ писателей, которые по слабости своего ума не могутъ ничего сказать новаго и здраваго отъ себя, а пережевываютъ чужія идеи». (Между прочимъ Бончевъ имѣетъ здѣсь въ виду Ѳаддея Булгарина, котораго романъ «*Иванъ Выжигинъ*» былъ переведенъ еще въ 1861 году, неизвѣстно зачѣмъ, можетъ быть благодаря его фамиліи). Желая помочь болгарской литературѣ «хоть сколько нибудь выйти на правильный путь», Бончевъ обѣщаетъ постепенно знакомить читателей «Періодическаго списанія» съ «славными» твореніями европейской литературы. Онъ будетъ пользоваться литературами Еллады и Рима, Италіи, Англіи, Франціи и Германіи, но главное вниманіе будетъ обращать на *русскую* литературу. «Мы болгаре, какъ вѣтвь великаго славянскаго племени, имѣющая свой характеръ, свою исторію, свою письменность, однимъ словомъ свой духовный образъ, — мы связаны духовными узами съ другими славянскими племенами. Духовное родство между народами имѣетъ силу, какъ магнитъ, притягивать и спанвать. Два раза въ исторіи показалась эта сила духовнаго родства между нами и русскими: русскій народъ принялъ священныя книги и староболгарскій языкъ, — языкъ, который легъ въ основу русской литературы, какъ краеугольный камень, а въ новое время болгаре обновляютъ свою духовную жизнь посредствомъ русскаго языка и образованія; такимъ обра-

зомъ въ немъ мы получаемъ наслѣдство и находимъ слѣды родства съ нашей старой исторической мыслью. Вотъ причина, почему въ нашей настоящей письменности такое большое мѣсто занимаютъ русскія слова и цѣлыя выраженія. Эти факты намъ показываютъ, что при изученіи иностранныхъ литературъ видное мѣсто должна занять и русская. Черезъ нее мы легче станемъ причастны къ европейскому просвѣщенію. Таковъ законъ природы».

Къ несчастью, прекрасныя обѣщанія Бончева остались неисполненными, вслѣдствіе его смерти. «Періодическое Списаніе», давъ переводъ «Тараса Бульбы» и Шиллеровыхъ «Разбойниковъ» (того-же Бончева), видимо не нашло кѣмъ его замѣнить. Только перешедши изъ Браилы въ Софію послѣ Освобожденія, органъ «Книжовнаго Дружества» сталъ давать изрѣдка переводы изъ европейскихъ классиковъ, по преимуществу нѣмецкихъ поэтовъ.

«Періодическое списаніе» было воспріемникомъ *Вазовской* музы. Первое стихотвореніе національнаго поэта появилось на его страницахъ. По натурѣ художникъ, не особенный почитатель Каравеловскихъ и Ботйовскихъ соціально-политическихъ тенденцій, только временно увлеченный ими, Вазовъ не могъ подписаться подъ строгимъ приговоромъ Каравелова надъ безполезностью классиковъ. Познакомившись еще въ Калоферѣ съ лучшими произведеніями русской поэзіи, онъ сохранилъ особенно горячее почитаніе къ Пушкину, котораго онъ всегда ставилъ выше Лермонтова, Некрасова и др. русскихъ поэтовъ. Пушкинъ вмѣстѣ съ Беранже и Викторомъ Гюго, какъ Вазовъ лично намъ признавался, болѣе всего вліяли на развитіе его таланта. Однимъ изъ первыхъ его стихотвореній въ «Періодическомъ Списаніи» характернымъ образомъ оказывается подражаніе Пушкинскому стихотворенію «Поэтъ и Чернь». (См. ниже). Интересенъ разсказъ поэта о томъ, какъ возникъ этотъ переводъ. На каникулы 1870 года вернулся въ Калоферъ одинъ нашъ русскій воспитанникъ и декламировалъ передъ Вазовымъ названное стихотвореніе,

которое такъ восхитило нашего поэта, что онъ рѣшился написать что-нибудь подобное по его образцу. Съ тѣхъ поръ русская поэзія не переставала быть богатымъ источникомъ для вдохновенія и образованія Вазова [1]).

Цареградскій органъ «Читалище» не имѣлъ своего Бончева и мы не находимъ въ немъ такой обширной принципіальной статьи о важности европейскихъ классиковъ для насъ. Но изъ напечатанныхъ въ немъ стихотвореній и изъ частичныхъ переводовъ Гомера и пр. ясно видно его эстетическое направленіе. Русская поэзія представлена однако въ «Читалищѣ» только однимъ переводомъ Пушкина [2]) — и опять того же самаго стихотворенія, которое такъ понравилось и Вазову: «Поэтъ и Чернь» (Поетъ и Згань). Переводчикомъ былъ *П. Р. Славейковъ*. Ничего не можетъ быть характернѣе для эстетическихъ вкусовъ Вазова и Славейкова, какъ выборъ именно этого стихотворенія, поднявшаго столько полемической пыли въ самой русской критикѣ и чуть не создавшаго Пушкину одно время несправедливую репутацію исключительнаго жреца «чистаго искусства».

Таковы были литературныя отношенія Болгаріи къ Россіи до Освободительной войны, которая составляетъ эпоху и въ исторіи развитія болгарской литературы.

Разрушивъ всѣ препятствія, мѣшавшія русской книгѣ найти широкое и свободное распространеніе у насъ, давъ не только горсти избранниковъ возможность познакомиться съ русскимъ языкомъ и литературой, но даже и ученикамъ на школьныхъ скамьяхъ (обязательное изученіе русскаго языка было давно уже предписано и только временно отмѣнено)—Война за освобожденіе

---

1) Интересно напр. сравнить Пушкинскаго Пимена (Бориса Годунова) съ Вазовскимъ Отц. Паисіемъ (Поля и Гори, Епопея на Забравенитѣ), Вазовское письмо въ стихахъ къ В(ацову) съ Пушкинскимъ стихотвореніемъ «Городокъ» (Къ ***) etc.

2) Переводы Жинзифова — изъ Шевченка.

дала новый неожиданный толчокъ нашей литературѣ, что очень легко можно констатировать и по количеству книгъ, напечатанныхъ до и послѣ войны. Какъ и должно было случиться, русская литература въ этотъ новый періодъ играла первенствующую роль. Мечта Бончева, что «черезъ нее мы станемъ скорѣе причастны къ европейскому просвѣщенію», вполнѣ осуществилась. Въ этомъ отношеніи совершенно вѣрно замѣчаетъ Драгановъ въ своемъ «Библіографическомъ Обозрѣніи важнѣйшихъ произведеній болгарской литературы за 1895 годъ», напечатанномъ въ Извѣстіяхъ Русской Академіи[1]). «Изъ предложеннаго списка видно, что не мало сочиненій западно-европейскихъ писателей, поэтовъ и мыслителей, переведенныхъ болгарами въ теченіе одного лишь 1895 года, дѣлались извѣстными болгарской читающей публикѣ *исключительно* въ переводахъ съ русскаго языка. Таковы: Андерсонъ, Белло, Бирбекъ, Бокль, Данте, Джіакометти, Захеръ Мазохъ, Маколей, Мицкевичъ, Реньяръ, Сервантесъ, Смайльсъ, Спенсеръ, Шекспиръ и Шопенгауеръ».

При такомъ огромномъ богатствѣ самыхъ разнообразныхъ сочиненій, которыя русская литература намъ доставила сразу, послѣ освобожденія Княжества,— при отсутствіи болѣе опредѣленныхъ общественныхъ, эстетическихъ и пр. принциповъ—естественно, нельзя было ожидать, чтобъ переводная болгарская литература руководилась болѣе серьезно обдуманнымъ планомъ въ выборѣ своихъ образцовъ. Отсутствіе авторитетной критики дало еще больше возможности развиться въ этомъ отношеніи полной анархіи, что отчасти продолжается еще и до сихъ поръ. Наша библіографія продолжаетъ отмѣчать рядомъ съ переводами первокласныхъ произведеній и переводы такихъ книжекъ, какъ «Приказка Протопей Пряпорщикъ отъ 30-тѣ Царства», «Предание, единъ солдатинъ, какъ е спасилъ живота на Петра Великіи» etc. Но нельзя не признать, что по-немногу вырабатываются и

1) Извѣстія Отдѣл. русск. языка и словесности Импер. Акад. Наукъ, т. I, кн. 2 и 4, II, кн. 3.

руководящіе принципы, обнаруживающіеся въ предпочтеніи, которое оказываютъ переводчики къ тому или иному виду литературныхъ произведеній. Отрицатели чистаго искусства, представителей которыхъ мы встрѣчаемъ преимущественно среди самыхъ радикальныхъ элементовъ страны — соціалистовъ, продолжаютъ тенденціи Каравелова и Ботйова. Въ ихъ переводахъ, нужно признать, замѣчается сознательный выборъ, хотя и односторонній. Молодежь болѣе увлекается народнической русской литературой. Есть впрочемъ и большое количество писателей, старающихся сохранить свободнымъ свой эстетическій вкусъ отъ временныхъ вліяній той или другой соціальной теоріи. Во главѣ ихъ находимъ старыхъ корифеевъ Вазова и Величкова, которые своею большой Христоматіей принесли неоцѣнимую услугу нашей гимназической молодежи, доставивъ ей въ переводѣ образцы самыхъ лучшихъ литературныхъ произведеній. Составленная по плану Галахова и Филонова, эта первая для полныхъ гимназій болгарская Христоматія, за которой скоро послѣдовала Христоматія Мишева и Костова, содержитъ матеріалъ, взятый по большей части прямо изъ подобныхъ же русскихъ учебниковъ. Для своихъ практическо-педагогическихъ цѣлей Вазовъ и Величковъ должны были перевести большое количество вещей изъ русской беллетристики. Впрочемъ Величковъ еще будучи ученикомъ въ Цареградскомъ Императорскомъ Лицеѣ пробовалъ переводить съ русскаго и издалъ Пушкинскую «Русалку» въ прозѣ. Между новыми переводчиками русскихъ, преимущественно стихотворныхъ произведеній, первое мѣсто занимаютъ Алеко Константиновъ, Пенчо Славейковъ и Т. Ц. Трифоновъ.

Нашъ краткій очеркъ о вліяніи русской литературы на болгарскую освобождаетъ насъ отъ труда, объяснять различныя фазы судьбы Пушкина въ нашей литературѣ и даетъ намъ возможность ограничиться по возможности полнымъ указателемъ

всѣхъ нашихъ переводовъ изъ Пушкина, еще до сихъ поръ не сдѣланнымъ въ нашей литературѣ.

Единственный русскій поэтъ, относительно котораго существуетъ короткій и неполный списокъ его сочиненій въ болгарскомъ переводѣ,—это Лермонтовъ[1]). Нѣкоторые переводы Славейкова и Вазова цитируетъ Драгановъ въ своемъ уже помянутомъ библіографическомъ обозрѣніи (стр. 85, 88, 91). Но какъ Вазовскій переводъ изъ Пушкина Драгановъ ошибочно называетъ на стр. 17: «Пушкинъ, А. С. Памятникъ»[2]).

А) Пушкинъ въ болгарской литературѣ до освобожденія.

При скудныхъ познаніяхъ, обнаруженныхъ всего характернѣе авторомъ первой болгарской статьи по исторіи русской литературы, которую мы цитовали выше и въ которой Пушкинъ называется «сатирикомъ», при слабомъ знаніи русской беллетристики даже составителями учебниковъ словесности, при отрицательныхъ взглядахъ самыхъ видныхъ представителей нашей эмигрантской прессы, не удивительно, что въ нашей литературѣ переводы изъ Пушкина до Освободительной войны—очень рѣдки.

1. Упомянутый выше переводъ П. Р. Славейкова Пушкинскаго стихотворенія «Чернь» былъ напечатанъ только 11 лѣтъ спустя, это «Поэтъ и Сганъ». Читалище, Царьгр. 1873. III. 661—662.

Стихотвореніе Вазова «Борба» вышло дѣйствительно раньше (Период. Списание, 1870, кн. 2, стр. 103—106), но оно представляетъ черезчуръ вольный переводъ Пушкина и значительно

---

1) Спис. «Цѣлина» отъ М.

2) Эта ошибка произошла вслѣдствіе недоразумѣнія. Въ одномъ нумерѣ журнала «Български Прегледъ» А. Т. исправляетъ только, что стихотвореніе это, вышитое на подушкѣ, поднесенной Вазову въ день его юбилея, принадлежитъ не Пушкину, а Горацію и переведено по-болгарски Вазовымъ по переводу А. Фета.

отклоняется и по смыслу отъ него. (Пушкинское стихотвореніе не имѣетъ болѣе 55 стиховъ, а Вазовское — 116. Вазовъ, впрочемъ, ни словомъ и не упоминаетъ о своемъ источникѣ).

2. Подражать Пушкину пробовалъ и Т. Н. Шишковъ въ одномъ стихотвореніи, направленномъ противъ греческаго духовенства. Онъ вдохновлялся Пушкинскими стихами **«Клеветникамъ Россіи»**.— Елементарна Словесность etc. Цгр. 1873, стр. 93 и 173.

Стихотвореніе осталось неизданнымъ цѣликомъ. За все это время мы имѣемъ еще только:

3. **Капитанская дочка.**

— Пушкинъ, А. Капітанска дъщеря. Повѣсть. (Прѣводъ отъ Русски). Прѣв. Л. Каравеловъ. Букурещъ, 1875. (См. ниже перев. Андрейчика).

4. **Кирджали.**

— Кърджали, пер. Л. Каравеловъ. «Независимость». Бук., 1874. IV, № 14, 15. См. ниже.

5. **Русалка, драма.**

— А. Пушкинъ. Русалката, Драма отъ —. Прѣвелъ К. Величковъ. Цгр., 1873. (Ср. ниже перев. Трифонова).

6. Единственный **біографическій очеркъ** о поэтѣ находимъ въ альманахѣ «*Лѣтострун*» (годъ VII, 1875, стр. 52 и сл.). Авторъ І. Г(руевъ) можетъ считаться вообще однимъ изъ нашихъ лучшихъ старыхъ знатоковъ русской беллетристики. Его переработка «Бѣдной Лизы» принадлежитъ къ первымъ беллетристическимъ трудамъ, вообще, въ нашей литературѣ. Груевъ съумѣлъ достать себѣ и нѣкоторыхъ новѣйшихъ русскихъ писателей, между прочимъ и Пушкина, который во время Тракійскаго возстанія (1875) чуть-чуть не сдѣлался причиной обвиненія Груева въ государственной измѣнѣ. Самъ Груевъ очень живо разсказалъ этотъ эпизодъ изъ своей полной тревогъ жизни, въ воспоминаніяхъ, напечатанныхъ въ «Болгарскомъ Прегледѣ» (ч. V. 1898, кн. І. Сентябрь, стр. 32): «На другой день мой четвертый допросъ начался съ вопроса: «Почему у меня есть русскія книги?» — Я отвѣчалъ: «Какъ бывшій учитель и любитель лите-

ратуры, я имѣю книги на различныхъ языкахъ, и думаю, что не преступно имѣть между французскими и турецкими книгами и нѣсколько русскихъ». — «А зачѣмъ тебѣ была книга *Тюфекчи* (оружейнаго мастера)?[1]). Что ты хотѣлъ съ ней дѣлать, а также съ книгой «*берберъ-Георгія*» (Георгія Цирюльника), въ которой есть столько клеветъ на Турцію и оскорбленій ея?» — Пораженный этими вопросами, я отвѣтилъ, что я о такихъ книгахъ ничего не знаю и ихъ не имѣю. Тогда мнѣ показали двѣ книги, изъ которыхъ одна была томъ сочиненій Пушкина, а другая томъ Всеобщей Исторіи Г. Вебера (Средніе вѣка). Едва удерживаясь отъ смѣха, я объяснилъ, что тутъ нѣтъ никакой оружейной книги, ни парикмахерской, а что одна есть сочиненіе знаменитаго русскаго поэта, а другая исторія знаменитаго Вебера, что въ этихъ сочиненіяхъ нѣтъ ничего преступнаго и бунтовническаго. Фехамъ-эффенди позвалъ переводчика Якови, давшаго такія фальшивыя свѣдѣнія и потребовалъ отъ него объясненія. Смущенный грекъ надѣлъ очки, пересмотрѣлъ внимательно заглавія книгъ и призналъ, что, дѣйствительно одна Вебера, и что по ошибкѣ прочелъ «берберъ», а другая носитъ только заглавіе «Пушкинъ», что по-турецки означаетъ «оружейный мастеръ».

В) Пушкинъ въ болгарской литературѣ послѣ Войны.

Совсѣмъ иной видъ представляетъ Пушкинская литература послѣ Войны, когда Пушкинъ становится широко извѣстенъ не только по переводамъ, но и въ оригиналѣ, въ русскихъ христоматіяхъ, въ полныхъ изданіяхъ, въ сборникѣ Гербеля «Русскіе поэты» и т. д.

---

1) По-болгарски *Пушка* — ружье, по-турецки тюфекъ. Турецкій оффиціальный драгоманъ перевелъ съ болгарскаго Пушкинъ-Тюфекчи (оружейный мастеръ).

1. Уже въ 1880 году встрѣчаемъ въ «Марицѣ», газетѣ, выходившей въ Пловдивѣ, нѣсколько восторженныхъ писемъ изъ Москвы, извѣстнаго еще передъ Войной литератора С. С. Бобчева о **Пушкинѣ по поводу открытія его памятника** въ старой русской столицѣ (*Марица*, III, 1880, № 194, 20 Юня, № 196, Юля 1 № 199, 11 Юля: «Московски писма»).

Восхищенный корреспондентъ даже не считаетъ нужнымъ распространяться о самомъ поэтѣ, такъ какъ «если до вчерашняго дня были люди, которые подъ вліяніемъ тенденціозной критики отрицали величіе Пушкина, теперь эти отрицатели поражены и уничтожены». Онъ ограничивается описаніемъ торжества, даетъ краткое содержаніе рѣчей, произнесенныхъ передъ памятникомъ, въ университетѣ «въ Обществѣ Любителей Русской Словесности», не забывая при этомъ высказать глубокое впечатлѣніе, произведенное на него рѣчами въ особенности Тургенева и Достоевскаго. Бобчевъ извиняется, что оставляетъ свои замѣтки не полными, такъ какъ долженъ скоро вернуться въ Болгарію; но онъ убѣжденъ, что великое русское національное торжество должно очень интересовать нашу интеллигенцію.

Однако никто другой ничего не написалъ объ этомъ торжествѣ. Только въ 1891 г. вышла брошюрка «Русскій поэтъ Ал. Серг. Пушкинъ. Софія — Пловдивъ. Прѣвелъ (отъ ?) П. Цачевъ, въ которой находимъ и описаніе открытія памятника поэту въ Москвѣ въ 1880 г.

2. Второй торжественный моментъ въ чествованіи памяти Пушкина, чествованіе поэта по поводу *пятидесятилѣтія* со времени его смерти, былъ отмѣченъ журналомъ «*Мисъль*», издаваемымъ въ 1887 г. въ Силистріи; но это была не оригинальная статья, а переводъ изъ русскаго журнала «Общее дѣло».

3. Нѣсколько интересныхъ замѣтокъ о пребываніи Пушкина въ Одессѣ и его памятникѣ, открытомъ тамъ въ 1887 г., мы встрѣчаемъ въ журналѣ Вазова «Денница» (Софія, II г., 1891, кн. 1).

а) Біографіи, портреты и критическія оцѣнки поэта.

1. Въ **письмахъ Бобчева** мы находимъ, между прочимъ, и краткую біографію поэта.

Съ жизнью и дѣятельностью Пушкина болгарская публика могла познакомиться болѣе подробно изъ слѣдующихъ статей и книгъ, переводныхъ и оригинальныхъ:

2. **А. С. Пушкинъ.** «Българска Иллюстрація». София. (Г. I, 1880, стр. 4 и 21).

Біографическій очеркъ съ хорошимъ портретомъ, первымъ въ нашей печати.

Авторъ не указанъ.

3. **Чърти изъ живота на Александра Сергѣевича Пушкина.** Прѣвелъ отъ русски Г. Неновъ. Статья въ спис. «Наука» (Пловд. 1883. III, стр. 506—540).

Къ сожалѣнію переводчикъ не упомянулъ, кто авторъ оригинала. Это первый болѣе обстоятельный этюдъ о Пушкинѣ на болгарскомъ языкѣ.

4. **Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ.** Коротенькая біографія съ плохимъ портретомъ въ журналѣ для юношества «Изворъ» (Русчукъ, год. I, 1892, стр. 259—265) издаваемомъ Ив. Д. Ивановымъ и Т. Ц. Трифоновымъ.

Оба редактора, воспитанники Николаевскаго южнославянскаго пансіона, считаются довольно хорошими переводчиками съ русскаго между молодыми писателями. Ивановъ перевелъ нѣсколько вещей Гоголя и Тургенева. О Трифоновѣ дальше.

5. **В. Острогорскій.** Двадесеть биографии на образцови русски писатели. Шуменъ, 1896.

6. **А. М. Скабичевскій.** Пушкинъ. Животъта и литературната-му дѣятелность. Прѣвелъ Г. Б. Издава книжарницата на К. Евстатиевъ. 1898. — Съ различными портретами Пушкина, его родителей и др. иллюстраціи.

7. Біографическіе и критическіе замѣтки о Пушкинѣ на-

ходимъ и въ руководствѣ **Йордана Иванова** «История на Славянскитѣ литератури», Пловдивъ, 1896, стр. 152—167.

8. Обѣ болгарскія **христоматіи** содержатъ тоже коротенькіе біографіи поэта. Ст. Вазовъ и Величковъ, ч. I, стр. 309[1]). Мишевъ и Костовъ, II[1], стр. 120.

9. **Русскій поэтъ Ал. Серг. Пушкинъ.** Софія, 1891. Описаніе животъ му и основание паметника му въ Москва прѣзъ 1880 год. 26-ой Май. Прѣвелъ П. Цачевъ и т. д.

10. Журналъ «Дума» даетъ плохой портретъ Пушкина безъ всякой біографической замѣтки: «Александръ С. Пушкинъ». Дума, литературно-научно-политическо списание. Ред. Н. Іонковъ Владикинъ. Пловдивъ, 1890, г. I, кн. 5 и 6, р. 432.

б) Переводы.

1. Часть первыхъ переводовъ Пушкина, какъ и другихъ нѣкоторыхъ русскихъ писателей, вышла въ свѣтъ, какъ было сказано выше, благодаря тому обстоятельству, что *Вазовъ и Величковъ* пользовались для своей христоматіи русскими подобными учебниками. Руководимые своимъ тонкимъ эстетическимъ вкусомъ, они намъ дали нѣсколько отличныхъ переводовъ изъ Пушкина.

2. На первомъ мѣстѣ по художественности и легкости должны быть поставлены переводы рано погибшаго писателя *Алеко Константиновича*, одного изъ самыхъ даровитыхъ истолкователей русской поэзіи вообще и Пушкина въ частности. Константиновичъ — воспитанникъ Николаевскаго Южнославянскаго пансіона и Новороссійскаго университета, авторъ болгарскаго Тартарена «Бой Ганьо», который далъ ему большую популярность.

Въ отличныхъ переводахъ Константинова мы имѣемъ три поэмы Пушкина: «Полтава», «Бахчисарайскій Фонтанъ», «Цыгане».

---

1) Для выясненія, въ частности, взглядовъ Вазова на Пушкина въ послѣднее время, интересно прочесть его стихотвореніе «*Пушкинъ*» въ собственномъ его журналѣ «*Зора*», Пловдивъ, 1885, кн. 2, стр. 81.

3. Съ большими вольностями, отличающими вообще его манеру переводить, но и съ большимъ мастерствомъ въ языкѣ и въ искусствѣ владѣть народнымъ стихомъ, передалъ Пушкина сказку «О рыбакѣ и рыбкѣ» *П. Р. Славейковъ*, съ которымъ мы имѣли случай познакомиться какъ съ однимъ изъ главныхъ преобразователей новоболгарскаго поэтическаго стиля. Переводъ настолько хорошъ, что читается какъ оригиналъ. Благодаря учебникамъ эта сказка стала особенно распространенной.

4. Между переводчиками Пушкина находимъ и *молодого Славейкова (Пенчо)*, который перевелъ нѣсколько пѣсенъ для журнала «Мисъль» по случаю праздника, см. ниже подъ № 9.

Славейковъ младшій, впрочемъ, не достигаетъ той легкости въ формѣ и того знанія народнаго языка, которымъ отличался его отецъ.

5. Плодовитымъ переводчикомъ Пушкина и вообще съ русскаго, является *Т. Ц. Трифоновъ*. Вообще любитель драмы, онъ видимо поставилъ себѣ цѣлью дать болгарамъ переводы всѣхъ Пушкинскихъ драматическихъ произведеній. Послѣ того, какъ онъ издалъ «Бориса Годунова», «Скупого рыцаря», «Моцарта и Сальери», онъ намъ сообщаетъ, что перевелъ и «Каменнаго Гостя» для юбилейной книжки Пловдивскаго журнала «Българска Сбирка», которая выйдетъ въ честь Пушкина. Трифоновъ, успѣвшій, благодаря своему большому прилежанію, усвоить техническую сторону переводнаго искусства, былъ удостоенъ особаго вниманія критики, не всегда, впрочемъ, для него благопріятной. Такъ какъ чувствительный переводчикъ не остался въ долгу у своихъ критиковъ, то мы имѣемъ цѣлую полемику спеціально по поводу переводовъ «Скупого рыцаря» и «Моцарта и Сальери».

6. *Д. Іордановъ*, переводчикъ «Кавказскаго плѣнника», до сихъ поръ не перевелъ ничего болѣе важнаго изъ Пушкина. Первый его опытъ даетъ, впрочемъ, надежду на будущее.

7. Горячій, но крайне слабый истолкователь Пушкина *Д. Анчевъ*, напечаталъ нѣсколько своихъ совершенно безформенныхъ

переводовъ въ давно уже переставшемъ выходить въ Силистріи журналѣ «Мисъль». Анчевъ, очевидно, не понимаетъ красоты звучной риомы, поэтому онъ переводитъ только бѣлыми стихами, безъ всякаго размѣра. Послѣдній его переводъ, «Борисъ Годуновъ», заслуживаетъ, какъ и другіе его опыты, быть упомянутымъ только для полноты библіографическаго обзора.

8. Остальные переводчики, за исключеніемъ *д-ра К. Кръстева*, основателя и редактора софійскаго журнала «Мисъль», плодовитаго писателя *Андрейчина* и поэта *М. Москова*, — незначительны, случайны и малоизвѣстны.

9. По поводу юбилея вышли въ журналѣ, издаваемомъ въ Софіи подъ заглавіемъ «Мисъль» (г. IX, 1899, майская кн.) слѣдующія статьи или переводы молодого поэта П. П. Славейкова:

а) «Потаената скърбь на поета» стр. 467—481.

б) Переводы: «Станси» стр. 481, «Зименъ вечеръ» (стр. 482), «Ехо» (стр. 483), «26-й май» (стр. 463), «Кавказъ» (стр. 484).

— Тамъ же въ переводѣ К. Христова, молодого много обѣщающаго поэта: «Анчаръ» (стр. 484), «Облакъ» (стр. 485), «Къмъ поета» (стр. 486), «На гробищата» (стр. 481).

10. По тому же поводу вышли въ журналѣ, издаваемомъ въ Филипополѣ (Пловдивѣ) «Българска Сбирка», годъ VI, 1899, кн. 1 и 15 мая:

а) Этюдъ о поэзіи А. С. Пушкина д-ра Н. Бобчева: «Посзнята на Пушкина» (стр. 397—405).

b) Библіогр. замѣтка (съ русскаго) А. С. Пушкинъ (стр. 449—451).

c) Бѣлинскій за Пушкина (соч. Бѣлинскаго VIII т.). Прѣвелъ Ил. С. Бобчевъ (стр. 453—461).

d) Извѣстіе о Пушкинскомъ праздникѣ въ Россіи.

I. Стихотворенія (пѣсни, элегіи, оды, баллады etc.).

1. Къ А. П. Керн.

— Азъ помню чудно мигновенье. Стихотворенье отъ Пуш-

кина. Прѣвелъ *И. Д. Юрдановъ*. «Български Прѣгледъ», год. III, кн. 9 и 10, стр. 84.

— Азъ помню чудното мигновенье. *Правдолюбовъ*. «Литературни Записки». Мѣсечно списание. Свищовъ. Год. I, 1895, стр. 277.

2. **Элегія.**

— Преживяхъ вече свои-те желанья и разлюбихъ вече свои-те мечти и пр. Изъ Пушкина. Прѣвелъ *М. Московъ*. «Янтра», иллюстрованъ листъ за забава и поученіе. Редакторъ Д. Панайотовъ. Търново, год. I, 1886, стр. 28.

— Изъ Пушкина. Преживяхъ азъ вече свои-тѣ желанья. Прѣвелъ *Т. С.* «Напредъ», Пловдивъ, год. IV, 1887, № 2.

— Пѣвецъ. Изъ П. Прѣвелъ *В. Л.* «Книжица за прочитъ». Солунъ, 1890, кн. IV—VII.

3.

— Понѣкога азъ зимахъ свой-та лира. Прѣв. *К. Величковъ*. Христоматия Вазовъ-Величковъ, ч. II, 1884, стр. 303. (Тоже Мишев-Костовъ, Христоматія, II[1], стр. 485).

4. **Воспоминаніе** (Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день).

— Въспоминание. Прѣвелъ Ив. Вазовъ. Христоматия Вазовъ-Величковъ, ч. II, 1884, стр. 207.

5. **Ода вольность.**

— Ода на свободата отъ А. С. Пушкинъ. «Дума». Год. I, 1890, кн. 5 и 6, стр. 433. *Анонимный переводчикъ*.

6. **Элегическій отрывокъ.**

— Изъ Пушкина. (Готовъ съмъ, ахъ другари, да тръгнемъ, гдѣ-то щете, къмъ сѣверъ, югъ илъ западъ). Прѣвелъ С—съ. «Българска Иллюстрація», год. I, 1880, стр. 21.

7. **Отвѣтъ на вызовъ написать стихи въ честь Государыни Императрицы Елизаветы Алексѣевны.**

— Отговоръ на поканата да напиша стихове въ честь на императрица Елисавета. А. С. Пушкинъ, «Дума», год. I, 1890, кн. 5 и 6, стр. 435. *Анон.*

8. **Возстань, о Грецiя, возстань!**

— Къмъ Гърция (отъ Пушкина). «Дума», год. I, 1890, кн. 3, стр.

9. **Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный.** II, 189.

— Азъ си въздигнахъ паметникъ нержкотворно. «Русск. поетъ Ал. Серг. Пушкинъ». Прѣв. П. Цачевъ. Стр. 4.

10. **Талисманъ.** (Тамъ, гдѣ море вѣчно плещетъ).

— Талисманъ. Отъ Пушкинъ. Прѣвелъ Alter Novus. Илл. спис. «Свѣтлина». Пловдивъ, год. VII, 1897, кн. 5.

11. **Романсъ** (Подъ вечеръ, осенью ненастной).

— Изъ Пушкина. Романсъ. «Мисъль». Литературно списание. Силистра. I, 1887, № 11. Юни. Прѣв. *Анчевъ*.

12. **Вакхическая пѣсня.**

— Изъ Пушкина. Вакхическа пѣсень. «Мисъль», Силистра. I, 1887, № 9, стр. 209. (Перев. Анчевъ?).

13. **Черная шаль.** I, 228.

— Гледамъ като безуменъ на черния шалъ. П. Цачевъ, op. cit., стр. 11. (Только 5 стиховъ).

14. **Къ нянѣ.**

— Стихотворение на бавачката му. П. Цачевъ, op. cit., стр. 7.

15. **Пиръ Петра Великаго.**

— «Въ одномъ мото» изъ «Петаръ на Невѣ». Газета «Славянинъ», г. IV, 1882/3, № 19, стр. 76. Неполно.

16. **Кавказъ.**

— Кавказъ Пушкина. «Славянинъ», год. II, 1880—1881, стр. 355—356. Прѣвелъ въ проза Б. Ив. Гашевски.

17. **Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ.**

— Вѣщій Олегъ. Балада отъ А. С. Пушкина. Прѣвелъ П. П. Славейковъ. Библиотека Свети Климентъ, т. I, 1888—1889, кн. I—VI, стр. 277—280.
(Id. Миш.-Кост. Христ., II², 1898, стр. 419).

18. **Утопленникъ.**

— Удавеный. Прѣв. Ив. Вазовъ. Христ. Ваз.-Вел., ч. II, 1884, стр. 30.
(Id. Миш.-Кост., II¹, стр. 408, II², стр. 418).

— Удавений (отъ Пушкина). Прѣв. М. Г. Т. «Славянинъ», год. X, 1891, № 39, стр. 154.

Подражаніе на Пушкина. М. Московъ. «Наука», III, 1883, стр. 880.

II. Поеми и сказки.

1. Полтава.

— Полтава. Поема отъ А. С. Пушкинъ. Прѣвелъ *А. Константиновъ*. «Библиотека Свети Климентъ», т. I, 1888—1889, кн. I—VI, стр. 329—372. Зам. 373—375.

(Существуетъ и въ отдѣльномъ изданіи Вълкова, Софія).

Id. Мишевъ, Христоматия, II², 1898, стр. 133.

2. Бахчисарайскій фонтанъ.

— Бахчисарайский фонтанъ. Отъ А. С. Пушкинъ. Прѣвелъ *Ал. Константиновъ*. Библиотека Свети Климентъ, т. II, 1889—1890, стр. 521—535.

3. Цыганы.

— Чергары. Поема отъ А. Пушкина. Прѣвелъ *Ал. Константиновъ*. «Българска Сбирка, Пловдивъ, год. I, 1894, стр. 177—192. Сл. Два письма г. Алеко Константинова въ редакцію «Българска Сбирка», годъ VI, кн. 9 и 10, 1899 (1 и 14 мая), стр. 451—453, въ которыхъ авторъ разсказываетъ о своемъ переводѣ.

— Цигани (отъ Пушкина). Прѣв. А—въ (Анчевъ). Мисъль. Силистра, год. I, 1887, № 6, стр. 131—134 и № 7, стр. 156—159.

— *Птиче*. Прѣв. Ив. Вазовъ (Изъ «Цыганы»). Христ. Ваз.-Вел., ч. II, 1884, стр. 305.

(Id. Миш.-Кост., II¹, 485).

4. Кавказскій плѣнникъ.

— Кавказски пленникъ. Поема отъ А. Пушкина. Прѣвелъ И. Д. Юрдановъ. Български Прегледъ, ч. IV, кн. 1, стр. 1—19. (Безъ посвященія и эпилога).

5. **Братья-Разбойники.**

— Братия разбойници. (Отъ Пушкина). Мисълъ. Силистра, год. I, 1886, № 3. Прѣв. А—евъ (Анчевъ).

6. **Мѣдный всадникъ.**

— Мѣдний Конникъ. Прѣвелъ Ив. Вазовъ. Христом. Ваз.-Вел., ч. II, 1884, стр. 88.

(Id. Христ. Мишевъ-Кост., II², 1898, стр. 138.

7. **Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ.**

— П. Р. Славейковъ, Малка Хрестоматийка за образецъ на бѫдущитѣ издание отъ Хрестоматия. Пловдивъ, 1882, стр. 1—13. Приказка «Дѣдо, баба и златна рибка».

(*Id. Наука*, год. I, 1881, стр. 917—924. Една приказка по Пушкина отъ П. Р. Славейкова. Изъ Хрестоматията на П. Р. Славейкова. — *Id. Миш. и Кост.*, II², 1898, стр. 194: Рибарь и рибка. Прѣвелъ П. Р. Славейковъ).

8. **Сказка о мертвой царевнѣ и о семи богатыряхъ.**

— А. С. Пушкинъ. Приказка за умрѣлата царска дъщеря и за седемтѣхъ юнака. Прѣвелъ за дѣца отъ III и IV отдѣление *Д. Тончевъ*, II изд. Силистра.

— Пушкинъ А. С. Двѣ приказки. За умрѣлата царска дъщеря и за седемтѣ юнаци. Трето изданіе. Ломъ. Печатница на А. Н. Димитровъ. Перев. неизв. (Тончевъ?).

III. Драми.

1. **Борисъ Годуновъ.**

— Борисъ Годуновъ. Прѣвелъ *Вазовъ:*

I. Нощь. Въ Келията Пименъ пише.

II. Самозванецъ и Марина.

Христом. Вазовъ и Величковъ, ч. II, 1884, стр.

— Борисъ Годуновъ. Драма въ стихове. Прѣв. *Т. Ц. Трифоновъ*. Руссе, 1891. Сл. «Дума», ч. III, 1893, кн. 2. Крит. отд.

— Пушкинъ А. С., Борисъ Годуновъ (сцена изъ руската история). Прѣвелъ *Д. Г. Анчевъ*. Силистра, 1888.

2 и 3. **Скупой рыцарь. — Моцартъ и Сальери.**

— Скжпий рицарь. Драма отъ А. Пушкина. Мишевъ-Кост., Христом. II[1], стр. 590 и сл.:

Сцена I. Прѣв. П. П. Славейковъ.

Сцена II. Прѣв. Ив. Вазовъ.

Сцена III. Прѣв. Д. Мишевъ.

(Нѣсколько строфъ изъ перев. Вазова цитируетъ Иорд. Ивановъ въ своей «Исторіи Слав. Литер.», стр. 164).

— *Моцартъ и Салйеръ* и *Скжперникъ рицарь*. Драми въ стихове отъ А. С. Пушкина. Прѣвелъ *Т. Ц. Трифоновъ*. Руссе, 1889.

[*Рец.*: — «Денница», ч. I, кн. 10, стр. 478—479. Георги. — «Критика», Мѣсечно списание. Казанлъкъ. Ред. Д-ръ К. Кръстевъ, год. I, кн. 1, стр. 22—27; кн. II, стр. 56, С. Делиспасовъ. — «Моцартъ и Салйеръ и Скжперникъ рицарь», на масата на критика. Отговоръ на Делиспасова отъ Т. Ц. Трифонова. «Искра» г. III, кн. 3 и 4. — «Дума», год. I, 1890, кн. II: Г-нъ Делиспасовата критика на «Моцартъ и Салйеръ» и «Скжперникъ рицарь» отъ Пушкина. Прѣвелъ Т. Ц. Трифоновъ].

4. **Русалка, драма.**

— Русалка. Драматически очеркъ отъ А. С. Пушкинъ. Прѣвелъ *Т. Ц. Трифоновъ*. (Съ кратк. введ., стр. 331—333). «Изворъ» иллюстров. списание за ученици и ученички, год. II, 1893, стр. 333—357 и отдѣльно: Пушкинъ А. С. Русалка. Драматическій очеркъ въ стихове. Прѣв. Т. Ц. Трифоновъ. Русч. 1893.

5. **Каменный гость.**

— Каменний гость. Прѣв. *Т. Ц. Трифоновъ*. Бълг. Сбирка, 1899, кн. 9 и 10, стр. 408—439.

IV. Повѣсти и романы.

1. **Евгеній Онѣгинъ.**

— Евгеній Онѣгинъ. Изъ II пѣсень. Прѣвелъ *Ив. Вазовъ*. Христом. Вазовъ-Величковъ, II ч., 1884, стр. 94.

— Изъ Онѣгина гл. VIII. (Въ тѣзи дни, когато бѣхъ въ Лицея). Прѣв. *П. Цачевъ*, op. cit. стр. 9.

2. **Капитанская дочка.**

— А. С. Пушкинъ. Капитанска дъщеря. Повѣсть. Прѣвелъ *Ив. Ст. Андрейчинъ*. София, 1898.

3. **Кирджали.**

— Кърджали. Повѣсть отъ Пушкина. Прѣв. Х. «Българска Сбирка», год. IV, 1897, стр. 749 и сл.

— Кѫрджали. Повѣсть отъ Пушкина. Прѣв. С. Поповъ. «Китка». Хасково, год. I, кн. 12, стр. 732—740.

4. **Повѣсти Ив. Петр. Бѣлкина: Выстрѣлъ.**

— А. С. Пушкинъ. Вистрѣлъ. Прѣв. Ив. Владимировъ. «Литературно-научно списание на Казанлѫшкото учителско Дружество». Ред. Д-ръ К. Кръстевъ въ Казанлѫкъ. Год. I, 1890, кн. 5, стр. 153 и сл. Id. кн. 6.

— Вистрѣлъ отъ А. С. Пушкина. Газ. «Народна Защита», Седмич. вѣстн. Редакторъ-издатель Т. Цаневъ. Казанлѣкъ, год. I, бр. 2. Фейлѣтонъ. Перев. ?

— Гърмежътъ отъ А. С. Пушкинъ. Прѣвелъ Велисавъ. Газ. «България не спи», ред. отгов. Ст. Стояновъ. София. Год. I, Януарий 7, № 1, Фейлѣтонъ.

5. **Повѣсти Ив. Петр. Бѣлкина: Метель.**

— Виелица. Повѣсть отъ А. Пушкинъ. Прѣвелъ Д-ръ К. К. Кръстевъ. «Литературно-научно списание etc.». Казанлѫкъ, год. I, кн. 1, стр. 34—42 и кн. 2.

6. **Пиковая дама.**

— Дама «Круша» отъ Пушкина. Прѣвелъ Р(адевъ?). «Китка», мѣсечно литературно списание. Ред. П. Ив. Радевъ, Ст. Поповъ и Хр. Карапетковъ. Год. I, 1893. Хасково, кн. 7, стр. 411—443.

7. **Дубровскій.**

— А. С. Пушкинъ. Дубровски. Повѣсть. Прѣвелъ отъ русски Д. Г. Ничевъ. Силистра 1893.

8. **Повѣсти Ив. Петр. Бѣлкина: Станціонный смотритель.**

— Станционенъ надзиратель отъ А. С. Пушкина. Прѣвелъ С. Д. Юруковъ. «Българска Сбирка», год. IV, 1897, стр. 291—299.

II.

А. С. ПУШКИНЪ

ВЪ ХОРВАТСКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

НАПИСАЛЪ

Проф. **Миливой Шрепель.**

Когда А. С. Пушкинъ скончался, у хорватскаго народа только что начала зарождаться заря культурнаго политическаго возрожденія. Это былъ второй ренессансъ этого народа, существенно отличавшійся отъ перваго опредѣленно выраженнымъ стремленіемъ къ политическому объединенію. Этотъ второй ренессансъ стоялъ въ связи съ общей европейской реакціей противъ духа и литературы XVIII-го столѣтія; вмѣсто привиллегированныхъ сословій выступаетъ и крѣпнетъ теперь въ общественной жизни демократія. Радикальный тонъ этой струи высказывается и въ хорватскомъ движеніи тѣмъ, что вожаки его подняли знамя «иллиризма», чтобы на основаніи нейтральности этого историческаго названія, превратно истолкованнаго въ смыслѣ славянскомъ, легче объединить въ одно цѣлое всѣхъ южныхъ славянъ — словенцевъ, хорватовъ, сербовъ и болгаръ. Хорватскіе регенераторы руководились фактомъ, что имя иллирское было уже извѣстно съ давнихъ поръ, въ особенности въ иностранныхъ литературахъ; прельщала же ихъ также идея Наполеона I-го, который декретомъ отъ 19 октября 1809 года постановилъ, какъ извѣстно, что Крайна, Хорутанія, Истрія, Тріестъ, Фіуме, Хорватское приморье, Далмація съ островами, гражданская и военная часть Хорваціи до Савы должны впредь носить названіе — Иллирія.

Хорватское возрожденіе подъ именемъ иллиризма затѣяла молодежь, имѣвшая сношенія съ чешскими дѣятелями. Людевитъ Гай, отецъ хорватскаго возрожденія, былъ другомъ и ученикомъ

Яна Колляра, который, въ свою очередь, стоялъ подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ нѣмецкой романтики. Поэтому и понятно, что иллиризмъ въ литературѣ сочувствовалъ не столько Байрону, сколько направленію Уланда. Чрезмѣрная субъективность перваго не была по вкусу хорватскимъ регенераторамъ, вздыхавшимъ болѣе всего за единство южныхъ славянъ: въ этомъ сосредоточивалось ихъ одушевленіе, въ этомъ они усматривали якорь спасенія при стѣснительныхъ политическихъ обстоятельствахъ, происходившихъ отъ мадьярской супремаціи. Оборотъ этотъ совершался въ тридцатыхъ годахъ. Въ то время и вѣнское правительство поддерживало или по крайней мѣрѣ не воспротивлялось иллиризму, видя въ немъ нѣкоторую опору противъ мадьяръ. Однако-жъ эта поддержка не была продолжительна. Когда въ Вѣнѣ замѣтили, что иллиризмъ съ необыкновенной быстротой идетъ впередъ, они струсили, и боясь неоправданной новой опасности, угрожающей будто-бы ихъ властолюбивымъ замысламъ, они вскорѣ вовсе запретили употреблять имя иллирское. Крѣпкая струнка либерализма отзывается въ иллиризмѣ; съ нимъ подружилось даже низшее духовенство, какъ доказываетъ примѣръ Павла Штооса. Этотъ демократическій либерализмъ прокладывалъ дорогу 1848 году, онъ привелъ идею иллиризма въ дѣло, когда банъ Еллачичъ перешагнулъ Драву. Всѣмъ этимъ ходомъ дѣлъ объясняется, почему лирическая поэзія иллиризма гораздо сильнѣе выставляетъ патріотизмъ, чѣмъ личныя чувства. Оттуда объясняется также ея, такъ сказать, стыдливость.

Иллиризмъ былъ дѣломъ нѣсколькихъ людей, но людей рѣшительныхъ. Иногда почва долго отдыхаетъ и тогда вдругъ обильный урожай, такъ и иллиризмъ родилъ много сильныхъ талантовъ, въ числѣ которыхъ нѣкоторые до сихъ поръ занимаютъ первенствующія мѣста на хорватскомъ Парнассѣ, какъ: Иванъ Мажураничъ, Петаръ Прерадовичъ и Станко Вразъ. И въ драматической поэзіи явилось нѣсколько талантливыхъ писателей, между которыми стоитъ упомянуть Димитрія Деметера. Только

въ области исторіи иллиризмъ не отличался, послѣдовавшая эпоха превзошла его. И у хорватовъ вышло такъ, какъ мы видимъ у прочихъ европейскихъ народовъ: поэтъ передаетъ свое оружіе «литератору», вмѣсто стиховъ первые таланты начинаютъ писать повѣсти. У иллиризма не было повѣствователей, беллетристовъ, которые выдерживали бы сравненіе съ Шеноа или съ Гяльскимъ. Теперь только выходитъ наружу вліяніе литературы русской: чѣмъ Янъ Колляръ былъ для иллирской поэзіи, тѣмъ оказался Тургеневъ для хорватской повѣсти, начиная съ Гяльскаго, который у хорватовъ сдѣлался представителемъ новаго періода— періода реализма, согрѣваемаго сочувствіемъ къ бѣдствующимъ и униженнымъ.

Въ иллирской поэзіи не трудно подмѣтить три различныя теченія: средневѣковую поэтическую литературу Далмаціи-Дубровника, народное творчество, т. е. сербскія народныя пѣсни, и неоромантическое европейское направленіе. Народъ хорватскій въ своемъ политическомъ порабощеніи съ гордостью вспоминалъ и ссылался на своихъ старыхъ писателей перваго возрожденія, изъ которыхъ многіе, какъ это хорошо объяснено въ сочиненіи покойнаго Первольфа, были въ числѣ первыхъ прославлявшихъ идею славянской взаимности, воспѣваемаго ими «славянства». Но такъ какъ поэтическая дѣятельность этихъ писателей вращалась въ кругу идеаловъ итальянскихъ, преклоняясь во всемъ предъ нимъ, то Станко Вразъ возсталъ противъ исключительнаго подражанія новой поэзіи этимъ предкамъ, указывая на живой источникъ народной поэзіи. Содержаніе же идейное илирскіе поэты для себя отыскивали въ европейской романтикѣ, при чемъ сѣверные опирались исключительно на нѣмецкую, а южные преимущественно на италіанскую литературу, хотя одинъ изъ послѣднихъ, графъ Медо Пуцичъ, зналъ также о Коллярѣ и Мицкевичѣ.

Между иллирскими писателями Вразъ былъ чистѣйшій литераторъ, Прерадовичъ принадлежалъ къ военному сословію, а Ив. Мажураничъ, геніальный пополнитель «Османа» Гундули-

чева и авторъ «Ченгичъ-аги» можетъ быть скорѣе причисленъ къ государственнымъ людямъ, чѣмъ къ писателямъ. Въ дѣятельности Враза очень наглядно отражаются характерныя черты иллирской литературы. Онъ по занятію и призванію писатель, который входитъ даже въ полемику, чтобы отстоять свои начала и убѣжденія.

Изъ богатой переписки *Враза* узнаемъ о сношеніяхъ иллиризма съ прочимъ славянствомъ, слышимъ о трудностяхъ тогдашняго сообщенія, въ особенности относительно доставки русскихъ книгъ въ Хорватію. Вразъ въ своихъ письмахъ постоянно жалуется, а другъ его *И. И. Срезневскій* старается всѣми усиліями помочь, но, конечно, задача эта превышала его силы. Со стороны мадьяръ нерѣдко высказывались доносы на представителей иллиризма, что они молъ получаютъ изъ Россіи денежныя пособія. Вразъ отвѣтилъ на эти доносы эпиграммой «Rublji» слѣдующаго содержанія:

«Vašeg družtva sladke trublje,
Koje sve baš točno znadu,
Razglasiše već po gradu:
Da pošilja svietle rublje
Nam za ljubav, bolje znanstvo,
Njeg'vo rusko veličanstvo.
No bih kazao, da i ova
Novina je laž gotova:
Jer oprosti, družbo slavna,
Da su nama rublji liepi,
To bi i vas već odavna
Imali u naših džepi'!

Вразъ въ своей богатой литературной дѣятельности переводилъ очень много изъ всѣхъ почти европейскихъ литературъ. Въ длинномъ рядѣ его переводовъ мы находимъ словенцевъ, чеховъ, поляковъ и русскихъ (Языкова, Жуковскаго, Вепевитинова, Пушкина, Лермонтова, Хомякова), англичанъ, испанцевъ и италіян-

цевъ. Помимо нѣкоторыхъ мелкихъ стихотвореній онъ перевелъ изъ Пушкина «Клеветникамъ Россіи», «Бахчисарайскій фонтанъ» и «Бородинскую годовщину». Вразъ былъ родомъ словенецъ, ему стоило не малаго труда писать стихи штокавскимъ нарѣчіемъ (литературнымъ хорватскимъ языкомъ), но несмотря на все то, въ переводахъ его слышится поэтъ. Онъ, правда, придерживался еще принципа, что въ стихѣ главное дѣло — число слоговъ, но все же ему удавалось въ трохаическомъ размѣрѣ достигнуть аристократической изящности и благородной простоты подлинника. Однообразію трохеевъ онъ съ успѣхомъ противодѣйствовалъ при помощи такъ называемой синицезы, которую иллирскіе поэты допускали по примѣру старыхъ далматскихъ образцовъ. Поэты послѣдующаго времени отказались отъ этого пріема. Но у Враза прелестной игрѣ размѣровъ въ романтическихъ пѣсняхъ хорошо соотвѣтствуетъ большая свобода, которую поэтъ пріобрѣтаетъ посредствомъ синицезы.

Вразу, какъ лирическому поэту, въ особенности удавались въ переводахъ мѣста лирическія. Но вліяніе Пушкина замѣтно у него отчасти также въ оригинальныхъ произведеніяхъ его, напр. въ балладѣ «Fredrik i Veruuika», тамъ, гдѣ описывается бѣдственное положеніе Вероники Десиничъ въ тюрьмѣ.

Кромѣ Враза переводилъ изъ Пушкина еще иллирскій поэтъ *Д. Деметеръ* въ Даницѣ (двѣ пѣсни), при чемъ стоитъ замѣтить, что Деметеръ принадлежалъ къ рѣдкимъ представителямъ байронизма въ Хорватіи во время иллиризма. Его стихотвореніе «Grobničko polje» содержитъ описаніе борьбы татаръ съ хорватами на лирико-эпическій ладъ, рефлексіи чередуются съ діалогами и эпизодическими пѣснями; сначала встрѣчаемъ пѣсню татарокъ, потомъ пѣсню иллирійцевъ, принадлежащую къ лучшимъ своего рода. Пѣсня татарокъ состоитъ изъ трехъ строфъ, какъ и «татарская пѣсня» въ «Бахчисарайскомъ фонтанѣ»; въ обоихъ выражается постепенность мыслей одинаковыми пріемами, т. е. что̀ татарину пріятно и что̀ ему еще болѣе пріятно. Вотъ эта пѣсня у Деметера:

Liepo j' vidjet na nebesi,
Kad se zora rumeni;
Liepo j' vidjet, kad se resi
Ruža listi crveni;

Liepo j' vidjet, kad rumeni
Nebokrug večerni plam;
Liepo j' vidjet, mladoj ženi
Kad bo'adisa lica sram:

Nu Tatarin sablju cieni
Više jošte tri puta,
Sablju, koju krv crveni
Svog dušmana ubita.

Пѣсню иллирійцевъ, начинающуюся стихомъ «Prosto zrakom ptica leti», главный мотивъ которой грустное желаніе свободы, можно сопоставить съ пѣснею у Пушкина въ Цыганахъ «Птичка божія не знаетъ». Въ концѣ стихотворенія прибавленъ эпилогъ — тоже пріемъ у Байрона и Пушкина часто повторяющійся.

Вліяніе Пушкина въ продолженіе иллирской эпохи было бы по всей вѣроятности замѣтнѣе и значительнѣе, если-бы не уже въ 1849 году, мадьярамъ въ наказаніе, а хорватамъ въ плохое вознагражденіе, произошла пріостановка конституціоннаго правительства, за которой въ 1851 году послѣдовала система Баховской централизаціи и германизаціи. На нѣжные посѣвы національной жизни обрушился морозъ, всѣ надежды хорватовъ, что ихъ баловень и любимецъ, банъ Еллачичъ, возвратитъ имъ свободу, оказались тщетными. Пока раньше въ Хорватіи историческое развитіе страны было поддерживаемо тремя сословіями, аристократическимъ, городскимъ и крестьянскимъ, новая система, презрѣвъ исторію и народныя преданія, сосредоточила всю власть въ рукахъ чиновничества, принадлежавшаго происхожденіемъ по большей части иностранцамъ.

Наступили пасмурные дни и для литературы; ряды литераторовъ становились все слабѣе. Вся литературная дѣятельность сосредоточилась въ *Кукулевичѣ* или же сгруппировалась около него и Мирка *Боговича*. Первый былъ преимущественно историкомъ (хотя онъ писалъ также повѣсти и драмы), второй — поэтомъ. Въ этомъ затмѣніи національной жизни неудивительно,

что и литература опустила крылья; лишенная свободы поэзія издыхала. Литература все еще питалась романтизмомъ, оттуда наклонность ея къ исторіи и народному творчеству. Печальный духъ поэта переносился изъ неблагопріятнаго современнаго положенія въ прошлое, чтобы въ немъ найти утѣшенія и ободренія для будущности. Вотъ главная характеристика литературы во время абсолютизма. Несмотря на все то, она не отказалась отъ своихъ идеаловъ.

Иллиризмъ былъ смѣненъ названіемъ юго-славянскимъ. Органомъ изящной словесности сталъ журналъ «Neven», который не упускалъ изъ виду прочихъ славянскихъ литературъ. Во главѣ переводчиковъ стоялъ Иванъ *Трнски*, ему обязанъ журналъ, между прочимъ, различными переводами изъ Пушкина, въ числѣ которыхъ стоитъ указать на «Кавказскаго плѣнника» и на «Бахчисарайскій фонтанъ». Трнски пріобрѣлъ какъ переводчикъ громкую извѣстность; можно же утверждать, что лучшіе переводы его падаютъ во время абсолютизма. Трнски перевелъ обѣ пѣсни Пушкина восьмисложнымъ трохаическимъ размѣромъ, подобно тому, какъ Станко Вразъ, но безъ синицезы. Однакожъ переводы Трнскаго еще въ меньшей мѣрѣ удовлетворяютъ требованіямъ подлинника, чѣмъ переводы Враза. Несмотря на всю правильность языка, переводы его слабо отражаютъ чудную роскошь восточной жизни, нарисованную мастерски въ подлинникѣ. Причина этой неудачи, должно быть, кроется въ различіи талантовъ русскаго поэта и поэта переводчика. Трнски былъ по преимуществу дидактикъ.

Переводы Трнскаго занимаютъ все-таки въ хорватской литературѣ между переводами изъ Пушкина высокое мѣсто. Они блестятъ лирической легкостью. Трнски не обращалъ сначала еще довольно вниманія, сочиняя трохеи, на требованія ударенія, только съ семидесятыхъ годовъ у него установилось вполнѣ оправданное убѣжденіе, что и въ хорватскомъ стихотворствѣ должно господствовать удареніе. Трнски — отецъ хорватской ритмической версификаціи, но въ практическомъ примѣненіи сво-

ихъ началъ онъ самъ поступалъ иногда слишкомъ педантически, поэтичность выраженія должна была уступать требованіямъ стиха и риѳмы. Чтобы показать, каковы были переводы его во время абсолютизма, въ теченіе пятидесятыхъ годовъ, приводимъ изъ «Кавказскаго плѣнника» переводъ «Черкесской пѣсни».

Rieka teče, talas šumi,
Noć se smrkla strahovito;
Kozak trudan snom se kumi,
Na koplje se boči vito.
Oj ne driemaj, moj kozače:
Čečenjanin kroz mrak skače.

Na svom čamcu kozak brodi,
Po dnu rieke mrežu vuče.
Pazi, smrt ćeš nać u vodi.
Mladić tone, rieka huče,
U dno brzo svak zamače:
Čečenjanin briegom skače.

Na rieci je liepo selo,
Cvatu diljem livadice;
Kolo igra tud veselo.
Bjež'te ruske djevojčice,
Da vam majka ne zaplače:
Čečenjanin briegom skače.

Въ «Neven»-ѣ вышелъ также переводъ новеллы «Барышня-крестьянка», сдѣланный И. Трнскимъ. Этотъ переводъ далъ въ семидесятыхъ годахъ *І. Томичу* матеріалъ для libretto къ одной оперѣ хорватскаго композитора Зайца, подъ названіемъ «Lizinka», принадлежащей къ лучшимъ его произведеніямъ. Въ «Neven»-ѣ напечатанъ еще переводъ «Дубровскаго», сдѣланный тѣмъ-же Трнскимъ, который можно смѣло причислить къ самымъ удачнымъ переводамъ въ хорватской литературѣ изъ русской прозы. Благородство и отмѣнность стиля въ переводѣ соперничаетъ съ подлинникомъ. Этому пріятному впечатлѣнію не можетъ много повредить, если и докажется, что смыслъ того или другого мѣста не вполнѣ точно переданъ. Этотъ переводъ своимъ достоинствомъ равняется извѣстнымъ переводамъ *І. Мишкатовича* изъ Тургенева. Переводъ вышелъ въ 1853 году, а въ 1854 году появились въ томъ-же «Neven»-ѣ два разсказа *М. Боговича*:

«Vidov dan na Lobor-gradu» и «Slava i ljubav». Во второмъ разсказѣ авторъ разсказываетъ судьбу одного хорватскаго дворянина, попавшаго въ Наполеоновскомъ походѣ на Россію въ качествѣ солдата въ Москву, гдѣ онъ былъ свидѣтелемъ пожара. Описывая пожаръ, Боговичъ употребилъ гордыя слова Пушкина изъ «Евгенія Онѣгина» (III, 37) — доказательство, что вліяніе Пушкина черезъ Трнскаго сообщилось и собрату его — Боговичу.

Подъ конецъ абсолютизма вышло еще нѣсколько переводовъ изъ Пушкина въ газетѣ «Narodne novine», переводчикомъ былъ молодой въ то время студентъ-медикъ *Э. Асангеръ*, пописывавшій подъ псевдонимомъ «Асан-ага»; переводы его не имѣютъ литературнаго значенія. Въ 1859 году выступилъ въ «Narodne novine» также Спир. *Димитровичъ Котаранинъ*, усердный переводчикъ изъ А. С. Пушкина, но дѣятельность его лучше отнести ко второму, послѣ 1860 года наступившему періоду политической и національной жизни въ Хорватіи.

Послѣ Сольферино Хорватія почувствовала опять нѣкоторое облегченіе. Изъ-за пасмурныхъ дней стало опять небо проясниваться, когда такъ называемымъ октябрьскимъ дипломомъ 1860 года странѣ возвращена конституціонная жизнь. Всѣ таланты хорватской литературы выступили теперь на поприще политическое; въ парламентѣ хорватскомъ 1861 года приняли участіе всѣ лучшіе хорватскіе литераторы, волна политики отбросила ихъ отъ литературы. Теперь наступило время для процвѣтанія политическаго краснорѣчія, но въ ущербъ самой литературѣ, лишенной такимъ образомъ своихъ лучшихъ представителей, мѣста которыхъ заняли дилеттанты. Этотъ дилеттантизмъ въ особенности выходилъ наружу въ области новеллистики. Поэтому не малой заслугой Іосифа Мишкатовича слѣдуетъ признать то, что онъ именно теперь, какъ разъ въ пору, внесъ въ хорватскую литературу И. Тургенева. Этимъ восполнялся пробѣлъ въ литературѣ самымъ достойнымъ образомъ и беллетристика направлялась на хорошій путь. Къ числу дилеттантовъ, обогащавшихъ литературу переводами принадлежалъ также вышеупомянутый Спир.

Димитровичъ. Его знали по дружбѣ съ поэтомъ *Прерадовичемъ*, завязавшейся въ бытность ихъ обоихъ въ Италіи въ качествѣ австрійскихъ офицеровъ. Это былъ военный кружокъ хорватскихъ поэтовъ. Прерадовичъ началъ свою поэтическую дѣятельность на хорватскомъ языкѣ стихами 1843 года: «Poslanica Spirі Dimitroviću».

Переселившись въ Загребъ Димитровичъ сдѣлался вскорѣ — въ началѣ шестидесятыхъ годовъ — переводчикомъ для загребскаго театра съ годовымъ окладомъ, при чемъ онъ обнаружилъ неимовѣрное усердіе. Онъ переводилъ какъ легкія мелкія піесы изъ нѣмецкой литературы, такъ и большія серьезныя сочиненія изъ Шиллера и Шекспира. До своей кончины (1868 г.) онъ перевелъ такимъ образомъ до ста различныхъ драматическихъ произведеній. Но Димитровичъ мало заботился, да и некогда было ему, о хорошей окончательной отдѣлкѣ своихъ переводовъ, къ тому же признаться, онъ былъ слабо подготовленъ для своей задачи. Въ его трудахъ такъ и слышится суровый солдатъ. Молодой *Шеноа* возсталъ противъ него, завязалась жестокая полемика, въ которой не обошлось безъ личныхъ оскорбленій. Димитровичу недоставало литературнаго, эстетическаго образованія, онъ старался прикрыть этотъ недостатокъ красивыми фразами простонародной поэзіи, которая была ему хорошо извѣстна. Но этого мало. Димитровичъ взялся также за переводы изъ Пушкина. Въ 1859 году онъ перевелъ «Руслана и Людмилу», въ 1860 году «Полтаву», «Братьевъ разбойниковъ» и «Цыганъ», наконецъ, также, и «Евгенія Онѣгина». Само собою почти разумѣется, что Димитровичъ переводилъ народнымъ эпическимъ размѣромъ. Этого размѣра онъ придерживался, безъ различія, приходилось-ли переводить изъ Пушкина или изъ Шекспира. Когда переводъ «Руслана и Людмилы» вышелъ отдѣльной книжкой, читатели были въ восторгѣ отъ красоты Пушкинской поэзіи, но и отъ богатствъ народной фразеологіи въ переводѣ. На дѣлѣ можно допустить, что размѣръ, выбранный переводчикомъ, не повредилъ впечатлѣнію, которое долженъ былъ произвести его трудъ. Но «Евге-

нія Онѣгина» все-же трудно было вложить въ этотъ стихъ, свойственный только широкому размаху эпическаго разсказа. Петербургскій dandy и сербскій народный гусляръ не могутъ ходить въ одномъ и томъ же костюмѣ. Уже въ «Русланѣ и Людмилѣ» незнакомство переводчика съ классическимъ міромъ сыграло съ нимъ нехорошую шутку, когда онъ, напр., назвалъ Лемносъ «старымъ кузнецомъ» («Lemnos kovačina stara»). За-то описанія сраженій у него выходили великолѣпныя, полныя энергіи и пластичности. Поэтому переводъ «Руслана и Людмилы», несмотря на всѣ его недостатки, еще и теперь имѣетъ свою цѣну, онъ читается легко. Переводъ его точенъ, даже черезчуръ точенъ тамъ, гдѣ онъ оставилъ русскіе слова непереведенными, не обращая вниманія на то, что они или совсѣмъ неизвѣстны въ хорватскомъ языкѣ, или же въ другомъ значеніи употребляются. И въ «Полтавѣ» переводчику лучше удались эпическія мѣста, чѣмъ лирическія; для лирики недоставало ему тонкаго вкуса. Одно достоинство всѣхъ этихъ переводовъ, т. е. «Руслана», «Полтавы», «Братьевъ разбойниковъ», «Цыганъ» — должно быть нарочно припомянуто, это ихъ — удобопонятность, вразумительность. Поэтому переводы Димитровича нашли читателей. Въ доказательство этого качества приводимъ нѣсколько строкъ изъ эпилога «Цыганъ».

Već danicom istok ožareni
Divno sjaje. Aleko za humom
U rukama krvavima s nožem
Na kamenu sjedio je grobnom.
Dva su trupa pred njima ležala;
Ubojica užasna je lica,
U smućenoj i robskoj gomili
Cigani su njega okružili;
Nedaleče zavalu kopaju,
Idu žene u turobnom redu
I mrtvacem oči cjelivaju.
Pokraj kćerce stari otac sjedi,

U bezdjetnoj i niemoj pečali
Na ubjenu nesretnicu gledi;
Podigoše trupe i ponieše,
Da u mater duboku zemljicu
Zakopaju mladjahnu dvojicu.
Na sve Alek iz dala je gledo.
Pokojnike kada su spustili,
Zemnom grudom prostiše se s njima,
On se htjede tiho odmaknuti,
Al s kamena na zemlju pade.
Približi se starac ter mu reče:
«Kani nas se, oholi čovječe!
Mi smo divljad, pravâ nemademo.
Mi ne znamo kazne ni mučenja,
Ne treba nam krvi ni cviljenja;
S ubojicom živjet ne možemo.
Rodjen nisi za nevolje divlje,
Ti bi rado, da je sve po tvome;
Tvoja nam je nazočnost užasna:
Mi smo biedni, ali dobre duše,
Ti s' okrutan — dakle nas ostavi,
Nama prosti, mir nek s tobom bude.
To izusti i s vikom čoporâ
Podignu se tabor na skitanje.
Iz doline strahovite noći,
U pustošnoj skoro je daljini
Sve se skrilo. Samo jedna kola
Pokrivena ubogim pokrovom
Ostadoše na udesnom polju.
Uprav tako ispred oštre zime
U maglini jutrenje zorice,
Kad se digne s polja širokoga
I grakćući na jugo poleti
Silno jato kasnijeh ždralova,

Izranjeni od težkog olova
Samo jedan pečalan ostane
Zaprhnuvši prošipljenim krilom.
Noć nastade; pokraj lakih kola
Nitko nije vatru naložio,
Nit je itko pod lasnim pokrovcem
Do zorice sanak boravio.

Но — такимъ тономъ нельзя переводить «Онѣгина», спокойная обширность эпическаго десятисложнаго размѣра не годится для поверхностной, суетливой, надменной природы Онѣгина. Переводъ «Онѣгина», сдѣланный Димитровичемъ, это настоящее кораблекрушеніе Пушкинской поэзіи, тѣмъ болѣе ужасное, что переводчикъ не понялъ духа и смысла отдѣльныхъ мѣстъ. Такъ напр. онъ наивно назвалъ «хандру» въ переводѣ «neka bolest u Rusiji» (родъ болѣзни въ Россіи)!

Въ началѣ 60-хъ годовъ вышла въ журналѣ «Glasonoša» первая глава «Онѣгина» въ переводѣ *И. Трнскаго*, переводъ сдѣланъ въ четырехстопныхъ трохаическихъ стихахъ съ риѳмой, довольно хорошо. Въ то же время вышли еще нѣкоторые мелкіе переводы, о которыхъ упоминается подробно въ библіографическомъ обозрѣніи.

Въ 1869 году сталъ выходить новый беллетристическій журналъ «Vienac», при сотрудничествѣ лучшихъ въ то время писателей, достаточно упомянуть *Прерадовича* и *Ягича*. Теперь дилетантизмъ уступаетъ, въ храмъ искусства и наукъ опять получаютъ доступъ только такіе, кому литература не пустое препровожденіе времени или только насущный хлѣбъ, но священное призваніе. «Vienac» сталъ давать переводы отдѣльныхъ Пушкинскихъ стихотвореній, въ которыхъ приняли участіе *Трнски*, *Утѣшеновичъ*, *Маретичъ*, *Брлековичъ* и пр. Здѣсь напечатанъ также переводъ «Выстрѣла» и впервые переводъ «Капитанской дочери», который хорошо перевелъ *Маретичъ*, бывшій тогда еще студентомъ. И прочіе литературные журналы и газеты, выходившіе въ тече-

ніе 70-хъ, 80-хъ и 90-хъ годовъ, сообщали различные переводы изъ Пушкина, на которыхъ мы не останавливаемся. Припомнимъ только переводъ «Мѣднаго всадника», сдѣланный *Брлековичемъ* въ журналѣ «Hrvatska lipa» за 1875 годъ ямбическими стихами, которые пошли въ ходъ въ хорватской литературѣ послѣ попытки, сдѣланной Марковичемъ въ эпической повѣсти «Kohan i Vlasta» (1868). Переводъ Брлековича выдаетъ начинающаго труженика, но есть и удачныя мѣста.

Въ 1881 году «Матица хорватская» (Matica hrvatska) издала «Онѣгина» въ переводѣ Ивана Трнскаго. Онъ перевелъ и напечаталъ 1 главу романа уже давно (лѣтъ двадцать раньше этого времени), но теперь онъ переправилъ свой трудъ съ цѣлью получить безупречные трохаическіе стихи. Но эта его затѣя не удалась ему, переводъ вышелъ не вполнѣ понятнымъ. Внѣшняя форма стиховъ и риѳмъ правильная, но эта правильность повредила легкости выраженія. Она нарушила изящность, безъ которой Онѣгинъ не Онѣгинъ. Многіе читатели, незнакомые съ русскимъ оригиналомъ, недоумѣвали, какъ могъ Пушкинъ именно своимъ Онѣгинымъ стать гордостью и любимцемъ русскаго народа, сдѣлаться для русской литературы тѣмъ, чѣмъ былъ Гёте для нѣмецкой. Нѣтъ сомнѣнія, что Онѣгина слѣдовало переводить въ ямбахъ. Сербскій поэтъ *Змай Іованъ Іовановичъ* былъ бы въ состояніи это сдѣлать, какъ слѣдуетъ. Это доказываетъ его образцовый, удивительно хорошій переводъ Лермонтовскаго «Демона». Вообще его переводы стоятъ въ сербской и хорватской литературѣ выше всѣхъ; въ нихъ все кипитъ полною жизнью, это не сухіе остовы, а настоящія поэтическія воспроизведенія. Нельзя, однакоже, не признавать большихъ заслугъ Трнскаго въ томъ, что онъ, начиная съ пятидесятыхъ годовъ, не переставалъ знакомить хорватскую публику съ поэзіею, съ сочиненіями А. С. Пушкина.

Въ новѣйшее время (1896) проф. *Т. Маретичъ* перевелъ и въ Христоматіи изъ славянскихъ литературъ (Čitanka) напечаталъ «Полтаву». Онъ извѣстенъ въ хорватской литературѣ переодами Гомера, Вергилія и Мицкевичева «Пана Тадеуша». Въ

переводахъ изъ древнихъ классиковъ онъ сохранилъ размѣръ оригиналовъ, въ переводѣ же «Полтавы» онъ примѣнилъ восьмисложные стихи съ риомой. Переводъ его отличается правильностью и точностью.

О Пушкинѣ и его сочиненіяхъ написалъ Ив. Трнски въ «Neven»-ѣ за 1854 годъ статью біографическую, которая передѣланная вошла въ введеніе его изданнаго въ 1881 году перевода «Онѣгина». Я написалъ тоже біографію русскаго поэта, напечатанную въ изданіи «Матицы хорватской» за 1891 годъ, подъ заглавіемъ: «Pjesnički prvaci u prvoj polovini XIX vieka». Въ этой книжкѣ мною рядомъ съ Пушкинымъ разобраны еще слѣдующіе корифеи европейскихъ литературъ: Байронъ, Мицкевичъ, Колляръ, Леопарди, Гейне и Гюго.

Чтобы почтить память великаго русскаго поэта по случаю столѣтней годовщины его рожденія «Матица Хорватская» напечатаетъ и вскорѣ издастъ[1]) Антологію изъ его сочиненій въ хорватскихъ переводахъ. Здѣсь, между прочимъ, выйдетъ также переводъ «Бориса Годунова», сдѣланный съ соблюденіемъ размѣра оригинала *Ис. Великановичемъ*. Великіе геніи не живутъ только для себя и своего народа, они снабжаютъ богатствомъ своихъ идей, красотой своихъ сочиненій всѣ народы. Пушкинъ дарилъ и еще долго будетъ дарить все человѣчество. Мы, хорваты, преклоняясь передъ тѣнью его, почитаемъ въ немъ не только великаго поэта, но и великаго славянина. Имя Пушкина — каждому славянину святыня.

---

1) Съ тѣхъ поръ, какъ эта статья написана, прошелъ цѣлый годъ. Упомянутое изданіе вышло подъ слѣдующимъ заглавіемъ: Puškinova izabrana djela u hrvatskoj knjizi. O stogodišnjici pjesnikova rodjenja izdala Matica hrvatska Zagreb, 1899. Naklada «Matice hrvatske», 8⁰. LXXII, 392. **И. В. Я.**

III.

А. С. ПУШКИНЪ

ВЪ СЕРБСКО-ХОРВАТСКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

Очеркъ библіографическій.

Въ маленькихъ литературахъ постоянно ощущается недостатокъ пособій библіографическихъ. Какъ многіе издатели думаютъ, что отдѣльная книга можетъ обойтись безъ указателя, такъ и совокупность издаваемыхъ сочиненій, книгъ, газетъ, журналовъ, не вызываетъ обозрѣній библіографическихъ. Когда уже отдѣльныя книжки съ трудомъ расходятся и плохо окупаются, — очень часто еще до сихъ поръ на подписку, не попадая даже въ книжную торговлю, — то понятное дѣло, на сухіе библіографическіе труды можно еще менѣе разсчитывать, что они найдутъ покупателей или читателей. Между тѣмъ этотъ пробѣлъ становится съ каждымъ годомъ чувствительнѣе, онъ заслуживаетъ серьезнаго обсужденія. Въ сербско-хорватской литературѣ значительная часть дѣятельности сосредоточена, чтобы не сказать спрятана, въ журналахъ и газетахъ, иногда очень недолговременныхъ. Многія изданія, не пользовавшіяся большою распространенностью, должны были прекратить свое существованіе послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Много-ли послѣ нѣсколькихъ лѣтъ. Полные экземпляры такихъ изданій принадлежатъ потомъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, къ библіографическимъ рѣдкостямъ. Составленіе библіографіи всѣхъ сербско-хорватскихъ журналовъ съ подробнымъ анализомъ ихъ содержанія, но и указаніемъ библіотекъ, гдѣ полные экземпляры имѣются, оказало бы громадную услугу литературѣ, оно должно бы даже предшествовать исторіи литературы, полное изложеніе которой безъ такихъ предварительныхъ пособій вещь почти немыслимая. Объ этомъ должны бы позабо-

титься литературныя общества, не исключая даже академій, потому что безъ значительныхъ расходовъ подобнаго рода предпріятіе неосуществимо. Хорошо организованныхъ библіотекъ, за исключеніемъ университетской въ Загребѣ и можетъ быть великошкольной въ Бѣлградѣ — пока еще нѣтъ. На дняхъ только прошелъ слухъ въ газетахъ, что Матица Сербская въ Новомъ Садѣ постановила для своей библіотеки назначить отдѣльнаго библіотекаря. Хоть поздно, но лучше чѣмъ никогда. При существованіи нѣсколькихъ усердныхъ библіотекарей можно разсчитывать на появленіе трудовъ библіографическихъ.

Этими общими замѣчаніями я не намѣренъ извинять неполноту труда, представляемаго мною какъ маленькій, объемомъ незначительный, вкладъ въ пушкинскую литературу. Этотъ перечень, несмотря на незначительность его, стоилъ много усилій, онъ былъ сопряженъ съ многими трудностями, приходилось наводить справки и вести обширную переписку, обращаться въ разныя стороны съ просьбою за указаніями болѣе точныхъ данныхъ, и не всѣ запросы были увѣнчаны успѣхомъ. Уже въ бытность мою въ Берлинѣ я сталъ собирать матеріалъ для библіографіи переводовъ изъ Пушкина въ сербско-хорватской литературѣ. Въ то время помогалъ мнѣ въ этомъ дѣлѣ мой старинный другъ, теперь уже покойный проф. *М. Валявецъ*. Многія изъ ниже приводимыхъ замѣтокъ происходятъ первоначально отъ него. Все это относится къ 1880 году. Другія обязанности заставили меня потомъ отложить этотъ вопросъ на нѣсколько лѣтъ. Но съ 1887 года я началъ снова обращать вниманіе на пушкинскую библіографію. Въ Вѣнѣ былъ заинтересованъ мною для этого плана одинъ изъ бывшихъ моихъ слушателей, Јованъ *Максимовичъ*, нынѣ окружной инспекторъ народныхъ училищъ въ Крагуевцѣ (въ Сербіи). Онъ поднялъ вопросъ о библіографическихъ справкахъ относительно переводовъ въ сербской литературѣ съ русскаго и прочихъ славянскихъ языковъ въ новосадскомъ журналѣ «Стражилово». Начали появляться библіографическія указанія, но это усердіе не долго продолжалось! Къ столѣтней годовщинѣ вели-

каго русскаго поэта я порѣшилъ рядомъ съ прочими статьями издать также собранный мною библіографическій матеріалъ, позаботившись предварительно о дальнѣйшемъ восполненіи пробѣловъ. Такимъ образомъ понадобились новыя справки, новая переписка. Существенныя услуги оказалъ мнѣ въ данномъ случаѣ проф. загребскаго университета др. *Миливой Шрепель*, одинъ изъ самыхъ выдающихся ученыхъ между хорватами, всегда отзывчивый на всѣ вопросы по сравнительному изученію славянскихъ литературъ. Благодаря его любезному содѣйствію въ университетской библіотекѣ въ Загребѣ сдѣланы новыя разысканія по хорватскимъ газетамъ и журналамъ насчетъ переводовъ изъ Пушкина. Пріобрѣтеннымъ матеріаломъ я могъ воспользоваться для пополненія моихъ раньше собранныхъ замѣтокъ. Такимъ образомъ обозрѣніе мое по части такъ называемой спеціально хорватской литературы, т. е. по отношенію къ изданіямъ, напечатаннымъ латинскими буквами въ западной части обитаемыхъ хорватами и сербами странъ не будетъ, какъ мнѣ сдается, страдать большими пропусками или неточностями. Гораздо труднѣе для меня оказалось обозрѣть литературу спеціально сербскую, по изданіямъ печатавшимся въ Бѣлградѣ, Новомъ Садѣ, въ Карловцахъ, Панчевѣ и т. д. Такого усерднаго сотрудника, какого я нашелъ въ лицѣ проф. Шрепеля въ Загребѣ, не удалось отыскать на востокѣ, въ Бѣлградѣ или Новомъ Садѣ [1]). Пришлось довольствоваться тѣмъ, что у меня собрано при помощи выше упомянутаго Јована Максимовича.

Такъ какъ очень мало сочиненій А. С. Пушкина на сербско-

1) «Матица Српска» напечатала недавно «Списак књига и рукописа у библиотеци Матице Српске». На это изданіе можно указать какъ на очень наглядное доказательство жалкаго положенія библіографіи въ сербской литературѣ, что̀ послѣ хорошаго труда Стояна Новаковича непростительно. Сербскія книги приводятся здѣсь въ алфавитномъ порядкѣ — и только; не указанъ форматъ изданія, нѣтъ числа страницъ, заглавія неполныя. Каталогъ составленъ по языкамъ; за сербскимъ идутъ русскій, болгарскій, румынскій, греческій — и теперь только хорватскій! Вотъ образецъ глубокомыслія! Гораздо разумнѣе составленъ изданный недавно каталогъ книжнаго магазина Стаича (Стајић) въ Бѣлградѣ.

хорватскомъ языкѣ вышло отдѣльными книжками, то, конечно, все вниманіе сосредоточивается на журналахъ и газетахъ. Съ этой цѣлью разсмотрѣны слѣдующія періодическія изданія:

а) Латинскими буквами: «Narodne novine» съ 1835 по 1899 г., газета эта выходила постоянно въ Загребѣ (заглавіе нѣсколько разъ измѣнялось въ добавочныхъ частяхъ). «Danica ilirska» за 1835 по 1848 и 1862—1867 годъ (выходила въ качествѣ литературнаго прибавленія къ газетѣ «Narodne novine»). «Kolo» (выходило въ Загребѣ, отдѣльными книжками, всего 9 выпусковъ, 1842—1853 гг.). «Dubrovnik» за годы 1849—1851 три книжки, за годы 1867—1876 четыре книжки, въ видѣ альманаха опять за годы 1897—1899 три книжки. Изданіе печаталось въ Дубровникѣ, въ Загребѣ, въ Сплѣтѣ (Spalato). «Neven» за 1852 по 1858 годъ, выходилъ какъ еженедѣльный листъ въ Загребѣ, потомъ въ Рѣкѣ (Fiume). «Glasonoša» за 1861 по 1865 годъ (первые четыре года выходили въ Карловцѣ, пятый въ Вѣнѣ). «Dragoljub» за 1867 и 1868 годъ (выходилъ въ Загребѣ). «Naše gore list» за 1861 по 1863 годъ, выходилъ въ Загребѣ. «Slavonac» за 1863—1865 годъ выходилъ въ Пожегѣ (въ Славоніи). «Vienac» за 1869 по 1899 годъ, выходитъ теперь еще еженедѣльно въ Загребѣ. «Dom i sviet» за 1888 по 1898 годъ выходитъ въ Загребѣ. «Hrvatska lipa» (за 1875 годъ, выходила только одинъ годъ въ Загребѣ). «Hrvatska vila» за 1882—1885 годъ (выходила первый годъ въ Сушакѣ возлѣ Рѣки — Fiume, II—IV въ Загребѣ). «Hrvatska» полит. газета, выходила съ 1886 по 1894 годъ въ Загребѣ. «Nada» за 1895—1899 годъ (выходитъ въ Сараевѣ въ Босніи). «Prosvjeta» за 1893 по 1899 годъ въ Загребѣ. Кромѣ этихъ журналовъ и газетъ, розыски по которымъ оказались не совсѣмъ безуспѣшными, разсмотрѣны также слѣдующія изданія, но безъ результатовъ: «Zora Dalmatinska» за 1844—1848 г. «Slavenski jug» за 1848—1850 г. «Obzor» (какъ оппозиціонная полит. газета измѣняла заглавіе въ «Pozor», «Novi Pozor», «Zatočnik», «Branik») съ 1860 по 1899 г. (выходитъ еще). «Primorac» (выходилъ въ Кралевицѣ — Porto rè — въ

1873 по 1878 годъ). «Hrvatske novine» (въ Загребѣ, 1867—1868 г.). «Sloboda» (съ 1878—1883 г. въ Сушакѣ возлѣ Рѣки — Фіуме, 1884—1885 г. въ Загребѣ). «Hrvatsko pravo» (съ 1895—1899 г., выходитъ въ Загребѣ). «Hrvatska domovina» (съ 1895—1889 г., выходитъ въ Загребѣ). «Slovinac» за 1878 по 1884 годъ (литературный органъ, выходилъ въ Дубровникѣ). «Balkan» за 1886—1887 годъ. «Smotra» за 1885—1887 г. (ежемѣсячное изданіе).

b) Кирилловскими буквами: «Даница» за 1860 по 1870 годъ (выходила еженедѣльно въ Новомъ Садѣ). «Матица» (выходила 1866—1870, еженедѣльно въ Новомъ Садѣ). «Вила» (выходила въ Бѣлградѣ съ 1865 по 1868 годъ). «Босанска вила» за 1886 по 1898 годъ (выходитъ въ Сараевѣ, не сполна разсмотрѣна). «Седмица», выходила въ пятидесятыхъ годахъ въ Новомъ Садѣ (разсмотрѣны года 1853—1858). «Јавор» (выходилъ въ Новомъ Садѣ, 1874—1892, не вполнѣ разсмотрѣнъ). «Стражилово» (выходило еженедѣльно въ Новомъ Садѣ съ 1885 по 1894 годъ, съ перерывомъ, всего 7 годовъ). «Бранково коло» (выходитъ въ Карловцахъ съ 1895 года еженедѣльно). «Отаџбина» ежемѣсячный журналъ, выходилъ въ Бѣлградѣ съ 1873 по 1892 годъ (всего 129 выпусковъ). «Дело» ежемѣсячный журналъ, выходитъ въ Бѣлградѣ съ 1894 года по нынѣ. «Србадија» выходила въ Вѣнѣ въ 1875—1877 г. въ мѣсячныхъ выпускахъ, въ 1876 также «Млада Србадија». «Искра» (1898) въ Бѣлградѣ. Ничего не оказалось въ многихъ другихъ, по крайней мѣрѣ отчасти разсмотрѣнныхъ изданіяхъ, напр. въ «Српске илустроване новине» въ Новомъ Садѣ за 1881 и 1882 годъ, въ «Невен» (для юношества) съ 1882 по 1887 годъ, въ Цетинскомъ журналѣ «Нова Зета».

Успѣхъ разысканій значительно затрудняется одной нехорошей привычкой многихъ переводчиковъ. Желая должно быть замять слѣдъ своихъ источниковъ, они любятъ подчасъ измѣнять заглавія переводимыхъ текстовъ, выдумывая новыя надписи, или же ограничиваясь замѣткой самаго общаго, неопредѣленнаго содержанія: «по рускому», «с рускога» и т. д. Не много библіографъ выигры-

вастъ также отъ одной прибавки «по Пушкину», если все остальное передѣлано. Конечно эта жалоба относится преимущественно къ стихамъ небольшого объема, пѣснямъ лирическимъ, элегіямъ, эпиграммамъ и т. д., но большая часть сербско-хорватскихъ переводовъ вращается именно въ этой средѣ. Переводчики повидимому избѣгали переводить все слишкомъ индивидуальное у Пушкина, рисующее личныя отношенія поэта къ друзьямъ и условіямъ жизни, содержащее намеки на общественное положеніе, на затрудненія цензурныя и т. д. Такимъ образомъ выборъ переводимыхъ пѣсенъ былъ довольно ограниченъ, поэтому и не удивительно, что иныя даже очень не выдающіяся вещи переводились по два и по три раза, тогда какъ другія, гораздо важнѣе и характернѣе для Пушкинской поэзіи, остались въ сторонѣ.

Было бы полезно знать, изъ какихъ изданій переводчики выбирали переводимый ими матеріалъ. Полныхъ изданій они въ большинствѣ случаевъ не имѣли подъ руками. Я не затрудняюсь утверждать, что громадное большинство ихъ вовсе не знало настоящаго значенія Пушкина, не сумѣло оцѣнить его поэзіи ни по отношенію къ русскому обществу, ни по отношенію къ европейскимъ литературамъ. Переводилось-же изъ Пушкина потому, что въ европейскихъ литературахъ, въ особенности нѣмецкой, авторитетъ его установился, благодаря многочисленнымъ и удачнымъ переводамъ, по которымъ его знали въ западныхъ литературахъ, изъ которыхъ также проникалъ слухъ о поэтѣ къ южнымъ славянамъ; но въ чемъ суть его поэзіи, на какихъ произведеніяхъ покоится его слава — этого южнославянскіе переводчики, за небольшими исключеніями, вовсе не знали, объ этомъ они и не заботились. Еще же менѣе были въ состояніи читатели по незначительнымъ, разбросаннымъ отрывкамъ изъ Пушкинской поэзіи, представленнымъ имъ въ переводахъ, не всегда удачныхъ, составить себѣ полное понятіе о значеніи Пушкина не то въ русской, не то въ европейской литературѣ. Поворотъ къ лучшему замѣтенъ только въ послѣднія десятилѣтія, благодаря окрѣпшей дѣятельности въ сербско-хорватской литературѣ, лучше раз-

вившемуся вкусу домашнихъ какъ писателей, такъ и читателей. Все, что прежде того, въ сороковыхъ, пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ переводилось изъ Пушкина, не могло обращать на себя особеннаго вниманія вслѣдствіе незначительности, не производило впечатлѣнія по внутренней безсвязности. Да и теперь еще Пушкина, можно сказать, въ сербско-хорватской литературѣ слишкомъ мало знаютъ, гораздо меньше чѣмъ напр. Лермонтова или Тургенева. Для самаго популярнаго его сочиненія и у южныхъ славянъ, для «Евгенія Онѣгина», не существуетъ еще перевода, который легкостью и изяществомъ равнялся бы переводу Лермонтовскаго «Демона» въ стихахъ Змая Јовановича. Его «Борисъ Годуновъ» переведенъ впервые только въ 1894 году. Переводъ «Русалки» появился еще позже, въ 1896 году. Блестящая лирика Пушкина и тогда, если-бы собрать въ одно цѣлое все до сихъ поръ переведенное, представляла бы только лоскутки. Кто же въ состояніи слѣдить и за этими лоскутками, разбросанными въ нѣсколькихъ дюжинахъ журналовъ, отчасти уже совсѣмъ забытыхъ и мало доступныхъ?.. Даже такое популярное сочиненіе, какъ «Капитанская дочка», до сихъ поръ не вышло отдѣльнымъ изданіемъ въ той части сербско-хорватской литературы, которая печатается латинскими буквами, хотя переводъ Маретича очень хорошъ (см. ниже подъ № 73). Да и Мостарское изданіе повидимому мало распространено.

Въ ниже приведенномъ обозрѣніи положенъ въ основаніе не хронологическій порядокъ переводовъ, потому что нельзя вездѣ примѣнить его; иные переводы доступны только въ полномъ собраніи сочиненій авторовъ, когда же они впервые сдѣланы, нужно бы установить особымъ изслѣдованіемъ. Не составленъ списокъ по авторамъ, т. е. именамъ переводчиковъ, по той простой причинѣ, что не у всѣхъ переводовъ имя переводчика отмѣчено, иногда попадаются только начальныя буквы или даже псевдонимы. Соображаясь съ этими данными я порѣшилъ придерживаться порядка русскаго текста, какъ онъ напечатанъ въ изданіи Литературнаго Фонда подъ редакціей П. О. Морозова.

Гдѣ академическое изданіе Л. Н. Майкова могло быть употреблено, ссылка на него прибавлена въ скобкахъ. Выбранный порядокъ изложенія имѣетъ то преимущество, что облегчаетъ обозрѣніе переводовъ соразмѣрно съ текстомъ подлинника, видны также пробѣлы непереведенныхъ стихотвореній или прозаическихъ текстовъ; наконецъ при соблюденіи этого порядка могли быть сведены подъ одно всѣ повторенія переводовъ одного и того-же сочиненія.

1.

I. 38 (I. 62), 1814 года. *Романсъ. Подъ вечеръ осенью ненастной.* Въ журналѣ «Glasonoša», который за 1865 годъ выходилъ въ Вѣнѣ подъ редакціей А. Лукшича (A. Lukšić) — это былъ пятый и кажется послѣдній годъ изданія этого журнала — напечатанъ переводъ подъ заглавіемъ «Romansa od A. Puškina», въ № 22 и 23, на стр. 173. Переводчикъ подписался буквами J. J., кажется несомнѣннымъ, что это былъ Janko Jurković. Въ подлинникѣ романсъ написанъ ямбическими стихами, девяти- и восьмисложными вперемежку, первые съ женской, послѣдніе съ мужской риѳмой. Переводчикъ сумѣлъ сохранить чередованіе женскихъ и мужскихъ риѳмъ согласно съ подлинникомъ, но стихъ не вышелъ ямбическимъ, число слоговъ увеличено на двѣнадцать (при женской риомѣ), на одиннадцать (при мужской риомѣ). Для образца приводимъ начало:

Kišovita jesen, mrkla večer studi,
Po pustoši moma krije lagan hod.
Što to tako stiska drkćući na grudi?
Nesrećnoga milja stidni tajni plod.

Polje, gora driema ispod noćnog skuta,
Sad je samo vjetar kroz ogranke šušno;
Nemiran joj pogled na sve strane luta,
Pa umoran pade na čedo majušno.

Этотъ переводъ выйдетъ черезъ нѣсколько времени въ Пушкинской антологіи, издаваемой Матицею Хорватской въ Загребѣ подъ заглавіемъ «Romanca», на стр. 3—4 [1]).

2.

I. 90 (I. 108), 1815 года. *Разсудокъ и любовь. Младои Дафнисъ гоняясь за Доридой.* Въ еженедѣльномъ журналѣ «Vienac», VII годъ изданія (1876), № 30, стр. 492, переведены эти стихи подъ заглавіемъ «Razum i ljubav», переводчикомъ отмѣченъ Tomislav Maretić, бывшій въ то время преподавателемъ въ Пожегѣ (въ Славоніи). Въ подлинникѣ ямбическіе стихи одиннадцати- и десятисложные (съ женской и мужской риомой) чередуются въ строфѣ такъ: *abbacc* (*bc* десятисложные стихи съ мужской, *a* одиннадцатисложные стихи съ женской риомой). Въ переводѣ сохраненъ размѣръ и риома оригинала, какъ показываетъ слѣдующій образецъ:

Ustopce Dafnis za Doridom ide:
«Djevojčice oj li'epa pričekaj,
«Te daj dovikni, da me ljubiš, daj.
«Svud za tobom ću, tako mi Kipride!»
— Ne reci ništa! — razum veli njoj,
Vragolan Eros: reci, dragi moj.

Въ исправленномъ видѣ выйдетъ и этотъ переводъ въ Пушкинской антологіи, которую черезъ нѣсколько мѣсяцевъ издастъ въ Загребѣ «Matica hrvatska».

3.

I. 139 (1816 года, въ акад. изданіи I. 220). *Желаніе. Мед-*

1) Эти ссылки на антологію написаны въ 1899 году, но съ тѣхъ поръ книжка давно уже вышла подъ заглавіемъ: Puškinova izabrana djela u hrvatskoj knjizi. O stogodišnjici pjesnikova rodjenja izdala Matica hrvatska. Zagreb, 1899. 8°. LXXII. 392.

лительно влекутся дни мои. Переводъ этого стихотворенія вышелъ въ 23 нумерѣ загребскаго еженедѣльника «Vienac» за 1899 годъ (XXXI, стр. 367), за подписью переводчика Zmajова. Былъ ли этотъ переводъ напечатанъ гдѣ-нибудь раньше кирилловскимъ шрифтомъ, не могу сказать, но онъ вышелъ приблизительно въ то же время кирилловскими буквами въ издаваемой въ Мостарѣ «Зорѣ» (Зора) за 1899 годъ, іюль, стр. 222. Подписавшійся Zmajova извѣстный сербскій поэтъ Змај Јован Јовановић. Переводъ его подъ заглавіемъ «Želja» начинается такъ:

Žalosno teku dani moji, žalosno,
I svaki trenut doda neko novo zlo.
Nesrećna ljubav muči me, muči me javom, snom,
I prieti neizvidom, grozi ludilom.

Какъ видно, въ переводѣ выдержанъ ямбическій размѣръ, но въ числѣ слоговъ нѣтъ совпаденія съ оригиналомъ русскимъ; рифма выходитъ наружу только въ послѣднихъ четырехъ стихахъ, въ видѣ *aabb*; *a* мужская, *b* женская.

4.

I. 144 (I. 227), 1816 г. *Элегія. Счастливъ кто въ страсти самъ себѣ.* Въ журналѣ «Бранково коло» за 1895 годъ (I-й), № 8, стр. 231 переведена эта «Елегија», съ замѣткой: «превео Никола Весин». Въ подлинникѣ ямбы, рифмы мужскія (*a*) вперемежку съ женскими (*b*). Въ переводѣ рифма чередуется согласно съ подлинникомъ, но только женская, потому что стихъ вездѣ трохаическій восьмисложный.

Благо оном ко не стрепи,
Кад се себи исповеда,
Кога јоште нада крепи,
Кад у мрачну судбу гледа.

5.

I. 144 (I. 215), 1816 года. *Наслажденіе. Въ неволѣ скучной увядаетъ.* Въ журналѣ «Hrvatska vila» за 1885 годъ (IV-й этого изданія), № 7 перевелъ эту пѣсню какой-то F. S. подъ заглавіемъ «Naslada». Вотъ начало ея:

U nesnosnoj ti biedi gine
Tek razvit žića cvietak drag,
Kradimice mladost leti, mine,
A trag njen — pečali je trag.

6.

I. 148 (I. 119), по Морозову 1816, по Л. Н. Майкову 1815 года. *Слеза. Вчера за чашей пуншевою.* Эти стихи переведены въ издаваемой въ Сараевѣ «Надѣ» (Nada) за 1898-й (IV-й) годъ, № 23, на стр. 362, переводчикомъ значится нѣкто Ranko (Јован Дучић). Въ подлинникѣ чередуются ямбическіе девяти- и шестисложные стихи (женскія и мужскія риомы). Переводчикъ упростилъ свою задачу, довольствуясь восьмисложнымъ трохаическимъ стихомъ, риома женская сохранена только въ стихахъ 2, 4, 6 и т. д. Приводимъ образецъ:

Pokraj pune čaše punča
Ja s gusarom (sic!) jedne noći
Sjećah (sic! вм. sjegjah) mračan; na put jedan
Upro bijah mutne oči.
«No šta vidiš na tom putu?»
Čuh glas ovog hrabrog lava,
«Onud jošte ti drugove
Ne provede, bogu slava».

Второй переводъ той же пѣсни вышелъ въ «Ѣранково коло» за 1899 (V-й) годъ, № 20, на стр. 617, съ подписью перевод-

чика (переводчицы?): Вера (изъ Бѣлграда). И въ этомъ переводѣ употреблены восьмисложные трохаическіе стихи, съ риомою 2, 4, 6, 8 и т. д. Замѣчательно, что оба переводчика не задумываясь оставили русскаго «гусара» (по-сербски «хусар») такъ и быть «гусаром» (т. е. пиратомъ, морскимъ разбойникомъ)! Начало второго перевода такое:

Уз чашу пунча са гусарем (!)
Пред ноћ сећах забринуто
И гледећи даљним путем
Замишљен сам тужно ћут'о.
«Зашто гледаш путем оним?»
Запита ме гусар ти'о,
«Кад још њиме, слава Богу,
Ниси дружбу проводио».

Наконецъ третій переводъ того же стихотворенія выйдетъ въ Пушкинской антологіи, которую въ скоромъ времени издастъ хорватское литературное общество «Matica Hrvatska». Переводъ сдѣлалъ A. Harambašić. Начало слѣдующее (по сообщенію профессора М. Шрепеля):

S husarom uz čašu punča
Sjedio sam mrk i ljut,
Pa sam niemo s mračnom dušom
Gledao na dalek put.

7.

I. 148—149 (I. 233), 1816 года, но при томъ надо еще обратить вниманіе на I. 152 (I. 235). На дѣлѣ рѣчь идетъ о текстѣ, который въ Морозовскомъ изданіи напечатанъ въ «дополнительныхъ библіографическихъ примѣчаніяхъ» VII, стр. LI. Эта редакція стиховъ «*Друзьямъ*» приводится также въ акад. изданіи Л. Н. Майкова, въ примѣчаніяхъ, на стр. 316. Сербскому пере-

водчику она могла быть извѣстна по заграничному изданію: «Стихотворенія А. С. Пушкина, не вошедшія въ послѣднее собраніе его сочиненій» (второе изданіе, Berlin, B. Behr's Buchhandlung 1870), на стр. 3—4. Начало этой редакціи такое: *Среди бесѣды вашей шумной.* Владимиръ М. Іовановичъ (Јовановић), скончавшійся недавно въ Сербіи въ Шабцѣ (Шабацъ на Савѣ), перевелъ эти стихи въ «Стражилово» за 1885 (I-й) годъ, № 44, стр. 1383—1386, потомъ же переводъ его перепечатанъ былъ въ книжкѣ «Лепе туђинке», во второмъ, въ 1891 году напечатанномъ изданіи въ Шабцѣ (у Шапцу), на стр. 128—129, подъ заглавіемъ «Друговима». Въ подлинникѣ ямбы девятисложные и восьмисложные, съ риомами: женской — мужской. Переводчикъ употребилъ десятисложный трохаическій стихъ (сербскій эпическій размѣръ) съ риомой *aabb* (тогда какъ у Пушкина *abab*):

Сви зборите, само ја једини
Седим тужан у вашој средини...
Ох' ман'те ме, немојте ме звати,
Не могу ја с вама пировати...

8.

I. 152 (I. 218), 1816 года. *Пробужденіе. Мечты, мечты, гдѣ ваша сладость!* Эту пѣсенку перевелъ «Никола Весин» (см. подъ № 4) въ «Бранково коло», годъ I-й (1895), № 24, стр. 743, подъ заглавіемъ «Бдење». Въ подлинникѣ четырех- и пятисложные ямбы съ мужской и женской риомой *ababaabb.* Въ переводѣ стихъ трохаическій четырех- и пятисложный съ женскими риомами:

Машто, машто,
Где су твоје власти!
Зашто, зашто
Немам ноћу сласти?

Стари, нови
Ишчезнули снови
Те једини
У дубокој тмини
Чамим ја.

9.

I. 159 (акад. изд. I. 244) 1816 или 1817 года: *Больны вы, дядюшка.* Это четырехстишіе перевелъ A. Haramьašić подъ заглавіемъ «Čujem, čujem», оно выйдетъ въ Пушкинской антологіи, изданіи «Матицы Хорватской». По указанію М. Шрепеля первые стихи слѣдующіе:

Ah, zar ste bolni, ujače? Bez moći!
O kako bijah zabrinut! tri noći.

Уже изъ этого начала видно, что переводчикъ не понялъ значенія русскаго выраженія «нѣтъ мочи», оно не значитъ «bez moći», а могло бы быть переведено: «ne mogu reći» или «neiskazano», «odveć».

10.

I. 161 (I. 247), 1816 года. Въ Морозовскомъ изданіи подъ заглавіемъ «*Эпитафія*», въ Майковскомъ «*На смерть стихотворца*». Это четырехстишіе переведено въ журналѣ, издававшемся нѣсколько лѣтъ въ Загребѣ, подъ заглавіемъ «Dragoljub», въ I-мъ годѣ изданія, 1867 года, на стр. 782: «Stihotvorac», переводчикомъ былъ «Edo Zvonimir Asanger», переводъ плохой; въ подлинникѣ ямбы десяти- и восьмисложные, съ риѳмой *abab*, въ переводѣ же восьмисложный трохаическій стихъ:

Klita u raju lje ne bude,
Ta sagrieši težke grîhe,
Bog mu djela nek zabude,
Kano što mu sviet već stihe!

То же самое четырехстишіе перевелъ подъ заглавіемъ «Pokojni Klit» хорватскій поэтъ А. Haramьašić для Пушкинской антологіи, которая въ скоромъ времени выйдетъ въ Загребѣ. Начало, по указанію М. Шрепеля, слѣдующее:

Klit ne će bit u divnoj rajskoj slavi,
U težkom griehu morao je mriet...

11.

I. 196 (1818 года). *Про себя. Великимъ быть желаю.* Это четверостишіе перевелъ A. Haramьašić подъ заглавіемъ «Samom sebi» для Пушкинской антологіи «Матицы Хорватской». Вотъ оно (по сообщенію проф. М. Шрепеля):

Ja želim biti velik, to priznajem,
I Rusku žarko ljubim ja
I mnogo, mnogo obećajem,
Izvršit hoću l' — Bog to zna.

12.

I. 203—205 (отнесено въ Морозовскомъ изданіи къ 1819 г.). *Русалка. Надъ озеромъ въ глухихъ дубравахъ.* Переводъ этого стихотворенія вышелъ въ нынѣшнемъ (1899) году въ книжкѣ «Putne uspomene iz god. 1898» u Zagrebu 1899. 8⁰ 62. Авторъ книжки Ivan Trnski, одинъ изъ самыхъ усердныхъ переводчиковъ Пушкинскихъ сочиненій. Авторъ-поэтъ, очутившись на прелестномъ островѣ Локрумѣ (Lacroma vis-à-vis Дубровника), перенесъ себя въ поэтическомъ мечтаніи въ положеніе монаха Пушкинской Русалки, которой текстъ по этому поводу онъ и приводитъ на стр. 23—25 упомянутой книжки въ собственномъ переводѣ. Въ подлинникѣ обыкновенный размѣръ девятисложныхъ и восьмисложныхъ ямбовъ съ риѳмой *abab*, въ переводѣ восьмисложные трохаическіе стихи, съ риѳмой только женской *abab*:

U lug tamni do jezera
Kaludjer se negda skloni
Postit, molit; sviest ga tjera,
Da se trapi, suze roni.

Lopatom je drugda pako
Starac i grob sâm si kopô,
Ne bi li ga skončaj kako
Ugodnika božjeg dopô.

Переводъ этотъ выйдетъ также въ Пушкинской антологіи, которую издастъ «Matica Hrvatska».

13.

I. 205 (1819 года по Морозову). *Деревня, привѣтствую тебя пустынный уголокъ.* Переводъ вышелъ въ іюньской книжкѣ 1899 года (VI годъ изданія), ежемѣсячнаго въ Бѣлградѣ издаваемаго сербскаго журнала «Дело», на стр. 434—436; переводчикъ подписался: «Милорад И. Митровић». Въ подлинникѣ ямбы, стихи днѣнадцатисложные (съ мужской риѳмой) и тринадцатисложные (съ женской риѳмой), вперемежку также девяти- и восьмисложные, одинъ десятисложный. Въ переводѣ стихъ шестистопный трохаическій съ риѳмами, конечно женскими:

Срдачно те здравим, мој кутићу знани,
Уточиште мира, надахнућа, рада,
Где нечујним током теку моји дани,
У срећи, без јада.

14.

I. 212 (1819 года). *Веселый пиръ. Я люблю вечерній пиръ.* Переводъ въ «Narodne novine» за 1859 годъ, № 58, подъ заглавіемъ «Veseli pir»; переводчикъ назвалъ себя «Asanaga», но настоящая его фамилія была E. Asanger (см. № 10). Въ подлинникѣ семисложные и восьмисложные трохаическіе стихи, съ мужской и женской риѳмой вперемежку. Въ переводѣ остался тотъ же размѣръ:

Ja večernji ljubim pir,
Gdje veselje predsjeduje,
A sloboda moj kumir
Sama stolom gospoduje.

То же стихотвореніе перевелъ также A. Haramьašić для Пушкинской антологіи, которую въ скоромъ времени издастъ «Matica Hrvatska» въ Загребѣ. Начало перевода (по сообщенію проф. М. Шрепеля) слѣдующее:

Večernji ja ljubim pir,
Gdje veselje predsjedava,
A sloboda, moj kumir,
Gdje za stolom zakon dava.

15.

I. 227 (по Морозову 1820 года): *Дочери Каратеоргія. Гроза луны, свободы воинъ.* Я не могъ провѣрить отмѣченное у меня указаніе на переводъ этихъ стиховъ, сдѣланный Милошемъ Поповичемъ и включенный въ изданную имъ книжку «Мачъ и перо» У Београду 1846. 12^0 4 л. 93 стр. 5 л. Но кромѣ того существуетъ переводъ тѣхъ же стиховъ, подъ заглавіемъ «Kćeri Karagjorgjevoj» od Puškina (iz ruskoga), помѣщенный въ книжкѣ: Talianke od Orsata Počića. U Zagrebu 1849, 12^0 92, на стр. 24—25. Переводчикомъ былъ извѣстный въ сербско-хорватской литературѣ поэтъ, графъ Медо Пуцић (Conte di Pozza) изъ Дубровника. Въ подлинникѣ — ямбы, стихи различные, отъ 8-ми до 13-ти слоговъ. Въ переводѣ преимущественно трохеи отъ 7-ми до 13-ти стиховъ — риѳмы какъ и въ подлинникѣ, но ямбы переводчику не удавались. Приводимъ для образца третью строфу:

Kak često uzbudjen osvete divlji žar
Nevine ti zibke primukne na čelu
I novog ubojstva misleći na udar
Zagleda se u te i ne bi tudj veselju!

16.

I. 228 (1820 года). *Черная шаль. Гляжу какъ безумный на черную шаль.* Это стихотвореніе существуетъ, насколько я знаю, въ пяти различныхъ переводахъ. Въ литературномъ приложеніи къ «Narodnim Novinam», извѣстномъ еженедѣльникѣ «Danica ilirska» за 1847 (XII-й) годъ изданія, въ № 33, стр. 129, иллирскій поэтъ др. Д. Деметеръ перевелъ эти стихи подъ заглавіемъ «Cèrna Korjena». Другой иллирскій поэтъ, Стапко Вразъ, сдѣлалъ переводъ того же стихотворенія подъ заглавіемъ «Crni zavoj»; переводъ его вышелъ въ собранныхъ сочиненіяхъ Станка Враза, изданныхъ послѣ его смерти подъ заглавіемъ «Dĕla Stanka Vraza», въ четвертой книжкѣ «Četvrti dio Razlike pjesme Prevodi U Zagrebu 1868», на стр. 76—77. Станко Вразъ скончался въ 1851 году; поэтому не могу опредѣлить, чей переводъ раньше сдѣланъ. Третьимъ переводчикомъ того же стихотворенія былъ Змай Іованъ Јовановичъ. Его переводъ вышелъ впервые въ бѣлградской «Вилѣ» («Вила», II годъ, 1866, на стр. 22—23), потомъ же онъ включенъ въ собранныя сочиненія сербскаго поэта, изданныя въ 1887 году въ Новомъ Садѣ подъ заглавіемъ «Певанија Змај-Јована-Јовановића. Одабране целокупне умотворине у песми и прози» 4° XVI, 612, на стр. 155. Четвертый разъ вышло то же стихотвореніе въ переводѣ Јосипа Милаковића въ сараевскомъ иллюстрированномъ журналѣ «Nada», V годъ, 1899, на стр. 219, подъ заглавіемъ «Crna korjena» od Josipa Milakovića. Наконецъ, Ivan Trnski сообщилъ свой переводъ подъ заглавіемъ «Crni zavjes» въ еженедѣльникѣ «Vienac» 1899 года, № 23, стр. 371—372. Какъ извѣстно, въ русскомъ подлинникѣ стихъ состоитъ изъ одного ямба и трехъ анапестовъ, съ мужской риомой *aabbcc* и т. д. Переводчики не всѣ старались сохранить размѣръ подлинника, потому что сербско-хорватскій языкъ не легко выноситъ ямбы и анапесты. Попытка Враза не удалась вполнѣ, только тѣ стихи выходятъ у него довольно гладко, гдѣ въ концѣ стоитъ односложное слово, напр. оба начальные

стиха гласятъ такъ (второй лучше перваго, знаки ударенія поставлены мною):

Sve glèdam na cr̂ni zavòj (sic!) kano lûd
I túga me tr̀že za hlàdjanu grûd.

Напротивъ. не годятся такіе стихи, какъ 5—6:

I òna ćе ûm mi laskàjuć (sic) zaplèst (sic),
Te zmìju ne vìdjeh gdje ćè (sic) me ujèst (sic).

Милаковичъ тоже попыталъ счастья съ ямбами, они у него дѣйствительно лучше, чѣмъ у Враза:

Tu kòprenu cr̂nu ko bèzumnik zrêm
I lèdenu dûšu mi bôl trza n'jêm.
Lakòvjeran kàda još bìjah i mlâd
Ja gr̀kinju krâsnu sam ljûbio tàd.

Змай Јовановичъ остановился на трохеяхъ, но для разнообразія риѳмическаго иногда вм. двѣнадцатисложныхъ стиховъ беретъ одиннадцатисложные, такимъ образомъ получается рядомъ съ женскою также мужская риѳма. Вотъ первые четыре стиха:

Као махнит зверам у црн вео сад,
А ледену душу раздире ми јад.
У младости лудој, лаковерју слепом,
Гинуло ми срце за Гркињом лепом.

Ivan Trnski старался опять подойти къ размѣру подлинника, съ мужской риѳмой. Послѣднее онъ успѣлъ сдѣлать такимъ способомъ, что каждый стихъ у него заканчивается односложнымъ словомъ, но впрочемъ ямбико-анапестическій характеръ стиха не вполнѣ удался ему. Читая по требованіямъ ударенія, мы разбираемъ, правда, первый ямбъ, но вмѣсто правильныхъ анапестовъ слышится только передъ ударенiемъ на послѣднемъ слогѣ предшествующій дактиль:

Na zavjes crni zurim kanoti lud,
A pečal ljuta bonu ciepa mi grud.

Переводъ Деметера войдетъ въ Пушкинскую антологію «Матицы Хорватской», начало слѣдующее:

Ko bezuman gledam crnu koprenu
I pečal mi kida dušu studenu.

17.

I. 235 (1821 года). *Красавица передъ зеркаломъ. Взгляни на милую, когда свое чело.* Это четырехстишіе переведено въ 1859 г. въ «Narodne Novine» № 11, подъ заглавіемъ: «Liepotica pred zèrcalom»; переводчикъ называетъ себя здѣсь Sl. Voltava, но изъ сличенія этого перевода съ тѣмъ, который напечатанъ въ журналѣ «Dragoljub» I годъ (1867), № 49, стр. 782, гдѣ переводчикомъ указанъ Edo Zvonimir Asanger, оказывается, что переводъ — одинъ и тотъ же. Стало быть Sl. Voltava только псевдонимъ настоящей фамиліи переводчика Асангеръ (см. выше подъ № 10). Сокращенное Sl. не что другое, какъ сокращеніе имени Slavoljub, какъ у хорватовъ принято переводить названіе Эдуардъ. Начало слѣдующее:

Gledi milu, kak si čelo lierno
Pred zrcalom cviećem okružuje.

18.

I. 235 (1821 года). *Муза. Въ младенчествѣ моемъ она меня любила.* Переводъ этого стихотворенія выйдетъ вскорѣ въ Пушкинской антологіи, которую издастъ «Matica hrvatska» въ Загребѣ. Переводчикомъ значится А. Haramьašić. Начало перевода (по сообщенію проф. М. Шрепеля):

U mladosti mojoj bila mi je sklona
I pjesničku frulu dala mi je ona...

19.

I. 238 (1821 года). *Элегія. Я пережилъ свои желанья.* Переводъ этихъ стиховъ отъ «Змайовы» (Змајова, т. е. Змај Јован Јовановић) вышелъ въ журналѣ «Бранково коло» I годъ (1895), № 21, стр. 641, подъ заглавіемъ «Елегија». Стихи подлинные ямбическіе, девяти- и восьми-сложные съ риомой *abab*. Въ переводѣ 11 и 10 слоговъ, попытка сохранить ямбы:

Прежи́вео сам свòје бȗјне жѐље
Размѝловô сам свòје мàште сјâј,
Остàле сàмо пàтње мòје вѐље
По пȗстим гру́дма лȗта ȕздисај.

Еще раньше то-же стихотвореніе перевелъ покойный Владиміръ Јовановичъ; когда, точно сказать не могу, но оно вошло во второе изданіе его стиховъ «Лепе Туђинке» (см. выше подъ № 7), на стр. 130. Начало стихотворенія слѣдующее:

Рекао сам због нади,
Ману сам снове своје,
Још ми само црни јади
У празноме срцу стоје.

Третій переводъ той же элегіи выйдетъ въ Пушкинской антологіи, издаваемой «Матицей Хорватской» въ Загребѣ, подъ заглавіемъ «Elegija». Начало перевода, который сдѣлалъ хорватскій поэтъ А. Харамбашичъ (A. Haramḅašić), по сообщенію проф. М. Шрепеля, слѣдующее:

Ja preživjeh želje svoje
I sve mašte uma svog,
Ostadoše patnje moje,
Plodi pustog srca mog.

20.

I. 261 (1821 года). *Десятая заповѣдь. Добра чужого не желать.* Переводъ этого стихотворенія въ «Лепе Туђинке» Вла-

диміра Јовановича (см. выше № 7. 19), на стр. 131, подъ заглавіемъ: «Десета заповест». Въ подлинникѣ ямбы, стихи восьми- и девяти-сложные, риѳма *abba*. Въ переводѣ выбранъ семи-сложный стихъ, но судя по ударенію иные стихи надо читать -⏑-⏑-⏑-⏑, иные же -⏑-⏑⏑-⏑.

Нама господ бог вели,
Да се туђе не жели,
Ништа на то не велим,
Нећу туђе да желим.

Нећу никог покрасти,
Нећу никог опасти,
Нећу села ни дома,
Волим бити сирома.

21.

I. 263 (1821 года). *Лизъ страшно полюбить*. Восьмистишіе безъ заглавія, начинающееся этимъ стихомъ, переведено для Пушкинской антологіи «Матицы Хорватской», которая вскорѣ выйдетъ. Переводчикъ А. Hagambašić. Начало перевода, по сообщенію проф. М. Шрепеля, слѣдующее:

Strah je Lizu vas ljubiti,
Al' da nije to obmana?

22.

I. 282 (1822 года). Между «эпиграммами» первая начинается такъ: *У Клариссы денегъ мало*. Это четырехстишіе переведено Станкомъ Вразомъ, въ собранныхъ сочиненіяхъ его (см. выше подъ № 16) въ «Děla Stanka Vraza» кн. III, стр. 171, подъ заглавіемъ «Savjet». Начало: «Klara novcem baš nesluje». Потомъ то-же четырехстишіе переведено въ «Narodne Novine» за 1859 г. № 58, переводчикомъ былъ Asan-aga (т. е. Asanger, см. выше подъ № 10. 17), подъ заглавіемъ «Klarisa». Начало: «U Klarise novacah je malo». Переводъ Ст. Враза выйдетъ въ Пушкинской антологіи «Матицы Хорватской», только не знаю кѣмъ и по чему исправленный.

23.

I. 291 (1823 года). *Телыа жизни. Хоть тяжело подъ часъ въ ней бремя.* Переводъ этого стихотворенія сдѣлалъ Р. І. Одавичъ въ журналѣ «Стражилово», V годъ, 1892, № 18, подъ заглавіемъ: «Таљиге живота», не соблюдя подлиннаго размѣра ямбическаго, представляющаго стихи девяти- и восьми-сложные съ риѳмою *abab*. Переводчикъ остановился на десяти-сложныхъ стихахъ съ цезурою послѣ 5-го слога; риѳма *abab*, конечно женская, соблюдена:

И ако ј' тешко у њима бреме,
Таљиге иду брзо и лако,
Кочијаш стари, то седо време,
Не слази доле, већ тера тако.

Говорятъ, что это стихотвореніе переведено (вновь-ли или перепечатано?) также въ какомъ-то журналѣ «Будућност» за 1894 годъ, № 80. «Будућност» цитируютъ обыкновенно какъ изданіе, которое выходило въ Вершцѣ (Вршац) въ Венгріи.

Наконецъ, подъ заглавіемъ «Kola života», сдѣланъ переводъ этого стихотворенія для Пушкинской антологіи, которую въ скоромъ времени издастъ «Matica hrvatska». Переводчикъ — хорватскій поэтъ А. Harambašić. Начало перевода (по сообщенію проф. М. Шрепеля) слѣдующее:

Premda kadkad voze težko breme,
Kola su u vožnji lagana;
Smjel kočijaš, sjedoglavo vrieme,
Vozi, ne slazi sa sjedala.

24.

I. 292 (1823 года). *Демонъ. Въ тѣ дни когда мнѣ были новы.* Переводъ этого стихотворенія сдѣлалъ А. Harambašić для Пушкинской антологіи, которую издастъ черезъ нѣсколько вре-

мени «Matica hrvatska» въ Загребѣ. Начало перевода (по сообщенію проф. Шрепеля) слѣдующее:

Kad još su novi bili meni
Svi dojmovi života tog,
I dievâ pogled zaljubljeni,
I piev slavulja malenog.

Какъ видно, переводчикъ сохранилъ ямбы оригинала, даже съ чередованіемъ женскихъ и мужскихъ риомъ.

25.

I. 303 (1824 года). *Къ морю. Прощай, свободная стихія!* Переводъ этого стихотворенія выйдетъ въ Пушкинской антологіи, издаваемой «Матицею Хорватской»; переводчикъ — А. Harambašić. Начало перевода (по сообщенію М. Шрепеля) слѣдующее:

Oprosti meni, stihijo slobodna,
Još zadnji put te sada gledam ja,
Gdje valjaš svoje plavetnjaste vale,
U kojih gorda ljepota ti sja.

Въ подлинникѣ стихи восьми- и девяти-сложные, въ переводѣ десяти- и одиннадцати-сложные, впрочемъ ямбы соблюдаются и даже чередованіе женскихъ и мужскихъ риомъ.

26.

I. 307 (1824 года). *Испанскій романсъ. Ночной зефиръ.* Этотъ романсъ переведенъ въ еженедѣльномъ журналѣ, который въ началѣ пятидесятыхъ годовъ выходилъ въ Загребѣ подъ заглавіемъ «Neven», III годъ изданія (1854), № 41, на стр. 655, подъ заглавіемъ «Guadalkvivir». Переводчикомъ былъ Ivan Trnski. Начало слѣдующее: Noćni zefir — šušti kroz mir — Tu

mi — šumi — Gvadalkvivir. Тотъ же романсъ вышелъ въ «Narodne Novine» за 1859 годъ, № 58, подъ заглавіемъ: «Španjolka», переводчикомъ былъ Asan-aga (т. е. Asanger, какъ выше подъ № 10. 17. 22). Начало: Kroz noć mirnu — Vjetrić pirnu — Šumom šumi — Gvadalkvivir. Въ сербскомъ журналѣ «Јавор» за 1874 годъ, № 28, вышелъ третій переводъ того-же романса подъ заглавіемъ «Летња ноћ». Переводчикомъ былъ извѣстный въ сербской литературѣ поэтъ Мита Поповић. Въ изданіи его стихотвореній (Песме Мите Поповића, Земун 1884) этотъ романсъ читается на стр. 225: «Дивна је ноћ, дубок је мир, хуји, струји, Кадалкивир».

27.

I. 344 (1825 года). *Вакхическая пѣсня. Что смолкнулъ веселія гласъ?* Это стихотвореніе вышло въ сербскомъ переводѣ въ журналѣ новосадскомъ «Јавор», XIX годъ (1892), № 11, стр. 163, подъ заглавіемъ «Песма уз пехар». Переводчикомъ подписался Ленскій (настоящая фамилія переводчика Милета Јакшић). Переводчикъ старался по возможности близко подойти къ подлинному тексту.

Што ћути тако весеља глас?
Винска нам песма нек зујне.
Да живе цурице бујне
И младе жене, што љубе нас!

28.

I. 349 (1825 года). *Ex ungue leonem. Недавно я стихами какъ-то свистнулъ.* Это восьмистишіе перевелъ Станко Вразъ, переводъ вышелъ въ «Dĕla» его III, 169, подъ заглавіемъ «Spoznanje». Въ подлинникѣ ямбы, въ переводѣ ни то, ни се, какъ видно изъ слѣдующихъ стиховъ:

Ja nedavno nečim jedva što sam pisnuo
U njekakovj knjizi (podpisu ni trag),

Već o tom žurnalni svat je i sud natisnuo;
Niti te robote ne podpisa vrag.

Въ журналѣ «Neven» (см. выше подъ № 26) за 1854 (III годъ), на стр. 699, въ статьѣ, посвященной біографіи А. С. Пушкина, которую написалъ Иванъ Трнски, переведено имъ же это восьмистишіе и напечатано en regard съ русскимъ подлинникомъ. Начало слѣдующее:

Nije davno, što se pjesmom javi'
Izdavši ju bez podpisa svoga,
U novine hulja članak stavi,
Bezimen me grdi do zla boga.

Тотъ же Sl. Voltava, о которомъ была рѣчь выше, подъ № 17, перевелъ эти стихи въ «Narodne Novine» за 1859 годъ, № 11; повторилъ же переводъ въ журналѣ «Dragoljub» за I-й (1867) годъ, № 5, стр. 75, только здѣсь за подписью Ed. Zv. Asanger. Начало слѣдующее:

Nedavno sa stihovi uzkrisnu'
Izdavši ih bez svoga podpisa,
Novinarska hulja na njih pisnu
Te bezimen gèrdo me izbrisa.

29.

I. 350 (1825 года). *Желаніе славы. Когда любовію и негой упоенный.* Это стихотвореніе перевелъ нѣкто Миливой (Milivoj — псевдонимъ? или Milivoj Vežić, сынъ извѣстнаго Владислава Вежича?) въ журналѣ «Vienac» за 1874 (VI) годъ, № 14, стр. 219, подъ заглавіемъ: «Željkovanje slave». Въ переводѣ примѣненъ ямбическій стихъ:

Kad ljubavlju i lašću bijah ono svladan,
Na koljenih pred tobom mučke klečah jadan,
Na tebe gledah, ti si moja, mišljah mlad,
Znaš dobro, želio si niesam slave tad.

30.

I. 351 (1825 года). *Къ А. П. Керн. Я помню чудное мгновенье.* Это стихотвореніе переведено въ 23 нумерѣ журнала «Vienac» за 1899 годъ, на стр. 374, подъ заглавіемъ «A. P. Kernovoj» preveo Jovan Hranilović. Переводчикъ сохранилъ ямбы, но исключительно съ женской риомой; вслѣдствіе того у него всѣ стихи обнимаютъ по одиннадцати слоговъ, въ каждой строкѣ риомуютъ только второй и четвертый стихъ.

O još se sjećam onog čudnog časa,
Kad preda mnom se prvi put pojavi,
Kô mimoletno kakvo prividjenje,
Ljepote čiste kano genij pravi.

Для характеристики перевода напомнимъ, что слѣдующія слова совпадаютъ съ русскимъ оригиналомъ: *čudnog* časa (чудное мгновенье), *mimoletno* prividjenje (мимолетное видѣнье), *sujete* (суеты), nježni glasak zvučaše (звучалъ голосъ нѣжный), o milim crtama sam snio (снились милыя черты), *poriva* burnih (бурь порывъ), mašte (мечты), u mraku zatočenja (въ мракѣ заточенья), tiho moji dni (тихо дни мои), bez boštva (безъ божества). Нѣкоторыя изъ этихъ словъ въ сербско-хорватскомъ языкѣ совсѣмъ непонятны, напр. «poriv» (порывъ). Переводъ вышелъ также въ Пушкинской антологіи.

31.

I. 353 (1825 года). *Прозаикъ и поэтъ. О чемъ прозаикъ ты хлопочешь.* Это восьмистишіе перевелъ A. Harambašić для Пушкинской антологіи, которую недавно издала «Матица Хорватская» въ Загребѣ. Начало перевода, по сообщенію М. Шрепеля, слѣдующее:

Što, prozaik, ti klopoćeš (sic!)?
Daj mi misô, kakvu hoćeš,
S kraja ću ju zaoštriti,
Lakom rimom opraviti.

32.

I. 355 (1825 года). *Послѣдніе цвѣты. Цвѣты послѣдніе мои.* Это шестистишіе въ альбомъ переведено скончавшимся на дняхъ хорватскимъ поэтомъ Г. Бадаличемъ (Hugo Badalić) для Пушкинской антологіи. Начало (по сообщенію М. Шрепеля) слѣдующее:

Draže nam je zadnje cvieće,
Nego prvo kad zarudi,
Ono sjetni spomen sreće
Življe nam u duši budi.

33.

I. 355 (1825 года). *19 октября 1825. Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ.* Это стихотвореніе перевелъ A. Haramьašić для Пушкинской антологіи, которая недавно вышла въ Загребѣ. Вотъ начало перевода:

Već zelen ures šuma gubit mora,
I mraz srebreni povenuto polje,
A dan proviri kao preko volje,
I sakrije se iza bližnjih gora.

34.

I. 362 (1825 года). *Зимній вечеръ. Буря мглою небо кроетъ.* Поэтъ иллиризма Станко Вразъ перевелъ это стихотвореніе, напечатано же оно въ 1864 году въ «Dĕla», II. Gusle i tambura, на стр. 49—50, подъ заглавіемъ «Zimski večer». Впервые переводъ вышелъ въ 1845 году въ книжкѣ «Gusle i tambura. Različite pĕsni od Stanka Vraza. Knjiga pàrva. Zlatni Prag 1845», 12^0 XVI. 187, на стр. 58—59. Приводимъ для образца послѣднюю строфу:

Bura maglom nebo krije,
Vihar s ceste snijeg mete,

To ko ljuta zvěr zavije,
To zaplače ko dijete.
Izpij, izpij, moja Mare,
Već je kasno u pónoć...
Zaboravi jade stare,
Bog će dati te će doć.

Конецъ строфы переведенъ невѣрно, въ подлинникѣ сказано: «выпьемъ съ горя; гдѣ же кружка? Сердцу будетъ веселѣй».

Въ журналѣ «Neven» за IV (1855) годъ, № 51, на стр. 813, вышелъ переводъ того же стихотворенія за подписью I. К. Т. подъ заглавіемъ «Zimska večer». Начало таково:

Mrak i tama nebo krije
Bura mete, urliče,
Sad ko vuče kobno vije,
Sad ko diete zaviče.

Далѣе въ сербскомъ иллюстрированномъ журналѣ «Искра», который съ 1898 года выходитъ въ Бѣлградѣ, помѣщенъ опять въ 1898 г. (I годъ изданія), № 10, переводъ тѣхъ же стиховъ, подъ заглавіемъ «Зимье вече», переводчикъ подписался Д. Ј. Д. (т. е. Димитријевић). Начало слѣдующее:

Бура маглом небо крије
А фијуче вихар снежни,
Час к'о бесна звер завије,
Час зацвили ко плач нежни.

Прибавимъ, что недавно вышелъ четвертый переводъ, напечатанный въ Пушкинской антологіи, которую издала «Matica hrvatska». Переводчикъ — A. Harambašić. Начало перевода (по сообщенію М. Шрепеля) слѣдующее:

Bura maglom nebo krije,
Vjetar puše sve jače:
Sad kò ljuta zvier zavije,

Sad kô diete zaplače;
Sad krov trga zastarjeli,
Da sve slama zapuca;
Sad kô putnik zakasnjeli
Nam na prozor zakuca.

Наконецъ имѣется еще и пятый переводъ тѣхъ-же стиховъ, явившійся въ «Босанской Вилѣ» за 1900 годъ (XV-й), № 13, на стр. 170, подъ заглавіемъ «Зимье вече». Начало перевода слѣдующее:

Бура, магла небо крије,
Хладни вихар пресеца,
Као зверка час завије,
Час ко дете зајеца —

35.

II. 2 (1826 года). *Пророкъ. Духовной жаждою томимъ.* Это стихотвореніе переведено въ журналѣ «Hrvatska lipa», I-й годъ изданія (1875), № 45, стр. 338, переводчикомъ былъ Bogomir Brleković. Заглавіе: «Prorok». Начало слѣдующее:

Duševnom žedjom mučen ja
Tumarah mračnom pustinjom,
Šestokril seraf netom na
Ukazo mi se samotnom.

Этотъ переводъ вышелъ также въ Пушкинской антологіи «Матицы Хорватской», но въ нѣсколько измѣненномъ видѣ.

И въ изданіи стиховъ Владиміра Іовановича «Лепе туђинке» (см. выше № 7) напечатанъ на стр. 127 «Пророк». Въ подлинникѣ ямбы съ рѳмою *ababccddccceffe* и т. д., въ переводѣ чередованіе ритмическое согласно (съ небольшими отступленіями) съ подлинникомъ: *ababccddeefgfg*, только рѳмы исключительно женскія. Стихъ перевода десятисложный съ цезурою по серединѣ:

Духовно жедан једва сам иш'о
Пустињом мрачном, слаб и бесилан,
Али је у том на ме наиш'о
Серафим сјајан и шестокрилан.
Зепица мојих косну се таки,
Прсти му беху као сан лаки —
Рашири поглед моје зенице
К'о преплашене тице орлице.

36.

II. 5 (1826 года). *Зимняя дорога. Сквозь волнистые туманы.* Переводъ этого стихотворенія вышелъ въ Пушкинской антологіи, изданной «Матицею Хорватской» въ Загребѣ, переводчикъ — Јован Храниловић (Јован Hranilović). Начало перевода слѣдующее:

Kroz valovlje magluštine
Luna se probija,
Ljetni sicv joj bezkrajnima
Poljanama sija.

37.

II. 9 (1827 года). *Ангелъ. Въ дверяхъ эдема ангелъ нѣжный.* Эти стихи переведены Иваномъ Трнскимъ въ журналѣ «Neven» за 1854 (III-й) годъ, № 41, стр. 655, подъ заглавіемъ «Andjeo». Вотъ начало, по которому видно, что ямбы подлинника не соблюдены:

Andjeo nježni s rajskih vratah
Poniknutom glavom sjao,
A vrag mračni sin prevrata
Nad paklenim bezdnom stao.

Кромѣ того переведенъ «Анђео» въ журналѣ «Јавор» за

1889 годъ, № 30, на стр. 471, переводчикомъ значится M. Јовановић. Начало перевода слѣдующее:

Крај двери рајских, снужден и миран
Анђео нежни сјајем сијаше,
А демон мрачан, клет и немиран,
Над црном адском бездном леђаше.

Третій переводъ, вошедшій въ Пушкинскую антологію, которую недавно издала «Matica hrvatska» въ Загребѣ, сдѣланъ Іованомъ Храниловичемъ. По сообщенію проф. Шрепеля, начало перевода слѣдующее:

Na Edema vratima anđeo nježni
S poniklom glavom je sjao,
Nad bezdanom adskim sumorni demon
Nemirno, tužno je stao.

38.

II. 9 (1827 года). *Талисманъ. Тамъ гдѣ море вѣчно плещетъ.* Ivan Trnski перевелъ это стихотвореніе въ журналѣ «Neven» за 1854, III-й годъ, № 6, стр. 81, подъ заглавіемъ «Zapis». Начало слѣдующее:

Gdje od vieka more pljeska
O pećinu lomeć moć
I mjesec se divno ljeska
Kroz maglenu toplu noć,
Po haremu gdje se mami
I uživa Turčin raj,
Tamo mila milo dâ mi
Grleći me zapis taj.

Этотъ переводъ перепечатанъ въ Пушкинской антологіи, изданной «Матицею» въ Загребѣ.

Еще раньше вошли эти стихи въ изданіе пѣсенъ графа М. Пуцича «Talianke» od Orsata Pečića (см. выше подъ № 15) въ Загребѣ 1849 года, на стр. 26—27, подъ заглавіемъ «Talisman»:

Tam gdje more viečno bije
Pustošine i pećine,
I gdje luna sja toplije
U čas mili noćne tmine,
Po haremih gdje se gubi
U nasladah Musulman,
Ljepotica me zaljubi
I poda mi talisman.

Въ «Narodne Novine» за 1859 годъ, № 58, вышелъ переводъ того же стихотворенія подъ заглавіемъ «Talisman», переводчикомъ былъ E. Asanger (Asan-aga):

Gdje od vieka more bije
Puste o hridi i pećine,
I gdje mjesec sja toplije
U čas mili noćne tmine...

Наконецъ въ журналѣ издаваемомъ до сихъ поръ въ Сараевѣ подъ названіемъ «Босанска Вила», за XIV годъ (1899), на стр. 160, представленъ переводъ того же стихотворенія, подъ турецкимъ заглавіемъ «Амајлија». Переводчикъ — Д. Ј. Димитријевић. Начало перевода слѣдующее:

Тамо гдје се море нија,
Вјечно стјење запљускује,
Гдје топлије мјесец сија,
Гдје се Турчин наслађује
У харему дивних вила —
Тамо ми је једног дана
Амајлију поклонила
Врачарица непозната.

39.

II. 16 (1827 года). *Три ключа. Въ степи мірской, печальной и безбрежной.* Это стихотвореніе перевелъ Hugo Badalić для Пушкинской антологіи, которую «Matica hrvatska» недавно издала въ Загребѣ. По сообщенію проф. М. Шрепеля начало перевода слѣдующее:

U svjetskoj stepi pečalnoj, bez kraja,
Otajstvena su tri vam izvora:
Tu mladosti je izvor bistra sjaja,
Sve vri i teče s puno žubora...

40.

II. 28 (1827 года). *Золото и булатъ. Все мое, сказало злато.* Это четырехстишіе переведено Станкомъ Вразомъ въ его собранныхъ сочиненіяхъ, гдѣ оно напечатано два раза, въ «Děla», III, 171, подъ заглавіемъ «Zlato i mač» и въ IV, 106, подъ заглавіемъ «Epigram»; переводъ одинъ и тотъ же. Въ «Narodne Novine» 1859 г., № 11, имѣется переводъ «Sl. Voltave» (см. выше подъ № 17), т. е. Эдварда Асангера, подъ заглавіемъ «Zlato i nado». Вл. Јовановић въ «Лепе туђинке», 2-е изданіе, на стр. 133, перевелъ то же самое подъ заглавіемъ «Злато и челик».

Sve je moje, reče zlato;
Sve je moje, kaže mač:
Sve kupujem, rekne zlato;
Sve otimam, kaže mač.
(Vraz).

Све је моје — хвалило се злато;
Све је моје — челик проговори:
Све купујем — хвалило се злато,
Све отимам — челик одговори
(В. Јовановић).

Еще раньше Јовановића перевелъ это четырехстишіе Владиславъ въ новосадскомъ журналѣ «Сербскій Лѣтописъ» за 1862 годъ часть I-я (кн. 105), на стр. 140, подъ заглавіемъ «Све є мое»:

Све є мое! вели злато,
Све є мое! челикъ прети,
Све ћу купит' — зборн злато,
Челикъ вели: све огети.

41.

II. 35 (1828-го года): *Цвѣтокъ. Цвѣтокъ засохшій, безуханный.* Это стихотвореніе перевелъ Змай Іовановичъ, сначала оно напечатано было въ журналѣ «Матица» за I (1866) годъ, на стр. 59—60, подъ заглавіемъ «Увелак», потомъ текстъ его вошелъ въ изданіе собранныхъ стихотвореній поэта «Певанија» (см. подъ № 16) на стр. 38. Вторично сдѣланъ переводъ того же стихотворенія въ «Стражилово» за 1894-й (VII-й) годъ, № 13, стр. 194, подъ заглавіемъ «Цветак», переводчикъ подписался «Борис». Въ подлинникѣ ямбы, 9- и 8-сложные стихи съ риѳмою aba b. Переводчики отнеслись къ размѣру подлинника различно:

Преврћући прашну књигу наћох
Сух увелак, заборављен ту,
И гле, чудна, необична машта
Испуни ми душу моју сву.
Где је, кад је, колико је цвао?
Ког пролећа?—гдѣ је онај врт?
Је-л' га страна ил' позната рука
Узабрала?—шта му значи смрт?
(Змај).

У књизи видим безмирисан
Заборављен и увео цвет,
И чудном неком маштом ево
Мој дух је силно обузет.
Где цваше? кад? којега дана?
Да л' дуго? ко му учини крај?
Да л' знана рука ил незнана?
И зашто ј' амо метнут цвет тај?
(Борис).

42.

II. 38 (1828 года): *Ты и вы. Пустое вы сердечнымъ ты.* Это восьмистишіе, написанное въ 8- и 9-сложныхъ ямбическихъ стихахъ, вышло въ переводѣ Владиміра Іовановича въ книжкѣ «Лепе туђинке» (см. выше № 7. 35. 39) на стр. 131, подъ заглавіемъ: «Ти и ви». Переводъ не сохранилъ подлиннаго размѣра:

Она једном у говору своме
Ви случајно са ти заменила,
Те у души и у срцу моме
Све слађане снове пробудила.

Стојим пред њом а не владам собом,
С ње очију не могу да скинем,
Гласно зборим: ја за вама гинем!
А у себи: погибох за тобом.

43.

II. 38 (1828 года): *26 мая 1828. Даръ напрасный, даръ случайный.* Переводъ этихъ стиховъ за подписью Бориса напечатанъ въ «Стражилово» за 1894 годъ, № 19, стр. 290, съ соблюденіемъ размѣра подлинника:

Жиће, чудни ти поклоне,
Зашто си ми, рашта дан?
Што те јад и беда гоне
Те си тако несретан?

Второй переводъ для Пушкинской антологіи Матицы Хорватской перевелъ скончавшійся недавно хорватскій поэтъ Hugo Badalić. Его начало слѣдующее:

Zaludan si dar slučajni,
Moj živote — čemu ti?
Zašto li te usud tajni
Smrtnoj kazni dosudi?

44.

II. 39 (1828 года): *Шотландская пѣсня. Воронъ къ ворону летитъ.* Ivan Trnski перевелъ это стихотвореніе въ журналѣ «Neven» за 1852 годъ, № 31, подъ заглавіемъ: «Dva gavrana». Потомъ Змай Іовановичъ въ журналѣ «Јавор» за 1862 годъ, оттуда оно вошло въ его «Певанија» на стр. 153, тоже подъ заглавіемъ «Два гаврана».

Vran gavrana muči glad,
Drugu svomu grakće mlad:
Mrki druže, vran gavrane,
Gdje li ćemo naći hrane?
(Trnski).

Мртав гладан гавран лети,
Не мож' више глад поднети,
Већ умоли друга свога:
Казуј хране, тако т' бога.
Знам ја хране, друг му вели,
Колико ти срце жели,
Под планином крвав, бледан,
Мртав лежи коњик један——
(Змај).

45.

II. 40 (1828 года): *Я думалъ сердце позабыло.* Эти стихи (двѣ строфы) переведены у Влад. Іовановича, въ его второмъ изданіи «Лепе туѣинке» (сл. № 7. 35. 39. 42), на стр. 130—1, размѣръ ямбическій не соблюденъ, риѳмы только женскія пятистопнаго трохаическаго стиха:

Срце ми је већ заборавило,
Мислио сам, да пати и страда,
Па говорих: «што је негда било,
То се више не врати никада»!

Љубавне се муке утишале,
Смириле се сањарије моје,
Ал'ето су опет устрептале —
Пробуди их моћ лепоте твоје.

46.

II. 43 (1828 года): *Анчаръ. Въ пустынѣ чахлой и скупой.* Это стихотвореніе переведено недавно въ V томѣ (за 1899 годъ) журнала «Бранково коло», № 20, стр. 617—8, переводчикъ подписался Д. Ј. Димитријевић (изъ Бѣлграда). Ямбическій стихъ подлинника замѣненъ трохаическимъ шестистопнымъ:

У пустињи голој, у сред песка врела
Као стражар грозни Анчар дрво стоји,
Васељена мртва око њега цела,
Он сам жедан земљу ту отровом пои.

По письменному сообщенію Ив. Трнскаго существуетъ также его переводъ этого стихотворенія подъ заглавіемъ «Jadika», но я не могъ отыскать, гдѣ онъ напечатанъ.

47.

II. 45 (1828 года). *Утопленникъ. Прибѣжали въ избу дѣти.* Это стихотвореніе переведено подъ заглавіемъ «Utopljenik» для Пушкинской антологіи, изданной Матицею Хорватской въ Загребѣ; переводчикъ — А. Harambašić. Начало перевода слѣдующее:

Kući djeca dotrčala,
Zovu oca u sav glas:
«Tato, tato, u mrežu nam
Pade mrtvac ovaj čas»!

48.

II. 56 (1828 года): *Любопытный. Что жъ новаго. «Ей богу ничего».* Это восьмистишіе вышло въ переводѣ Станка Враза въ его «Děla» Кн. III, стр. 169, подъ заглавіемъ: «Stara novina». Ямбическіе десяти- и одиннадцатисложные стихи передены такъ:

Što ima novog? «Dragi brate, niš»! —
Što tako jagmiš: nješta znaš zaista.
Nije l'sramota te ti sve tajiš
Od prijatelja, kô od vragov trista!

Тѣ же стихи перевелъ А. Нагамbašić подъ заглавіемъ: «Spoznanje» для изданія Матицы Хорватской. Начало перевода слѣдующее:

«Što ima novo? Dragi brate ništa!
«Ne tražim mnogo, kaži mi bar slovo»!

49.

II. 63 (1829 года): *Въ Альбомъ. Что въ имени тебѣ моемъ?* Это стихотвореніе перевелъ Стоянъ Новаковичъ въ 1865 году и напечаталъ въ журналѣ «Вила», который въ томъ же году началъ въ Бѣлградѣ выходить подъ его редакціею, на стр. 392. Въ переводѣ сдѣлана попытка сохранить ямбическій размѣръ:

Што тако мариш ти за име моје?
Њега ће нестат као пушке сетне,
Кад талас груне о обалу хладну
Ил' кроз ноћ тихи гласак тихо летне.

У споменици остаће му трага
Те ко' кад дођеш врх гроба некога
Па на камену чудне речи пишу,
Нит' језик знадеш нити слова кога.

50.

II. 77 (1829 года): *Стансы. Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ.* Эти стансы вышли въ переводѣ профессора Т. Маретича въ 1874 году въ журналѣ «Vienac», VI годъ, № 3, стр. 38—9 подъ заглавіемъ: «Nagovieštanje smrti». Въ переводѣ соблюденъ размѣръ подлинника:

Niz ulice li šumne šećem,
U napunjen li stupam hram,
U društvu li se mladom krećem,
Viek misli mozgu mislit dam.

Тѣ же стихи переведены также въ бѣлградскомъ иллюстрированномъ журналѣ «Искра» за 1898 годъ (I годъ изданія, подъ редакціею Андр. Гавриловића) на стр. 316, безъ заглавія, вмѣсто его три звѣздочки ***, переводчикомъ подписался D. J. D. (Димитријевић). Этотъ переводъ не стремился подражать размѣру русскихъ стиховъ:

Кад усамљен ходам ја улицом шумном,
Ил' у храм улазим пун побожног света,
Или седнем кадгод међ децом безумном,
Врх небеса плавих мисао моја лета.

51.

II. 95 (1830-го года): *Поэту. Поэтъ не дорожи любовію народной.* Этотъ сонетъ переведенъ въ 1897 году, III-емъ изданія боснійскаго иллюстрированнаго журнала «Nada», № 1, стр. 11, подъ заглавіемъ: «Pjesniku»; переводчикъ подписался

Stj. Španić. Подъ тѣмъ же заглавіемъ вышелъ въ журналѣ «Vienac», 1899 (XXX-й) годъ, № 9, стр. 138, переводъ И. Трнскаго. Приведемъ для сравненія первое четверостишіе:

Oj pjesniče, ne c'jeni ljubav roda svoga,
Jer ushitnih mu hvala progje brzo jek,
I sm'jeh ćeš čuti rulje, sud glupaka mnoga,
Al ti da tvrd si, hladan i spokojan viek. (Španić).

Ne gramzi, pjesniče, za pažnjom roda!
Zanosljiva ti hvala za tren mine,
Glupakov čuvši sud i rûg množine
Nek nemiru se duša ti ne poda. (Trnski).

Переводъ Трнскаго вошелъ въ Пушкинскую антологію Матицы Хорватской.

52.

II. 97 (1830 года): *Цыганы. Надъ лѣсистыми брегами.* Эту пѣсенку перевелъ A. Haramьašić для Пушкинской антологіи Матицы Хорватской, подъ тѣмъ же заглавіемъ «Cigani». По сообщенію М. Шрепеля начало слѣдующее (на стр. 34):

Nad brčnim je obalama,
Kad se k zemlji spusti mrak,
Šum i pjesma pod čergama,
I svud plamti ognja trak.

53.

II. 99 (1830 года): *Бѣсы. Мчатся тучи, вьются тучи.* Переводъ этого стихотворенія вышелъ въ 1899 году въ журналѣ «Nada», издаваемомъ въ Сараевѣ, V годъ, № 14, на стр. 218—9, перевелъ его Josip Milaković, подъ заглавіемъ «Bjesi», подражая размѣру подлинника:

Lete mraci, gusti, tušti,
A ne vidim lune trak,
Osvjetljuje sn'jeg letušti
Mutno nebo, noćni mrak.

Второй переводъ появился въ 1900 году, въ 201-й книжкѣ новосадскаго журнала «Летопис Матице српске», переводчикомъ подписался извѣстный «Змајова», т. е. Змай Јованъ Јовановичъ. Подъ заглавіемъ «Беси» начало сербскихъ стиховъ слѣдующее:

Колутају маглуштине,
Месец губи своју моћ,
Снег се витла са висине,—
Мутно небо, мутна ноћ.

Саонице стѐпом клизе,
Звонце звони цин-цилин,
На том путу моро би се
Ужаснути сваки цин.

54.

II. 117 (1830 года): Безъ особеннаго заглавія стихотвореніе въ пяти строфахъ слѣдующаго начала: *Я здѣсь, Инезилья, стою подъ окномъ*, переведено на сербскій языкъ подъ заглавіемъ «Романца» въ мостарскомъ переодическомъ изданіи «Зора» за 1896 годъ, въ ноябрьской книжкѣ на стр. 291. Переводчикомъ подписался Ј. А. Дучић (см. № 6). Начало слѣдующее:

Обдје Инезиља
Стојим под окном!
Загрљена Севиља
Мраком и сном!

55.

II. 128 (1831 года): *Эхо. Рветъ ли звѣрь въ лѣсу густомъ.* Переводъ подъ заглавіемъ «Ехо» вышелъ въ мостарскомъ журналѣ «Зора» за 1896 годъ, ноябр. кн. на стр. 292 (см. предыдущій нумеръ). Переводчикъ тотъ же Ј. А. Дучић. Начало перевода:

Риче ли звијер сред шуме глухе,
Труби ли рог или грми гром,
Ил пјева дјева у миљу свом
Кроз густи луг...

56.

II. 129 (1831 года): *Клеветникамъ Россіи. О чемъ шумите вы, народные витіи?* Этому стихотворенію посчастливилось быть переведену четыре раза. Старшій переводъ принадлежитъ иллирскому поэту Станку Вразу, онъ напечатанъ въ «Dèla», кн. IV, на стр. 82—83: «Klevetnikom Ruske». Раньше еще появился въ печати, но не раньше сочиненъ переводъ Меда Пуцича (или М. Бана?) во второй книжкѣ альманаха, изданнаго въ 1851 году въ Загребѣ, подъ заглавіемъ «Dubrovnik. Cviet narodnog književstva. Svezak drugi za god. 1850». М. Банъ былъ редакторомъ, М. Пуцичъ (Pucić или Pučić, раньше Počić — итальянская форма графской фамиліи Pozza) главнымъ сотрудникомъ этого изданія, одному изъ нихъ, вѣроятно второму, принадлежитъ переводъ русскаго стихотворенія, подъ заглавіемъ: «Klevetnicima Rusije 1831 od Puškina» на стр. 252—254. Въ «Narodne Novine», за 1862 годъ, № 44, вышелъ переводъ того же стихотворенія подъ заглавіемъ: «Klevetnikom Rusije», переводчикомъ былъ Edo Josipović Asanger. Наконецъ въ № 5, 1893 года, въ журналѣ «Prosvjeta» (въ Загребѣ) перевелъ St. Španić тѣ же стихи подъ тѣмъ же заглавіемъ «Klevetnikom Rusije». Приведемъ образцы:

Zašto vičete vi narodah govordžije?
Zašto anathemu bacate prot Rusije?
Šta vas razdraži — šta? Litvanske li bune stek?
Prodjte se! to je prepir Slavjanah medju sobom,
Domaći star prepir, rodjeni davnom dobom,
Pitanje, koje vi nećete riešit viek. (Vraz).

Što bučite pučki govorači?
Šta li kletvam prietite Rusiji?
Šta vas muti? bune se Poljaci? —
Man'te se! to' e svadja med sobom Slavjana,
Domaća i stara sudbini poznana,
To j' upitaj, kojeg ne riešite vi. (Ban-Pucić).

O, čemu buka sad, vi svieta nemirnjaci?
Na Rusiju nam zar prokletstvo da se baci?
Što buni opet vas? U Litvi nemir, kret?
Ostavte razdor taj medjusobni Slavena,
Domaći to je spor, iz davnih još vremenâ;
Tog pitanja ni vi, ni sav ne rieši sviet.
(Stjepan Španić).

Стихи Ст. Враза перепечатаны въ антологіи Пушкинской, изданіи Матицы Хорватской, въ исправленномъ видѣ.

57.

II. 131—3 (1831 года): *Бородинская годовщина. Великій день Бородина.* Переводъ этого стихотворенія сдѣланъ Станкомъ Вразомъ, неизвѣстно когда, напечатанъ же въ его «Děla», кн. IV, стр. 78—81. Вразъ оставилъ даже заглавіе непереведеннымъ: «Borodinska godovština».

Na Borodinski velji god
Zadušje bratsko služeć redom,
Kazasmo: Nie li svak narod
Navalio, Ruskoj grozeć biedom?

58.

II. 151 (1833 года): *Воевода. Поздно ночью изъ похода.* Эту балладу перевелъ съ русскаго извѣстный иллирскій поэтъ Др. Д. Деметеръ въ литературномъ приложеніи къ «Narodnim

Novinam»: «Danica ilirska» за 1846 годъ (XII-й), № 33, стр. 131, подъ заглавіемъ: «Vojvoda». Кромѣ того вышелъ переводъ того же стихотворенія въ журналѣ, который выходилъ въ шестидесятыхъ годахъ въ Загребѣ подъ заглавіемъ: «Naše gore list», въ 1863 году (III-мъ), № 21. Переводчикомъ былъ E. Josipović Asanger.

59.

II. 153 (1833 года): *Будрысъ и его сыновья. Три у Будрыса сына, какъ и онъ три литвина.* Кажется, что и эти стихи переведены упомянутымъ подъ № 58, Деметеромъ, хотя въ литературномъ приложеніи «Danica ilirska», XI (1845), № 36, стр. 145, переводчикъ отмѣченъ буквами M. D. Заглавіе перевода: «Budris i njegova tri sina». Второй переводъ тѣхъ же стиховъ, тоже по русскому тексту, сдѣланъ Асангеромъ въ «Narodne Novine», за 1859 годъ, № 52, подъ заглавіемъ: «Budris i njegovi sinovi», переводчикъ подписалъ здѣсь свою фамилію: Slavoljub Asan-aga. (См. выше подъ № 10. 14. 17. 22. 26. 28. 38. 40. 56. 58).

60.

II. 166 (1834 года): *Мицкевичъ. Онъ между нами жилъ.* Переводъ этого стихотворенія сдѣлалъ Hugo Badalić для Пушкинской антологіи, изданной Матицею Хорватской въ Загребѣ, на стр. 43. Начало перевода слѣдующее:

Medju nama življaše on,
Sred plemena mu tudjeg; zlobe na nas
U duši nije gojio; i mi
Ljubljasmo njega. Miran, dobrostiv . . .

61.

II. 178 (1835 года): *Туча. Послѣдняя туча разсѣянной бури.* Переводъ этихъ стиховъ вышелъ въ Бѣлградскомъ жур-

налѣ «Отаџбина» въ XXXI томѣ, выпускѣ 121-омъ, за 1892 годъ, на стр. 98, подъ заглавіемъ: «Облак», переводчикъ — P. J. Одавичъ.

Последњи ти си ког остави бура,
Усамљен пловиш сред чиста лазура,
С тебе још само сѣн унила пада
Те радост дана помрачује сада.

62.

II. 178 (1835 года): *Пиръ Петра Великаго. Надъ Невою ръзво вьются.* Переводъ Ивана Трнскаго вышелъ въ 1853 году, въ II томѣ журнала «Neven», № 28, стр. 433, подъ заглавіемъ: «Čast Petra Prvoga». Въ подлинникѣ размѣръ трохаическій, но восьми- и семисложные стихи измѣняются вмѣстѣ съ женской и мужской риѳмой: *abab*. Въ переводѣ риома *abab* только женская и стихъ восьмисложный:

Barjaci se Nevom krile,
Pomamno ih vĕtar baca,
Razlĕžu se pĕsme mile,
Iz čamacah od vozacah.

63.

II. 189 (1836 года): *Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный.* Это стихотвореніе подъ заглавіемъ «Spomenik» переведено въ журналѣ «Vienac» за 1876 годъ (VIII), № 3, стр. 37. Переводчикомъ подписался Bogomir Brlković. Въ переводѣ отчасти только остался размѣръ оригинала съ ямбами:

Spomenik digoh si, ne stvorila ga ruka,
Put narodu mi do njeg zatrti se neće;
Uzvinuo se nepokornom glavom veće
Od Bonapartina slavoluka.

Ne umrieh posve, ne, uz zavjetnu mi liru
Vjekovat će prah mi propasti bez hude.
I slava će me stizat, dok na tom na svemiru
Živovat barem jedan pjesnik bude.

Переводъ этотъ, съ поправками, вошелъ въ Пушкинскую антологію «Матицы Хорватской», на стр. 44.

64.

? Въ Берлинскомъ изданіи (2-мъ) 1870 года, на стр. 57—8, безъ обозначенія года, приводятся стихи, начинающіеся такъ: *Я жизнь любилъ, когда полна*. Переводъ этихъ стиховъ вошелъ изъ «Стражилова», гдѣ онъ впервые напечатанъ въ 1885 году, № 44, стр. 1389—90, въ отдѣльное изданіе переводовъ Вл. Јовановића «Лепе туђинке», на стр. 129, подъ заглавіемъ, взятымъ изъ перваго стиха: «Волео сам живот»... Въ подлинникѣ ямбы, восьми- и девятисложные стихи, съ риѳмами мужскими и женскими; въ переводѣ шестистопные трохаическіе стихи:

Волео сам живот, пун несташних снова,
Кад, обасјан надом, познаваше сласти;
Волео сам живот сладак, без отрова,
Докле нису муке огњевитих страсти...

65.

? Въ Берлинскомъ изданіи 1870 года напечатано, безъ обозначенія года, четырехстишіе, начинающееся стихомъ: *Она тогда ко мнѣ придетъ*. И это четырехстишіе переведено у Вл. Јовановића въ «Лепе туђинке», на стр. 130, подъ заглавіемъ «Посета»: «Она мени само онда дође»...

66.

? Въ томъ же заграничномъ изданіи напечатано на стр. 123 четырехстишіе *Граф. А. А. Орловой-Чесменской*, первый стихъ

начинается такъ: «*Благочестивая жена*»; подражая ему Влад. Јовановичъ въ «Лепе туђинке» сочинилъ подъ заглавіемъ «Благочестива хришћанка» слѣдующую эпиграмму:

Смирена је жена удовица Ана,
Свом је својом душом господу предана,
Па и самим својим лепим телом
Заступнику б—јем, п— Аћиму Белом.

67.

? Въ журналѣ «Vienac» за 1874 (VI) годъ, № 5, напечатано 12 строфъ, въ шесть стиховъ каждая, подъ заглавіемъ «Za zimske dokolice» («Зимній досугъ»), переводчикомъ которыхъ изъ Пушкина названъ Milivoj (сл. выше подъ № 29). Въ сочиненіяхъ А. С. Пушкина мнѣ не удалось отыскать источникъ или образецъ этихъ стиховъ. Приведу первую, пятую и двѣнадцатую строфы «перевода»:

1. Turobno je nebo sinje,
Rieke tomi led,
Po drvetu visi inje;
Prirodom se svuda vani
Ciča zima sada bani,
Smeo joj se slied.

5. Ma se ne da dugo vezat
Mladjani moj duh,
Ne pusti si polet stezat,
Nego kleto puto krši,
Sjetu, nujnost vedar prši,
Kao magle ćuh...

12. Ja uz vaše mile pjesni
Rado vijem viek;
Da mi mlade grudi tiesni
Tuga, sjeta, vi ne date,
Nit da duši pokoj krate,
Lagodan ste liek.

По сообщенію профессора Шрепеля упоминаемый Миливой—нынѣшній профессоръ *Т. Маретичъ*, который сочинилъ стихи на

тему «Зимній досугъ» совсѣмъ независимо отъ Пушкина, хотя можно бы сослаться на нѣкоторыя параллели въ четвертой главѣ «Онѣгина», строфы 40—43. Маретичъ былъ тогда студентомъ—клирикомъ, поэтому не смѣлъ подписывать своего имени подъ стихами, редакторъ-же журнала А. Шеноа прибавилъ отъ себя, что стихи — подражаніе Пушкину.

68.

? Змай Јованъ Јовановичъ напечаталъ недавно въ изданіи Общества Бѣлградскаго «Српска Књижевна Задруга» какъ книжку 30-ую, свои стихотворенія, оригинальныя и переводныя, подъ заглавіемъ: «Друга певанија», свеска друга. На стр. 265 этой книжки напечатано стихотвореніе подъ заглавіемъ: «Слика садашњега друштва» («Картина нынѣшняго общества»), съ прибавкою «Од Пушкина». И для этихъ стиховъ мнѣ не удалось отыскать источника въ стихотвореніяхъ Пушкина. Я обратился къ самому поэту, проживающему нынѣ въ Загребѣ, съ просьбою объяснить мнѣ, какъ этотъ переводъ попалъ въ число его стихотвореній. Вотъ что онъ мнѣ отвѣтилъ: «Загреб 14/X s. n. 1899. Многоуважени господине! Неће Вас задовољити овај мој одговор на Ваше питање преко г. д-ра Медаковића. Пре 6—7 година дође ми покојни г. Васа Пелагић и рече ми да у некоме новинарском чланку хоће да цитира неке стихове Пушкинове, за које он вељаше да су Пушкинови; донео ми их је својом руком написане на руском језику и молио ме је да их преведем на српски. То сам учинио, и после сам видео, да је тај чланак негде изишао, а у њему и ти стихови. Кад се редиговала 30-а књига «Срп. Књиж. Задруге», редактор је желео да и ти стихови у ту збирку уђу. А наслов је ставио или он сам или у споразуму са мном. Не знам. Ја држим да је то уломак какве веће песме. А да ли је писац баш Пушкин, то са друге стране не знам, већ само што сам чуо од Пелагића. То Вам знадох казати о тој песми, и ништа више».

Начало перевода слѣдующее:

По свету пуном луда и суклата,
Где правде немаш, ако немаш злата,
Где се вркоче мајмунска господа,
Изрод и одмет човечјега рода —

69.

II. 197—275 (1817—1820). *Руслань и Людмила.* Это сочиненіе вышло въ хорватскомъ переводѣ Спира Димитровича въ 1859 году въ фельетонѣ оффиціальной политической газеты «Narodne Novine» въ №№ 244—259. О достоинствахъ этого перевода см. ниже отдѣльную статью подъ IV.

70.

II. 276—301 (1821 года). *Кавказскій плѣнникъ.* Въ сербско-хорватской литературѣ существуютъ, сколько мнѣ извѣстно, три различныхъ перевода этой романтической повѣсти. Въ 1853 г. вышелъ въ журналѣ «Neven» (годъ II) №№ 30—32, на стр. 465—6, 481—3, 507—10 переводъ въ стихахъ подъ заглавіемъ «Kavkaski zarobljenik»; въ переводѣ господствуетъ восьмисложный трохаическій стихъ съ женскою риѳмой. Этотъ переводъ принадлежитъ И. Трнскому, онъ же вновь перепечатанъ въ антологіи Матицы Хорватской, на стр. 51—72. Въ 1863 году вышелъ отдѣльной книжкой въ Бѣлградѣ переводъ Стояна Новаковича: «Кавкаски роб. Спјев Александра Пушкина, превео с руског Стојан Новаковић. У Београду 1863». 12^0, 35. Въ 1870 году напечатанъ въ Новосадскомъ журналѣ «Даница» третій переводъ того же сочиненія, сдѣланный П. Деспотовичемъ: «Кавкаски роб, од П. Деспотовића». «Даница», XI. 1870. 324—6, 337—9, 353—7. Сравнительный разборъ этихъ трехъ переводовъ помѣщенъ ниже.

71.

II. 302—309 (1821 года). *Братья разбойники.* Переводъ этого стихотворенія вышелъ въ 1860 году въ Загребѣ; первоначально Спиро Димитровичъ (Spiro Dimitrović) помѣстилъ свой трудъ въ «Narodne Novine» за 1860 годъ, потомъ же онъ вышелъ въ одной книжкѣ съ переводомъ «Полтавы», подъ заглавіемъ «Poltava, Dva brata razbojnika i Cigani, od Alexandra Puškina. Preveo iz ruskoga Špiro Dimitrović Kotaranin». U Zagrebu 1860. «Bratja razbojnici» напечатаны здѣсь на стр. 56—63.

72.

II. 322—337 (1822 года). *Бахчисарайскій фонтанъ.* Переводъ этого стихотворенія, сдѣланный поэтомъ Станкомъ Вразомъ († 1851), напечатанъ въ его «Děla» IV, стр. 84—106, подъ заглавіемъ: «Česma Bačisarajska. Poviest Alexandra Puškina». Переводъ въ четырехстопныхъ трохеяхъ съ женской риѳмой *abab*, въ подлинникѣ восьми- и девятисложные ямбическіе стихи. Иванъ Трнски перевелъ то-же стихотвореніе въ 1854 году (III) изданія «Neven» №№ 2 и 3, на стр. 24—27, 36—40, подъ заглавіемъ «Bahčisarajski vodomet. Preveo iz Puškina I. Trnski». И его переводъ — трохаическій. Приведемъ для сравненія образцы того и другого перевода.

Namršteno kan sjedjaše,
Med ustnama čibuk dimni,
Do njeg robski age i paše
Pazeć njegov pogled zimni.
Svatko muči vas u strahu
Čitajući mračne pruge
Kruta gnjeva, tajne tuge
Na kanovu licu plahu.
Gle oholi vladar stane,
Zapovjednom rukom mahne,
I svi odoše, rieč ne sborè.

Oborena Girej oka
Sjedi dimeć iz jantara,
A dvorani bok do boka
Kutreć paze gospodara.
Tiho sve je u tom dvorcu
A na licu pomrknutu
Gnjev i pečal vidiš ljutu,
Riju obraz ratoborcu.
Tadaj silnik svladnu mùkom,
Neustrpnom manu rúkom,
Pokloniv se dvorba bjega.

Evo ti ga sama u dvore!
Sad slobodnie grud mu diše,
Živie mu se strast žestoka
Na strogome licu piše,
Kao oblaci, gradi i kiše
U zrcalo od potoka.
(Vraz).

Eto sada sama njega!
Prost se uzdah otiskuje,
Življe čelo namršteno
Bolu srca pokazuje.
Tako oblak zamjenjuje
Ogledalo to vodeno.
(Trnski).

Переводъ Враза вошелъ въ Пушкинскую антологію «Матицы Хорватской», на стр. 73—91, но напечатанъ съ поправками въ текстѣ.

Существуетъ еще и третій переводъ, напечатанный въ журналѣ «Летопис Матице српске» за 1900 годъ, кн. 201, стр. 3—20, подъ заглавіемъ «Бахчисарајски шедрван», перевелъ Јованъ А. Дучичъ, начало слѣдующее:

Сједи Хирej мутан, мрачан,
Јантар пуши, брижан љуто,
Око њега све је сјетно,
Све је н'јемо, забринуто.
Све у дворцу бјеше тихо,
Сви читају више дана
Страшне знаке гњева, јада
На сумрачном лицу кана.
Ал' господар кад им горди
Нестрпљивом мане руком,
Све се пред њим ропски клања,
Све полази мучећ мȳком...

73.

II. 347—364 (1824 года). *Цыганы. Цыганы шумною толпой.* Это стихотвореніе переведено въ 1860 году Спиромъ Димитровичемъ въ «Narodne Novine», отдѣльно же оно вышло вмѣстѣ съ переводомъ «Полтавы» и «Братьевъ разбойниковъ» въ книжкѣ указанной выше подъ № 71, на стр. 64—83. Перевод-

чикъ употребилъ и здѣсь, какъ во всѣхъ своихъ переводахъ, размѣръ эпическій — пятистопный трохаическій стихъ безъ риѳмы. Второй переводъ, сдѣланный P. J. Одавичемъ, вышелъ въ журналѣ «Босанска Вила» за 1893 годъ (VIII), №№ 1 и 2. Этотъ переводъ составленъ въ четырехстопныхъ трохаическихъ стихахъ съ риѳмой:

Koliko je duga i široka
Besarabja ruska pokrajina,
Gomilami cigani se skitju.
Oni sada kraj studene rieke
Po razdèrtim šatorima noće.
Kô sloboda mile su im noći
I sni mirni pod vedrome nebu.
(Dimitrović).

Цигани у руљи бучној
Бесарапску прочергаре;
Сад су близу реци хучној,
А над њима черге старе.
На ноћишту пир се чини,
Миран сан им увек хити —
(Одавић).

74.

II. 350 (1824). Въ стихотвореніе «Цыганы» включенъ романсъ о птичкѣ, начинающійся такъ: *Птичка божія не знаетъ*. Этотъ романсъ переведенъ уже Станкомъ Вразомъ какъ отдѣльная пѣсня подъ заглавіемъ «Ptićak», напечатанъ же въ «Dĕla» IV, 75. Въ Новосадской «Даницѣ» за 1866 годъ (VII), на стр. 471, помѣщенъ опять новый переводъ «Тица од П. Деспотовића». Вотъ начало того и другого перевода:

Ptić, stvorenje nerazumno,
Ne zna, šta su brige, umor;
On ne gradi trudno i šumno
Dugovječna gniezda dvor.
(Vraz).

Ни работе нити труда
Тица млада нема;
Вече дође, она мирно
У свом гнезду дрема.
(Деспотовић).

75.

III. 1—78 (1825 года). *Борисъ Годуновъ*. Переводъ этой трагедіи вышелъ въ журналѣ «Стражилово», VII годъ (1894),

№№ 20—25, переводъ полный, на стр. 305—308, 322—327, 338—342, 354—360, 369—373, 387—390. Переводчикомъ указанъ А. Писаревичъ: «Борис Годунов. Драма у пет чинова, написао А. С. Пушкин, с руског превео А. Писаревић». Объ этомъ переводѣ говорится ниже въ отдѣльной статьѣ. Вторымъ переводомъ этой драмы мы обязаны хорватскому поэту, который подписывается Isa Velikanović. Полный переводъ вышелъ въ началѣ 1900 года въ одной «Памяти Пушкина», посвященной антологіи изъ сочиненій русскаго поэта въ хорватскихъ переводахъ, въ числѣ новѣйшихъ изданій хорватскаго литературнаго общества «Matica Hrvatska», на стр. 145—239. Какъ образецъ этого перевода вышла одна сцена въ № 23 хорватскаго литературнаго журнала «Vienac» за 1899 годъ, стр. 372—374, подъ заглавіемъ «Prizor iz Borisa Godunova». См. въ отдѣльной статьѣ ниже.

76.

III. 103—106 (1826 года). *Сцена изъ Фауста.* Подъ заглавіемъ «Prizor iz Fausta» переведена эта сцена недавно въ № 11 журнала «Vienac» за нынѣшній (XXX-й) 1899 годъ, на стр. 166—167. Переводчикомъ подписался A. Radić. Переводъ стремился подражать размѣру подлинника, но отъ этого онъ вышелъ не лучше, хотя переводчикъ успѣшно боролся съ трудностями перевода въ ямбахъ. Для примѣра приведу одно мѣсто, гдѣ, мнѣ кажется, переводчикъ не понялъ смысла русской фразы:

Но помнится, тогда со скуки,	Ta znaš, baš tad na poklik tvoj
Какъ арлекина, изъ огня	Od dosade ti pakla sin
Ты вызвалъ наконецъ меня.	Ja dodjoh kao arlekin.
Я мелкимъ бѣсомъ извивался,	*I stvorih ti se vražić mali*
Развеселить тебя старался,	Veselju tvom i tvojoj šali.
Возилъи къ вѣдьмамъ и къ духамъ	I k vješticam i k dusim put
И что-же? все по пустякамъ.	Ja prodjoh s tobom — uzalud!

Переводчикъ перевелъ русскій оборотъ «мелкимъ бѣсомъ извиваться» буквально.

77.

III. 107—152 (1828 года). *Полтава.* Это эпическое стихотвореніе переведено въ 1860 году Спиромъ Димитровичемъ и напечатано въ газетѣ «Narodne Novine» въ фельетонѣ. Въ томъ же году переводъ вышелъ отдѣльной книжкою (см. выше подъ № 71). Отрывокъ изъ того же сочиненія перевелъ также Змай Јовановичъ, сначала для Новосадскаго журнала «Матица» 1867 г., на стр. 583, потомъ же этотъ переводъ вошелъ въ «Певанија» изд. 1882 года, на стр. 157—160. Наконецъ явился еще одинъ полный переводъ того же сочиненія въ «Čitanka iz slavenske i madžarske književnosti. U Zagrebu 1896», на стр. 481—522. Переводчикъ — профессоръ Tomislav Maretić. Этотъ переводъ вошелъ также въ Пушкинскую антологію «Матицы Хорватской». Сравнительную оцѣнку этихъ трехъ переводовъ см. ниже въ отдѣльной статьѣ. Замѣтимъ еще, что предисловіе и посвященіе не переведены ни у Спира Димитровича, ни у Маретича. Пѣсню гонца въ сочиненіи «Полтава» (III, 118—119) перевелъ также князь Черногорскій Николай I, въ изданіи его стихотвореній: Скупљене пјесме од Николе I. Цетиње 1894, подъ заглавіемъ «Гласоноша». Стихи перепечатаны въ юбилейномъ сборникѣ Пл. Кулаковскаго «Стихотворенія А. С. Пушкина въ славянскихъ переводахъ». Варшава, 1899, стр. 31—33. Говорятъ, что вышла Полтава еще въ переводѣ Даніила Медича, но я не могъ провѣрить этого указанія.

78.

III. 184—194 (1830 года). *Моцартъ и Сальери.* Въ «Бранково Коло» I, за 1895 годъ, № 23, стр. 710—716, вышелъ сербскій переводъ этого стихотворенія, подъ заглавіемъ «Моцарт и Саљери», перевелъ Драгутин J. Илић. Переводъ удался даровитому поэту какъ нельзя лучше, но употребленіе ямбическихъ стиховъ не вездѣ послѣдовательно проведено. Начало слѣдующее:

Сви кажу: нема правде на земљи,
Ал' ни на небу није. За ме је
Прејасно ово као јасни дан.
Вештину љубљах од свог рођења —

79.

III. 195—224 (1830 года). *Каменный гость*. Говорятъ, что это сочиненіе вышло въ сербскомъ переводѣ въ газетѣ «Звезда, дневно-забавни лист» за 1894 годъ. Ничего болѣе подробнаго я не могъ узнать.

80.

III. 234—405 (1822—1831). *Евгеній Онѣгинъ*. Романъ въ стихахъ. Первый переводъ этого романа сдѣланъ Спиромъ Димитровичемъ въ 1860 году, изданъ отдѣльной книжкой подъ заглавіемъ: «Eugenio Onjegin od Aleksandra Puškina. Preveo iz Ruskoga Špiro Dimitrović Kotaranin. U Zagrebu 1860. 8°. 187». Переводъ посвященъ «Visokorodjenoj Klotildi Baronici Hellenbach de Pacolaj, rodjenoj Jelačić Bužimskoj» (со стихами). Въ концѣ изданія (на стр. 185—187) прибавленъ «Riečnik» (т. е. словарь нѣсколькихъ менѣе употребительныхъ или-же переводчикомъ сочиненныхъ словъ). Первая глава романа вышла въ переводѣ Ивана Трнскаго въ журналѣ «Glasonoša» (выходилъ въ теченіе четырехъ лѣтъ въ Карловцѣ — Karlstadt, пятый — въ Вѣнѣ), за 1862 годъ (II томъ), №№ 25—27, 29—30, 32, 33—35, подъ заглавіемъ: «Evgenij Onjegin Roman u stihovih. Prev. I. T.» Полный переводъ того-же сочиненія, сдѣланный тѣмъ-же авторомъ, издало общество «Matica Hrvatska» въ 1881 году отдѣльной книжкой, подъ заглавіемъ: «Zabavna Knjižnica Matice Hrvatske. Svezak XLVIII—L. Puškin. Evgenij Onjegin. Zagreb 1881». 8° (такъ на оберткѣ, на заглавномъ листѣ внутри книги: Aleksander S. Puškin. Evgenij Onjegin. Roman u stihovih. Preveo i vjekopisom popratio Ivan Trnski. Zagreb. Naklada «Matice Hrvatske»

1881). 8°. XXXII. 176. Въ 1885—1886 годахъ вышелъ новый переводъ первыхъ двухъ главъ «Онѣгина», переводчикомъ подписался Јован Симеоновић Чокић. Первую главу онъ напечаталъ въ журналѣ «Јавор» въ Новомъ Садѣ за 1885 годъ, №№ 1—8; вторую въ «Стражилово» за 1886 годъ, №№ 16—17. Послѣдній по времени полный переводъ «Евгенія Онѣгина» принадлежитъ Р. Ј. Одавичу. И этотъ переводъ первоначально выходилъ въ бѣлградскомъ журналѣ «Отаџбина» (въ выпускахъ 121 по 129), потомъ же вышелъ отдѣльной книжкой, подъ заглавіемъ: А. С. Пушкин. Јевђеније Оњегин. Роман у стиховима. Превео Р. Ј. Одавић. Београд 1893. 16°. 248. VI. Всѣ эти переводы разобраны ниже въ отдѣльной статьѣ.

81.

III. 300—1. Въ третьей главѣ «Евгенія Онѣгина» поэтъ вставилъ «Пѣсню дѣвушекъ». Эта пѣсня переведена отдѣльно въ журналѣ «Vienac» за 1886 годъ, № 33, переводъ сдѣлалъ Milivoj Šrepel подъ заглавіемъ «Pjesma djevojačka». Вотъ эта пѣсня:

Djevojčice krasne,
Druge milovane,
Poigrajte, dieve,
Razgal'te se, mile!
Zapjevajte pjesmu,
Pjesmu zavjetnicu,
U to naše kolo
Domamite momče.
Kad smamimo momče,
Spazimo s daleka,
Razbježte se, mile!
Na-nj ćemu se bacat
Malinom i trešnjom,
Grožđjićem rumenim.
Nemoj pisluškivat
Zavjetne nam pjesme,
Nemoj nam uhodit
Igre djevojačke.

82.

III. 457—479 (1832 года). *Русалка.* Переводъ вышелъ въ журналѣ «Босанска Вила» за 1897 годъ отъ Драгутина Илійча подъ заглавіемъ «Русалка. Воденичарева кћи» превео п

довршио Драгутин Илић. Объ этомъ переводѣ см. ниже въ отдѣльной статьѣ.

83.

III. 509—514 (1833 года). *Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ.* Сказка эта нѣсколько разъ переводилась на сербско-хорватскій языкъ. Въ «Narodne Novine» за 1859 годъ, № 23, вышелъ переводъ Асангера подъ заглавіемъ «Ribar i riba» preveo Asan-aga (см. выше подъ № 10. 14. 17. 22. 26. 28. 38. 40. 56. 58. 59). Начало перевода слѣдующее:

Živio je starac sa staricom svojom
Valovitog kraj sinjega mora.

Лучше переводъ, напечатанный первоначально въ журналѣ «Vienac» за 2-й годъ (1870), № 53, на стр. 838—840, подъ заглавіемъ «O ribaru i ribi», за подписью переводчика O. И. O., т. е. Ognjeslav Utješenović Ostrožinski. Дѣйствительно переводъ этотъ вошелъ потомъ во второе, въ Вѣнѣ въ 1871 году напечатанное изданіе стихотвореній Утѣшеновича: «Вила острожинска. Ситне пјесме и основа естетике. Извео Огњеслав Утјешеновић-Острожински. Друго знатно повећано издање. У Бечу 1871». 8⁰ IV. 324, на стр. 203—209. И этотъ переводъ сдѣланъ въ бѣлыхъ стихахъ простонароднаго сербскаго, десятисложнаго размѣра:

Живио је старац са старицом
Покрај сињег широкога мора,
Живијаху у својој земљанки
Пуне триест и три годинице и т. д.

Третій переводъ, сдѣланный А. Ткальчевичемъ (Adolfo Tkalčević, собственно A. Veber), попалъ въ учебную христоматію: «Čitanka za I razred gimnazijski», Zagreb 1875, на стр. 113—118, потомъ въ новое подъ редакціею Дивковича напечатанное изданіе 1898 года (здѣсь онъ напечатанъ кирилловскимъ шриф-

томъ). Но здѣсь напечатано только начало сказки, т. е. первыхъ 27 стиховъ. Начало слѣдующее:

Na obali jednoj sinjeg mora
Živio je starac sa staricom,
Živio je u kolibi staroj
Jur trideset i tri godinice;
Starac mrežom lovio je ribu,
Starica je mrežam prela predju.

Этотъ переводъ вошелъ въ полномъ объемѣ въ Пушкинскую антологію «Матицы Хорватской». Нѣсколько различный переводъ той же сказки попалъ въ учебникъ для четвертаго класса народныхъ училищъ: «Čitanka za četvrti razred općih pučkih škola». U Zagrebu 1896. На стр. 338 здѣсь напечатана «Priča o ribaru i ribi». Начало слѣдующее:

Živio ti starac sa staricom
Pokraj mora sinjeg širokoga,
Živjeli ti u staroj zemljanci
Ravno triest i tri godinice.
Starac mrežom lovio je ribu
A starica prela predju svoju.

Послѣдній, какъ кажется, по времени переводъ этой сказки принадлежитъ поэту Змаю Јовановићу. Онъ написалъ сказку, какъ самъ говоритъ, въ свободномъ переводѣ, — слободно преведено, — сначала для своего собственнаго, юношеству посвященнаго журнала «Невен» (за 1890 годъ), потомъ же переводъ вошелъ въ «Друга певанија Змаја Ј. Јовановића. Свеска прва. У Београду 1895» (вышло какъ № 23 изданій общества «Српска Књижевна Задруга»), на стр. 181—186, подъ заглавіемъ: «Прича о рибару и о рибици» (од Пушкина). Переводъ этотъ дѣйствительно нѣсколько сокращенъ, онъ не настаиваетъ на буквальной передачѣ подлинника, но зато разсказъ написанъ великолѣпнымъ языкомъ и очень благозвучными стихами. Переводчикъ чувство-

валъ, что разнообразію простонароднаго русскаго размѣра — не сербскаго, какъ сказано Морозовымъ въ изданіи А. С. Пушкина III томъ, въ примѣчаніи на стр. 514 — плохо соотвѣтствовалъ бы сербскій пятистопный трохаическій стихъ, поэтому онъ выбралъ особый стихъ изъ тринадцати слоговъ, состоящій изъ двухъ половинъ, первая заключаетъ въ себѣ четыре трохаическія стопы (восемь слоговъ), послѣ цезуры слѣдуетъ еще пять слоговъ, представляющихъ то схему -⏑-⏑-, то -⏑-⏑-. Послѣднее окончаніе стиха мнѣ сдается особенно эффектнымъ. Приводимъ нѣсколько стиховъ:

Живео је рибар стари с женом старицом,
Украј оног мирног мора, сиње пучине,
У зеленој кровињари живели су ту
Тридест пуних годиница и још на то три,
Хранили се риболовом по сиротињски.
Навршн се тридест лета и још на то три,
Спрема старац мрежу своју, опет ће на лов.

84.

III. 514—529 (1833 года). *Сказка о мертвой царевнѣ и о семи богатыряхъ.* Эту сказку перевелъ М. С. Ђуричић для фельетона газеты «Дневни лист» 1895 года, подъ заглавіемъ: «Скаска о мртвој кћери и седам витезова». Болѣе подробнаго указанія я не могъ достать.

85.

III. 539—547 (1829—1833 года). *Галубъ*, Нач. *Не для бесѣдъ и ликованій.* Переводъ вышелъ въ Новосадскомъ журналѣ «Летопис матице српске» за 1900 годъ, кн. 201, стр. 21—30, подъ заглавіемъ: Галуб. Переводчикъ — Јован Дучић. Начало слѣдующее:

Не због пира и радости
Ни због бојног збора свога,

Ни другарског световања
Ни весеља хајдучкога
Што падоше, одјахаше
Данас нагло, ненадано,
На Галуба старог дворе
Сви адехи тако рано:
У сукобу, из потаје,
Убијен је син Галуба
Мрском руком завидљивца
Крај рујина Татартуба

86.

III. 558—572 (1833 года). *Мѣдный всадникъ*. Эту повѣсть перевелъ Богомиръ Брлековичъ (Brleković) въ 1875 году для журнала «Hrvatska lipa, časopis zabavi i pouci» I. №№ 35—37 (стр. 283, 291, 299), подъ заглавіемъ: «Mjedni konjik. Petrogradska povjest od A. Puškina preveo Bogomir Brlekovič». Начало слѣдующее, изъ котораго видно стремленіе подражать размѣру оригинала:

Na žalu puste uz talase
  Stajaše, velih mislij pun,
Daljinom zrijuć. Širila se
  Deruća pred njim rieka; čun
Plovljaše biedan samo njom.

87.

III. 575—594 (1833 года). *Анджело*. Переводъ этого стихотворенія, сдѣланный Іованомъ Дучићемъ (Јован А. Дучић) вышелъ въ Мостарскомъ журналѣ «Зора» за 1898 годъ, въ майской книжкѣ, на стр. 185 и слѣд., подъ тѣмъ же заглавіемъ. Начало перевода:

У једном граду Италије срећне
Дужд добри и стари некад мирно влада,
Свог народа бјеше отац чедолубив
А друг мира, знања и праведног рада.

88.

IV. 35—45 (1830 года). Изъ «Повѣстей Ивана Петровича Бѣлкина» первая *Выстрѣлъ* переведена нѣсколько разъ. Подъ заглавіемъ «Hitac» перевелъ ее нѣкто Val. Janežić въ журналѣ «Neven» I (1852), № 30. Подъ тѣмъ же заглавіемъ вышелъ второй переводъ въ журналѣ «Vienac» за 1876 годъ (VIII), № 34, стр. 560, 562—566, переводчикомъ подписался J. Gostiša suplenat gimn. zagreb. Та-же повѣсть переведена для журнала, который издавался въ 1875—1876 годахъ въ Вѣнѣ подъ заглавіемъ «Србадија» (редакторомъ состоялъ Стев. Ћурчић). Переводъ вышелъ подъ заглавіемъ «Куршум», въ II (за 1876 годъ) томѣ, на стр. 84. Еще приводится перепечатка этого (или новый переводъ) въ журналѣ того-же названія «Србадија», но послѣдній выходилъ въ Бѣлградѣ, за 1881 годъ, на стр. 112. Этой цитаты я не могъ провѣрить. Переводчикомъ, говорятъ, былъ Риста Михаиловић; въ такомъ случаѣ это новый, четвертый, переводъ.

89.

IV. 46—56 (1830 года). Вторая повѣсть озаглавлена *Метель*. Первый переводъ этой повѣсти подъ заглавіемъ «Vijavica» напечатанъ въ альманахѣ «Iskra», изданномъ въ Загребѣ, за 1844 годъ, подъ редакціею И. Гавличека (Ivan Havliček), переводчикомъ былъ dr. Дим. Деметеръ, на стр. 91—108: Vijavica Povĕst polag P. iz papirah pokojnoga Bielkina. Slobodno od dra Dim. Demetra. Свободное отношеніе переводчика къ подлиннику высказалось въ томъ, что онъ перенесъ ситуацію въ Хорватію, въ Срѣмъ, съ измѣненіемъ годовъ. Нѣкоторыя черты разсказа,

какъ напр. о русскихъ женщинахъ, должны были быть вычеркнуты, какъ не подходящія къ измѣненному положенію. Второй переводъ вышелъ въ журналѣ, выходившемъ въ Пожегѣ въ Славоніи, подъ названіемъ «Slavonac», II годъ, 1864, №№ 34 и 35, на стр. 536—538, 548—551. Имя переводчика не указано. Третій переводъ той-же повѣсти напечатанъ въ бѣлградскомъ журналѣ «Вила» за 1865 годъ (I томъ), №№ 34 и 35, на стр. 787—792, 823—828, подъ заглавіемъ «Мећава», перевелъ Ђура Јанковић. Еще приводится переводъ С. Петровића, который, говорятъ, напечатанъ въ журналѣ «Српско коло» за 1883 годъ, №№ 11—12. Не знаю, тотъ-же-ли или другой переводъ напечатанъ въ «Заставѣ за 1887 годъ, № 176. Если Богдан Стојковић былъ переводчикомъ, такъ это особый, пятый переводъ! Наконецъ шестой (или по крайней мѣрѣ пятый) переводъ вышелъ въ журналѣ «Dom i svjet», VI годъ (1893), № 24 (стр. 373), подъ заглавіемъ «Bura»; переводъ этотъ сдѣлалъ M. Crkvenac. Нѣтъ сомнѣнія, что большинство ихъ ничего не знали о своихъ предшествовавшихъ сотрудникахъ по тому же дѣлу!

90.

IV. 57—63 (1830 года). Третья повѣсть носитъ заглавіе *Гробовщикъ*. Подъ заглавіемъ «Škrinjar» вышелъ переводъ этой повѣсти въ «Narodne Novine» за 1858 годъ, №№ 49 и 51, переводчикъ подписался J. A. K. Въ 1883 году напечаталъ переводъ той-же повѣсти Бранко В. Константиновић въ журналѣ «Јавор», на стр. 1481—4, 1513—8, подъ заглавіемъ «Сахрањивач». Подъ заглавіемъ «Човек што људе сарањује» напечатанъ опять переводъ той же повѣсти въ газетѣ «Застава» 1887 № 84, переводчикомъ значится Станко Ил. Этого указанія я не могъ провѣрить. Четвертый переводъ напечатанъ въ газетѣ «Hrvatska» за 1890 годъ, № 26, подъ заглавіемъ «Grobar», переводчикомъ подписался pl. Marekovic. Наконецъ подъ тѣмъ-же заглавіемъ вышелъ переводъ той-же повѣсти въ журналѣ «Бранково Коло»

за 1898 годъ, № 21, на стр. 649—654: «Гробар». Переводчикъ подписался Е. Д.

91.

IV. 64—74 (1830 года). Четвертая повѣсть у Пушкина озаглавлена *Станціонный смотритель*. Эту повѣсть перевелъ упомянутый подъ № 90 M. pl. Marekovi ć подъ заглавіемъ «Poštar» въ газетѣ «Hrvatska» за 1890 годъ, №№ 91—93. Въ то-же время вышелъ еще другой переводъ подъ тѣмъ-же заглавіемъ «Поштар» въ журналѣ «Босанска Вила» за 1890 годъ № 2 и 3, переводчикъ подписался Јован П. Јовановић. Раньше этихъ двухъ переводовъ вышелъ еще въ «Заставѣ» за 1887 годъ, № 191, за подписью Б. С. особый переводъ, котораго я не могъ достать.

92.

IV. 75—92 (1830). Пятая повѣсть имѣетъ заглавіе *Барышня-крестьянка*. И она вышла на сербско-хорватскомъ языкѣ въ нѣсколькихъ переводахъ. Въ журналѣ загребскомъ «Neven», V томъ, за 1856 годъ, напечатанъ переводъ I. T. (должно быть Ивана Трнскаго) подъ заглавіемъ «Gospodična kao seljanka» на стр. 98—104. Въ томъ-же году та-же повѣсть напечатана въ журналѣ «Седмица», пятый годъ котораго тогда выходилъ въ Новомъ Садѣ, подъ заглавіемъ «Г`оспођица као паоркиња» (изъ А. Пушкина), №№ 6, 7, 8, на стр. 42—44, 50—52, 58—62. Имя переводчика не упомянуто. Подъ заглавіемъ «Plemkinja-seljanka» попалъ одинъ переводъ, не показано чей, въ «Narodne Novine» за 1870 годъ № 292, 294, 295, 296, 297. Но опять въ тѣ-же «Narodne Novine» за 1893 годъ, №№ 157—162, помѣстилъ нѣкто T—v переводъ той-же повѣсти подъ заглавіемъ «Gospodjica seljanka». Одинъ изъ этихъ переводовъ, не могу точно сказать который изъ нихъ, перепечатанъ въ «Народна библіотека браће Јовановића», свеска 42, на стр. 39—63. Судя по заглавію «Госпођица

као сељанка», это могъ бы быть исправленный переводъ изъ «Седмицы». Милорадъ Поповичъ Шапчанинъ передѣлалъ эту повѣсть въ пьесу драматическую, о чемъ см. въ «Отаџбинѣ», вып. 71, на стр. 518—524 неодобрительный отзывъ Д-ра Илијћа.

93.

IV. 120—181 (1832 года). *Дубровскій.* Эту повѣсть сообщилъ загребскій журналъ «Neven», II томъ 1853 года, на стр. 578—586, 593—601, 609—617, 630—636, 647—654, №№ 37—41. Имя переводчика не упомянуто. Проф. Шрепель говоритъ, что переводчикомъ былъ Иванъ Трнски, но въ одномъ письмѣ отъ 21/10, 1899 г. Трнски отрицаетъ свое участіе въ этомъ переводѣ; онъ пишетъ мнѣ: «Я вновь прочелъ нѣсколько строкъ перевода, pak se mogu zakleti, da to nije moj slog». Новый переводъ появился въ политической газетѣ «Hrvatska» за 1886 г., №№ 106—134. Переводчикомъ подписанъ нѣкто Т. (но и это не былъ Трнски, кромѣ того переводы различные). Въ журналѣ сараевскомъ «Босанска Вила» за 1894 годъ (IX томъ) опять вышелъ тотъ-же разсказъ подъ заглавіемъ «Дубровски. Новела А. С. Пушкина, превео Јован П. Јовановић», на стр. 4, 21, 36, 51, 67, 83, 101, 117, 133, 150, 165, 195, 213, 246. Наконецъ сербская библіографія Стояна Новаковича указываетъ подъ № 2722 отдѣльное изданіе этой повѣсти въ сербскомъ переводѣ Милутина Стокића подъ заглавіемъ: «Дубровскій. Историчноромантическій догађај. Съ рускогъ єзыка превео М. Ст. ђаконъ саборне београдске цркве. У Београду 1864. 8°. 69». См. отзывъ Ст. Новаковича объ этомъ переводѣ въ Новосадской «Даницѣ» за 1864 годъ, на стр. 446.

94.

IV. 182—284 (1833 года). *Капитанская дочка.* Уже въ 1849 году вышелъ, говорятъ, одинъ переводъ этого историче-

скаго романа въ Бѣлградѣ (сл. въ библіографіи Ст. Новаковича № 3277), но изданіе считается большою библіографической рѣдкостью; Ст. Новаковичъ не видалъ его. Въ журналѣ Загребскомъ «Vienac», VII томъ, за 1875 годъ, помѣщенъ переводъ М. (Маретича) подъ заглавіемъ «Kapetanova kći», №№ 1—13, стр. 8—10, 24—27, 41—43, 55—57, 70—72, 86—89, 103—105, 120—122, 137—138, 150—154, 166—168, 183—185, 199—204. Въ 1896 году вышелъ отдѣльной книжкой въ Мостарѣ (въ Герцеговинѣ) переводъ того-же романа, сдѣланный Д. Радовичемъ подъ заглавіемъ «Капетанова кћерка», приповиједтка Александра С. Пушкина. Превео с рускога и предговор написао Душан М. Радовић. Мостар (издање и штампа прве српске књижаре и штампаріје Владимира М. Радовића). Годъ изданія на книгѣ не указанъ, но «предговор» (предисловіе) помѣченъ годомъ 1896. Новѣйшій переводъ этого романа вышелъ въ Пушкинской антологіи, изданной въ Загребѣ «Матицей Хорватской», 1899, на стр. 243—389, переводчикомъ названъ Ант. Радичъ (Antun Radić).

95.

IV. 285—307 (1834 года). *Пиковая дама.* Самый ранній переводъ этой новеллы вышелъ въ 1842 году въ повременномъ загребскомъ изданіи «Kolo. Članci za literatura, umětnost i narodni život». U Zagrebu 1842. Кн. II, на стр. 18—46, подъ заглавіемъ «Pik-dama». Переводчикомъ въ моемъ экземплярѣ отмѣченъ Miloš Popović, должно быть по давнимъ указаніямъ, которыя я въ настоящее время не въ состояніи провѣрить. Новый переводъ, сдѣланный повидимому не съ русскаго оригинала, напечатанъ въ иллюстрированномъ сербскомъ ежемѣсячникѣ «Србадија» за 1875 годъ №№ 10 и 11, на стр. 218—221, 241—243, подъ заглавіемъ «Pique-Dame». Имя переводчика не указано.

96.

IV. 387—398 (1835 года). *Египетскія ночи.* Переводъ этой недоконченной повѣсти напечатанъ въ 1899 году, въ № 23 хорватскаго журнала «Vienac», на стр. 367—371, подъ заглавіемъ: «Egipatske noći». Переводъ сдѣлалъ профессоръ Milivoj Šrepel; импровизація у Пушкина въ стихахъ, здѣсь въ прозѣ.

IV.

О ПЕРЕВОДѢ

РУСЛАНА и ЛЮДМИЛЫ.

Переводъ «Руслана и Людмилы» вышелъ въ 1859 году въ Загребѣ, какъ отдѣльный оттискъ изъ фейлетона хорватской оффиціальной газеты «Narodne Novine» [1]). Переводчикомъ былъ отставной капитанъ австрійской арміи *Спиро* (Спиридіонъ) *Димитровичъ* (Spiro Dimitrović) — происхожденіемъ далматинецъ. Въ тѣ годы онъ состоялъ сотрудникомъ при упомянутой газетѣ преимущественно по литературной части. Когда и гдѣ онъ выучился русскому языку, сказать не могу; познанія его не были основательны, по крайней мѣрѣ въ то время, когда онъ взялся за переводъ «Руслана и Людмилы». Редакція газеты, рекомендуя переводчика вниманію публики, отзывалась, правда, о переводѣ его очень сочувственно, она выставляла въ особенности изумительную точность и близкость перевода по отношенію къ русскому подлиннику; но какъ мы увидимъ ниже, переводъ не заслуживалъ такой безусловной похвалы. Стремленіе переводчика сохранять слова подлинника, превращается у него въ пристрастіе, мѣшающее точности смысла и удобопонятности перевода. Сколько разъ созвучіе не совпадаетъ съ идентичностью значенія! Переводчикъ не обратилъ на это должнаго вниманія. Хотя онъ вообще владѣлъ довольно правильнымъ сербско-хорватскимъ языкомъ и стихомъ, все-же въ переводѣ его попадаются многія слова, употребленныя имъ въ значеніи не сербскомъ, а русскомъ. Переводъ сдѣланъ стихами, но въ простонародномъ размѣрѣ сербскомъ (десятисло-

1) Въ газетѣ «Narodne Novine» напечатанъ переводъ 1859, №№ 244, 245, 247, 248, 250, 252, 254, 255, 258.

говомъ) безъ риѳмы, чѣмъ, конечно, значительно облегчилась задача переводчика, но физіономія подлинника отъ этого пострадала. При этой льготѣ можно было по крайней мѣрѣ ожидать вѣрную передачу всѣхъ тонкостей изящнаго подлинника. Но на это не хватало у переводчика ни пониманія подлинника, ни вкуса, ни подобающаго запаса словъ переводнаго языка. Какъ во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ авторъ дорожилъ и здѣсь подражаніемъ сербской народной поэзіи въ подборѣ словъ и оборотовъ; для этой-же цѣли онъ не стѣснялся иногда пропустить то или другое выраженіе подлинника и взамѣнъ его поставить не вполнѣ соотвѣтствующую значеніемъ простонародную фразу. Вообще въ переводѣ не замѣтно стремленія къ буквальной передачѣ подлинника. Какъ скоро переводчикъ наткнулся на то или другое мѣсто изобилующее выраженіями тонкаго психическаго анализа, онъ позволялъ себѣ произвольныя отступленія отъ русскаго текста. Поэтому и число стиховъ не вездѣ выдержано. Есть даже пропуски цѣлыхъ стиховъ, которые я долженъ отнести на счетъ небрежности то самого переводчика, то изданія, богатаго опечатками. Оно напечатано въ очень скромномъ видѣ, подъ заглавіемъ: Ruslan i Ljudmila. Narodna basna u 6 piesamah od Aleksandra Puškina. Preveo iz ruskoga Spiro Dimitrović (Pretiskano iz Narodnih Novinah). U Zagrebu. Tiskom d-ra Ljudevita Gaja. 1859. 16°, 101. Въ приводимыхъ ниже цитатахъ правописаніе перевода оставлено въ неизмѣненномъ видѣ изданія. Русскій текстъ приводится по изданію литературнаго фонда, съ прибавкою числа стиха, къ сожалѣнію не выставленнаго въ этомъ изданіи.

Прологъ. Менѣе всего удался переводчику блестящій сводъ русскихъ сказокъ въ одну картину, онъ не понялъ его и не сумѣлъ вѣрно передать. Укажу напр. на ст. 30 «тамъ Русью пахнетъ», въ переводѣ: «tu Rusiju kade» (Россію окуриваютъ!); или на неудачный переводъ въ ст. 28: царь *Кощей*: «car *tvèrdi*»! Конечно и въ стихѣ 18: «и съ ними *дядька* ихъ морской» не такъ переведено, какъ слѣдовало: «Š njima ide i *djed* im od mora». Здѣсь переводчикъ смѣшалъ дядьку съ дѣдомъ.

Пѣснь первая. Ст. 10—11: «не скоро *двигались* кругомъ ковши» переведено: «nit su naglo *dizali* stolovah» (не скоро вставали изъ-за столовъ). Переводчикъ хотѣлъ отожествить глаголъ «двигались» съ сербскимъ dizali, но послѣднее слово значительно разнится значеніемъ отъ глагола русскаго. — Ст. 25. Совсѣмъ некстати переводчикъ замѣнилъ русскаго Леля (*Лелемъ* свитый имъ вѣнецъ) названіемъ богини Лады (i vijenac od *Lade* im savi). Какъ извѣстно, Леля считали Аморомъ, а Ладу — Венерою! — Ст. 44—45. Невѣрно переведена характеристика Рогдая: britkim mačem *porobi* prediele! Не объ опустошеніи предѣловъ (областей) рѣчь идетъ, а о героѣ, который «мечемъ раздвинулъ предѣлы» (mačem razmače granice). — См. 79 «и прерывающійся ропотъ» переведено неточно: «nieżni *bez prestanka* žamor»; тамъ прерывающійся, а здѣсь безперерывный! — Ст. 144: для краснаго словца замѣненъ стихъ «Летятъ въ клубящейся пыли» переводомъ «lete oni kao *sokolovi*!» — Ст. 152 не совсѣмъ угаданъ смыслъ выраженія «черезъ плечо глядя», оно переведено такъ: «preko njega niz to polje gleda», а въ ст. 155—156: «насилу я *на волю* вырвался», кажущійся очень близкимъ переводъ «i na silu i *na dobru volju*» выражаетъ вовсе не то, что хотѣлъ сказать Пушкинъ. — Вмѣсто перевода стиховъ 168—170, рисующихъ хазарскаго хана на лошади, переводчикъ заставляетъ его показывать мастерство въ бросаніи булавы и вызывать врага на поединокъ:

То дразнитъ бѣгуна лихого,
Кружитъ, подъемлетъ на дыбы,
Иль дерзко мчитъ на холмы снова.

Težki topuz pod nebesa hita
I u desnu dočekuje ruku,
Na boj zove zlobna otmičara.

Тутъ между подлинникомъ и переводомъ нѣтъ ничего общаго. — Ст. 217: «Твой твердый духъ *теряетъ* силы» — въ напечатанномъ переводѣ: «tvèrda tvoja duša silu *goni*» я могъ бы предположить опечатку, что вмѣсто *gubi* наборщикъ поставилъ *goni*, а корректоръ проглядѣлъ ошибку, но кажется проще будетъ сказать, что переводчикъ отожествилъ глаголъ *терять* съ *tjerati*. —

Стиха 218 «но зла промчится быстрый мигъ» переводчикъ повидимому не понялъ; его слова «zlo je hitri promašio trenak» значили бы: «зло промахнулся въ быстромъ мгновеніи», тогда какъ слѣдовало перевести: «trenutak zla hitro će proći». И въ стихѣ 219: «На время рокъ тебя постигъ» авторъ не съумѣлъ точно перевести фразу «на время»; его текстъ «*za rana* te nevolja dostiže» не соотвѣтствуетъ смыслу, надо было перевести: «*za kratko vrijeme* stiže te nesreća» или «ne na dugo». — Ст. 272: «судьбы наперсникъ» невѣрно переведено: «zaštitniče sudbe», если слову zaštitnik придать обыкновенное значеніе «покровитель», слѣдовало сказать «štićenik» или «ljubimac». — Ст. 368: «Я помню горесть и порой... слеза тяжелая катится» не значитъ: «Spominjem se tuge i *vremena*»; переводчикъ не отнесъ «порой» куда слѣдуетъ, т. е. «порой катится: «časomice (или kadikad) teška mi se suza valja». — Ст. 388: «Любовь волшебствами зажечь», въ переводѣ «Žar ljubavi *gatnjom* zapaliti» не хорошо выбрано выраженіе gatnja (гаданіе) вм. čaranje. — Ст. 400 и 440 фраза «въ самомъ дѣлѣ» переведена буквально, но не хорошо: «u stvoru» вм. doista, zaista, u istinu. — Ст. 424 отнесенъ переводчикомъ къ Наинѣ: «da si svietom ti se razstavila», между тѣмъ какъ въ подлинникѣ сказано: «Разстался я съ душой и милой». — Ст. 435: «немножко, можетъ быть, горбата» и переводъ «ali nisam odviše gèrbava» не выражаютъ одно и то-же, надо было сказать «može biti malko gèrbava». — Ст. 444 и 445: переводчикъ не угадалъ смысла:

Но вотъ ужасно: колдовство	Ali jao, užasno čaranje
Вполнѣ свершилось, по несчастью.	Na nesreću sve je okrenulo.

Вмѣсто перевода «ужасное колдовство все повернуло на несчастіе», надо было перевести: «ali jao, gle strašno: čaranje na nesreću sve se ispunilo». — Ст. 482: «съ разочарованной душой» и «razčaranom dušom» не одно и то-же. Вполнѣ соотвѣтствующаго выраженія въ сербско-хорватскомъ языкѣ нѣтъ, обыкновенно переводятъ на русскій ладъ «razočaran». — Ст. 491—493

въ переводѣ сокращены въ два стиха пропускомъ въ переводѣ словъ «зло любя», но и слова «возненавидитъ и тебя» не значатъ «zavidna je i tebi postala», надо было сказать: «zamrziti će i tebe».

Пѣснь вторая. Ст. 13: «*бранитесь*, только осторожно», не то, что переводчикъ внесъ въ свой текстъ: «*branite se*, ali blagom ćudi», глаголъ «braniti se» не значитъ «браниться», его значеніе «защищаться». — Еще разъ переводчикъ повторилъ такую-же ошибку, вызванную желаніемъ оставить въ переводѣ слово подлинника: въ пѣсни VI, ст. 53: (героя моего) *бранилъ* отъ скуки молчаливо» переведено такъ: «(moga junaka) do nemile dosade *branio*»! — Ст. 66: «бразды стальныя закусилъ» въ переводѣ пропущенъ. — Въ ст. 68: «*робкій* всадникъ» нельзя переводить этимологически близкимъ, но по значенію отступающимъ «*robski* jezdnik». — Ст. 112: «Ты, право, будешь самъ не радъ», переводъ — «je li pravo, samom neugodni» доказываетъ, что переводчикъ не зналъ настоящаго значенія слова «право», какъ вставки въ другое предложеніе; надо было передать «doista» или «zacijelo», или «bogami» и т. д. — Ст. 118: «Отъ насъ Людмила не уйдетъ» не хорошо сказано «jer Ljudmila kod nas će ostati», вм. чтобы перевести: «jer Ljudmila uteći nam neće». — Ст. 168—169 не были переводчику понятны, онъ не зналъ, къ кому относятся слова:

Моей причудливой мечты
Наперсникъ иногда нескромный
Я разсказалъ,

Онъ перевелъ совсѣмъ невпопадъ:

U meštanju mome pričudljivom,
Nesmirenom kad i kad ljubimcu
Kazivaše —

Замѣтьте при этомъ, что слово «причудливый» оставлено безъ перевода; въ сербскомъ текстѣ никто не пойметъ, что значитъ «meštanje pričudljivo», можно было сказать «чудновата машта» или «своjевољна машта», или «машта врагољаста» и т. д.

Въ ст. 227—228 разсказывается о томъ, что раньше поэта уже въ «Шехерезадѣ» описанъ волшебный домъ. Переводчикъ вывернулся изъ затрудненія ссылкою на «слѣпого пѣвца» (pievajući sliepac)! — Ст. 263—264: въ переводѣ здѣсь внесены слезы, о которыхъ въ подлинникѣ помину нѣтъ:

Потупя неподвижный взглядъ
Она молчитъ, она тоскуетъ.

Tužno gleda, *grozne suze lije*,
Mukom muči i ljuto trepetje.

Ст. 272: «то грустно ей ужъ не на шутку» — въ переводѣ лишняя прибавка «odma misle», не о томъ говорится, что женщины думаютъ, а только о томъ, что̀ недвусмысленный признакъ ихъ грусти. — Ст. 317: послѣ словъ «и, мнится, живы» пропущены въ переводѣ $4^1/_2$ стиха (317—321), должно быть по недосмотру, содержаніе не представляетъ никакихъ трудностей для переводчика. — И въ стихѣ 343—344 въ переводѣ пропущены слова: «умыселъ ужасный рождался», вслѣдствіе чего получился невѣрный смыслъ: «кажется, что страшный путь отверстъ», тогда какъ только объ умыслѣ могла быть рѣчь какъ о кажущемся, т. е. казалось, какъ будто она хотѣла сдѣлать покушеніе на жизнь самоубійствомъ. — Ст. 348: «она подходитъ» и «poda — nj stupi» не вполнѣ совпадаютъ; «подойти къ мосту» еще не значитъ «подойти подъ мостъ». — Ст. 352: «однако въ воды не прыгнула» опять ошибочно переведено глаголомъ, совпадающимъ съ русскимъ текстомъ по нѣкоторому не вполнѣ оправданному созвучію: «al' se njojzi nije *prignula*»: прыгнуть и пригнуть два различныхъ глагола. — Ст. 356: «устала», не то что въ переводѣ «malo stala». — Ст. 359: въ напечатанномъ текстѣ перевода пропущено по недосмотру словцо se: nad njome *se* siena čadorova. — Ст. 370: «меня терзаетъ и лелѣетъ» въ переводѣ не выдержанъ контрастъ обоихъ глаголовъ, передано тремя глаголами приблизительно того-же значенія: «mene muče, pečale i gnietu». — Ст. 387: «И тихо на холмахъ почила» остался совсѣмъ безъ перевода. — Ст. 429: «попарно, чинно сколь возможно» нельзя переводить «po junačku kolik samo mogu», тутъ никакого героизма

не было, а была чопорная торжественность.—Ст. 442: «дрожащій занесла кулакъ» не значитъ: «trepetjuća ote mu ga šaka», по смыслу не выходитъ, чтобы Людмила что либо отнимала, она только «s trepetom je podigla pesnicu». — Ст. 453: «Хватаютъ колдуна въ охапку» не то, что въ переводѣ сказано: «za rukave uhvati patuljka», надо было передать: «te na ruke uhvati patuljka». — Стихи 458 и 459, гдѣ поэтъ иронически вызываетъ Орловскаго, были очевидно переводчику непонятны, онъ написалъ на удачу: «uzimljite bèrzo lasno pero, opišite noć i boj junački». Не сказано, кто долженъ это сдѣлать. — Ст. 504: народное повѣрье, что призракъ огромный «пугалъ пустынныхъ рыбаковъ» не можетъ быть переведено однократнымъ глаголомъ «i uplaši pustinjom ribare».

Пѣснь третья. Ст. 18: «Но ты *поймешь* меня Климена» переведена: «ali ti ćeš me *uloviti* Klimeno». Переводчикъ не сумѣлъ различить оба глагола понять и поймать! — Ст. 26: «Амуръ съ Досадой своенравной вступили въ смѣлый заговоръ» не значитъ «Bog ljubavi, jogunica Lado već pristade na smielu urotu». Видно и здѣсь переводчикъ не понялъ русскаго текста, ему надо было передать приблизительно такъ: «Amor i zlovoljna Dosada sklopiše smjelu zavjeru». — Ст. 29: «готовъ ужъ мстительный уборъ», переводъ сдѣланъ такъ, что безъ подлинника трудно понять, въ чемъ дѣло: «gotov ures da ti se osveti», лучше было бы: «prigotovljen nakit već na ruglo». — Ст. 34: «въ утреннемъ халатѣ» и въ переводѣ «bez... jutèrnje odiećе» противорѣчатъ другъ другу. — Ст. 46: «чешуя» не можетъ быть переводима словомъ «čeljust». — Ст. 49: «предъ изумленною толпой»: «i pred hèrpom vele izumljenom», прилагательнаго izumljen сербскій языкъ не знаетъ; нашему переводчику не удалось водворить это выраженіе въ сербско-хорватскую литературу, хотя онъ употребилъ его нѣсколько разъ. — Ст. 115: «и взоръ *невольный* обратила»: «i *nevoljno* pogled obratjala» не выражаютъ одно и тоже, потому что «nevoljni pogled» по сербски значитъ: бѣдственный взоръ. — Ст. 122: «нечаянно» нельзя передавать словомъ «nedvojbeno», лучше «iznenada». —

Ст. 122: «вздохнувъ одѣлась и съ досады» въ переводѣ пропущено. — Ст. 132. Непонятно, почему переводчикъ вмѣсто «семнадцать лѣтъ» перевелъ: od šestnaest lietah?! — Ст. 136: «На брови, прямо, на бекрень»: «na obèrve, uprav, lievo, desno» — оба послѣднія слова не такъ выразительны, какъ если бы употребить соотвѣтствующее русскому «на бекрень» выраженіе «na ero» (na hero). — Ст. 148—149: въ переводѣ совсѣмъ неумѣстно сказано, что Людмила шапку «od radosti mlada celivala», въ подлинникѣ говорится только: «отъ радости краснѣя». — Ст. 175: «долину смерти *озаряетъ*»: «tu dolinu smèrti *ožaruje*», и здѣсь видна неудачная попытка сближенія русскаго слова съ сербскимъ, но озарять можетъ быть переведено только глаголомъ obasjavati, а ožariti значило бы поджарить или обжечь! — Ст. 186—187 остались непереведенными, точно такъ ст. 211. — Въ ст. 241 переведенъ глаголъ «развѣваясь» (рѣчь идетъ о перьяхъ) словомъ «razvijati se», но и это этимологическое сопоставленіе не удачно.— Ст. 243: «надъ мрачной степью»: «nad mračnoj (sic! вм. mračnom) pustoši» — не совпадаетъ. Но еще менѣе можно согласиться въ ст. 248 на то, что слово «недоумѣніе» переведено «smionstvo»!— Ст. 250: въ печатномъ текстѣ опечатка dio вм. divo, видно, что и наборщикъ или корректоръ не знали, что дѣлать съ непонятнымъ для нихъ словомъ divo, которое переводчикъ нашелъ въ русскомъ подлинникѣ. — Въ картинѣ чиханія головы, въ ст. 256 (podiže se vihar, polje tresnu) прибавлено противъ подлинника лишнее и неумѣстное «ljuti plamen iz nozdra zapaha», въ подлинникѣ сказано только въ ст. 257: взвилася пыль, т. е. по сербски «uzvitla se prašina» или «uzvije se prašina». — Въ ст. 266 вѣроятно опечатка въ текстѣ «bezstidno te progutati *neću*», вм. *hoću*. Въ подлинникѣ сказано «какъ разъ пахала поглочу»; какъ видно, слово нахалъ относится къ Руслану, поэтому должно было перевести «bestidnika» или «bezobraznika», напр. progutat ću te bezobraznika. — Ст. 275: русское «прощай» не можетъ быть переводимо слишкомъ узкимъ глаголомъ «oprosti mi» (т. е. извини!), лучше: zbogom, zdrav bio и т. д. — Уже въ предыдущемъ стихѣ

274 переводчикъ не понялъ «теперь», употребивъ совсѣмъ некстати tekar: «теперь ужъ ночь» не значитъ: sad je tekar smèrklo (только что потемнѣло), а просто: «sad je već noć». — Ст. 305—306: «и меня порадуй хоть однимъ ударомъ» невѣрно отнесено въ переводѣ не къ тому лицу, которое говоритъ: da te, pobro, samo jednom lupnem! Какъ будто бы голова хотѣла наѣздника прибить! Надо было перевести: počasti bar jednijem udarom. — Ст. 309—310: «она героя *дразнила* страшнымъ языкомъ» никакъ не можетъ быть передано: «ona je junaka podugačkim *lizala* jezikom!» — Ст. 321: «въ спокойномъ духѣ *горячась*»: «u smirenom duhu *gorućemu*» — не совпадаютъ, переводчикъ не угадалъ значенія глагола «горячиться»: žestiti se. — Ст. 323: «плохой питомецъ» и «nemarni mezimac» плохо соотвѣтствуютъ другъ другу. — Ст. 356: сообразно словамъ подлинника «въ душѣ моленьемъ усмиренной» надо въ печатномъ текстѣ перевода «u dušici *umirenom* prošnjom» исправить въ *umirenoj*. — Ст. 357: «на долинѣ» — переводчикъ вздумалъ исправить текстъ подлинника, переводя: ledovi se *po gorama* tope! — Ст. 359: «ты вразумилъ меня герой» не то, что въ переводѣ: «oj junače, ti mene razumi», надо было перевести: «oj junače te mene umudri». — Ст. 365: «жребій» не то, что žèrtva, впрочемъ въ текстѣ «dostojna se plaće» должно быть опечатка вмѣсто dostojna je plaća (sudba moja).—Ст. 440: «смекая: обману его» совсѣмъ невѣрно переведено: «ne misleći na njegovu himbu», наоборотъ: «umujući: prevarit ga hoću». — Ст. 455: «гдѣ вѣчно долженъ былъ стеречь»: «gdie viečito moradoh ležati», неточный переводъ, вмѣсто «ležati» лучше «stražiti». — Ст. 457 (о витязь, ты хранимъ судьбою) въ переводѣ пропущенъ.

Пѣснь четвертая. Ст. 11: «очи голубыя»: «oči golubije» — очень близко, но невѣрно, не говоря о томъ, что въ сербскомъ языкѣ необыкновенна форма «голубији». — Ст. 14: «подражая мнѣ»: «mene su one *podražile*» — опять на видъ очень близко, но невѣрно. — Ст. 17: «поэзіи чудесный геній»: «o pievanja čudnovita vilo» — совсѣмъ не подходитъ, переводчикъ не догадался, что

здѣсь рѣчь о Жуковскомъ. О немъ же сказано въ ст. 19, что онъ пѣвецъ «любви, мечтаній и чертей»: переводчикъ не понялъ послѣдняго слова и вмѣсто «чертей» перевелъ «slave»! — Въ ст. 22: «наперсникъ, пѣстунъ и хранитель»: «mezimice mili hraniteljи» — не совпадаетъ, переводчикъ не угадалъ, что и это благодарственный отзывъ Пушкина о старшемъ собратѣ и покровителѣ. — Ст. 26 и 27: «и лиру музы своенравной во лжи прелестной обличу», переводъ совсѣмъ не удался: «i javorove gusle mudropojstva da oblačim u laž raznovèrstnu». Во-первыхъ о «гусляхъ яворовыхъ» рѣчи нѣтъ, во-вторыхъ забавна путаница, вызванная и здѣсь желаніемъ подыскать соотвѣтствіе слову «обличить», которое переводчикъ такъ и отыскалъ въ глаголѣ «oblačim»!! — Въ слѣдующихъ стихахъ, 28—43, намекается на содержаніе «двѣнадцати спящихъ дѣвъ», но переводчикъ не замѣтилъ намековъ, поэтому его переводъ сдѣланъ на угадъ, съ множествомъ ошибокъ или неточностей, отчасти быть можетъ опечатокъ. Опечатками можно бы считать во-первыхъ pečali вм. s pečali или od pečali; во-вторыхъ duši вм. duše. Но «kćeri svoje» не простая опечатка, а ошибка переводчика, незамѣтившаго, что дочерей было двѣнадцать; въ ст. 32: «*щедрымъ* подаяніемъ» значитъ больше чѣмъ «*čednom* milostinjom», т. е. bogatim prilozima или zadužbinama. — Ст. 50 «пиокинь святыхъ»: «kaludjere svete» — невѣрно, здѣсь говорится о «kalugjericama». — Пѣснь «дѣвы» (ст. 76—95) переведена съ рифмой, поэтому болѣе свободное обращеніе съ текстомъ подлинника здѣсь скорѣе простительно, напр. въ подлинникѣ сказано: «отъ волнъ поднялся вѣтеръ хладный», въ переводѣ же говорится не о вѣтрѣ, а о темнотѣ: «vèrh talasah mrak se stiče» (ст. 77 и 93). — Ст. 137: «онъ таетъ сердцемъ», переведено будто бы точно и буквально, на дѣлѣ же невѣрно: «sèrcem taji», переводчикъ спуталъ два различныхъ глагола. — Ст. 146—147: поэтъ указываетъ на своего любимаго автора Парни: «милѣе по слѣдамъ Парни», которому приписываетъ «лиру небрежную»: переводчикъ сдѣлалъ изъ этого, безъ малѣйшей причины: «kano naši sliepci» и, конечно, присвоилъ имъ

«gusle javorove». Но такъ не переводится! — Ст. 172: «и жаркій пухъ чело объемлетъ» совсѣмъ не то, что переводчикъ изъ этого текста сдѣлалъ: «mio vietrić po čelu zaduha», вм. «ugrijani jastuk» или «topla perina», čelo mu pokriva. — Ст. 214: «Окружены сѣдымъ туманомъ» относится въ подлинникѣ къ русалкамъ, переводчикъ же соединилъ въ переводѣ съ Русланомъ: «njega čudna zakružila magla». — Некстати въ слѣдующемъ стихѣ (215) русалка названа въ множественномъ числѣ «gorske vile». — Ст. 225—226: «отъ нападеній — хранима» невѣрно «po napadku — čuvana» вм. «od napada — čuvana». — Ст. 248 представляетъ опять доказательство, что буквальные переводы не всегда хороши: «Людмила ими забавлялась» совсѣмъ не то, что «Ljudmila se š njima zabavljala», по сербски или хорватски надо было сказать: «Ljudmila se njima podsmievala». — Ст. 261: «на лугъ измятый» совсѣмъ различно отъ «na sgnietene lugove», русское слово «лугъ» значитъ livada, luka. — Ст. 265—266: «она минутнаго искала сна» переведено вяло и невыразительно: «i na njima sanak boravila», о настоящемъ снѣ не было рѣчи, поэтъ заставляетъ Людмилу, изъ опасенія быть застигнутой въ расплохъ, страдать безсонницею. — Ст. 298: «Киприды нѣжныя затѣи»: «Kipridovo nježno naputjenje» — видно, переводчикъ не угадалъ, о комъ тутъ рѣчь идетъ, отъ Киприды у него вышелъ мужчина!

Пѣснь пятая. Ст. 11—14 въ переводѣ пропущены. — Ст. 65: «и силѣ *русской* изумясь» переведено совсѣмъ некстати (или развѣ по соображеніямъ политическимъ?!): «i *slavenska* sila iznemogne»!! вм. «diveći se ruskoj sili» или «čudeći se ruskoj snazi». — Ст. 67: «коварно» не «mudro», а «hitro», «lukavo» или «zlobno». — Ст. 68: «тебѣ *вредитъ* я перестану» нельзя переводить буквально: «*uvriedit* te nikad više neću», этимъ подражаніемъ русскому глаголу не получается настоящій смыслъ. — Ст. 93 не переведенъ. — Ст. 118—119 въ переводѣ нѣсколько сокращены, не обращено вниманіе на «какъ призраки» и на «скрылись». — Ст. 137: «минута... волны», послѣднее слово въ переводѣ замѣнено неподходящимъ сюда «grožnja» (угрозы). — Ст. 164: «прощаль-

ный даръ»: «darak oproštenja» лучше «darak oproštajni». — Ст. 214: «по доламъ, по горамъ» оставлено въ переводѣ безъ измѣненія: «po dolam, po goram», но только послѣднее выраженіе возможно, вм. po dolam надо было сказать хоть бы «po dolim». — Ст. 218—224, выражающіе неподражаемой игривостью нескромную любознательность: «но юный князь — блаженство находилъ» переведены не совсѣмъ удачно, въ особенности стихъ «nemilom se mukom vitez muči» не соотвѣтствуетъ ситуаціи. — Ст. 232—233: «сонъ — не походилъ на ваши сны» переводъ этихъ словъ ошибоченъ: «san — u sanku se vama nesvratio», переводчикъ не понялъ значенія слова «не походилъ»! — Ст. 244: «но полно»: «ali mlogo» — не вѣрно, вм. «ali dosta». — Ст. 271: «наказанъ твой измѣнникъ»: «evo ti dušmana» — не вполнѣ выражено. — Ст. 301—302: «на склонѣ темныхъ береговъ какой-то рѣчки»: «na stèrmini tamnijeh briegovah», лучше было бы «na obronku» или «u podnožju». — Ст. 329: слова подлинника «къ лѣсистымъ берегамъ» доказываютъ, что въ изданіи опечатка «dobrovitom», надо исправить «dubrovitom». — Послѣ стиха 356: «и обнялъ князь младого хана» (Ruslan gèrli mladoga Ratmira) переводчикъ прибавилъ еще одинъ стихъ отъ себя: «i u cèrne obraze ga ljubi»! — Ст. 387: безъ причины замѣнено число «двѣнадцать дѣвъ» въ переводѣ въ «deset dievah». — Ст. 418: «моей непостоянной лирѣ», въ переводѣ: «mojoj mukloj javorovoj gusli» — ничѣмъ не оправданное отступленіе. — Ст. 422: самъ Пушкинъ называетъ себя «печальной истины поэтъ», въ переводѣ этотъ эпитетъ затерянъ въ неудачной передѣлкѣ: «pećalnom ću istinom pievati». — Ст. 427: «охоту къ славѣ потерявъ»: «izgubivši hotjenstvo i slavu», переводъ невѣрный и неясный. Что значитъ «hotjenstvo»? не «охота», а «сила воли», выходитъ, стало быть такой смыслъ перевода: «потерявъ силу воли и славу»! — Ст. 509: «кругомъ кургана» не слѣдовало переводить: «u krugu mogile», что не даетъ хорошаго значенія, лучше: «okolo mogile».

Пѣснь шестая. Ст. 2: «на лирѣ легкой и небрежной» переведено опять совсѣмъ невпопадъ: «na muklim guslam javorovim». —

Ст. 5: «часы безцѣннаго досуга» очень нехорошо выражено въ переводѣ: «prazno vrieme moga plandovanja». — Ст. 7: «поссорясь съ вѣтренной молвой»: «boreći se vietrenim viestima» — не точно и не выразительно. — Ст. 13: «дышу тобой» — не «s tobom dišem», а «tobom dišem». — Ст. 15: «тайный геній», въ переводѣ: «tajne vile» — смыслъ испорченъ, и «меня покинулъ» не значитъ «mene su lišile», а «ostaviv me» или «iznevjeriv mi se». — Ст. 20: «разсказы прежніе мои» очень неудачно переведено: «naricana moja kazivanja»! — Ст. 30: «влюбленный говорунъ», эпитетъ поэта, имъ самимъ выбранный, переведенъ такъ: «mila šaptalico»! Переводчикъ имѣлъ въ виду «подругу». — Ст. 75: «влача въ душѣ печали бремя» не переведено. — Ст. 88: «въ лицѣ печальномъ измѣнясь»: «pečalno se lice razvedrilo», совсѣмъ не то, скорѣе «poblijedjev u pečalnom licu» или «od žalosti lice mu se mienja». — Ст. 175: «чета духовъ» гораздо больше чѣмъ «do dva duha». — Ст. 210: «завѣтное кольцо» и «zavietne vitice» не одно и то же. Вм. vitice надо было употребить обыкновенное слово prsten, а завѣтный всего лучше перевести словомъ «skrovan». — Ст. 231: «какой позоръ» гораздо сильнѣе, чѣмъ «kakav prizor», «позоръ» и «prizor» не одно и то же. — Ст. 253: «*почуя* смерть» не значитъ: «smèrt se *sipljе*»! — Ст. 261 не переведенъ. — Ст. 282: «и просыпались небеса», гораздо лучше, наглядпѣе, чѣмъ: «i modro se nebo razvedrilo». — Ст. 302: «и съ воплемъ строй на строй валится» — непереведено, точно такъ пропущенъ въ переводѣ стихъ 317: «обречены на жертву аду». — Ст. 336: «чуждаясь славы» въ переводѣ по догадкѣ, въ смыслѣ глагола «чудити се» (удивляться): «čudeći se slavi»! Напротивъ, слѣдовало сказать: «kloneći se slave». — Въ стихахъ 351 и 353 переводчикъ неудачно перевелъ «казалось» фразой: «kažu ljudi»!

Эпилогъ. Ст. 2: «на лонѣ праздной тишины»: «na praznom krilu od tišine» — переводъ неуклюжій. — Ст. 12: русское слово «туча» не имѣетъ того же значенія, какъ сербское tuča, и русское слово «гроза» не то, что сербское «groza»; такимъ образомъ кажущаяся съ виду удивительная точность на дѣлѣ выходитъ со-

всѣмъ не такою же; русскій текстъ: «и между тѣмъ грозы незримой сбиралась туча надо мной», въ вѣрномъ сербскомъ переводѣ можно бы передать такъ: «medju tijem nenadne oluje skupljahu se nada mnom oblaci». — Ст. 15: «о дружба» не значитъ: družinico, переводчикъ не понялъ смысла подлинника, въ которомъ поэтъ вспоминаетъ свою дружбу съ Жуковскимъ и должно быть покровительство Карамзина. — Ст. 17: «ты умолила *непогоду*» и «smilovala ti si *парододи*» опять не имѣютъ ничего общаго; я и не понимаю въ точности, что хотѣлъ переводчикъ сказать. — Ст. 23: переводчикъ и здѣсь «теперь» сблизилъ съ сербскимъ «tekar», такимъ образомъ его переводъ «tekar sada vidim» не значитъ «теперь я вижу», а «нынѣ только я вижу», что для даннаго случая не годится.

Этотъ длинный, можетъ быть, черезчуръ длинный перечень самыхъ главныхъ недосмотровъ, неточностей и ошибокъ перевода «Руслана и Людмилы» свидѣтельствуетъ наглядно, что замѣтка редакціи въ 1859 году не основывалась на хорошемъ сравненіи перевода съ подлинникомъ, не вытекала изъ знакомства съ предметомъ. Переводъ Спира Димитровича нельзя хвалить, онъ не удовлетворяетъ ни содержаніемъ, слишкомъ часто отступающимъ отъ подлинника, ни формою, т. е. языкомъ и стихомъ. Въ томъ и другомъ отношеніи этотъ, насколько я знаю пока единственный переводъ, далеко отстаетъ отъ изящнаго подлинника.

V.

ПОЛТАВА

ВЪ ДВУХЪ ХОРВАТСКИХЪ ПЕРЕВОДАХЪ ПО ИЗДАНІЯМЪ 1860 И 1896 ГОДОВЪ.

Вскорѣ послѣ «Руслана и Людмилы» явилась въ переводѣ того же Спира Димитровича также *Полтава*. Переводъ, помѣщенный сначала въ «Narodne Novine» 1860 года, вышелъ отдѣльнымъ изданіемъ въ томъ же 1860 году подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Poltava, Dva brata razbojnika i Cigani». Preveo iz ruskoga Špiro Dimitrović Kotaranin (Pretiskano iz Narodnih Novinah). U Zagrebu. Nakladom Leopolda Hartmána, 1860. 8⁰, 84. Второй полный переводъ того же сочиненія сдѣланъ 36 лѣтъ спустя послѣ перваго, профессоромъ Загребскаго университета Ѳомой Маретичемъ (Toma Maretić). Этотъ второй переводъ напечатанъ въ изданіи правительственномъ, предназначенномъ для среднеучебныхъ заведеній въ родѣ историко-литературной христоматіи, подъ общимъ заглавіемъ: «Svjetska književnost u prijevodima. Svezak treći: Slavenska i madžarska književnost. Отдѣльное же заглавіе этого 3-го тома гласитъ такъ: «Čitanka iz slavenske i madžarske književnosti. Složio i uredio dr. T. Maretić, kr. sveuč. profesor. U Zagrebu. Naklada kr. hrv. slav. dalm. zemaljske vlade. 1896». Скажемъ нѣсколько словъ объ этихъ двухъ переводахъ, обративъ при этомъ вниманіе еще на отрывокъ изъ «Полтавы», переведенный извѣстнымъ сербскимъ поэтомъ Змаемъ Јованомъ Јовановичемъ въ 1867 г., въ сербскомъ еженедѣльникѣ «Матица» (на стр. 583—586), откуда онъ внесенъ въ собранныя сочиненія этого поэта, вышедшія въ 1882 году въ Новомъ Садѣ подъ заглавіемъ «Певанија Змај-Јована-Јовановића. Одабране целокупне умотворине у песми и прози», на стр. 157—160.

Другія попытки перевода этого сочиненія русскаго поэта на сербско-хорватскомъ языкѣ мнѣ неизвѣстны.

Пушкинъ написалъ свой романтическій разсказъ въ стихахъ восьмисложныхъ, съ мужской риѳмой, измѣняющихся поочередно девятисложными стихами съ женской риѳмой. Мужскія и женскія риѳмы обыкновенно чередуются въ перемежку, такъ что первый и третій, второй и четвертый стихъ ритмически соотвѣтствуютъ другъ другу. Но бываетъ и такъ, что первый и четвертый, а второй и третій риѳмуютъ. Вообще относительно числа стиховъ одной строфы и распоряженія риѳмъ господствуетъ въ этомъ сочиненіи большое разнообразіе, какъ видно изъ слѣдующихъ схемъ: *abaЬcdccdededaa*, *abaЬcdccdeefgfghiihklklmm*, *aabb*, *abЬacdcdceff*, *abab*, *acЬccЬdeecd*, *fggf*, *aabcbcddeffe*, *aabbcc*, *abaЬcc* и т. д. Спиро Димитровичъ соблюдалъ и здѣсь въ своемъ переводѣ правило писать бѣлыми десятисложными стихами, значитъ обыкновеннымъ сербскимъ простонароднымъ эпическимъ размѣромъ. Маретичъ для своего перевода предпочелъ восьмисложный, конечно трохаическій, стихъ, риѳму же оставилъ только женскую, такъ что только второй и четвертый стихъ риѳмически соотвѣтствуютъ другъ другу, въ стихахъ же обнаруживающихъ въ подлинникѣ мужскую риѳму, т. е. въ первомъ и третьемъ стихѣ, риѳмы нѣтъ. Бываетъ и такъ, что первый и третій стихи стоятъ въ риѳмическомъ согласіи, тогда второй и четвертый оставлены бѣлыми. Такимъ образомъ у него постоянно повторяется схема *xbxb* или *axax*, если буквой *x* обозначить нериѳмованные стихи. У Змая Јовановича число бѣлыхъ, т. е. нериѳмованныхъ стиховъ очень ограничено, напр. первые 19 стиховъ представляютъ слѣдующую схему: *abaccb* и *ddefef*; въ слѣдующей группѣ 59 стиховъ имѣется только 6 нериѳмованныхъ стиховъ, даже только четыре, если признать рѳму грма — срна. Выходитъ, что Змай Јовановичъ возложилъ на себя цѣпи соблюденіемъ риѳмическаго согласія стиховъ, какихъ у Димитровича вовсе нѣтъ, у Маретича же гораздо меньше.

Переводъ «Полтавы», сдѣланный Димитровичемъ, равняется

всѣми своими достоинствами и недостатками переводу «Руслана и Людмилы». Прежде всего замѣтно стремленіе буквальной точности съ соблюденіемъ даже русскихъ выраженій, не употребляемыхъ въ сербско-хорватскомъ языкѣ, какъ напр. I. 27: «какъ *тучи* локоны чернѣютъ»: «kako *tući* vlasi joj se cèrne». I. 500: «порой какъ *туча* затмеваетъ»: «kadikada kako *tuča* smrkne». III. 235: «тяжкой *тучей* отряды конницы летучей...»: «težkom *tučom* po ravnini tama...», но сербское «туча» и русское «туча» не совпадаютъ вполнѣ значеніемъ, обыкновенное значеніе сербскаго слова «туча» — это «градъ». — I. 40: «за ней самъ гетманъ *сватовъ* шлетъ»: «isti hetman za njom *svate* šalje» — опять не совсѣмъ точно, потому что русское слово сватъ не обозначаетъ сербскаго «свата», а только «просца». — I. 98: «влагаютъ страстныя *мечты*»: «kad u strastnom *mèštanju* su svome». — II. 81: «твои мечтанья»: «tvoje *mešte*». — I. 104: «молву не смѣютъ *понимать*»: «viest nesmiju *ponimati* hudu». — I. 159: «мужъ рока свой *понятный* шагъ»: «kadno sebe s *napetnim* silama muž sudbine...» — выраженіе «понятный» переводчикъ не понялъ, но и его «napetnim silama» никто не пойметъ, повидимому онъ хотѣлъ сказать «съ напряженіемъ силъ», чего «понятный шагъ», конечно, не значитъ! — I. 207: «кто проникнетъ бездну роковую думы *коварной*»: «umom dostignuti zlobne duše udesno *kovarstvo*» — слова «коварство» въ сербскомъ языкѣ вовсе нѣтъ. — I. 214: «тѣмъ *съ виду* онъ неосторожнѣй»: «kad *na vidu* on je neoprezan» — снова «na vidu» не передаютъ русской фразы «съ виду», сл. I. 9: «и на виду»: «i na vidu». — I. 231: «радъ... *вредить* онъ недругамъ своимъ»: «protivnika svoga *uvriedjuje*», по сербски глаголъ не значитъ «вредить», а только «оскорблять». — I. 391: «стращаютъ буйную *ватагу*»: «vèrlo straše hrabrenu *vatagu*». — I. 435: «не онъ-ли *наущеньямъ* хана... былъ глухъ»: «ta nije li za *nauke* hana... gluh on bio» — переводчикъ какъ видно прочелъ наученьямъ вм. наущеньямъ! — II. 53: «и женъ *притворствомъ* искушать»: «i *pritvorom* iskušati žene» — въ переводѣ непонятно, «pritvor» совсѣмъ не то, что «притворство». —

II. 135: «заутра *казнь*»: «sutra j' *kazna*», но «kazna» выражаетъ только «наказаніе». — II. 221: «повремени» не значитъ «vrieme dodje». — II. 266: «кому судьбою *волненья* жизни суждены»: «komu je sudbina *volnujući* život odsudila». — II. 30: «душу пылкую твою *волнуютъ*... страсти»: «*volnujuće* oslieplјuju strasti». — III. 224: «необычайное *волненье*»: «neobično i smielo *volnenje*». — III. 247: «среди тревоги и *волненья*»: «u sred buke i strašna *volnenja*». — III. 398: «голова моя полна *волненія* пустого»: «ja vidju, da je moja glava puna pustih, nemilih *volnenjah*». Во всѣхъ этихъ примѣрахъ слово русское не имѣетъ мѣста въ сербско-хорватскомъ переводѣ. — II. 445—446: «и на телѣгу поднимали два казака *дубовый гробъ*»: «a na kola dizali su gore dva kazaka u *dubovu grobu*» — совсѣмъ невѣрно переведено, во-первыхъ «гробъ» не значитъ сербское гроб (могила, яма), во-вторыхъ «два казака» въ изреченіи не относится къ положеннымъ въ гробъ (какъ понялъ переводчикъ), а къ поднимавшимъ гробъ на телѣгу. — III. 24: «средь старыхъ *вражескихъ* могилъ»: «i sred starih *vraževnih* mogilah» — переводное выраженіе «vraževni» совсѣмъ непонятно. — III. 239: «бросая *груды* тѣлъ на *груду*»: «skaču *grudi* na junačke *grudi*», переводъ обманчивый, въ подлинникѣ рѣчь идетъ о дѣйствіи «шаровъ чугунныхъ», а переводчикъ рисуетъ картину героевъ бросающихся другъ на друга полной грудью!—III. 296: «еще *напоръ*—и врагъ бѣжитъ»: «jedan *napor* — i dušmani bieže» — и здѣсь обманчивое созвучіе. — III. 391: «*праздникъ* шумный»: «*prazne* gostbe» — не одно и тоже.

И здѣсь Димитровичъ любилъ вставлять цѣлыя фразы изъ народной поэзіи сербской, не имѣющія основанія въ русскомъ подлинникѣ, въ родѣ слѣдующихъ: I. 82—83: «цѣлые два дня то *молча плача*, то *стеня* Марія не пила не ѣла» — изъ этого переводчикъ сдѣлалъ: «dva čitava i *debela* dana *grozno cvili* i nemilo stenje» — это преувеличеніе вовсе не соотвѣтствуетъ ситуаціи! — I. 294: «а между тѣмъ *орлинымъ взоромъ* въ кругу домашнемъ ищетъ себѣ товарищей...»: «medju time *kano gladan vuče* po domaćoj gleda okolici, ne bi l' našo vicrnih prijateljah» —

но «голодный волкъ» не подходитъ! — II. 70: послѣ словъ «oba kralja meni su na volju», передающихъ не вполнѣ подлинникъ «въ переговорахъ со мною оба короля», прибавлено переводчикомъ: «ako bog da i sreća junačka»!! — III. 34—36: «теперь онъ, бодрый, предъ полками сверкаетъ гордыми очами, и саблей машетъ и къ Деснѣ проворно мчится на конѣ» — эти сжатыя слова у переводчика расплылись такъ: «sad je starac opet pomladio, *jer on vidje svoju silnu vojsku, nije šala kozak do kozaka*, gordo gleda, ćordom zapovieda, Desni rieki svoga konja goni *a za njime pukovi u redu*». — III. 103: о Карлѣ рѣчь идетъ: «но не ему вести борьбу» никакъ нельзя переводить фразою: «nije diete do sablje doraslo»! — III. 132—133: послѣ словъ «кипѣли съ ними рѣчи наши» (š njima rieči kipile su naše) прибавлено безъ малѣйшей надобности: «kad je bilo noći o pol noći». — III. 142—143: «обо мнѣ воспоминанье хранить онъ будетъ до конца, Петру я посланъ въ наказанье» — переводчикъ съ прикрасою: «mene će se spominjati care, dokle *bude sunca i mieseca, moja majka rodila je mene* da ja budem na ukoru Petru». И въ слѣдующемъ III. 144: «я тернъ въ листахъ его вѣнца»: «da mu budem u zelenu viencu oštra drača *na visoku čelu*». — III. 200: «на холмахъ пушки присмирѣвъ прервали свой голодный ревъ»: «po goricam diljke ne gruvaju, *junačkog su najele se mesa*» — опять лишняя прибавка, кромѣ того переводчикъ не обратилъ вниманія на разницу въ значеніи между русской «пушкой» и сербской «пушкой». — III. 244—246: изъ трехъ русскихъ стиховъ переводчикъ сдѣлалъ своихъ шесть:

Бой барабанный, клики, скрежетъ,
Громъ пушекъ, топотъ, ржанье, стонъ.
И смерть и адъ со всѣхъ сторонъ
Tu je klika slavnih pukovodjah,
Tu je zvuka trubljah i bubanjah,
Tu je ogled silenih junakah,
Tu je gèrmnja gladnijeh diljakah,

Tu je jauk ranjenih bojnikah,
Tu je žalost na sve četir strane...

Есть и другія неточности въ переводѣ, происходящія отъ невнимательнаго отношенія переводчика къ русскому подлиннику. Напр. I 59: «одна въ *сѣняхъ* невѣста бродитъ»: «po *baščini* neviesta se šeće», но «башчина» (огородъ) не — сѣнь. — I. 115: «зачѣмъ такъ тихо за столомъ она лишь гетману *внимала*»: «i zašto je tiho iza stola o jedinom *šaptala* hetmanu» — не вѣрно. — I. 313: «*врага* паденье рѣшено»: «*izdajica* da će izgubiti» — но Мазепа былъ только ненавистный противникъ, врагъ, Кочубея, не — измѣнникъ. — I. 316: «*доносъ* положитъ» нельзя переводить «da dokaže», доносъ — не доказательство, поэтому и I. 415: «*доносъ* оставя безъ вниманья» не хорошо переведено: «*dokazim* se nije zanimao», или II. 254: «доносчикъ» не — dopisnik! — I. 352: «ни при опасной переправѣ» — у переводчика вм. перевода этихъ словъ придумано: «*nit u kèrčmi nit u stanu bolju*»! Итакъ опасная переправа черезъ рѣку замѣнена остановкою въ — кабакѣ! — I. 410: «въ Полтавѣ писанный доносъ» переведенъ ошибочно: «u Poltavu dokučili knjigu». — I. 477: «соблазномъ постланное ложе ты отчей *сѣни* предпочла»: «i primamu razstèrte postelje više nego *otca* si cienila» — пропускъ въ переводѣ слова «сѣнь» нарушаетъ смыслъ. — II. 48: «искать *надменнаго привѣта*» не точно въ переводѣ отнесено къ ухаживающему любовнику: «da ja dvorim *ponosnom udvorom*». — II. 95: «а если плаха» спрашиваетъ Мазепа, но это не значитъ: «Al' na panju?», не говоря уже о томъ, что panj не довольно выразительный переводъ для «плахи»; лучше у Маретича «klada». — II. 148, 395, 422 «топоръ», а II. 261 «сѣкира» совсѣмъ некстати переведены словомъ «sablja». — II. 214: «старикъ оставь пустыя бредни» — перевелъ Димитровичъ фразой мнѣ незнакомой: «pusti starče *ne nabijaj kabla*». — II. 424: «все поле *охнуло*» никакъ не значитъ «sve je polje *tihom zatihnulo*», напротивъ! — II. 434: «народъ... про свои работы вѣчны уже толкуетъ межъ собой» не слѣдовало

переводитъ: «u viečnome svome zabavljenju medju sobom slučaj tumačio», народъ разговаривалъ не о только что совершившемся, а о своихъ дѣлахъ. — II. 454. Мазепа спрашиваетъ словами «что Марія» не ее, а людей окружившихъ его, поэтому невѣрно переведено: «gdie si mi Marijo? *al' se njemu ona neodzivlje*», въ подлинникѣ сказано «отвѣты робкіе, глухіе...», но это отвѣты прислуги, дворни. — III. 22 очень не кстати «Москва» переведена описательно «Petrova stolica», это былъ бы Петербургъ! — III. 38—40: разсказъ о кардиналѣ внезапно выздоровѣвшемъ, когда его избрали папою (Сикстомъ V) замѣненъ у переводчика чѣмъ-то непонятнымъ: «na isti mu način je *pomoćnik*, *pognieteni po bolesti težkoj*, preko noći ozdravio čilo»! — III. 343: «виномъ разгоряченный» — не совпадаетъ съ переводомъ «vinom *razvedreni*».

По недосмотру нѣсколько стиховъ въ переводѣ пропущено. I. 24: «то лани быстрыя стремленья» — не переведено. I. 173: «храня суровость обычайну» — пропущено. — I. 300: «уже доносъ онъ грозный копитъ» — въ переводѣ нѣтъ. — I. 330: «не докучалъ онъ ей мольбой» — безъ перевода. — II. 219: характерное восклицаніе «злой холопъ» — не переведено. — II. 421: «какъ будто въ гробѣ — тьмы людей молчатъ» — эти слова пропущены. — III. 357: «въ немъ мрачный духъ не зналъ покоя», и этотъ стихъ пропущенъ.

Переводъ Маретича можно назвать выдающимся, образцовымъ по точности въ передачѣ всѣхъ подробностей подлинника и по правильности какъ стиха, такъ и языка. Переводчикъ вездѣ вникъ въ смыслъ русскаго текста и сумѣлъ перевести его просто и отчетливо, безъ пропусковъ, а также безъ поэтическихъ прибавокъ или прикрасъ. Онъ обошелся также безъ лишнихъ русицизмовъ, я наткнулся только на одно русское выраженіе «još *kovarna* ne drijema njemu duša». Только на двухъ-трехъ мѣстахъ можно бы желать маленькаго измѣненія. I. 118: кажется въ печатномъ текстѣ осталась ошибка корректора: «Tad se istom prestupnice mlade duše poznat dade», надо исправить, полагаю,

въ duša. — I. 165: «чтобы гетманъ *узы ихъ расторгъ*» — переводъ «kad li će ih hetman *spasti*» кажется мнѣ слишкомъ блѣднымъ. — I. 188: «тогда-бъ въ снѣгахъ *чужбины* дальной»: «u dalekom sad *snijegu*» — мнѣ хотѣлось бы въ переводѣ найти еще отраженіе многознаменательнаго здѣсь слова «чужбина». — I. 367 и 410 проф. Маретичъ перевелъ «доносъ» словомъ «prijavnica» (это собственно — «повѣстка»), я бы желалъ выраженія покрѣпче, быть можетъ «potvora» или «podvala» было бы лучше; для «доносчика» существуетъ еще старое слово «сок». — II. 145: передача русскаго неопредѣленнаго «царемъ быть отдану во власть врагу царя» такимъ же неопредѣленнымъ «car u šake na rug njega dušmaninu predat svome» кажется мнѣ нежелательнымъ, даже синтактически невозможнымъ оборотомъ. Въ сербскомъ, какъ и въ русскомъ языкѣ такіе обороты удобны только въ предложеніяхъ безъ подлежащаго. Такъ и здѣсь безъ именительнаго «car» было бы легко сказать: «na rug njega dušmaninu predat». — III. 61: «въ Украйну ѣдетъ въ царскій *станъ*»: «u Ukrajinu u *dvor* carski» — это не точно, «станъ» не есть «dvor» (дворецъ). — III. 214—215 стихи относящіеся къ князю Меньшикову «и счастья баловень безродный полудержавный властелинъ» выдвинуты въ переводѣ изъ своего мѣста и отнесены къ — Шереметеву, что, конечно, невѣрно. Наконецъ укажу въ II. 64—65 на перестановку стиховъ въ переводѣ, вслѣдствіе которой выходитъ анахронизмъ, какъ будто бы Украйна раньше была подъ Москвою, чѣмъ подъ Польшею: «Sad pod Moskvom samovladnom, pod zakriljem sad Varšave».

Все это мелочи, если хотите щепетильныя придирки, не уменьшающія нисколько хорошаго впечатлѣнія, которое производитъ на читателя этотъ отличный переводъ — дѣйствительное обогащеніе сербско-хорватской переводной литературы. Маретичъ, правда, не поэтъ въ смыслѣ самостоятельнаго творчества, но какъ умѣлый переводчикъ имѣетъ свои безспорныя заслуги.

Въ отрывкѣ (первыхъ 190 стиховъ I пѣсни), переведенномъ Змай-Јовановичемъ, сразу замѣтна сила творческая сербскаго

поэта. Онъ не въ состояніи переводить, онъ сразу пересоздаетъ, соперничая блескомъ стиховъ и удачными оборотами съ русскимъ подлинникомъ. Жаль, что Змай перевелъ только отрывокъ. Жаль, что онъ вообще такъ мало переводилъ изъ Пушкина. Его участіе въ этомъ дѣлѣ сразу подняло бы значеніе Пушкинской поэзіи для сербско-хорватской литературы; прелесть стиховъ русскаго поэта отразилась бы въ полной мѣрѣ въ мастерской передачѣ Змай-Јовановича, чего конечно отъ большинства прочихъ переводчиковъ ни ожидать, ни требовать нельзя.

VI.

РУСАЛКА.

ВЪ СЕРБСКОМЪ ПЕРЕВОДѢ.

Драгутина Иліича.

Драгутинъ Иліичъ принадлежитъ къ даровитѣйшимъ сербскимъ поэтамъ молодого, нынѣ дѣйствующаго поколѣнія. Его переводы отличаются, при всей ихъ точности въ передачѣ подлинника, легкостью и естественной простотой сербскаго стиля. Нигдѣ не замѣчаешь стѣснительныхъ узъ подлинника. Подобнаго рода впечатлѣніе производитъ также его переводъ «Русалки». Онъ вышелъ въ 1896 году въ сербскомъ литературномъ изданіи «Босанска Вила» (въ Сараевѣ). Къ сожалѣнію и этотъ переводъ такъ и остается мало извѣстенъ и мало доступенъ, потому что отдѣльными оттисками не пущенъ въ свѣтъ. Въ переводѣ соблюденъ размѣръ подлинника — ямбы, только десятисложные стихи не смѣняются одиннадцатисложными, какъ у Пушкина. Но ямбическій размѣръ не свойственъ сербскому языку, отказавшемуся уже давно отъ ударенія на послѣднемъ слогѣ. Поэтому и у Иліича довольно часто только въ одной, много-ли въ двухъ стопахъ удареніе обнаруживаетъ ямбическій характеръ стиха. Рѣдко съ самаго начала, съ первой стопы, разберешь размѣръ стиха. Для этого хочется непремѣнно, чтобы стихъ начинался словомъ односложнымъ. И у Иліича такихъ стиховъ очень много, почти па половину. Но и этого условія еще мало. Необходимо, чтобы слѣдующее слово не переносило своего ударенія въ качествѣ энклитики на предыдущее моносилабическое начало стиха. Такъ напр. нельзя назвать ямбическимъ размѣромъ слѣдующія начала: што се никада, за њега неће, да су најтеже, зар се не стидиш, да се не срдиш и т. д. Еще менѣе выдержанъ ямбическій размѣръ въ

концѣ стиховъ. Какъ можно назвать ямбами стихи со слѣдующими окончаніями: слободан, жељама, ставити, поклањам, оставиш, бринути, тужити, пустила и т. д., и т. д.? Сказать, что здѣсь первый, ударяемый, слогъ этого дактила съ предыдущимъ слогомъ въ стихѣ образуетъ ямбъ — такое извиненіе я назвалъ бы самообманомъ. Кто, напр., согласится назвать ямбами слѣдующіе стихи:

Кнежеви нису тако слободни,
Осталих људи туђим жељама,
Копитом коња свога згазио,
Златом и свилом оденућу те и т. д.?

Съ внѣшнею стороною я, стало быть, несогласенъ. Дайте намъ или ямбы настоящіе или лучше совсѣмъ безъ нихъ. Не хорошими, но все же сносными ямбическими стихами я могъ бы назвать лишь немногіе изъ представленныхъ въ переводѣ Иличa, напр.:

Ох све сте такве ви девојчице,
Ма какав поклон, корист за себе,
Па све сте луде, чежња вам је сва, и т. д.

Переводъ сдѣланъ съ русскаго подлинника, который переводчикомъ не всегда правильно понятъ. Напр. стихъ

Порою исподволь *обинякомъ*

переведенъ:

У *загрљају* кришом који пут,

здѣсь, какъ мнѣ сдается, «обинякомъ» понято въ смыслѣ «объятіе»! Или же стихъ:

Глядь и пропалъ и слѣдъ *простылъ*,

въ переводѣ сказано:

Тек оком тренеш већ *охладио*; —

видно, переводчикъ понялъ «простылъ» въ значеніи охлажденія любви!

Если дочь отцу говоритъ «скажи, *родимый*», то нельзя въ переводѣ сказать: «кажи *рођени*», надо было по крайней мѣрѣ передать словомъ «родителю».

Въ сценѣ второй переводчикъ совсѣмъ не понялъ хоровой пѣсни дѣвушекъ: «Сватушка, сватушка, безтолковый сватушка». Это переведено совсѣмъ невѣрно: «Сватови, сватови, небројени сватови». Нѣсколько слѣдующихъ стиховъ оставлено даже безъ перевода, вѣроятно потому что символизмъ обрядовой пѣсни сбилъ переводчика съ толку. И слово «дружко» осталось не переведеннымъ, какъ будто это имя личное, а не названіе одного изъ членовъ свадьбы. Точно такъ нельзя одобрить переводъ буквальный «повез» для русскаго головного убора «повязка». Въ сценѣ третьей переводчикъ повидимому не понялъ самаго обыкновеннаго выраженія «сокровище», или же я не понимаю его буквальнаго перевода:

«Е да ли може још у којој он
Како у теби наћи *скривнице*».

Что значитъ «скривнице»? Не знаю, но по догадкѣ сказалъ бы, что переводчикъ хотѣлъ выразить этимъ неологизмомъ «убѣжище, пріютъ».

Въ четвертой сценѣ слова подлинника

«Онѣ въ песку Днѣпра-рѣки зарыты,
Ихъ рыбка одноглазка сторожитъ»,

какъ видно изъ текста, относятся къ упоминаемымъ въ предыдущемъ «денежкамъ». Но переводчикъ ошибся, полагая, что рѣчь идетъ о русалкахъ. Поэтому его переводъ, въ особенности второго стиха, вышелъ совсѣмъ неудачно:

«У песку Дњепра сакривене су,
Њих једноока риба се жари».

Я и здѣсь опять не знаю, что собственно переводчикъ хотѣлъ сказать глаголомъ «се жари». Значитъ-ли это: одноглазая рыбка сверкаетъ, пылаетъ?

Въ пятой сценѣ переводчику не захотѣлось взглянуть въ словарь, чтобы узнать значеніе слова «раковина»: «пригоршню раковинокъ самоцвѣтныхъ». Онъ предпочелъ, по примѣру другихъ славянскихъ переводчиковъ, гадать и вымышлять:

«Па му изнесох прегрш *цвећа*,
Воденог биља — —

Итакъ раковины превратились въ цвѣты, въ водяное растеніе!

Кромѣ этихъ болѣе крупныхъ недосмотровъ встрѣчаются еще другія менѣе важныя неточности, вызванныя стремленіемъ переводчика, гдѣ представлялись маленькія затрудненія, отдѣлаться пропусками или же общими, не вполнѣ соотвѣтствующими выраженіями. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Въ самомъ началѣ первой сцены, въ стихѣ

Исполнять *даромъ* прихоти его,

пропущено въ переводѣ слово *даромъ*, имѣющее здѣсь главное значеніе. Отецъ былъ недоволенъ дочкою именно потому, что она не сумѣла извлечь изъ любви князя выгоды для себя и для отца. Въ переводѣ же сказано вяло:

Његовој ћуди да сте верни роб.

Подсмѣиваясь надъ занятіемъ князей, отецъ говоритъ, что они упражняются въ томъ, какъ бы

. . . . травить лисицъ и зайцевъ
Да пировать, да обдирать сосѣдей.

Въ переводѣ же сказано, будто бы князья обираютъ сосѣдей для того, чтобы могли пировать:

. . . . бити зечеве
Да се веселе, краду суседе!

Отецъ, мельникъ, человѣкъ простой, но большой скряга, выходитъ князю на встрѣчу словами: «давно, давно — твоихъ очей мы свѣтлыхъ не видали». Переводчикъ впалъ въ лишнее лирическое настроеніе, передавъ эти слова въ своемъ переводѣ такъ: «већ нас одавна твој светли поглед пије *грејао*». Къ чему это?

Дочь, чтобы объяснить долгое отсутствіе любовника-князя, воображаетъ себѣ разныя опасности, между прочимъ:

«....что медвѣдь
Тебя въ лѣсу дремучемъ одолѣлъ».

Въ переводѣ же прибавлено: «ил' те *уморна* у шуми дивљи медвед свладао». Откуда взялъ переводчикъ, что князь въ лѣсу *усталъ*? Не произошло-ли это отъ того, что онъ не понялъ дремучаго лѣса? Не представилъ ли онъ себѣ князя уставшимъ и *вздремнувшимъ*?

Въ подлинникѣ сказано:

....двѣ волчихи
Не водятся въ одномъ оврагѣ.

Это гораздо естественнѣе, чѣмъ въ переводѣ:

....та две вучице
За једним вуком нису ходиле.

Слова Пушкина

....Въ прокъ тебѣ пойдетъ
Моя погибель....

которыми несчастная дочь обращается укоризненно къ отцу, потеряли въ переводѣ не подходящемъ всю силу:

Ах, та ти си крив несрећи мојој!

Во второй сценѣ народный обрядъ русскій требуетъ осыпанія молодыхъ хмѣлемъ; не вижу причины замѣнить это слово въ переводѣ простымъ «жито» (хлѣбъ, просо).

Дружко извиняетъ дѣвушекъ, припѣвшихъ не свадебную пѣсню, а полную намековъ на прежнюю любовную связь князя, обыкновеннымъ проказничаніемъ:

«Никакъ нельзя имъ
Не попроказить»

въ переводѣ не слышится эта добродушная снисходительность, тамъ сказано:

«Зар се никада
Освестит' неће»,

стало быть, новый упрекъ.

Въ четвертой сценѣ старикъ говоритъ князю:

....да за мною
Присматривать не худо: старъ я сталъ
И шаловливъ....

Переводъ этихъ стиховъ не удался:

Ах, да, чувају!
Остарио сам и врло сам слаб.

Не слѣдовало также слова «а потомъ меня пожалуй удавишь *ожерельемъ*» переводить «па тек *конопцем* да ме удавиш»; сербское конопац значитъ простую веревку, у Пушкина же старикъ намекаетъ на подарокъ, сдѣланный княземъ его дочери. Неточность также въ томъ, что въ пятой сценѣ слова подлинника «безумный *скряга*» переведены «безумни *старац*», гдѣ слѣдовало сказать «безумни *скупац*».

Вотъ и всѣ мои возраженія, ихъ не много и въ противовѣсъ имъ я могъ бы указать на много очень удачно переведенныхъ мѣстъ этой романтической повѣсти. Ограничусь для образца однимъ примѣромъ, пѣсенькою русалокъ въ четвертой сценѣ. Она переведена у Иличча очень мило:

У веселом јату,
Са дубока дна,
Ми пловимо поћу,
А месец нам сја.
У поноћи остављамо
Влажан станак, мрачно дно,
И плећима просецамо
То површје сјајано.
Разлежу се наши гласи,
Јасно звони тамна ноћ,
И зелене влажне власи
Растресамо по сву ноћ.

VII.

КАВКАЗСКІЙ ПЛѢННИКЪ.

ВЪ ТРЕХЪ СЕРБСКО-ХОРВАТСКИХЪ ПЕРЕВОДАХЪ,
1853, 1863 И 1870 ГОДОВЪ.

Это блестящее стихотвореніе, плодъ глубокаго впечатлѣнія величественной природы Кавказа, отразившагося на пылкой душѣ молодого поэта, и въ то же время внимательнаго присматриванія къ самобытной жизни дикихъ сыновъ страны — нашло въ сербско-хорватской литературѣ трехъ переводчиковъ: въ 1853 году перевелъ его *Иванъ Трнски* для загребскаго журнала «Neven»; лѣтъ десять спустя вышелъ въ Бѣлградѣ (въ 1863 году) отдѣльной книжечкой переводъ *Стояна Новаковича*; въ 1870 году появился еще третій переводъ въ новосадской «Даницѣ», № 21—23, сдѣланный *Петромъ Деспотовичемъ*. Я считаю не лишнимъ представить здѣсь разборъ этихъ трехъ переводовъ, сравнивая ихъ между собою и разбирая каждый въ отдѣльности. Отмѣчу только, что переводъ Ив. Трнскаго въ нѣсколько исправленномъ видѣ вошелъ въ Пушкинскую антологію Матицы Хорватской, изданной въ началѣ 1900 года въ Загребѣ. Благодаря любезности профессора Шрепеля, я имѣлъ возможность взглянуть въ это изданіе еще до его выхода въ свѣтъ.

Первый переводчикъ, Иванъ Трнски, выбралъ четырехстопный троханческій стихъ съ рифмой *abba* или *abab*, для передачи русскаго стихотворенія, согласно съ оригиналомъ. Ему подражалъ, сознательно или безсознательно, Петръ Деспотовичъ, остановившись на томъ же стихѣ съ такой же рифмой. Разница между обоими переводами все-таки въ томъ, что Трнски старался не увеличивать числа стиховъ въ сравненіи съ русскимъ оригиналомъ, тогда какъ П. Деспотовичъ на это не обращалъ вниманія.

Вслѣдствіе того въ переводѣ Трнскаго риѳмы чередуются въ томъ же порядкѣ, какъ въ подлинникѣ, у Деспотовича же надо было иногда отступать отъ русскаго оригинала и для добавочныхъ стиховъ вносить другія риѳмы сообразно съ окружающими стихами. Совсѣмъ иначе поступилъ второй переводчикъ, Стоянъ Новаковичъ. Онъ выбралъ простонародный эпическій размѣръ, десять слоговъ въ каждомъ стихѣ съ цезурою послѣ четвертаго, а отъ риѳмы совсѣмъ отказался. Конечно на число стиховъ русскаго оригинала ни онъ не обращалъ никакого вниманія. Вслѣдствіе различія взглядовъ на задачу переводчика, разнится трудъ Ст. Новаковича гораздо значительнѣе отъ прочихъ двухъ переводовъ, чѣмъ оба эти между собою. Новаковичъ, не чувствуясь стѣсненнымъ ни риѳмой, ни опредѣленнымъ числомъ стиховъ, могъ сосредоточить все вниманіе на томъ, чтобы въ переводѣ его ни одна мысль русскаго оригинала, ни одинъ оборотъ, ни одно выраженіе не было опущено, хоть бы для достиженія этой цѣли текстъ его нуждался въ очень обширныхъ описательныхъ выраженіяхъ, хоть бы онъ такимъ образомъ выходилъ гораздо растянутѣе русскаго подлинника. Дѣйствительно переводъ Ст. Новаковича производитъ на читателя впечатлѣніе эпическаго разсказа въ родѣ сербскихъ народныхъ пѣсенъ. Блескъ подлинника расплылся, сжатость выраженій русскаго текста утрачена. Переводъ Ст. Новаковича, строго говоря, не переводъ поэтическій, а парафраза подлинника на ладъ сербской эпики. Отъ переводовъ подобнаго рода получается одна несомнѣнная выгода: они читаются легко, становятся удобопонятными для широкой публики, стало быть содѣйствуютъ не мало къ популяризаціи сочиненій, прокладывая имъ дорогу къ широкимъ слоямъ общества. Но такія сочиненія не могутъ быть названы дѣломъ поэтическаго искусства, они не обогащаютъ литературы произведеніями переводческаго художества; языкъ переводный отъ трудовъ подобнаго рода не выигрываетъ новыхъ пріобрѣтеній въ области выраженій, оборотовъ, фразеологіи. Все движется по избитымъ дорогамъ.

Такимъ дѣйствительно вышелъ переводъ «Кавказскаго плѣнника» въ трудѣ Стояна Новаковича. Укажемъ нѣсколько примѣровъ, приводя параллельно русскій и сербскій текстъ:

I Ст. 3—4 говорятъ «о бранныхъ гибельныхъ тревогахъ»,
I » 6 «О наслажденіяхъ дикой нѣги»:

«Ту се збори о бојевим љутим»,
«Милотама живота дивљега».

I » 11 «И мѣткость неизбѣжныхъ стрѣлъ»:

«А стријела што не промашују»

I » 31—32 «Ужъ полдень надъ его главой
Пылалъ въ сіяніи веселомъ»:

А веселим радосним сијањем
Сунце *сјајно* у по *јарка* дана
Љутим огњем у чело упрло

I » 62—64 гдѣ пламенную младость
Онъ гордо началъ, безъ заботъ,
Гдѣ первую позналъ онъ радость:

Ђе пламен млађани
Ђе слађани први вијек букну
Замирисан радостима самим,
Ђе се нема бриге и невоље....

I » 73—74 Въ сердцахъ друзей нашедъ измѣну,
Въ мечтахъ любви безумный сонъ:

У друштва је мекано срдашце
И оно се на жалост мијења,
Љубав леће свакијем маштама,
Ал су маште сањање безумно.

I » 91—92 ....«Цѣлью упованья
Не зритъ онъ въ мірѣ ничего»:

Већ овог свијета
Ништа више спазит' не могаше
Да б' рећ' мога': овоме се надам!

I Ст. 102 Сверкая свѣтлыми косами:

А на витким косама се зраци
Одсјајкују сунца вечерњега.

I » 126—128 Онъ ловитъ жадною душой
Пріятной рѣчи звукъ волшебный
И взоры дѣвы молодой:

Жудном душом млађи јунак слуша
Ће га свака њена ријеч чара,
Жудном душом сваки поглед мотри,
Што га млада погледује њиме.

I » 156—159 Черкешенка тропой тѣнистой
Приноситъ плѣннику вино,
Кумысъ и ульевъ сотъ душистый,
И бѣлоснѣжное пшено:

Ево њему черкескиње младе,
Ће се краде сјенком по стазама,
Ће му носи вина и кумиса
И носи му бијеле шенице,
Носи меда и другог јестива.

I » 226—227 Межъ горцевъ плѣнникъ наблюдалъ
Ихъ вѣру, нравы, воспитанье:

Гледао је пламена горштака
Како љуби, како ћецу гаји,
Гледао га на прагу кутњему;

I » 228—231 Любилъ ихъ жизни простоту,
Гостепріимство, жажду брани,

Движеній вольныхъ быстроту,
И легкость ногъ и силу длани:

Љубио му просто живовање,
Како госта као очи чува,
Како жуди боја крвавога,
Како с' миче лако и окретно,
Ја како је снажан у рукама;

I Ст. 266–267 Все путь ему — болото, боръ,
Кусты, утесы и овраги:

Он не тражи стазе, ни богаза,
Блато, шуме, лијепе шумарке,
И кршеве и провале страшне
Пролијеће као мућа плаха;

I » 302–304 Простите, вольныя станицы,
И домъ отцовъ и тихій Донъ,
Война и красныя дѣвицы!

С Богом села слободе лијепе,
С Богом остај ти кућо очинска,
С Богом остај Доне водо тиха,
С Богом рате и лијепе моме!

II » 44—45 Забудь меня: твоей любви,
Твоихъ восторговъ я не стою:

Остави ме, заборав' ме душо,
Ја нијесам што је љубав твоја,
Ја нијесам за радости њене.

II » 50—53 Онъ будетъ вѣренъ, онъ оцѣнитъ
Твою красу, твой милый взглядъ,
И жаръ младенческихъ лобзаній
И нѣжность пламенныхъ рѣчей:

Да ти буде и мио и вјеран,
Да зна љубит' ту љепоту твоју,
Да зна љубит' те погледе дивне,
И жив огањ твојих пољубаца
И ту њежност пламених ријечи;

II Ст. 114—117 Не долго на груди твоей
Въ забвеньи дѣва отдыхала,
Немного радостныхъ ночей
Судьба на долю ей послала!

Заборавив и свијет и људе
За мало ти одисах на груд'ма,
За мало ми, на жалост и тугу,
Миле ноћи за мало трајаше!

II » 136 Уста безъ словъ роптали пени:

Ни ријечи више не зборaше,
Само с' груди напрезаху силно.

Изъ сопоставленія этихъ примѣровъ легко убѣдиться въ значительной разницѣ изложенія между русскимъ оригиналомъ и сербскимъ пересказомъ. Въ послѣднемъ движеніе гораздо медленнѣе чѣмъ въ первомъ, оно напоминаетъ обычныя въ сербскомъ эпосѣ повторенія, которыхъ русскій текстъ не знаетъ. Я сомнѣваюсь, можно-ли одобрить внесеніе этой эпической палилогіи въ живой романтическій ходъ разсказа Пушкинскаго. Онъ придаетъ сочиненію особый характеръ, котораго въ подлинникѣ вовсе нѣтъ. Приведу еще нѣсколько примѣровъ этой фигуры риторическаго повторенія въ переводѣ, которую русскій оригиналъ избѣгалъ:

I Ст. 3 Сыны Кавказа *говорятъ* (только разъ):

Ту се збори — —
Ту се збори — —

I Ст. 14 Текутъ бесѣды въ тишинѣ:

Све је тихо, ту се *збори зборе* —

I » 20 *Аулъ* на крикъ его сбѣжался (только разъ):

А *све село* као огањ живи
Све се *село* око роба слеће

I » 75 Наскучивъ *жертвой быть* (только разъ):

Робовати згаженој таштини
Робовати простом опадању

I » 111 Но *кто* въ сіяніи луны
Среди глубокой тишины
Идетъ?

Али *ко то* сред тишине мукле
Мјесечином *ко то* тајом ступа?

I » 126 Онъ ловитъ жадною *душой* (только разъ):

Жудном душом млађан јунак слуша,
Жудном душом сваки поглед мотри

I » 138 Отягощенною *главой* (только разъ):

Ал' на ново наслонио *главу*
Тешку *главу* на камење хладно

I » 298 *Воспоминаешь* прежни битвы (только разъ):

Да л' се *сјећаш* старијех бојева
Ил' се *сјећаш* домовине драге?

» 347 *Любилъ* онъ прежде игры славы (только разъ):

Било ј' доба кад је *миловао*
Бујну славу — —

Миловао, жуђео их млађан;
Било ј' доба — —

I Ст. 357 *Жалѣлъ* ли онъ о дняхъ минувшихъ (только разъ):

Ал' да л' *жали* јунак,
Да ли *жали* те минуле дане

I » 368 Черкесы грозные *дивились* (только разъ):

Бјеше чудо черкезима пустим
Бјеше чудо та слобода дивна —

II » 12 Свободу, родину *забудь*:

Заборави слободу лијепу
Заборави домовину драгу —

Это не всѣ примѣры, повтореній подобнаго рода еще много. Несмотря на свободное движеніе текста при увеличенномъ размѣрѣ стиховъ и устраненной риѳмѣ переводъ иногда ушелъ слишкомъ далеко въ сторону въ сравненіи съ оригиналомъ. Есть даже случаи невѣрной, ошибочной передачи оригинала.

I. 34. «Невнятный *стонъ* въ устахъ раздался», переводчикъ прочелъ по недосмотру *сонъ*, поэтому его переводъ говоритъ: «На устима *санци* (! sic) с' разлијећу».

I. 121. «Съ улыбкой *жалости* отрадной»: «И осмијак слаћане *жалости*» — невѣрно, потому что и здѣсь, какъ мы уже столько разъ встрѣтили, русское значеніе слова съ сербскимъ не совпадаетъ.

I. 186. «Тоску неволи, жаръ мятежный въ душѣ глубоко онъ скрывалъ»: и здѣсь переводъ пострадалъ отъ того, что переводчикъ русское значеніе слова «неволя» смѣшалъ съ сербскимъ «невоља»: «И душа му скриваше дубоко тугу што је *биједа* љеваше»; «жаръ мятежный» переведено удачно, хотя цѣлымъ стихомъ: «огањ силни душе уздрмаше».

I. 250—252. «Все тотъ же онъ, тотъ же видъ непобѣдимый, непреклонный, *гроза безпечныхъ* козаковъ» — въ переводѣ безъ причины послѣдній стихъ передѣланъ: «Све га видиш ће тај не

уступа, ће га нико савладат не може, *нејма ништа да га бригом мори ван коњица убојита свога*»! Откуда взялъ переводчикъ подчеркнутыя слова, неизвѣстно.

I. 276—7. «Но мощный конь его стрѣлой на берегъ пѣнистый *выноситъ*», значитъ бывшаго въ опасности жизни плѣнника конь вынесъ изъ рѣки, хотя онъ уже захлебывался; переводчикъ не понялъ русскаго текста, переводъ его говоритъ только о лошади такъ: «Ал' коњ силан ка' стрijела иста запјењене обале *се хвата*», т. е. въ переводѣ не сказано, что случилось съ плѣнникомъ.

I. 291. «Вдоль *береговъ* уединенныхъ»: «проноси га мимо *брда* пуста», лучше было бы употребить слово «обала»: «проноси га *крај обала* пустих».

I. 313. «И спрянувъ съ *вѣрнаго* коня — къ нему войдетъ пришлецъ *усталый*»: «С коњем стане *испред колибице* те уљезе», въ переводѣ прибавлены слова ненужныя, зато пропущены другія, что служитъ для поэтическаго украшенія. Такъ и въ слѣдующихъ стихахъ: «Тогда хозяинъ *благосклонный* съ привѣтомъ ласково встаетъ», — эти слова подлинника не нашли себѣ болѣе точнаго выраженія, какъ въ слѣдующей общеизвѣстной простонародной фразѣ: «Брже скочи (не сказано даже, кто) те се с њиме пита, сусрета га ка' брата рођена». Наконецъ въ ст. I. 323—4: «И утромъ оставляетъ онъ ночлега кровъ гостепріимный» переводъ отбросилъ безъ надобности слова подлинника, замѣнивъ ихъ такъ: «А кад сутра зора се покаже, иде даље стазам врлетнијем»!

I. 337—344. Стихи подлинника, разсказывающіе о жестокостяхъ бѣшенной молодости, когда черкесы въ военныхъ играхъ рубили головы рабовъ, въ переводѣ не соблюдены. Переводчикъ, не обративъ вниманія на упоминаніе рабовъ, понялъ цѣлый разсказъ такъ, какъ будто бы драка происходила между самими черкесами. Вообще переводъ слишкомъ удалился отъ подлинника: «И часто игры воли праздной игрой жестокой смущены»: «Кол'ко л' пута жеље се крваве испред тога зађену весеља»; «Нерѣдко шашки грозно блещутъ въ безумной рѣзвости пировъ, и въ прахъ летятъ главы *рабовъ*»: «Па тек часом заблистају

пале (о пирахъ переводъ молчитъ), мртве главе полете с рамена». О рабахъ не сказано въ переводѣ ничего.

II. 26—27. «Но умолю отца и брата, не то — найду кинжалъ иль ядъ» — переводу данъ другой смыслъ, въ подлинникѣ черкешенка готова на самоубійство только на тотъ, конечно очень возможный, случай, если ей не удастся умолить отца и брата, переводчикъ же заставляетъ ее отвергнуть всякое снисхожденіе: «Хоћу л' оца молит', робе драги, хоћу л' молит' брата рођенога? *Нећу никад* — моји црни јади (лишняя прибавка) прије ће се ножем саломити».

II. 58. — «Но пожалѣй о скорбной участи моей», въ переводѣ наоборотъ сказано: «Ма знај, до вијека да ми те је жао и прежао».

II. 72. «Измучась ревностью напрасной»: «А кад снага изневіери пуста» — это не переводъ.

II. 80. «Снѣдая слезы въ тишинѣ» не точно переведено: «А ја *сузе роним* у тишини», лучше было бы: «А ја *сузе гутам* у тишини».

II. 100. «Пройдетъ любовь, настанетъ скука»: «Преминуће, све ће да се згуби» — вялый, невыразительный переводъ.

II. 102. «Раскрывъ уста, безъ слезъ рыдая»: «Она сједи па гледа у њега» — и здѣсь въ переводѣ слишкомъ мало сказано.

II. 149. «На костяхъ моихъ изгнанныхъ заржавитъ тягостная цѣпь» — совсѣмъ невпопадъ сказано въ переводѣ: «Над костима мојим потуреним још ће и ту *зазвектати* ланци». Какъ это возможно?

II. 172. «Однажды слышитъ русскій плѣнникъ»: въ переводѣ одно слово лишнее: «Некад *опет* роб зачује тужни» — прибавка слова «опет» (опять) здѣсь не у мѣста. Въ стихѣ 174-мъ не переведенъ кличъ: «въ табунъ, въ табунъ», слова «истом јекне клика убојита» не выражаютъ опредѣленно того, что сказано въ подлинникѣ.

II. 191. Хорошій стихъ «И старцевъ сердце молодѣетъ» оставленъ, такъ сказать, безъ перевода, потому что слова «Му-

ком муче ником ни ријечи» вовсе не соотвѣтствуютъ смыслу подлинника.

II. 240—242. Стихи рисуютъ сцену, какъ черкешенка пилою пропилила оковы плѣнника. Переводчикъ, не знаю почему, передѣлалъ пилу въ ключъ, которымъ она отомкнула желѣзы: «Пилу дрожащей взявъ рукой»: «Па дохвати оне *кључе* клете» (гдѣ же она взяла ключи?); «Визжитъ желѣзо подъ пилой», совсѣмъ не то въ переводѣ: «Те отпуча оне ланце љуте».

II. 286. «Прощальнымъ взоромъ объемлетъ онъ въ послѣдній разъ пустой аулъ» — не вполнѣ удачно выбрано выраженіе: «Пошљедњи пут *виче*, *виче* с богом селу пустошноме» — о громкомъ прощаніи не было рѣчи.

Другого характера переводы *Трнскаго* и *Деспотовича*. Тутъ видно желаніе авторовъ подняться по возможности въ уровень подлинника, въ особенности это касается труда перваго переводчика, который, какъ сказано выше, желалъ сохранить даже число стиховъ русскаго текста. Но придерживаясь этой стороны подлинника, а также возлагая на себя цѣпи риѳмы, переводчикъ поневолѣ долженъ былъ кой въ чемъ другомъ отступить отъ русскаго текста, т. е. буквальной точности нельзя было отъ него ожидать, достаточно и того, что поэтическое воспроизведеніе довольно близко подходитъ къ русскому тексту въ отраженіи главныхъ мыслей его. Это удавалось автору лучше въ разныхъ мѣстахъ описательнаго содержанія, гдѣ рисуются картины природы, чѣмъ тамъ, гдѣ анализируются проявленія души и сердца. Какъ образецъ перваго случая приводимъ стихи I. 209—217:

Орлы съ утесовъ подымались
И въ небесахъ перекликались,
Шумъ табуновъ, мычанье стадъ
Ужъ гласомъ бури заглушались...
И вдругъ на долы дождь и градъ
Изъ тучъ сквозь молній извергались;

Волнами роя крутизны,
Сдвигая камни вѣковые
Текли потоки дождевые.

Orô plaho krila stresa,
Klikti s rta u nebesa,
Tutanj konjâ, rika stada
Bure buku svu zagluši;
Škronu kiša, eto grada,
S oblaka se naglo ruši,
Sila suklja u ponore,
Dižuć kamen starovjeki,
Teče kiša već u rieki...

Но если въ I. 200, гдѣ говорится о бѣлизнѣ Эльборуса на небѣ голубомъ, переводчикъ передѣлалъ это такъ: «Jelbrus (наоборотъ здѣсь непремѣнно Elbrus, такъ исправлено для новаго изданія) *golub běli* na nebesih» — то это невѣрно и не въ духѣ автора сказано, который врядъ-ли захотѣлъ бы огромнаго колосса сравнивать съ голубемъ! Въ переводѣ стиховъ I. 287—290 не выдержаны штрихи картины русскаго подлинника: «за нимъ *бросается* неутомимый и безмолвный. Глухая ночь. Рѣка *ревет*ъ, могучій токъ его несетъ» — это переведено такъ: «pak se *spušti tiho* niz panj dèržeć paru, samo rěka *tiho šušti*» — въ подлинникѣ не говорится ни о *тихом*ъ спускѣ въ рѣку, ни о *тихом*ъ теченіи ея. Или ст. I. 222—223 «И бури немощному вою съ какой-то радостью внималъ» переведено не хорошо: «pak se — bure buci i strahoti sit u sèrcu naveseli», а ст. 254 «Питомецъ горскихъ табуновъ» въ переводѣ не вполнѣ понятно: «naslědnik je divjoj sili»!

Есть и другіе примѣры, ихъ не мало, гдѣ переводчикъ слишкомъ удалился отъ русскаго текста, пожертвовавъ въ передачѣ его многими характерными чертами или же замѣнивъ ихъ другими, которыхъ въ оригиналѣ нѣтъ. Напр. въ самомъ началѣ перевода читаемъ: «Do šatora šator stoji, Do Čerkeza Čerkez

sĕda, Pak si družba pripovĕda» — въ подлинникѣ рѣчь идетъ о аулѣ, состоящемъ изъ саклей, маленькихъ хижинъ: «Въ аулѣ на своихъ порогахъ черкесы праздные сидятъ», стало быть переводчикъ внесъ отъ себя въ картину кочевой бытъ, говоря о шатрахъ! Такъ и въ II. 216 въ подлинникѣ говорится «по бѣлымъ хижинамъ», въ переводѣ же сказано «a po bĕlih šatorovih». Въ подлинникѣ очень реально: «вспомнилъ юноша свой плѣнъ» (I. 42), переводчикъ предпочелъ мало выразительную, но зато общеизвѣстную простонародную фразу: «Tad se junak jadu sĕti». Въ подлинникѣ: «Черкесы въ полѣ, нѣтъ надзора, въ пустомъ аулѣ все молчитъ» (I. 51—2), въ переводѣ это передѣлано такъ: «nigdĕ straže cĕlim poljem, pusto selo mukom muči», но въ полѣ. гдѣ черкесы работали, никто и не ожидалъ стражи!

Стихи I. 75—82, рисующіе порывы души Русскаго, пока онъ еще былъ у себя, утратили много въ переводѣ, напр. быть жертвой «непріязни двуязычной и простодушной клеветы» переведено такъ: «dušmansko dvostručenje i kleveta bezobrazna», выраженія эти гораздо сильнѣе словъ оригинала; въ ст. 81 «и въ край далекій полетѣлъ» опредѣленнѣе, чѣмъ въ переводѣ: «pak poteče *svud* slobodno».

Ст. I. 118—119: «И мыслитъ: это лживый сонъ, усталыхъ чувствъ игра пустая» въ переводѣ сказано: «misli da ju vidi na snu, da ju spomen na san dade» — два раза «san» (сонъ), а объ «усталыхъ чувствахъ» ничего.

Ст. I. 184—185: «Казалось, плѣнникъ безнадежный къ унылой жизни привыкалъ» — эти простыя слова передаются натянутыми, едва понятными выраженіями: «Rus nam s tanka poufanja nevoljničtvu priviko je», здѣсь даже невѣрно сказано, будто бы плѣнный уже привыкъ!

Ст. I. 260—261: «Въ одно мгновенье вѣрный бой рѣшитъ ударъ его могучій» — совсѣмъ не то, что въ переводѣ сказано: «I od straha tudjin tèrne, oči Čerkez zakèrvari»!

II. 20—21: «Слыву я дѣвою жестокой, неумолимой красотой» — вм. близкаго оригиналу перевода, который не представ-

лялъ никакихъ затрудненій, сказано: «sakrila sam *plam žestoki* nepristupnoj u hladnoći»!

II. 40—41: «Лежала въ сердцѣ какъ свинецъ тоска любви безъ упованья» — въ переводѣ ничего не сказано о безнадежной любви: «Kano zèrno ubojito u sèrcu ga žacnu bĕda» выражаетъ не продолжительное состояніе, а внезапный мгновенный ударъ, чего въ подлинникѣ нѣтъ.

II. 72—75: «Измучась ревностью напрасной, уснувъ безчувственной душой», переведено такъ: «izmući me *odpor vèrli*, duša *čezne* za sna duga» — это совсѣмъ не то, что сказано въ подлинникѣ. А ст. 76—77 «когда такъ медленно, такъ нѣжно ты пьешь лобзанія мои» въ переводѣ передѣлано: «a kad tebi med cĕlovah oganj sèrca nježno gasi», въ оригиналѣ ничего не говорится объ «огнѣ сердца», тушимомъ медомъ лобзаній!

II. 80—81: «Снѣдая слезы въ тишинѣ» нельзя переводить «suze roni u tišini»; поэтъ не даромъ употребилъ выразительный глаголъ: «снѣдать»; я указалъ выше на подходящій сюда глаголъ *гутати*.

II. 96: «Ты сердца слышала признанье» относится къ только что сдѣланному объясненію плѣннаго, нельзя-же переводить такъ: «ljubila s' me, prosti muku» (впрочемъ это мѣсто въ новомъ изданіи, въ Пушкинской антологіи, исправлено: «Sve ti rekoh: Prosti muku»).

II. 104—105: «Туманный неподвижный взоръ безмолвный выражалъ укоръ» — эти изящныя выраженія переведены очень неизящнымъ словомъ: «*pižđri* u njeg sva bez kèrvi, pogledom mu sèrce mèrvi»! Въ новомъ изданіи исправлено: «*gleda* u njeg...».

II. 145—146: «И гасну я какъ пламень дымный, забытый средь пустыхъ долинъ»: въ переводѣ главное пропущено: «i ko plame dim utuši, tako sa svog ginem jada» (въ новомъ изданіи: «I kô dim što plam utuši, Tako ginem sa svog jada»).

II. 169: «Лишь волны плещутся бушуя» — это совсѣмъ не то, что сказано въ переводѣ: «glas se njegov odjekuje».

II. 211: «Мечтаетъ русскій о побѣгѣ» — не такъ въ пере-

водѣ сказано: «a Rus běgat naumije», онъ не порѣшилъ, а только мечталъ о побѣгѣ!

II. 232—233 въ переводѣ послѣ стиха 231-го внесены слова: «il' se boji městu těsnom», которымъ нигдѣ въ оригиналѣ нѣтъ ни малѣйшаго повода.

II. 246—247: «Но взглядъ ея безумный любви порывъ изобразилъ» — все это утрачено въ переводѣ: «al joj težka muka po obrazu bělom rije».

II. 278: «Брега яснѣли и опѣненные бѣлѣли»: «brěg se světi i *polje je svud viděti*» — въ оригиналѣ не о *полѣ* говорится, а только о берегахъ рѣки, забрызганныхъ пѣной.

II. 285: «Струистый исчезаетъ кругъ» — какъ мѣтко выражено здѣсь исчезновеніе круговъ волны, а какъ невыразительно сказано въ переводѣ: «Krugovi se rěkom kruže» — будто бы отъ вѣтра.

Наконецъ есть недосмотры въ переводѣ, происходящіе или отъ разсѣянности, или отъ неточнаго пониманія словъ подлинника, въ родѣ слѣдующихъ:

I. 121: «Съ улыбкой *жалости* отрадной»: «a na licu *žalost* pusta». Переводъ невѣрный потому, что русское значеніе слова «жалость» переведено, какъ уже выше отмѣчено, не совпадающимъ сербско-хорватскимъ žalost.

I. 186: «Тоску неволи»: «težke muke», по той-же причинѣ нехорошо: русская «неволя» не соотвѣтствуетъ сербско-хорватскому «nevolja», или-же взамѣнъ его «muka».

II. 26—27: «Но умолю отца и брата, не то, найду кинжалъ иль ядъ» — переводчикъ не замѣтилъ высказанной въ русскомъ текстѣ альтернативы, поэтому онъ перевелъ прямо: «a ja ću si— smèrt zadati»!

II. 58—59: «Оставь меня, но пожалѣй о скорбной участи моей» — въ переводѣ сказано: «ostavi me, a znaj toli *da me s tebe sèrce boli*» — а «пожалѣй» не переведено.

II. 62: «какъ *открылъ* я надеждѣ» не значитъ «kad *razuměh* želje tije».

II 95: «ихъ раздѣлить не можешь ты» — невѣрно: «*razpèršiti* ih nećeš moći», переводчикъ имѣлъ въ виду обыкновенное значеніе сербско-хорватскаго глагола «razdijeliti».

II. 102: «*Раскрывъ* уста безъ слезъ рыдая», неудачное подражаніе русскому глаголу вызвало слѣдующій нелѣпый переводъ: «*razkrivi* se i leleknu»! (въ новомъ изданіи немного лучше: «raztuži se i leleknu»).

II. 130: «ты любишь Русскій? Ты любимъ?» — вторая половина стиха переведена невѣрно: «Ljubiš Rusu? *ljubim i ja?*» Не о ея любви тутъ рѣчь, а о томъ, взаимная-ли любовь у него!

II. 148: «мнѣ будетъ гробомъ эта *степь*»: «grob mi bit će ova *tvèrdja*»! Но степь не крѣпость (tvèrdja)!

II. 182: «сбирать насильственныя *дани*» — по странному недоразумѣнію сдѣланъ слѣдующій совсѣмъ невѣрный переводъ: «spomen meću silnih danah» (въ новомъ изданіи: «meću spomen silnih dana»), значитъ, переводчикъ понялъ *дань* въ смыслѣ сербскаго *дан* т. е. *день!*

II. 210: «*сѣвъ* на брегѣ»: и здѣсь переводчикъ не угадалъ значенія причастія «сѣвъ», онъ перевелъ: «*sév* se sije»! Причастіе *сѣвъ* смѣшано съ именемъ существительнымъ: *посѣвъ*! (въ новомъ изданіи не лучше: Sunce sije)!

* * *

Третій переводъ, сдѣланный Петромъ *Деспотовичемъ*, занимаетъ между попыткой Ст. Новаковича и Ив. Трнскаго — среднее мѣсто. Онъ обходится съ оригиналомъ въ передачѣ его гораздо свободнѣе, чѣмъ переводъ Трнскаго, но все-таки въ отступленіяхъ на столько сдержанъ, что старался подражать подлиннику сохраненіемъ риомы. Общее впечатлѣніе этого перевода довольно пріятное, мѣстами изложеніе проще и естественнѣе чѣмъ у Трнскаго, иногда соблюденъ даже смыслъ вѣрнѣе, но все-таки съ точки зрѣнія переводческаго искусства я не могъ бы этому труду дать предпочтеніе передъ переводомъ Трнскаго. Докажемъ это примѣрами.

I. 7—8: «воспоминаютъ прежнихъ дней неотразимые набѣги» переведено совсѣмъ не такъ, какъ ожидалось бы по словамъ подлинника: «О прошлости пуној злата, што не дође у тал нама». Гдѣ нашелъ переводчикъ въ подлинникѣ нѣчто подобное его переводу?

I. 17: «онъ быстро на арканѣ младого плѣнника влачилъ» — этой наглядной картины и слѣда не осталось въ переводѣ: «Черкез један роба тера, роб је везан у ланцима». Это даже неправда, плѣнникъ сначала вовсе не былъ окованъ въ желѣзахъ! Въ слѣдующемъ стихѣ поэтъ довольствуется восклицаніемъ: «Вотъ Русскій», переводчикъ же прибавилъ еще: «Ево Руса, ево звера», между тѣмъ какъ въ оригиналѣ черкесъ названъ «хищникомъ».

I. 22—24: положеніе плѣннаго обрисовано словами: «Но плѣнникъ хладный и нѣмой, съ обезображенной главой, какъ трупъ недвижимъ оставался» — съ какой стати въ переводѣ кое-что прибавлено, и даже безъ соображенія съ естественнымъ положеніемъ: «А роб смуђен саг̀о *главу*, *чело* му је замишљено, црна *коса* расчупана, а *хаљина* подерана»? Переводчикъ не замѣтилъ, что плѣнный не могъ даже стоять на ногахъ, что онъ былъ въ «забвеніи тяжеломъ»! Конечно и хорошее двухстишіе «надъ нимъ летаетъ смертный сонъ и холодомъ тлетворнымъ дышетъ» переведено совсѣмъ не вѣрно: «као у сну он се нија, леден зној га свог пробија». Не обративъ вниманія на обморокъ плѣннаго, переводчикъ не могъ точно передать стихъ 36: «Несчастный тихо приподнялся», онъ предпочелъ пропустить этотъ стихъ.

I. 42: «воспомнилъ юноша свой плѣнъ» нельзя сказать: «заборавља своје стање» — въ оригиналѣ какъ разъ наоборотъ!

I. 51: «Черкесы въ полѣ» не переведено, а къ переводу словъ «нѣтъ надзора»: «стоји роб мој без надзора» прибавлено противъ подлинника: «с порушеном својом надом»!

I. 62—63: «гдѣ пламенную радость онъ гордо началъ» переведено сносно: «где ј' пламену он провео младост», но какъ неумѣстно было послѣ этого стиха прибавить еще: «и где но га

мила мајка роди». Какая логика послѣ «проведенной младости» говорить о томъ, гдѣ мать его родила?!

I. 74—75: О Русскомъ плѣнникѣ во время его молодости сказано: онъ нашелъ «въ мечтахъ любви безумный сонъ», въ переводѣ же: «Једну машту што имаде и сан преварљиви». Переводъ этотъ не даетъ никакого смысла. — И въ слѣдующихъ стихахъ попытка перевода вышла вполнѣ неудачной: въ подлинникѣ говорится «наскучивъ жертвой быть», въ переводѣ же ничего не сказано о томъ, что̀ надоѣло ему, а прямо приписывается ему: «Он се нијѣ у наручју давно презрене сујете, на поштење је клевете бац'о у свом двојезичју» — видно, переводчикъ не понялъ здѣсь русскаго текста.

I. 96—99: Эти стихи сокращены и передѣланы въ переводѣ до неузнаваемости. «Онъ ждетъ, чтобъ съ сумрачной зарей погасъ печальной жизни пламень, и жаждалъ сѣни гробовой»: «Тешка глава измучена малаксава, а срце му бије груди, смео роб за гробом жуди»!

I. 107—108: «вдали сверкаетъ горный ключъ сбѣгая съ каменной стремнины» — переводъ этихъ двухъ стиховъ нѣсколько расширенъ: «Са брда се поток слива па се сјаје па прелива, један талас други вија». За-то остались непереведенными оба слѣдующіе: «Одѣлись пеленою тучъ Кавказа спящія вершины». Ст. 114: «Очнулся Русскій» получилъ въ переводѣ совсѣмъ другое значеніе: «И у лице моме младе Рус умильним гледну оком», это собственно передача стиховъ 117—118, такъ что для ст. 114, 115, 116 никакого перевода нѣтъ. И стихъ 119: «усталыхъ чувствъ игра пустая» въ переводѣ пропущенъ.

I. 127: «Пріятной рѣчи звукъ волшебный» переведенъ слишкомъ просто: «што му мома та беседи», за-то для слѣдующаго стиха: «и взоры дѣвы молодой» употреблены не менѣе какъ три стиха: «и како јој изилази зрак за зраком из очију, што у срце момка бију»!

I. 135: «Привсталъ и чашей благотворной томленье жажды утолилъ» — отчасти не переведено, отчасти сказано иначе: «па у

грло све источи што пружаше руке миле». Въ стихахъ 141—142 сказано только: «И долго, долго передъ нимъ она задумчива сидѣла», переводчикъ сдѣлалъ изъ этого: «што ј' дрктала пред њим као сламка мала» (это совсѣмъ произвольно прибавлено, а потомъ): «и дуго је још стајала замишљена, невесела» — —

I. 157—159 содержатъ все, что́ черкешенка приноситъ плѣнному, въ переводѣ послѣдняго изъ этихъ стиховъ: «и бѣлоснѣжное пшено» вовсе нѣтъ, сказано только «носећ кумис, мед и вино», зато прибавленъ лишній стихъ: «ком је онда дан засијн'о».

I. 162 въ подлинникѣ сказано «съ неясной рѣчью» — въ переводѣ замѣнено словами: «нико речи не беседи», что невѣрно. Далѣе въ ст. 163 говорится о томъ, что былъ «очей и знаковъ разговоръ», въ переводѣ же сказано только: «зборили су са погледи».

I. 170—173. Противоположность между плѣнникомъ и черкешенкой въ состояніи ихъ сердецъ великолѣпно обрисованы у русскаго поэта стихами: «Но русскій жизни молодой давно утратилъ сладострастье, не могъ онъ сердцемъ отвѣчать любви младенческой открытой» — въ переводѣ большая часть этихъ мѣткихъ выраженій утрачена или замѣнена другими слишкомъ пустыми словами: «Ал' кад Руса тог већ није, она сретна, најсретнија, а у Руса срце бије (sic!) што не може да с' одзове звању млада срца њена». Къ этому прибавлены въ переводѣ слѣдующіе два стиха безъ причины: «код њега је сарањена свака искра љубве ове» — эти слова просто безъ смысла.

I. 176—183, стихи, выражающіе невозвратность первой любви, противополагаютъ ей другія чувства; въ переводѣ и эта противоположность уничтожена, вм. русскихъ оборотовъ: «не вдругъ», «не вдругъ» — «но» въ переводѣ сказано «често бива и не знамо како», т. е. незамѣтно уходитъ молодость, но не объ этомъ рѣчь въ подлинникѣ, что она незамѣтно уходитъ, а о томъ, что не уходитъ вдругъ, скоро, что признаки ея существованія могутъ повторяться — всего этого въ переводѣ нѣтъ!

«Често бива и не знамо,
Када прође наша младост;
Често кад се не надамо
Засијне нам већа радост;
Само прва љубав мила
Живот млади кад позлати,
Је л' нас једном оставила,
Никада се не поврати!

I. 195—196: «Очамъ казались ихъ вершины недвижной цѣпью облаковъ» — слова эти не переведены, а замѣнены совсѣмъ различнымъ изреченіемъ: «Кроз векове већ толике отуд никад што не бега», — изреченіе довольно пошлое.

I. 199: «Эльбрусъ» названъ поэтомъ — двуглавымъ колосомъ, переводчикъ различаетъ двуглаваго колоса отъ Эльбруса!

I. 204 и слѣд. разсказываютъ о плѣнникѣ, выносящемъ, сидя неподвижно на горѣ, всѣ ужасы грозъ — переводчикъ заставляетъ его сидѣть «под кровом тих клисура», что невѣрно, а пока въ подлинникѣ сказано только «у ногъ его дымились тучи, въ степи взвивался прахъ летучій», переводчикъ прибавилъ къ переводу второго изъ этихъ стиховъ (первый совсѣмъ пропущенъ): «у пустињи вихор хуји» слѣдующую картину отъ себя: «под ногама поток струји, што се пени сав од буре!» — въ подлинникѣ о пѣнящемся ручьѣ и помину нѣтъ.

I. 232 и слѣд. разсказъ о томъ, чѣмъ плѣнникъ любовался, въ переводѣ же внесенъ одинъ совсѣмъ лишній стихъ: «како стада своја пасе», но это ужъ никакъ не могло удивлять плѣннаго! Да и вм. стиховъ «какъ иногда черкесъ проворный, широкой степью, по горамъ, въ косматой шапкѣ, въ буркѣ черной, къ лукѣ склонясь, на стремена ногою стройной опираясь, леталъ по волѣ скакуна» — вм. этихъ стиховъ, полныхъ жизненной правды, вотъ что написалъ переводчикъ: «како их се млого, млого, по пустињи и по горп ратовању вештом уче: ен' онај се тамо бори, а у нишан онај туче».

I. 276—277 въ переводѣ переданы такъ, какъ будто бы плѣнникъ, котораго черкесъ тащилъ на арканѣ за собой, погибъ въ ручьѣ, что невѣрно: «јахача је прен'о веће, *али бедни путник више путовати нигда неће*», въ подлинникѣ нарочно сказано, что мощный конь вынесъ его на берегъ.

I. 285. Перечисляются подробно всѣ части боевыхъ доспѣховъ черкеса, которыя онъ снимаетъ съ себя; переводчикъ замѣнилъ это общимъ выраженіемъ: «он *панцире* (sic!) с' себе скине и оруже скупоцено», зато прибавилъ отъ себя слѣдующіе два стиха: «па да дело умишљено извршити боље може». Въ подлинникѣ не сказано довольно отчетливо, какія части оружья черкесъ бросилъ передъ собою въ воду, но изъ стиховъ 295—296: «и мимо ихъ во мглѣ чернѣя плыветъ оружіе злодѣя» видно, что нѣкоторыя части плыли рѣкою, по крайней мѣрѣ упомянутые въ ст. 286: «колчанъ и лукъ». Всѣми этими вопросами переводчикъ не задавался, у него все это сглажено.

I. 307—308: «и падаетъ казакъ съ окровавленнаго кургана» переведено съ лишнею вольностью такъ: «А козак је очи свео, душе нема већ у телу»!

I. 312: «и тлѣютъ угли въ пепелищѣ» — этотъ стихъ не переведенъ, зато выраженіе подлинника «непастною порой» (311) растянуто въ два-три стиха: «не можеш се никуд маћи, јер на пољу ветар шушти а из неба киша пљушти».

I. 320: переводчикъ не довольствовался переводомъ предложеннаго гостю «чихиря», онъ считалъ своимъ долгомъ еще прибавить: «и шта наће још у кујни», а въ стихѣ 324 вм. «утромъ» (какъ въ подлинникѣ) переведено «поэтичнѣе» (!): «славуј кад запоје»!

I. 344: «и въ радости младенцы плещутъ» — этотъ знаменательный стихъ, рисующій дикость нравовъ, поддерживаемую съ юнаго возраста, у переводчика совсѣмъ устраненъ блѣднымъ стихомъ: «и ту шалу черкез љуби».

I. ст. 357 и слѣд. поэтъ не рѣшаетъ вопроса, жалѣлъ-ли плѣнный въ тихой задумчивости свою прежнюю дружбу или-же

сосредоточилъ свои наблюденія надъ образомъ жизни черкесовъ; переводчикъ, отбросивъ эту альтернативу, навязываетъ плѣннику воспоминанія прежней жизни и прибавляетъ отъ себя: «но где су ти лепи дани, где другари раздрагани? Ох, све га је оставило, све је њега преварило». Ничего подобнаго нѣтъ въ русскомъ текстѣ.

II. 1—8. Въ описаніе любовныхъ свиданій плѣнника съ черкешенкой переводчикъ внесъ черты, которыхъ въ подлинникѣ нѣтъ и не могло быть, напр. слова: «ти му дркћеш на прсима, он ти стиск'о руке вите», или ст. 11: «склонись главой ко мнѣ на грудь» въ переводѣ: «нагни главу ту на груди» съ слѣдующей прибавкою: «с мојим срцем да говориш; ах, разведри невесело, тужно мутно твоје чело»!

II. 43: «*наконецъ* онъ изліялъ свои страданья» не хорошо пареведено: «сад *наново* поће јадат своја страдања». Въ словахъ плѣнника, отнимающихъ черкешенкѣ всякую надежду любви, переводчикъ опять прибавилъ кое-что неумѣстное отъ себя, напр.: «Твоје усне замедљане нека другог момка ра̑не слатком ра́ном рајска миља»; въ концѣ монолога ст. 66—67 вм. словъ «твой другъ отвыкъ отъ сладострастья, для нѣжныхъ чувствъ окаменѣлъ», сказано нѣчто совсѣмъ особое: «У пустињи нигде нећеш наћи цвећа. О, а ја сам камен сињи, који ништа не осећа»!

II. 71—72. Стихи эти совсѣмъ пропущены, а ст. 79—81 передѣланы неудачно: «шта те увек тако смете?» (этого совсѣмъ нѣтъ), «ал' на лицу њезиноме расејаност видим гнилу» (послѣ стиха 81), выраженія «разсѣянный, унылый» въ подлинникѣ присвоены плѣннику. Вообще несогласіе между воспоминаніемъ и реальнымъ положеніемъ въ переводѣ совсѣмъ испорчено.

II. 116. Въ подлинникѣ нарочно сказано «немного радостныхъ ночей» — а переводчикъ преувеличилъ и здѣсь: «па кол'ко сам слатких ноћи ја провела у радости»!

II. 136: «Уста безъ словъ роптали пени» въ переводѣ пропущено, такъ и ст. 170—171 остались непереведенными.

II. 181—182: «и скачутъ по брегамъ Кубани сбирать насильственныя дани» переведено неточно, съ ненужными прибавками: «да араче, отимају, жаре, пале, убијају».

II. 187—188: «Ихъ прадѣды въ кругу сидятъ, изъ трубокъ дымъ віясь синѣетъ» — этой наглядной картинкѣ нѣтъ слѣда въ переводѣ: «А прадеди сви у колу задовољно само гледе на унучад своју голу».

Въ черкесской пѣснѣ безъ причины «Чеченецъ» замѣненъ названіемъ «Черкез». Во второй строфѣ этой пѣсни пропущены въ переводѣ «влача по дну рѣчному сѣти» и «какъ тонутъ маленькія дѣти купаясь жаркою порой».

II. 210—213: стихи потеряли много въ переводѣ, плѣнный могъ мечтать о побѣгѣ, но «цѣпь невольника тяжка, быстра глубокая рѣка», вотъ что останавливало его мечты, въ переводѣ же сказано, что онъ искалъ тропинки, гдѣ-бы могъ незамѣтно убѣжать: «а мисли су роба текле по брегови, тражећ мале, неприступне какве стазе, кад побегне, да га не опазе; мишице му задрктале: скочи, плови!» — Все это — мечты переводчика! или какъ онъ самъ заканчиваетъ эту вставку: «али то су празни снови», только не «снови» (мечты) русскаго поэта, а смѣлаго переводчика, замѣнившаго этими стихами и еще послѣдующими за ними слова подлинника въ ст. 213—221. Между оригиналомъ и переводомъ нѣтъ почти ничего общаго. Словамъ, рисующимъ ночной мракъ степи, нѣтъ никакого соотвѣтствія, о блѣдномъ свѣтѣ луны тоже ни слова, о степяхъ ничего, только стиху 219: «умолкнулъ поздній крикъ орловъ» сохранился не вполнѣ точный откликъ въ переводѣ «тек се само из даљина тавни кликот орла чује», а вм. топота табуновъ (ст. 220—221) сказано: «и таласи реке струје».

II. 235 и слѣд. у переводчика многоглаголивѣе, чѣмъ въ подлинникѣ: «бѣги... нигдѣ черкесъ тебя не встрѣтитъ», а въ переводѣ: «бежи, бежи, глуво доба, мир је свуд као у сред гроба, миран сада можеш ићи, на черкезе сад наићи нигде нећеш». Въ подлинникѣ сказано «возьми кинжалъ» и только, а въ переводѣ

прибавлено цѣлое объясненіе: «ако би се с киме срео, да ти буде у помоћи». И въ стихѣ 246 ничего не прибавлено къ восклицанію «бѣги», а переводчикъ опять распространился такъ: «за чим твоје срце гори, постиг'о си, па сад бежи, час је згодан, не отежи»! А въ отвѣтѣ плѣннаго опять лишнее многорѣчіе въ сравненіи съ оригиналомъ: «я твой на вѣкъ, я твой до гроба» (251), въ переводѣ: «не... не могу, мила моја, јер ме држи љубав твоја; твој сам, твој сам ја до гроба». Опять такое же расширеніе подлинника: «найди ее, люби ее» (258): «Зар је љубав тако трула да се тако мењат даде? иди, иди, па ју нађи, с њом уживај час најслађи у љубави, мене овде сад остави». И въ самой сцѣнѣ прощанія есть лишнія прибавки, напр. «и с последњим «збогом, мила» своју љубав»...

Приведенными примѣрами, кажется, вполнѣ оправдано мое мнѣніе, что переводъ Деспотовича не можетъ быть сравниваемъ съ попыткой Трнскаго, хотя отъ послѣдняго можно было ожидать, когда онъ вновь рѣшился включить свой переводъ въ Пушкинскую антологію, что поправки не ограничатся почти только правописаніемъ или перестановкою словъ.

VIII.

ЕВГЕНІЙ ОНѢГИНЪ.

ВЪ ТРЕХЪ СЕРБСКО-ХОРВАТСКИХЪ ПОЛНЫХЪ ПЕРЕВОДАХЪ ПО ИЗДАНІЯМЪ 1860, 1881 И 1893 ГОДОВЪ.

I.

Первыя попытки переводить изъ А. С. Пушкина на сербско-хорватскій языкъ относятся къ началу сороковыхъ годовъ. Но литературная дѣятельность у сербовъ и хорватовъ была тогда еще на столько слаба и ничтожна, что нельзя было тотчасъ же ожидать появленія переводовъ цѣлыхъ сочиненій, надо было довольствоваться отдѣльными стихотвореніями небольшого объема, переводы которыхъ попадали на страницы скромныхъ повременныхъ изданій, въ родѣ маленькихъ еженедѣльныхъ литературныхъ приложеній къ газетамъ. Поэтому и романъ Пушкина «Евгеній Онѣгинъ» не могъ сразу обратить на себя вниманіе домашнихъ поэтовъ. Сколько мнѣ извѣстно, онъ былъ впервые переведенъ на хорватскій языкъ переводчикомъ «Руслана и Людмилы», *Спиромъ Димитровичемъ*. Этотъ переводъ вышелъ въ 1860 году въ Загребѣ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Eugenio Onjegin od Aleksandra Puškina». Preveo iz ruskoga Špiro Dimitrović Kotaranin (prevoditelj Ruslana i Ljudmile, Poltave i Vilima Tella). U Zagrebu. Vlastitost i troškom knjigarnice Lavos. Hartmána 1860. 8⁰. 187. Въ тѣ же годы сталъ заниматься переводомъ «Евгенія Онѣгина» извѣстный поэтъ иллирскаго возрожденія, нынѣшній Несторъ хорватскихъ писателей, *Иванъ Трнски*. Образцы его перевода печатались въ 1862 году въ литературной газетѣ (еженедѣльной), которая издавалась въ Карловцѣ подъ заглавіемъ «Glasonoša» (во II томѣ, №№ 25, 26, 27, 29, 30, 32, 33, 34, 35). Переводъ здѣсь не доведенъ до конца,—напечатана

только первая глава, — и то, что напечатано, не вышло отдѣльнымъ изданіемъ. У меня нѣтъ подъ руками «Glasonoši», поэтому и не могу судить объ этомъ переводѣ. Но въ 1881 году, значитъ лѣтъ черезъ двадцать, литературное общество «Matica hrvatska» издало отдѣльной книжкой полный переводъ «Евгенія Онѣгина», новый или отчасти вновь переработанный трудъ того же поэта И. Трнскаго: «Aleksander S. Puškin. Evgenij Onjegin. Roman u stihovih». Preveo i vjekopisom popratio Ivan Trnski. Zagreb. Nakladom «Matice hrvatske». 1881. 8°. XXXII. 176. Переводчикъ не упоминаетъ ни слова о своемъ прежнемъ, въ «Гласоношѣ» напечатанномъ трудѣ, къ переводу прибавлены въ видѣ введенія біографія А. С. Пушкина по русскимъ и нѣмецкимъ источникамъ, стихи М. Лермонтова на кончину А. С. Пушкина (въ переводѣ), выдержки изъ письма А. Жуковскаго къ отцу поэта, отзывъ Боденштедта о Пушкинѣ, и наконецъ выдержки изъ разсужденій Гоголя и Герцена о Пушкинѣ. — Упомянутые два перевода напечатаны латинскимъ шрифтомъ въ Загребѣ, поэтому и считаются, по принятому взгляду на литературу сербовъ и хорватовъ, принадлежностью литературы хорватской, о которой еще и теперь читающая публика сербская такъ же мало заботится и знаетъ, какъ въ свою очередь хорватская публика не обращаетъ вниманія на произведенія литературы сербской, т. е. на изданія печатаемыя кириллицею, въ Бѣлградѣ или Новомъ Садѣ, хотя, какъ теперь уже всѣмъ извѣстно, языкъ всѣхъ этихъ изданій въ сущности одинъ и тотъ же. Но въ 1893 году вышелъ еще и третій переводъ «Евгенія Онѣгина», на этотъ разъ кирилловскимъ шрифтомъ и въ Бѣлградѣ, сталобыть — сербскій, т. е. по выше указаннымъ примѣтамъ несомнѣнно принадлежащій сербской литературѣ. Переводчикомъ значится нѣкто *Р. І. Одавичъ*, одинъ изъ представителей молодого поколѣнія сербскихъ поэтовъ. И этотъ переводъ выходилъ сначала въ литературномъ бѣлградскомъ журналѣ «Отаџбина» (въ XXXI и XXXII томахъ), отдѣльной же книжкой изданъ въ 1893 году подъ заглавіемъ: «А. С. Пушкин. Јевђеније Оње-

гин. Роман у стиховима». Превео Р. І. Одавић. (Прештампано из Отаџбине). Београд. Штампано у краљевско-српској државној штампарији. 1893. 16°. 248. VI. Изданіе безъ предисловія; прибавленныя въ концѣ примѣчанія заимствованы изъ русскаго текста.

Желая представить сравнительную оцѣнку этихъ трехъ переводовъ, я начну съ общихъ замѣчаній, относящихся ко всѣмъ тремъ. Рѣчь идетъ о внѣшней формѣ и о языкѣ этихъ переводовъ. Первый переводчикъ, Спиро Димитровичъ, придерживался и здѣсь тѣхъ же пріемовъ, которые намъ уже извѣстны изъ разобраннаго перевода «Руслана и Людмилы» и «Полтавы». «Евгеній Онѣгинъ» переведенъ у него въ стихахъ простонароднаго сербскаго размѣра, т. е. въ пятистопныхъ стихахъ трохаическихъ, безъ риѳмы. Оба послѣдующіе переводчика, Трнски и Одавичъ, сдѣлали шагъ дальше, они постарались подойти нѣсколько ближе къ русскому подлиннику по формѣ, т. е. они прибавили риѳму. Но что касается качества стиха, у нихъ дано предпочтеніе четырехстопному трохаическому размѣру. Такимъ образомъ ихъ переводъ числомъ слоговъ совпадаетъ по крайней мѣрѣ съ частью стиховъ русскаго подлинника, въ которомъ, какъ извѣстно, стихи восьмисложные и девятисложные чередуются въ перемежку. Полнаго равенства съ русскимъ текстомъ, стало быть, еще не достигнуто. Даже между четырехстопными стихами русскими и сербско-хорватскими существуетъ большое риѳмическое различіе въ томъ, что въ текстѣ русскомъ стопы характера ямбическаго, въ сербскомъ же или хорватскомъ онѣ— трохаическія. Разница эта, конечно, обусловлена характерною чертой нынѣшняго сербско-хорватскаго литературнаго языка, въ которомъ нѣтъ ударенія на послѣднемъ слогѣ, стабо-быть нѣтъ ямбовъ, нѣтъ въ риѳмѣ окончаній мужескихъ, если не создавать ихъ искусственнымъ образомъ, приставками односложныхъ словъ то въ началѣ, то въ концѣ стиха. У Пушкина въ строфѣ четырнадцатистишной, принятой для «Евгенія Онѣгина», чередуются женскія риѳмы девятисложныхъ стиховъ съ муже-

скими восьмисложными въ слѣдующемъ порядкѣ: женская (*a*), мужеская (*b*), женская (*a*), мужеская (*b*), женская (*c*), женская (*c*), мужеская (*d*), мужеская (*d*), женская (*e*), мужеская (*f*), мужеская (*f*), женская (*e*), мужеская (*g*), мужеская (*g*). Въ переводахъ Трнскаго и Одавича, не различающихъ мужескихъ и женскихъ риѳмъ, соблюденъ все-таки порядокъ чередованія звуковыхъ риѳмъ: *ababccddeffegg*.

Спиро Димитровичъ, отказавшись отъ риѳмы, очутился по отношенію къ русскому подлиннику въ довольно выгодномъ положеніи. Онъ могъ этой льготой воспользоваться для усиленія точности въ передачѣ всѣхъ прочихъ тонкостей русскаго подлинника. Нельзя въ самомъ дѣлѣ отрицать, что у него было стремленіе къ вѣрной передачѣ подлинника. Въ этомъ отношеніи переводъ его ближе подходитъ къ словамъ русскаго текста, чѣмъ оба прочіе перевода. Къ сожалѣнію авторъ понялъ точность нѣсколько своеобразно. Онъ дорожилъ буквальною передачею въ томъ смыслѣ, что старался передать русскій текстъ въ переводѣ даже тѣми же или этимологически по крайней мѣрѣ очень близкими выраженіями сербско-хорватскаго языка, не обращая при этомъ должнаго вниманія на смыслъ, который можетъ быть различенъ при внѣшнемъ созвучіи. Одинаковыя слова русскаго и сербско-хорватскаго языковъ очень не рѣдко расходятся въ значеніяхъ. Такимъ образомъ желаемое созвучіе становится лишь внѣшнею оболочкою, прикрывающею совсѣмъ различное внутреннее значеніе. Въ доказательство этого пристрастія переводчика къ созвучію, оказавшему ему часто очень плохія услуги, приведемъ нѣсколько примѣровъ:

«Евгеній Онѣгинъ» I. 11: «*Невольной ласки ожидать*», по переводу Димитровича: «*očekivati nevoljno laskanje*» выходитъ совсѣмъ не то, что хотѣлъ сказать поэтъ. Конечно и прочіе переводы не передаютъ мысли подлинника: «pak ju sleće da se oda» (Трнски) или «ласкати јој тад' се стара» (Одавичъ). Переводъ «nevoljno laskanje» значилъ бы по русски: бѣдная или печальная лесть! Въ II. 30 переводчикъ не понялъ фразы «поневолѣ»; «но *поне-*

волѣ она вздыхала по другомъ» онъ перевелъ: «ali *po nesreći* za drugim je uzdisala ona», и Трнски перевелъ невѣрно: «zaručena s mužem bila *u zo* čas si *preko volje*», у Одавича: «али опет по невољи». Сл. еще IV. 25: «сладостной неволѣ»: «presladkoj *nevolji*».

I. 11 въ концѣ строфы: «И послѣ ей наединѣ *давать уроки* въ тишинѣ» не значитъ: «a napokon još ju *izkoriti* u samoći i tišini niemoj». Переводчикъ не взглянулъ въ словарь, что́ значитъ «уроки давать». Лучше у Трнскаго: «Sgodnije će kako moći nju *zaludit* na samoći», подражая ему также Одавичъ: «Да б' у миру мог'о тако *залудити* цуру лако».

I. 15: «Вездѣ поспѣть *немудрено*» — значеніе слова «немудрено» не понято въ переводѣ: «prispiet svagdje *ni pametno* nije», прочіе переводы удалились отъ текста русскаго, но смыслъ не нарушенъ.

I. 16: «Его бобровый *воротникъ*» невѣрно: «dabrovinom odieveni *vratar*», переводное слово означаетъ не воротникъ, а — швейцара! Хорошо у Трнскаго: «S dabrova mu *zavratnika*», подражая ему и Одавичъ: «Са дабровог *овратника*».

I. 16: «и пробка въ *потолокъ*» не значитъ «čerovi *po podu*», пробки не падали внизъ на полъ; хорошо у Трнскаго: «čer *u tavan*». Одавичъ только въ общихъ словахъ: «шампањ страда».

I. 18. «Тамъ Озеровъ *невольны дани*... съ младой Семеновой дѣлилъ» переведено по внѣшнему созвучію, но совсѣмъ не хорошо: «Ozerov je tamo *u dni tužne*...» Переводчикъ спуталъ русское слово *дань* и сербско-хорватское *дан* (день)! Трнски и Одавичъ обошли эту фразу другими выраженіями.

I. 28: «*швейцара* мимо» у переводчика: «kraj *Švicera*», какъ будто бы это было имя собственное. Здѣсь и Трнски не понялъ выраженія: «uz Švicara eno juri», но у Одавича правильно: «и пролете крај *чувара*».

I. 35: «Ужъ отворилъ свой *васисдасъ*» — этого изъ французскаго въ русскій языкъ занесеннаго выраженія переводчикъ не понялъ, судя по непереводному слову: «otvorio svoga *vasisdasa*». И Трнски ошибся, полагая что рѣчь идетъ о нѣмецкомъ

произношеніи словъ, поэтому онъ перевелъ: «*vasagterat* nešto stao» (глаголъ vasagterat сдѣланъ изъ фразы «was sagt er» должно быть Трнскимъ). Не хорошо было также *колпакъ* оставить въ непереводномъ видѣ *kalpak*, лучше Трнски и Одавичъ: «капа».

I. 37: «Но *разлюбилъ* онъ наконецъ и брань, и саблю, и свинецъ», вслѣдствіе невѣрно понятаго глагола «разлюбилъ» въ переводѣ сказано какъ разъ противоположное: «zato se je ipak *zaljubio* u oružje, olovo i sablju». Трнски и Одавичъ выразили это другими словами, но смыслъ переданъ вѣрно.

I. 38: «въ *гостиныхъ* появлялся онъ» — переводчикъ, не обративъ вниманія на разницу значеній между «гостиная» и «гостиница», перевелъ невѣрно: «u toj bi se *gostioni* javljo», и у Трнскаго: «sjetan *gostione* nujnik», Одавичъ оригинально по бѣлградскому, но безвкусно: «у *кафане* често оде»!

I. 42: «*Причудницы* большого свѣта», не принявъ въ разсчетъ, что слово «причудница» женскаго рода, переводчикъ передаетъ его такъ: «*Čudni ljudi* visokoga svieta». Лучше Трнски, хотя выборъ слова мнѣ не нравится: «*Smušenice* višeg roda». Одавичъ обошелъ слово. — III. 23 то-же слово «*причудницъ* я видалъ» переведено такъ: «*mušičastih liepot'* sam vidjevô», у Трнскаго натянуто и невѣрно: «*stvor samoživ* mnoga stala», ему же подражалъ и Одавичъ: «*саможива* чудна лика».

I. 48: «лишь ночные перекликались *часовые*», не значитъ: «samo noćni svoja doba udarahu *sati*», переводчикъ спуталъ «часовые» и «часы». И у Трнскаго нѣтъ причины словамъ: «*Neke čase*, straža straži oglaša se».

I. 51: «У каждаго свой *умъ* и *толкъ*» нельзя переводить такъ: «u svakog je *tumačenje umno*»; лучше Трнски: «Svak je svoje glave, ćudi», Одавичъ пропустилъ цѣлую фразу.

I. 56: «*сличая* здѣсь мои черты» переведено причастіемъ этимологически близкимъ, но въ значеніи отступающимъ: «ovdje *slikaući načertanja* moja» (надо было перевести приблизительно такъ: *poredeći* ovdje crte moje): *сличать* и *slikati* не одно и то же.

I. 60: «*кривые толки*, шумъ и *брань*» невѣрно передано: «Viku, *sablju* (!), *tumačenje krivo*», лучше у Трнскаго: «*kriva suda, korbe, vike*», похоже и Одавичъ: «*С крива суда, хуке, граје*».

II. 2: «вездѣ высокіе *покои*» — переводчикъ не понялъ значенія «покои» въ смыслѣ «комнаты», поэтому перевелъ неточно: «svud tišina stere se i *pokoj*», лучше Трнски: «svaka *izba* u vis sili» (хотя слово *izba* не хорошо выбрано), менѣе выразительно у Одавича: «свака ј' соба *спретна* била». — Тамъ же «печи въ пестрыхъ *изразцахъ*» переведено на видъ очень близко: «na drag način *izrezane* peći», но на дѣлѣ этотъ переводъ не передаетъ точно подлинника, «пестрые изразцы» надо бы перевести «шарени кањеви» или «шарени пећњаци», какъ дѣйствительно и сказано у Трнскаго: «i šarenih peć *petnjaka*»; не такъ выразительно у Одавича: «пећ резана светлуца се». — Тутъ же «въ томъ нужды было очень мало» въ буквальномъ переводѣ «vele malo ostalo je nužde» не передаетъ смысла подлинника; фразу «нужды нѣтъ» только изрѣдка можно перевести «nema nužde» или «nije nužde», какъ это сдѣлано въ VI. 25. Трнски перевелъ свободно, но вѣрно: «malo što se srdca tiče», но на второмъ мѣстѣ и у него осталось: «nije nužde». Одавичъ неудачно на первомъ мѣстѣ: «беше требе врло мало», на второмъ пропущено.

II. 3: «нигдѣ ни пятнышка *чернилъ*»: «nigdje jedna ne *cèrni* se piega». На первый взглядъ переводъ точенъ, но всматриваясь ближе замѣчаемъ, что «чернилы» слѣдовало перевести буквально. Этой надобности не замѣтили ни Трнски, ни Одавичъ.

II. 8: «*за честь* его принять оковы» нельзя перевести: «njemu *na čast* nositi okove», описательно, но вѣрно по смыслу у Трнскаго: «druzi da su spremni bit mu žrtvom spasu», или у Одавича: «да би мого ваj му снимит друг ће на се ланце примит».

II. 9: «и музъ возвышенныхъ искусства счастливецъ онъ не *постыдилъ*», въ переводѣ вышла ошибка оттого, что не обращено вниманіе на переходящее значеніе глагола: «mudropojkah previsokih znanjah *postidio* sreće sin *se nije*»; у Трнскаго тоже не совсѣмъ хорошо: «pjesnik ti je, *stid ga nije*», но не о томъ

рѣчь, чтобы *ему* стыдно было быть поэтомъ. Хорошо переведено только у Одавича: «Он са силом свога дара не постиде музе миле» (вм. *постиде* было бы правильнѣе грамматически *постиди*).

II. 11: «*господъ* сосѣдственныхъ селеній ему не нравились пиры»: «*gospodaru* ot susiednih selah goštenja se dopadala nisu». Невѣрно, переводчикъ не замѣтилъ, что господъ здѣсь — родительный множ. ч. У Трнскаго и Одавича правильно: «susjedske mu časti, lovi....», «суседски га пири море».

II. 12: «всѣ дочекъ *прочили* своихъ за *полурусскаго* сосѣда» не значитъ того, что переводчикъ внесъ въ свой текстъ: «na *gledanje* dovode se kćeri tom susiedu od polu Rusije»!! У Трнскаго тоже переводъ этого мѣста натянутъ, у него сказано: «Običaji da se spase, nema druge, već da hvataš Polurusa, majko, toga». Въ этомъ переводѣ никто не узнаетъ русскаго подлинника. Не нравится ни то, какъ перевелъ Одавичъ: «обичај је таков био, *противит* се њему не да». О «противленіи» тутъ и рѣчи нѣтъ. Повидимому переводчикъ не взглянулъ въ словарь, чтобы отыскать значеніе глагола «прочить», поэтому онъ перевелъ по догадкѣ!

II. 14: «мы почитаемъ всѣхъ — нулями, а *единицами* — себя» переведено невѣрно: «mi svakoga dèržimo za ništo, za *jedinstvo* ili *slogu* (!!) — sebe». Откуда взялъ переводчикъ «jedinstvo i slogu», вм. чтобы перевести «jedinicom — uviek sama sebe». Вѣрно у Трнскаго: «ništice su drugih dvjesta, *a jednote* mi smo sami», еще проще Одавичъ: «друга крстиш тек нулама, *јединицом* — себе сама».

III. 8: «*докучны* ей и звуки ласковыхъ рѣчей» — переводчикъ, считая прилагательное «докучны» въ смыслѣ подходящемъ къ сербскому глаголу «докучити», такъ и перевелъ невѣрно: «njojzi su *razumni* sladki zvuci umiljatih riečih». Вѣрно у Трнскаго: «*zamjeri se* tko....» и у Одавича: «Сад је *мори*, кад....».

III. 22: «внушать любовь» нельзя передать «zaljubit se» или же по крайней мѣрѣ вм. «u njih» (для нихъ) надо было сказать «za njih».

III. 39 въ пѣснѣ дѣвушекъ: «*закидаемъ* вишеньемъ» не значитъ «*kanimo* se višanjah», хорошо у Трнскаго: «*bacajmo* se na njega» или у Одавича: «*гађајмо* га трешњама».

V. 4: «мужьевъ военныхъ и *походъ*» не хорошо переведено: «il' častnika il *putovanje*», «походъ» не значитъ путешествіе, и у Трнскаго не точно: «da je *putu* sto prilika», Одавичъ отдѣлался другими выраженіями.

V. 7: «гадаетъ старость сквозь *очки у гробовой своей доски*», значеніе фразы не понято, переводъ не вѣренъ: «*očim* gata ostariela starost sne *po svojim grobovnim daskama*». Не угадалъ смысла ни Трнски: «na nedalek grob otale», ни Одавичъ: «на гроб ком се отет не да». Поэтъ не хотѣлъ сказать, что старики смотрятъ на «свој гроб», или что они гадаютъ «по гробовой доскѣ»! Онъ говоритъ только, что и старики гадаютъ, несмотря на то, что ихъ кончина близка.

V. 14: «то выронитъ *платокъ*» не значитъ: «*rubači* je izgubila sada», рубашка не платокъ! Точно Трнски: *rubac*, Одавичъ: *махрама*.

V. 16: «тутъ *остовъ* чопорный и гордый» — непонятно, откуда переводчикъ взялъ «ondje grozna i ponosna *jarca*» (jarac значитъ *баранъ*); правильно Трнски: «klepećuć se *kostur* kreće», и у Одавича: «костур».

V. 17: «еще страшнѣй, еще чуднѣе» точно такъ непонятно, гдѣ переводчикъ нашелъ своего «јеža»: «ondje kretna, odievena *јеža*»!! Только Одавичъ просто и естественно: «још горе, још чудније», Трнски натянуто: «Strašila se rulja sbija».

V. 23: «въ придачу *взявъ* еще за нихъ» не значитъ: «al joj jošte za dodatak *dade*», онъ не далъ, а — взялъ, въ томъ-то ирония! Та-же ошибка повторяется у Трнскаго: «a još prída njojzi *dade*» и у Одавича: «за то приде он им *даде*»!

V. 30: «и *усидѣла* за столомъ» нельзя сказать «i za stol je kao prije *sjela*», не о вторичномъ садиться за столъ рѣчь, а о томъ, что она продолжала оставаться сидя. Такую же ошибку повторилъ Одавичъ: «и поново за сто̑ седе», Трнски обошелъ ее фразою: «tad će šućet tuj sjedeći».

V. 33: «она пѣвцу *присѣсть* принуждена», здѣсь буквальный переводъ не годится: «uz pievača ona *siesti* mora», Трнски тоже не угадалъ: «*sjede* do njeg Tanja dika», а подражая ему и Одавичъ сдѣлалъ ошибку: «крај њег Тања *седе* тада». Переводчики, видно, не постарались узнать, что значитъ глаголъ *присѣсть*, *присѣдать*, гдѣ о женщинѣ рѣчь.

V. 40: «о ножки, *полно* заблуждаться»—значеніе «полно» въ этой фразѣ не то, что сказано въ переводѣ: «o nožice *lasno* se zabasah»! Такъ и Одавичъ: «о ножице *лако* с' лута». Трнски выразилъ все это описательно.

VI. 1: «да самой *дѣвичьей*» не точно: «do ložnice *dievah*», лучше Трнски: «izim služke», хотя предлогъ «izim» лучше бы замѣнить въ «sve do».

VI. 13: «на солнце, на часы смотрѣлъ, *махнулъ рукою напослѣдокъ*» — переводчикъ неточно перевелъ «часы» словомъ «doba» и напрасно прибавилъ «слугу»: «pazio je na sunce i *doba*, *slugi* rukom iz nenada mahnu». Видно, смыслъ фразы «махнуть рукою» остался ему непонятнымъ. Трнски пропустилъ эти слова. Точный переводъ у Одавича: «већ на сât, на сунце гледа, али најзад руком ма'ну».

VI. 46: «не дай *остыть* душѣ поэта» — переводчикъ помышлялъ о стыдѣ, поэтому перевелъ: «ne daj *sramit* piesnika se duši», лучше Трнски: «*studjet* ne daj mojoj duši», и Одавичъ: «да ми душу *студ* не слета». — Тамъ же: «въ мертвящемъ *упоеньѣ* свѣта» не хорошо сказано: «mèrtvarećim *napitkom* od svieta», упоенье—не напитокъ! Сл. IV. 10: «онъ ихъ искалъ безъ *упоснья*» переведено у Дпм.: «brez *željenja* tražio je žene», но и это не точно. Трнски и Одавичъ обошли эту фразу.

VII. 16: «взявъ барышню подъ свой *покровъ*» не значитъ «i u *svoju kuću* uvodili»; переводчикъ понялъ «покровъ» въ значеніи «кровля». Одна ошибка вызываетъ другую. Начало слѣдующей строфы у переводчика совсѣмъ противъ подлинника начинается выдуманными словами: «u *kući* je zapitala Tana»!

VII. 22: «онъ изъ *опалы* исключилъ» — переводчикъ не взялъ

себѣ труда навести въ словарѣ справку о значеніи слова «опала», онъ перевелъ по своей догадкѣ: «Od *požara* ipak izključio»! Трнски и Одавичъ обошли слово описательными выраженіями.

VII. 24: «по комъ она вздыхать осуждена судьбою *властной*» не значитъ: «onoga je za kime uzdiše odsudila *vlastita* sudbina». Во-первыхъ «властный» и «vlastiti» не одно и то-же, во-вторыхъ приговоръ судьбы не касается его (Онѣгина), а ея (Татьяны). Лучше Трнски: «S kog ju sudba stište ljuta», и Одавичъ: «Тог' што јој га судба даде».

VII. 31: «обозъ обычный» не то, что «voz obični» — обозъ и повозка двѣ различныя вещи.

VII. 32: «готовятъ завтракъ *повара*» — не годится переводъ: «gotov ručak *kuharica* nosi». Не кухарка готовила въ барскомъ домѣ! И Трнски сдѣлалъ ту же ошибку: «kuharica ručak daje».

VII. 34: «благословляя *колеи*»: «pri toj zgodi *kola* blagoslivlju». Но кузнецы русскіе не могли благословлять починяемыхъ ими каретъ европейскаго издѣлія! Колея не значитъ kola! Трнски и Одавичъ не вдаются въ подробности.

VIII. 10: «отъ *частныхъ* и другихъ долговъ»: «od *čestitih* i inih dugovah». По недоразумѣнію переводчикъ понялъ «частный» въ смыслѣ слова «честный». Эта ошибка и у Трнскаго: «nečastnoga, častnog duga». У Одавича пропущено.

VIII. 12: «сатаническимъ *уродомъ*»: «paklenim *porodom*», но это не одно и то-же. Лучше Трнски: «sotonskog li *nagrdnjaka*».

VIII. 16: «и *врядъ* ли быть ему въ *чести*»: «zato *rado* ostala bi u *česti*»; «въ чести» надо бы перевести «u časti» (не «u česti»), кромѣ того «врядъ» не значитъ «rado», а «jedva», «teško». И Трнски сдѣлалъ ошибку, переводя *врядъ* словомъ: *u redke*.

VIII. 38: «признаться: то-то *бъ одолжилъ*»: буквальный переводъ не даетъ смысла: «priznat valja: *da se odužimo*»! Нѣсколько лучше Трнски: «blago dašto necienjeno». Переводъ Одавича «камо среће» выражаетъ не то, что въ подлинникѣ.

II.

Я могъ бы значительно увеличить число подобныхъ примѣровъ. Параллели, прибавленныя изъ обоихъ остальныхъ переводовъ, доказываютъ, что въ точномъ знаніи русскаго языка и Трнски, и Одавичъ, ушли не далеко впередъ. Если у нихъ менѣе недоразумѣній, то это отчасти объясняется тѣмъ, что у нихъ не было желанія переводить буквально. Они довольствовались въ большинствѣ случаевъ передачею смысла общими словами, не вдаваясь въ подробности русскихъ выраженій и оборотовъ. Такимъ образомъ переводъ ихъ, хотя онъ не ближе къ русскому тексту, все же выходитъ лучше, поэтичнѣе, читается легче. Этого ихъ достоинства и преимущества передъ трудомъ Димитровича отрицать нельзя. Однако-жъ отъ желаемаго совершенства, которое соотвѣтствовало бы прелести русскаго подлинника, всѣ эти переводы очень, очень далеко. Этимъ и объясняется, что появленіе ихъ въ сербско-хорватской литературѣ прошло незамѣтно, они не произвели большого впечатлѣнія, никто не ссылается и теперь на нихъ, какъ на произведенія, имѣющія выдающее значеніе. Не трудно указать причину этого факта: она въ сущности не столько въ переводчикахъ, сколько въ какомъ-то неопредѣленномъ, шаткомъ состояніи современнаго сербско-хорватскаго литературнаго языка. Не только первому, но и слѣдующимъ переводчикамъ «Евгенія Онѣгина» пришлось бороться съ большими трудностями для того, чтобы совладѣть съ пластичностью Пушкинскаго поэтическаго языка, чтобы удачно передать его тонкій анализъ человѣческаго сердца, всю прелесть его изложенія самыхъ разнообразныхъ психическихъ настроеній. Сербскіе и хорватскіе писатели, все до новѣйшаго времени, слишкомъ мало позаботились объ обогащеніи своего литературнаго языка точной, опредѣленной выразительностью въ широкой области высшихъ идей европейской мысли. Первоклассныхъ сочиненій европейскихъ изящныхъ литературъ переведено до сихъ поръ очень мало, переводы только въ видѣ исключенія попадали

въ руки даровитыхъ писателей, знатоковъ роднаго языка. Традиція хорошаго переводнаго языка еще не выработалась. Каждый переводитъ по своему, каждый вноситъ отъ себя извѣстный запасъ словъ и оборотовъ въ литературный языкъ, не считаясь съ своими предшественниками и не зная того, что въ той же области ранѣе его сдѣлано другими. Все это дѣлается безъ контроля критики, безъ содѣйствія лексикографическаго. Такимъ образомъ удачное и неудачное существуетъ рядомъ, иногда погибаетъ то и другое, иногда же держится то или другое, благодаря какой либо случайности. Никакого почти обмѣна мыслей по поводу этихъ для судьбы литературнаго языка очень важныхъ явленій не видно и не слышно. Лексикальныхъ трудовъ, за исключеніемъ очень медленно продолжающагося словаря академическаго и вновь перепечатаннаго словаря Вука Караджича, нѣтъ никакихъ. Большому количеству словъ, обще употребительныхъ въ нынѣшнемъ литературномъ языкѣ, не говоря уже о единичныхъ хоть бы очень удачныхъ неологизмахъ — нѣтъ пока подтвержденія ни въ одномъ сербско-хорватскомъ словарѣ. Въ такихъ условіяхъ что можетъ поддерживать необходимую преемственность? Ея или вовсе нѣтъ, или же она зависитъ отъ случайностей, отъ хорошихъ качествъ поэта-переводчика, отъ его добросовѣстности въ исполненіи задачи и т. д.

Все здѣсь сказанное выходитъ наружу въ упомянутыхъ трехъ переводахъ одного и того же подлинника. Дѣло это сдѣлано въ теченіе слишкомъ тридцати лѣтъ. Въ этотъ промежутокъ времени литературный языкъ конечно нѣсколько измѣнился, но не существенно, за исключеніемъ развѣ пріемовъ орѳографическихъ. Наши же переводы отступаютъ другъ отъ друга не только тѣмъ, что у каждаго своя индивидуальная физіономія, но и цѣлый составъ того высшаго языка, который служитъ выраженіемъ процессовъ психическихъ, анализомъ движеній человѣческаго сердца, у каждаго переводчика свой особенный, между ними очень мало общаго. Общее — отрицательнаго свойства, уклоненіе въ сторону отъ прямыхъ словъ подлинника, чтобы обойти трудъ точ-

наго перевода, хотя это у каждаго переводчика входитъ въ первую и ближайшую обязанность. Даже первый изъ трехъ переводчиковъ, придерживаясь вѣрнѣе другихъ словъ подлинника, не выработалъ себѣ опредѣленнаго языка. Онъ испестрилъ свой переводъ большимъ количествомъ словъ русскихъ, т. е. выраженій подлинника, оставленныхъ безъ перевода или же чуть-чуть передѣланныхъ на сербскій ладъ, но отъ этого не выигралъ ни трудъ его въ смыслѣ литературнаго достоинства, ни переводный сербско-хорватскій языкъ. Въ этомъ отношеніи онъ не нашелъ и не могъ найти подражателей. Между двумя остальными переводчиками разница въ томъ, что Иванъ Трнски пополнилъ свой переводъ множествомъ необыкновенныхъ выраженій и оборотовъ, не то имъ слышанныхъ въ языкѣ народа, не то имъ придуманныхъ или созданныхъ. Многіе изъ этихъ неологизмовъ удались ему какъ нельзя лучше, но большое количество ихъ все-же затрудняетъ чтеніе перевода, онъ не производитъ на читателя того впечатлѣнія изящности, которымъ отличается русскій подлинникъ. Переводъ Трнскаго несравненно искусственнѣе, въ разсказѣ сложнѣе, извилистѣе, чѣмъ подлинникъ А. С. Пушкина. Нехорошее впечатлѣніе производитъ также у него преувеличенный пуризмъ языка, несоотвѣтствующій характеру подлинника. Ложный какой-то стыдъ мѣшаетъ этимъ поэтамъ въ родѣ Димитровича или Трнскаго занести на страницы своихъ сочиненій самыя обыкновенныя, общеупотребительныя иностранныя слова. Они надѣются или воображаютъ себѣ усовершенствовать литературный языкъ, если выгоняя слова чужія замѣнятъ ихъ никѣмъ не употребляемыми, новосозданными выраженіями. По моему же это значитъ вносить въ литературный языкъ ложную черту, ставить его на какой-то неестественный пьедесталъ. Третій переводчикъ, Р. Одавичъ, не впалъ въ эту ошибку, изложеніе его проще, естественнѣе, стихъ хорошій, гладкій, но трудъ его еще менѣе похожъ на настоящій переводъ, чѣмъ сочиненіе Трнскаго, это скорѣе свободная переработка русскаго текста съ сохраненіемъ главныхъ мыслей подлинника и только. Впрочемъ

оба эти переводчика на каждомъ шагу, въ каждой строфѣ позволяютъ себѣ то сокращенія разсказа по отношенію къ русскому тексту, то разныя прибавки, рисующія картины новыя, не содержимыя въ подлинникѣ, или же снабжающія ихъ новыми штрихами, чуждыми подлиннику. Я бы никогда не согласился признать, что такія отступленія позволены для образцовыхъ поэтическихъ переводовъ. По моему это значитъ не переводить, а передѣлывать чужой подлинникъ.

Постараемся оправдать эти замѣчанія примѣрами, заимствованными изъ всѣхъ трехъ переводовъ. Начнемъ съ вліянія русскаго языка на языкъ переводовъ. Русицизмы въ видѣ непереведенныхъ русскихъ словъ попадаются, какъ сказано, у Сп. Димитровича очень часто. Приведемъ главнѣйшіе примѣры.

Любимое Пушкинское слово *нѣга* оставлено у перваго переводчика почти всегда въ томъ же видѣ. Хотя сербско-хорватскій языкъ знастъ это слово уже въ среднемъ, далматинско-дубровницкомъ періодѣ, но значеніе его только отчасти соотвѣтствуетъ широкому примѣненію слова у Пушкина. Вотъ примѣры: I. 23: «для роскоши, для *нѣги* модной»: «za razkoše i ukusne *niege*» Димитровичъ, «razkošju li, *milju* kakom» Трнски, «да се држи *луксус* модни» Одавичъ. — I. 31: «взлелѣяны въ восточной *нѣгѣ*»: «uznijano (невѣрно отнесено къ «cvietje» вм. «uznijane», т. е. «nožice») u istočnoj *niegi*» Дим., «istočnu je mar vas *njegu*» Трнски (очень натянуто), «ви источну знасте *негу*» Од. — I. 55: «для сладкой *нѣги* и свободы»: «da slobodu uživam i *niegu*» Дим., у Трнскаго: «ta sloboda sladka, sveta» (выраженія для «нѣги» нѣтъ), «тражим *негу* и слободу» Од. — III. 7: «сгорая *нѣгой* и тоскою»: «čeznutjem i *niegom*» Дим., «s *njege* sile i plahoće» Трнски. — III. 14: «я вспомню рѣчи *нѣги* страстной»: «rieči *niege* sietih ću se strastne» Дим., «slova *nježne* paljevine» Трнски, Одавичъ обошелъ это изреченіе. — III. 15: «ты *нѣгу* жизни узнаешь»: «za *niegu* ćeš života saznati» Дим., «usvoji si *milak* novi» Трнски, «знана ту је жића *нега*» Одав. — IV. 51: «покоится въ сердечной *нѣгѣ*»: «ter počiva u sèrdačnoj *niegi*» Дим., «pokojan je u

svom *salu* (!) Трн., «*надом* ко с' одушевлава» Одав. — VII. 52: «какъ *нѣгой* грудь ея полна»: «kako *niegom* pune su joj grudi» Дим., «pune li joj bjahu grudi» (чего? не сказано) Трн., «на тек што је *нежност* њена» Одав.

Часто повторяющееся прилагательное *завѣтный* Димитровичъ оставилъ безъ перевода: I. 34: «въ *завѣтныхъ* иногда мечтахъ»: «na *zavietnom* nekada miestancu» Димитр. (даже къ слову «мечта» подогнано по внѣшнему созвучію «*miestance*»!!), Трнски оставилъ этотъ стихъ безъ перевода, или лучше сказать замѣнилъ его въ переводѣ вялою добавкою: «uzjahat će, vidjeh, ona», «док још беху снови моји» Одавичъ. — III. 39 (въ пѣснѣ дѣвушекъ): «пѣсенку *завѣтную*» и «пѣсенки *завѣтныя*»: «piesmičicu *zavietnu*», «piesmu našu *zavietnu*» Димитр., у Трнскаго этого прилагательнаго нѣтъ, сказано: «zapjevajte pjesmicu onu liepu *davnašnju*» (не «ветхозавѣтную» ли?!) и «djevojačke pjesmice», у Одавича описательно: «запевајте песмицу *срца свога жељицу*» и «девојачко певање».—VI. 36: «и вы *завѣтныя* мечтанія»: «i vi gdje ste *zavietna* meštanja» Димитр., «gdje li mašto ti si *žuvna*» Трнск., «где сте маште, заношење» Одав. — VII. 47: «*завѣтный* кладъ и слезъ и счастья»: «klad *zavietni* od suzah i sreće» Димитр., «kano blago čuvajući» Трн. (безъ прилагательнаго), «благо суза, среће, јада» Одав. (тоже безъ прилагательнаго).

Русское значеніе слова *лугъ* не одно и то же съ сербскимъ *луг*. Димитровичъ не обративъ вниманія на эту разницу, оставилъ почти всегда это же слово. I. 31: «какъ *на лугахъ* вашъ легкій слѣдъ»: «i *po lugu* vaših milih sliedah» Дим., лучше Трнски: «kano trag vam po tieh *lukah*», Одавичъ безъ этого слова: «ко што вама неста трага». — II. 27: «на широкій *лугъ*»: «na širokom *lugu*» Дим., «pestilja li *u lug* skupi» Трн., у Одавича пропущено. — VII. 1: «на потопленные *луга*»: «potopljene niz *lugove* ravne» Димитр., лучше Трнски: «*livade* nam, *njive* plavi», Одавичъ: «и у *влажна поља* пада». — VII. 6: «гдѣ ручеекъ вiясь бѣжитъ зеленымъ *лугомъ*»: «gdjeno potok bistri vijuga se po zelenom *lugu*» Димитр., у Трнскаго: «uz lipe se što vijuga» (слова «лугъ» нѣтъ),

такъ и Одавичъ, подражая Трнскому: «покрај липâ што вијуга». — VIII. 29: «такъ бури въ болото обращаютъ *лугъ*»: «uprav kano *lugove* u blato preobrati u jeseni bura» Дим., «što *od lije* blato stvara» Трнски (lija = лѣха), «да од *поља* блато ствара» Одав. Ср. еще I. 32: «весной на муравѣ *луговъ*»: «o prolietje na busenu *lužnom*» Дим., «kada ljeti *travom* luta» Трн., такъ и Одавичъ въ подражаніе Трнскому: «и по *трави* када лута». — VII. 29: «съ своими рощами, *лугами*»: «milim svojim *lugovim* i gajim» Дим., лучше Трнски «s livadami, šumicami».

Слова *умильный*, *умиленіе* имѣютъ свои близкіе отголоски въ прилагательномъ «umiljat», въ существительныхъ «umiljatost», «umilje», но съ другими оттѣнками значенія. Димитровичъ оставилъ слово безъ перевода, въ чемъ отчасти подражалъ ему и Одавичъ. I. 11: «ловить минуту *умиленья*»: «uloviti čas od *umiljenja*» Дим., не такъ Трнски: «i uvrebat *ćud* joj *teku*», но Одавичъ: «тражи тренут *умиљења*». — I. 58: «*умильной* лаской наградилъ»: «*umiljenjem* sladkim nagradio» Дим., у Трнскаго пропущено, у Одавича также. — VI. 14: «онъ смотритъ въ сладкомъ *умиленьи*»: «on ju sladkim smotri *umiljenjem*» Дим., «radostne joj te *milote*» у Трнскаго не точно отнесено не къ чувству влюбленнаго Ленскаго, а къ качествамъ Ольги, лучше у Одавича: «препун слатког *умиљаја*» — VII. 2: «съ какимъ тяжелымъ *умиленьемъ*»: «sad me težko neko *umiljenje*» Дим., Трнски: «težkim srdcem», Одав. «како тужно мене греје».

Русской *дружбѣ* лучше всего соотвѣтствуетъ сербско-хорватское «друговање». Димитровичъ должно быть не понялъ настоящаго значенія слова, поэтому перевелъ его «дружиною». Напр. I. 37: «друзья и *дружба* надоѣли»: «*družinom* mu dodijali druzi» Дим., Трнски только «drugovi mu dodijali», Одавичъ: «сад не воли *друштва* више». — IV. 8: «и *дружба* тяжкая мужей»: «i *družine* nemilih muževah» Дим., «kom li *druzi* muža slete» Трн. (невѣрно), Одавичъ: «*друштво* с ким се време трати» (нѣтъ существительнаго «мужей», да и «тяжкая дружба» не пустая трата времени!).

Слово *печаль* было въ старину хорошо извѣстно также сербско-хорватскому языку, но теперь оно мало въ употребленіи. Димитровичъ конечно не пожертвовалъ этимъ словомъ, гдѣ онъ нашелъ его въ русскомъ подлинникѣ, но возражать можно противъ нелѣпой формы «*печала*», встрѣчающейся у Димитровича нѣсколько разъ. II. 10: «онъ пѣлъ разлуку и *печаль*»: «razstanke je i *pečale* pievo» Дим., Трнски не такъ: «s razstanka se *tužno tuži*», Одав.: «пево ј' *боље* срца жива». — II. 19: «вражду, любовь, *печаль* и радость»: «svadnju, ljubav, *pečale* i radost» Дим., короче Трнски: «sve užitke, *propatjaje*», Одав.: «мржња, љубав, *бол* и радост». — VI. 44: «позналъ я новую *печаль*»: «još poznavah i nove *pečale*», «а старой мнѣ *печали* жаль»: «za *pečale* žao mi je stare» Дим., у Трнскаго: «nove *jade* jadat uzeh... naviru mi davne *suze*», у Одавича, въ подражанье Трнскому: «у нове сам *јаде* пао... ал' старих ми *јада* жао». — IV. 23: «*печали* жадной»: «*pečali* žednom» Дим. — VIII. 36: «мечты, желанія, *печали*»: «mešte, želje, *pečali* i tuge» Дим., «*tuga*, želja plamenita i mašta» Трнски, Одавичъ свободно: «за жељом се жеља јати, а по души *бол* му рије». — Сл. VIII. 5: «съ *печальной* думой»: «sa *pečalnom* misli» Дим., у Трнскаго: «gospodja je, *tužna* li je», Одавичъ: «с тешком *бригом*». — VIII. 32: «*печальной* тайны»: «od *pečalne* tajne» Димитр., у Трнскаго: «pišuć tajnu svoje *sjete*», Одавичъ: «сад ће вама с *тужне* тајне дојадити».

Даже глаголъ *понимать* оставленъ у Димитровича безъ малѣйшей надобности въ этомъ видѣ, хотя въ сербско-хорватскомъ языкѣ имѣются съ соотвѣтствующимъ значеніемъ глаголы «разумјети», «схваћати» или «појмити». II. 16: «хоть ихъ немного *понималъ*»: «premda mi ih nije *ponimao*» Димитр., «prem ne *pojmi* silu toga» Трн., «макар да их не *разуме*» Одав. — III. 1: «не могу *понять*»: «*ponimat* ne mogu» Дим., «ne znam *shvatit*» Трн., у Одавича невѣрно: «немој крити». — III. 31 (въ письмѣ Татьяны): «никто меня *не понимаетъ*»: «da me nitko neće da *ponima*» Димитр., «nitko ti me živ ne *pojmi*» Трн., «никог није да *разуме* мене сада» Одавичъ. — VII. 24: «и начинаетъ поне-

многу моя Татьяна *понимать*»: «i malo je pomalo počela sve jasnije *ponimati* Tanа» Димитр., «zače Tanja *shvaćat* našeg ćud junaka» Трнски, «и Таньа је почињала *разумеват* — боље саде» Одав. — VII. 47: «*не понимаетъ* ничего»: «ništa ona *ponimala* nije» Дим., у Трнскаго пропущено, у Одавича: «а баш ништа не *разуме*».

Глаголъ *внимать* казался Димитровичу близкимъ глаголу *занимати*, поэтому онъ и перевелъ II. 16: «прилежно юношѣ *внималъ*»: «ipak se je mladcem *zanimao*», у Трнскаго: «tek *zanimce* slušao ga», у Одавича: «слуша *с пажњом*». — III. 9: «съ какимъ она *вниманьемъ* читаетъ»: «kakvim tekar *zanimanjem* sada ona čita» Димитр., у Трнскаго не переведено, у Одавича: «с каквом *вољом* сада». — VII. 10: «другой увлекъ ея *вниманье*»: «kopjenik joj svlada *zanimanje*» Димитр., у Трнскаго свободно: «Drugi srce svojit uze».

Фраза *по крайней мѣрѣ* не можетъ быть буквально переведена, потому что такого перевода никто въ сербско-хорватскомъ языкѣ не пойметъ. Однако-жъ Сп. Димитровичъ рѣшился и на это. I. 25: «по крайней мѣрѣ»: «po krajnoj je mjeri» Дим., лучше Трн. ponajmanje. — IV. 51: «по крайней мѣрѣ такъ думалъ онъ»: «po krajnoj je mieri to mislio» Димитр., правильно у Трнскаго: «*žarem* on se srećna sudi».

И фраза *въ самомъ дѣлѣ* въ буквальномъ переводѣ выходитъ черезчуръ натянутой. I. 15: «въ *самомъ дѣлѣ*»: «u *samome stvoru*» Дим., лучше Трнски: «ta da kako». — I. 52: «вдругъ получилъ онъ въ самомъ дѣлѣ»: «*i u stvoru* najednom je doglas ogravnikom dopanuo njemu» Дим., у Трнскаго хорошо: «po tom *sbilja*».

Русское слово *разлука* не соотвѣтствуетъ сербско-хорватскому «razluka», хотя имѣется глаголъ «razlučiti» въ очень близкомъ значеніи, но Димитровичъ все-таки переводитъ II. 20: «Ни долгія лѣта *разлуки*»: «ni godinah dugih *razlućenje*» Дим., Трнски неологизмомъ: «ni dug *razstaj* ne suzbi ga», у Одавича: «ни с *растанка* тешка брига». — III. 14: «*разлуку*, слезы при-

миренья»: «i *razluki*, suzah primirenje» Дим., у Трнскаго не принято въ переводѣ, у Одавича должно быть опечатка: «на *састанак*, сузе мира», вм. «на *растанак*, сузе мира».

Для обозначенія «хоризонта» у Пушкина употреблено нѣсколько разъ слово *небосклонъ*, оно могло бы остаться и въ сербскомъ переводѣ, какъ это сдѣлалъ Димитровичъ: II. 28: «когда на блѣдномъ *небосклонѣ*»: «na bliedome kad je *nebosklonu*» Дим., не выразительно Трнски: «kad na *divnom svodu* svemu» (отчего прилагательное «блѣдный» замѣнено пошлымъ «divni»?), Одавичъ выразилъ описательно безъ этого слова, но въ слѣдующемъ, гдѣ говорится «и тихо край земли свѣтлѣетъ», онъ перевелъ «на *хоризонт* кад засија». — III. 5: «на глупомъ *небосклонѣ*»: «na glupome *nebosklonu*» Дим., «s nebnog *svoda* blieda lica» Трн., Одавичъ пропустилъ. — III. 30: «подъ финскимъ *небосклономъ*»: «po finskom *nebosklonu*» Дим., у Трнскаго и Одавича пропущено.

Слово *ничтожность* переводится у Димитровича неологизмомъ *ništoća*: II. 39: «ея (sc. жизни) *ничтожность* разумѣю»: «razumijem njegovu *ništoću*» Дим., Трнски употребилъ другой неологизмъ: «ja mu *ništav* spoznah rano», у Одавича лучше, т. е. болѣе обыкновенное слово: «*ништавост* му знадем давно». — VIII. 9: «самолюбивую *ничтожность*»: «*ništoću* vele samoljubnu» Дим., у Трнскаго слово мало употребительное: «štono neopreznu, sebiradu, nikad trieznu *nabrčku* se podsmievamo» (nabrčko значитъ «баламутъ, ссорщикъ»), Одавичъ: «самољупца *ништавога*». У Трнскаго употреблено VII. 28 слово *ništoća*, гдѣ въ подлинникѣ сказано «шумъ».

Слово *чудакъ* трудно перевести, хотя «настран» отчасти выражаетъ то же самое, Димитровичъ и здѣсь передѣлалъ русское слово, то въ «čudilo», то въ «čudnik», Одавичъ въ «чудњак» VI. 42: «гдѣ этотъ *пасмурный чудакъ*»: «gdje l' su sliedi *ludoga čudnika*» Дим., Трнски: «svedj jednoum *mrkogledja*» (довольно удачно, только «jednoum» не годится), Одавичъ отчасти въ подражаніе Трнскому «*злопогледа* празних груди» (и здѣсь «празних груди» не соотвѣтствуетъ прилагательному «пасмурный»). Ка-

жется «мркоглеђа» выбрано Трнскимъ для прилагательнаго «пасмурный», какъ въ VII. 19. — VIII. 8: «иль корчитъ также *чудака*»: «je li jošte *čudilo* nadmeno» Дим., Трнски по своему: «smušen li je il nasumit», Одавичъ: «да л' је онај *чудњак* стари».— VIII. 12: «прослыть *притворнымъ чудакомъ*»: «glasiti se *pritvornim čudakom*» Дим., «drži drugog za *nastranca*» Трнски, «држе кога за *чудњака*» Одав. — VIII. 40: «мой неисправленный *чудакъ*»: «neizpravni moj dobri *vragoljak*» Димитр. (не точно, «vragoljak» скорѣе значитъ шалунъ, чѣмъ чудакъ), у Трнскаго пропущено, у Одавича: «*чудњак* худи ког већ знате». Слово *чудовище* оставлено безъ перевода у Димитровича и Одавича: V. 16: «за столомъ сидятъ чудовища кругомъ»: «kako krugom *čudovišta* siede» Димитр., «око стола *чудовишта* разних има» Одавичъ, Трнски: «tuj za stolom *čudila* se nižu kolom» (послѣдняя форма слова отмѣчена въ словарѣ Вука).

Выраженіе «*уѣздная барышня*», не представляющее ни малѣйшаго затрудненія для знатока русскаго языка, переведено у Димитровича довольно странно: IV. 28: «уѣздной *барышни* альбомъ»: «pomenike selskih *bojaricah*» (съ ненужнымъ пуризомъ обойдено слово «альбомъ») Дим., «zar spomenak ne vidjeste vanske koje *gospodjice*» (опять «spomenak»!) Трнски, оригинально безвкусно у Одавича: «виђали сте споменице («споменице» могли бы быть и «мемуары») *паланчанке* (!) какве наше»!—VIII. 5: «она въ саду моемъ явилась *барышней* уѣздной»: «u mojoj se baščі javlja kano *seljanska bojarka*» Дим., у Трнскаго пропущено, у Одавича опять безвкусно: «јер ко «Фрајла» (!) нека дође». Такъ и «*барскій домъ*» VII. 17 нельзя переводить черезчуръ торжественнымъ «bojarski dvori» Димитр., естественнѣе у Трнскаго: «stan gospode» и у Одавича «двор господе». Конечно и переводъ «bojar» для обыкновеннаго «баринъ» (VII. 17, 18) не годится; лучше Трнски и Одавичъ «господин».

Слово *мечта* принято переводить старинным выраженіемъ *mašta*, которому слѣдъ сохранился въ черногорскомъ, у Вука отмѣченномъ, *маштаније* (въ соотвѣтствіе формѣ «мечтаніе»).

Димитровичъ и здѣсь не послѣдователенъ, у него попадается то форма соотвѣтствующая звуковымъ законамъ сербско-хорватскаго языка: *mašta*, то оставлена форма русская съ *e*: *mešta*. Напр. VI. 44: «*мечты*, *мечты!* гдѣ ваша сладость?»: «*mešte*, *mešte* gdje je vaša sladost» Дим., Трнски: «Kud je *sna* mi mila sladost?», такъ и Одавичъ: «*снови*, *снови*, где вам сладост?»—IV. 16: «мечтамъ»: *meštam* Дим., Трн. и Одав. употребили слово *сан.* — VII. 47, 53: «мечты, мечтой»: «meše, meštom» Дим., у Трнскаго на первомъ мѣстѣ maše, на другомъ пропущено; Одавичъ перевелъ первое мѣсто словомъ «снови», второе словомъ «машта». — VIII. 21, 41: «мечтой»: «mešta», у Трнскаго описательно, у Одавича употреблено слово «мысли». — III. 10: «свои *мечты*»: «*meštanja* svoja» Дим., Трнски: «svoje *sanke*», Одавичъ: «силе *маште*». — III. 15: «преслѣдуютъ *мечты*»: «progone *meštanja*» Дим., Трнски: «*mašte*», Одавичъ: *снови*. Сл. еще VIII. 45. — Въ II. 7, II. 9 и VIII. 36 употребилъ и Димитровичъ форму *mašta* для «мечты», Трнски на первомъ мѣстѣ *sanak*, на второмъ *mašta*, точно такъ Одавичъ на первомъ мѣстѣ *снови*, на второмъ *машта*.—IV. 16: «*мечтами* легкія *мечты*»: «*mašte* za *maštami*» Димитр., Одавичъ: «*снов'ма* старе *снове*», Трнски предпочелъ удалиться: «za draže si drago prvo». — IV. 27: «безмолвный памятникъ *мечтанья*»: «za spomenik bezriečna *meštanja*» Дим., Трнски: «da se pamte *sni* mu sladki», у Одавича пропущено. — VI. 36 см. выше подъ «завѣтный». — VI. 42: «въ *мечтанье* погрузясь»: «zadubljena u raznom *meštanju*» Дим., у Трнскаго и Одавича пропущено. — VII. 22: *мечтанію* преданной безмѣрно: «neizmierno predanoj *meštanju*» Дим., «*ludujući* neizmjerno» Трнски, въ подражаніе ему Одавичъ: «што *лудује* неизмерно». — VIII. 11: мечтанья: meštanja, Одавичъ: сањарије, Трн.: mašta.— III. 24: «и вѣритъ избранной *мечтѣ*»: у Димитр. не переведено, у Трнскаго: «te se *tlapnji* predat hoti» (но въ II. 39 Трнски перевелъ «для *призраковъ*»: «spaziv *tlapnje*»), у Одавича здѣсь нововыдуманный глаголъ «што *маштари*». — IV. 11: «языкъ дѣвическихъ *мечтаній*»: у Димитровича не переведено, у Трнскаго

сказано странно и для меня непонятно: «što mu pisa *nevježica*», у Одавича: «њена *машта* њега скоби». — VI. 40: «поэтъ задумчивый *мечтатель*»: «*meštatelja* i mladog piesnika» Дим., у Трнскаго: «pjesnik pusti *maštovanje*» (опять неологизмъ), у Одавича парафраза: «мислен песник, песник *јада*». — III. 9: «все для *мечтательницы* нѣжной»: «svi za mladu nježnu *meštanicu*» (!!) Дим., у Одавича пропущено, у Трнскаго описательно: «Tanja *maštu* goji taku». — VII. 5: «*мечтательницы* милой»: «milokèrvnoj *sanjalici*» Дим. и у Одавича: *сањалица*, у Трнскаго: *snatrilica*.

Слова «*коварный*» и «*коварство*» оставлены у Димитровича въ русской формѣ, хотя перевести ихъ не представляло особенныхъ затрудненій: I. 1: «какое низкое *коварство*»: «kako podlo *kovarstvo* je kleto» Димитр., у Трнскаго и Одавича не переведено. — II. 17: «*коварной* двойкѣ не ввѣрялъ»: «ne povieri *kovarnom* igranju» Дим., «na *djavolski* sbornik (sic!) ne da» Трнски, «ко на *лажног* кеца не да» Одавичъ (но двойка не — кец, т. е. тузъ!). — III. 31 (въ письмѣ Татьяны): «или *коварный* искуситель»: «il' *kovarni* hudi izkušatelj» Дим., «kušalac li *nesmiljeni*» Трнски (но «nesmiljeni» значитъ «безжалостный»); у Одавича не переведено.

Разница значенія между «добродѣтельный» и «добротворительный» не выдержана въ переводахъ: III. 31 (въ письмѣ Татьяны): «*добродѣтельная* мать» не значитъ «*dobrotvorna* majka», какъ Димитровичъ перевелъ, лучше Трнски и Одавичъ: «*dobra* mati» (можно бы сказать также «krepostna mati»). — IV. 21: «для *добродѣтельной* жены»: у Димитровича опять «radi svoje *dobrotvorne* žene», у Трнскаго и въ подражанье ему у Одавича здѣсь употреблено для перевода слово «*поштење*», и это лучше. «Добродѣтель» хорошо переведено словомъ krjepost III. 22 у Димитровича, гдѣ Трнски менѣе удачно употребилъ выраженіе «dobar čin»; у Одавича описательно: «добро срце».

Существительное *измѣна* и глаголъ *измѣнить* (кому) имѣютъ свое особое значеніе, котораго переводчики не соблюдали: IV. 10: «*измѣнятъ* (т. е. красавицы)—радъ былъ отдохнуть»: «a *izmiena*—

povod oddahnuti» Димитр., «*izmieni* l' ga, on s' odmara» Трнски, лучше Одавичъ: «*напусти* л' га — он с' одмара». — VIII. 11: «что *измѣняли* ей всечасно»: «da smo svak čas ju *izmienili*» (буквально, но неточно) Димитр., лучше Трнски: «mladosti se dasmo *hinit*», у Одавича: «ал' нас она *преварила*». — I. 37: «*измѣны* утомить успѣли»: «*promiene* ga umorit uspieše» Дим., неточно какъ и у Одавича «измене». Ни у Трнскаго не хорошо переведено: «izprva mu pokoj mali». Что значатъ эти слова?

Русское «*поразить*» употребляется въ болѣе широкомъ, общемъ значеніи, чѣмъ сербско-хорватское *poraziti*. Напр. VI. 13: «своимъ пріѣздомъ *поразить*»: «dolazkom *poraziti* svojim» Димитр., лучше Трнски: *obeznadit*, Одавичъ: *збуниће се*.— VII. 23: «какою мыслью, замѣчаньемъ бывалъ Онѣгинъ *поражень*»: «kakvom misli, kakvim li motrenjem mladi Onjeg *poražen* je bio» (лучше было бы: iznenadjen, zapanjen) Димитр., у Трнскаго другими словами описано, у Одавича пропущено.— VII. 51: «все чувство *поражаетъ* вдругъ»: «što no mahom *porażuju* čuvstva» Дим., у Трнскаго пропущено, у Одавича: «*поражљиво* срцу пада». — VIII. 18: «какъ сильно ни была она удивлена, *поражена*»: «začudjena, skoro *porażena*» Димитр., у Трнскаго очень искусственно: «prem ju žignu boli pako», у Одавича тоже описательно: «потресе је, узбуни је».

Глаголъ *замирать* въ точномъ переводѣ соотвѣтствуетъ сербско-хорватскому «обамирати», но Димитровичъ оставилъ русскій глаголъ непронутымъ: III. 31 (въ письмѣ Татьяны): «стыдомъ и страхомъ *замираю*»: «*zamirem ti* od straha i srama» Димитр., у Трнскаго: «ot stida se sva već *snebih*», у Одавича описательно: «а од стида бледим, страдам». — III. 16: «дыханье *замерло* въ устахъ»: «dihanje je ustijuh *zamèrlo*» Димитр., у Трнскаго: «*prestade* joj sapa hitra», у Одавича: «на устима дах јој *стао*».

Руссофилизмъ перваго переводчика распространяется еще на много другихъ выраженій, которыя сербско-хорватскому языку или мало извѣстны, или въ другомъ значеніи, у него же

остались нетронутыми для поддержки будто бы близости обоихъ текстовъ, на дѣлѣ же для облегченія задачи переводчика. Приведемъ ихъ хоть нѣсколько: I. 10 разувѣрить: razvieriti, I. 19 разочарованный: razčaran, I. 53 заводъ: zavod (сербско-хорватское слово zavod соотвѣтствуетъ русскому «заведеніе»), II. 3 старожилъ: starožitelj, II. 6 кудри: kudri, II. 7 развратъ: razvrat, ласка: laska, II. 27 скучный: skučni, II. 39 призракъ: prizrak, II. 40 благодаренье: blagodar, III. 6 догадка: dogadka, III. 12 безнадежный: beznadežan, III. 13 плѣнительный: pljeniteljan, III. 17 были-небылицы: bilosti, nebilosti, III. 20 блѣдныя красы: pobliedjele krasi, III. 21 бумага: bumaga, III. 23 съ изумленіемъ: s izumljenjem, III. 24 безъ искусства: bez iskustva (не одно и то же), воображенье: uobražje, III. 26 не изъяснялась: izjasnila (se) nije, III. 31 списокъ: spisanje, III. 31 не блестимъ: ne blieštimo, въ глуши: u glušini, сл. V. 15 глушь: glušina, III. 37 сливки: šljive (!!), IV. 9 разочаровать: razčarati, IV. 17 вкругъ огорода: okolo ograde, IV. 19, V. 36 скобка: skobka, V. 3 онъ васъ плѣнитъ: on vas plieni, V. 5 примѣты: primieti, V. 24 зловѣщій: zloviestni (хорошо Трнски: zloslut), V. 28 изъ посада: iz posadke (Одавичъ: из касарне!!), V. 34 жалость: žalost, V. 45 больше ничего: bolje neg sve ino, VI. 11 конечно: napokon (не одно и то же), VI. 11, 32 вражда: vražda, VI. 12 велерѣчивый: veleriečni, VII. 2 грустно мнѣ: sgrusti me, VII. 30 недвижною рѣкою: nedižne rieke, VII. 37 недвижимъ юноша: nedižnoga mladca, VII. 47 съ прикрасой: pokrasenjem, VII. 47 кладъ: klad (у Трнскаго и Одавича: благо, VI. 35 и у Димитровича кладъ: brieme), VII. 50 протяжный вой: protežno vievanje(!), VIII. 9 не странна: ne strana, VIII. 10 не чуждался: ne začudi (se), хватъ: hvastac, VIII. 12 притворнымъ чудакомъ: pritvornim ludakom, VIII. 13 безпокойство: nepokojstvo, VIII. 32 притворнымъ хладомъ: pritvornim hladom, VIII. 43 какой отвѣтъ: kakav odviet, сл. III. 36 отвѣтилъ: odvietio, VIII. 39 сурокъ: surak.

III.

Съ одной стороны это совсѣмъ ненужное подражаніе русскому подлиннику въ отдѣльныхъ выраженіяхъ, которыхъ нельзя лучше охарактеризовать, какъ лишними руссицизмами въ лексиконѣ, непонятными для читателя, знающаго только сербскій языкъ, съ другой же выступаетъ множество ничѣмъ не оправданныхъ отступленій отъ мыслей и словъ русскаго текста, которыя объясняются только небрежнымъ отношеніемъ, чтобы не сказать неуваженіемъ, къ Пушкинскому тексту или же, что еще хуже, непониманіемъ его. Въ этомъ отношеніи у всѣхъ трехъ переводчиковъ много грѣховъ на ихъ совѣсти, но болѣе другихъ виноватъ первый переводчикъ, неточности котораго не могутъ быть извиняемы необходимостью подыскивать рифмы и имъ въ угоду удаляться отъ русскаго текста. Поэтому я и беру исходною точкою переводъ Спира Димитровича: указывая на его неисправности, недоразумѣнія и ошибки, я буду ссылаться и указывать также на текстъ остальныхъ двухъ переводчиковъ.

I. 3: «не *докучалъ* моралью строгой»: «ćudorednost ne *dosižuć* strogu». Переводчикъ полагалъ, что «докучать» значитъ то же самое, что въ сербско-хорватскомъ «докучити», поэтому его переводъ невѣренъ. У Трнскаго: «ćud uljudit zaboravi» выражаетъ мысль, которой въ подлинникѣ нѣтъ, такъ и у Одавича: «ал' предвиде дечје ћуди» (вм. «предвиде» вѣроятно хотѣлось написать «превиде»?). — Тутъ же всѣ переводчики пропустили въ переводѣ обратить вниманіе на названіе «Лѣтній садъ»: одного названія «baščа» Димитр., «nasad» Трн. или «паркъ» Одав. мало.

I. 7: «для *звуковъ* жизни не щадить»: «za *rogobor* štedit se života» Дим. — не передаетъ смысла, рѣчь идетъ только о немузыкальности Онѣгина, о тревогѣ жизни здѣсь не говорится. У Трнскаго опять сказано больше, чѣмъ въ подлинникѣ: «ne ljubi mu duša *trezna* (sic!) strasti ognja pjesničkoga», такъ перевелъ и Одавичъ: «ал душу му жар не згреја и муза га не запоји».

I. 15: «тамъ будетъ балъ, тамъ дѣтскій праздникъ» — съ какой стати въ переводѣ Димитровича сказано «na ples *knezu*, *na godovno grofu*», ни о князѣ, ни о графѣ, ни о именинахъ въ подлинникѣ рѣчи нѣтъ! И у Трнскаго неудачно: «Ples je ili *kućni svetac*» (домашній праздникъ), Одавичъ общими словами: «сви балови (читай: балове) разне граде». — Тамъ же «на бульваръ» очень не хорошо переведено у Димитровича и Трнскаго словомъ «bedem»; видно, переводчики чуждались французскаго слова. Напрасно. Одавичъ поступилъ разумнѣе, переведя «булеваром».

I. 17. Первый переводчикъ не понялъ значенія слова «брегетъ» (Breguet), даже въ примѣчаніи сказано, что это была — гостиница въ С.-Петербургѣ! Трнски заблагоразсудилъ цѣлый стихъ пропустить. Одавичъ не понялъ значенія слова «звонъ», онъ перевелъ «али *звоно* одјекује». Смѣшно выходитъ, что переводчики боялись чужихъ словъ «котлетъ» и «балетъ». Димитровичъ перевелъ: «svinjskoga rebarca» и «pleslo» (отвратительно созданное слово!), Трнски: «iza mastnih rebaraca» и «glumni ples». Разумнѣе у Одавича по крайней мѣрѣ «балет» остался. Трнски заставляетъ цѣлое общество спѣшить въ балетъ: «u saone svak se baca» — въ подлинникѣ этого нѣтъ. Есть и другія несообразности въ переводѣ этой строфы. Напр. «кулисы» переведены у Димитровича необыкновеннымъ словомъ *tin*, — и Трнски не устоялъ противъ этого соблазна, только въ строфѣ 18-й. — Изъ Моины, женской роли въ Фингалѣ Озерова, сдѣланъ мужчина. Трнски назвалъ Онѣгина «новымъ гостемъ» за кулисой, Моина же ему актриса! Одавичъ передѣлалъ «обшикать» въ «пљескат», вычеркнулъ Клеопатру, а Моина у него тоже — мужчина.

I. 22: «и кучера вокругъ огней бранятъ господъ, и *бьютъ въ ладони*» — этой наглядной картинки не понялъ Димитровичъ, у него лакеи не «у подъѣзда», а «na dvoru», а кучера «slavom kade» своихъ господъ!! Трнски поправилъ ошибку, которую Одавичъ опять вывелъ въ свѣтъ: «и у шпаге руке крију» значитъ не «бьютъ въ ладони», а «прячутъ въ карманы»!

I. 23: «кабинетъ» очень не хорошо переводится «soba-potaj-

nica» Димитр. (ср. еще VII. 21, VIII. 34) или «izba tajna» Трн. (VII. 21 лучше только «sobica»).

I. 24: «предъ нимъ, краснорѣчивымъ *сумасбродомъ*» — такъ названъ поэтомъ Руссо, но переводчикъ не понялъ этого названія, поэтому перевелъ нехорошо словомъ средняго рода: «krasnorječnim svojim *ludovanjem*», лучше Трнски: «pred njim *smetenjakom*», у Одавича пропущено.

I. 26. Димитровичъ и Трнски отнесли упоминаніе «туалета» къ строфѣ предыдущей, а «нарядъ» къ настоящей, это невѣрно. Димитр. перевелъ первое слово совсѣмъ безвкусно «ličenje», а Трнски прибавилъ лишнее словечко «još»: «još opisat i odielo». На дѣлѣ поэтъ «туалетомъ» и «нарядомъ» касается одного и того же, т. е. именно того, о чемъ говорится въ этой строфѣ. Далѣе Димитровичъ перевелъ такъ, будто бы поэтъ могъ обойтись безъ иностранныхъ словъ, если-бъ онъ *захотѣлъ хоть иногда* заглянуть въ акад. словарь. И это опять невѣрно. Ни одинъ изъ переводчиковъ не назвалъ словаря настоящимъ его именемъ «академическій» словарь.

I. 28. Назвать «героя» романа словомъ «momak» (парень) — крайне неумѣстно (Димитровичъ). Въ концѣ строфы Трнски и Одавичъ, послѣдній подражая первому, заставляютъ шумъ дамскій заглушать музыку. Въ подлинникѣ, какъ разъ, на оборотъ.

I. 36: «и снова до утра жизнь его готова» не вѣрно переведено: «i opeta za život se ne brini do sutra» Димитр., напротивъ можно было сказать: «i opeta novi život počinje do sutra».

I. 42. Конецъ строфы «что видъ ихъ ужъ рождаетъ сплинъ» не значитъ того, что у Димитровича сказано: «da ih njihov onesviesti vidik», ближе къ смыслу Трнски: «uz njih čovjek brzo zievne». Это по крайней мѣрѣ реальное объясненіе.

I. 44: «читалъ, читалъ, *а все безъ толку*»: «čita, čita, ali *ne razmišlja*» Димитр. Неточно. У Трнскаго искусственно и натянуто: «čita čita — *nerazborce*». Откуда взялъ Димитровичъ «*Sve listine* u zakutnjak baci» (всѣ грамоты въ уголъ бросилъ)? Трнски

опять блеснулъ неологизмомъ: «pak si *knjižni spremnjak* cio još crninom zavjesio».

I. 45: «неподражательная странность» значитъ какъ разъ нѣчто противуположное словамъ перевода: «nenaličnо na ikakvu stranost» Дим. Трнски и Одавичъ перевели свободнѣе, но вѣрнѣе.

I. 47: «вспомня прежнихъ лѣтъ *романы*» не то, что въ переводѣ сказано: «prošlih lietah *protuhah* se sietjauć», «protuha» не романъ, а человѣкъ, не кутежъ, а кутежникъ, гуляка.

I. 48. Какъ можно поэтическій «рожокъ» перевести: «zvučna truhlja»!? Ошибка исправлена у Трнскаго и Одавича.

I. 56: «Всегда я радъ замѣтить разность между Онѣгинымъ и мной» говоритъ поэтъ, а переводчикъ передаетъ такъ, какъ будто бы поэтъ отъ кого-нибудь другого *хотѣлъ узнать* разность между Онѣгинымъ и поэтомъ. Точнѣе это выражено только въ переводѣ Одавича, у Трнскаго не совсѣмъ вѣрно.

I. 57: «всѣ поэты любви мечтательной друзья» — этихъ простыхъ словъ ни одинъ изъ переводчиковъ не сумѣлъ передать какъ слѣдовало. Димитровичъ: «svi su vam piesnici *čudnovate* ljubavi drugovi» (мечтательная любовь не — удивительная любовь). Одавичъ бросилъ поэтовъ, оттого вышла у него пошлая мысль: «љубави се песме дају». Трнски перевелъ очень мудрено: «svak se pjesnik milkom smuši»!

I. 58: «любви безумную тревогу я безотрадно испыталъ» — этого для Пушкинской поэзіи очень характернаго признанія нельзя отыскать въ словахъ перевода: «za stradanje bezumne ljubavi nisam nigda olakšice imo» Дим., еще менѣе у Одавича: «Никад ме се тако јаче бог љубави не дотаче, нит' му већа беше сила». У Трнскаго въ сущности вѣрно: «kada ljubljah, nisam mogo pjesmu pjevat jadu svomu».

I. 59: «пишу и сердце *не тоскуетъ*» говоритъ поэтъ, переводчикъ же заставляетъ его сказать на оборотъ: «pišem, *sèrce mi se nakuburi*» (о нехорошемъ выраженіи «kuburiti» въ смыслѣ тосковать будетъ еще рѣчь); у Трнскаго не очень удачно: «pišem, *bježi jad moj kleti*» (съ какой стати «проклятая» тоска?). Лучше

во всякомъ случаѣ Одавичъ: «кад пишем срце ј' ти'о». Это по крайней мѣрѣ — реальное поясненіе подлинника.

II. 2: «*Царей* портреты на стѣнахъ»: «a po stienam obrazi *diedovah*» Дим., отчего не сказать «obrazi *careva*»? Странно, что и Трнски перевелъ: «tuj je slika *predjih* svaka» (т. е. прадѣдовъ).

II. 6: «Съ душою прямо геттингенской» назвалъ поэтъ Ленскаго, желая этимъ обозначить его по нѣмецки сентиментальный, мечтательный характеръ. Переводчикъ сдѣлалъ изъ него пустѣйшаго повѣсу! Онъ перевелъ: «Iz Getinga *gaziblato* pusto»!! Перевода Трнскаго я даже не понимаю: «Getingom ti miri jaoh»! Хорошо у Одавича: «Душом прави гетингенски».

II. 24. Въ этой строфѣ первый переводчикъ (Димитровичъ) позволилъ себѣ нѣсколько стиховъ подлинника передать по своему.

Но съ нимъ, я знаю, не разлучно
Воспоминанье старины
Иль дѣвичьей. Мы всѣ должны
Признаться, вкуса очень мало
У насъ и въ нашихъ именахъ

Al' je plemstvu prosto i narodno
I samo ga službinjama daje,
A za sebe tudje ime prosi.
Valja reći, da se ne pristoji
Imenom se nazivati tudjim.

Трнски исправилъ эту вольность перваго переводчика, но и у него осталось еще нѣсколько лишняго: «Samo to nam nije *dično*, što se tako zovu *bake službavke* nam svakojake». Одавичъ и здѣсь подражалъ Трнскому: «Знам, оно је неразлучно и корена врло јака *код служавка и код бака*».

II. 32: «солила на зиму *грибы*» переведено какъ бы въ шутку «*jezike* je solila za zimu», но грибъ не «jezik». И въ слѣдующемъ: «вела расходы, *брила лбы*» сказано: «*i guščije* perušala glave», но крѣпостные, не — гуси! Трнски и Одавичъ исправили эти потѣшныя ошибки перваго переводчика.

II. 33: «и говорила *нараспѣвъ*» не хорошо у Димитровича: «učila je, tanko govorila», лучше Трнски: «govoreći *pjevala* je», такъ и Одавичъ: «*певушећ* је говорила». Странная и смѣшная неточность вкралась въ переводъ Димитровича: «Стишковъ чувствительныхъ тетрадь» у него сказано: «*I Šiškovih* piesamah i knjigah», изъ «стишковъ» вышелъ извѣстный Šiškov (Шишковъ)!! И въ этой строфѣ только Одавичъ рѣшился оставить въ текстѣ слова «корзет» и «албум», тогда какъ Димитровичъ сочинилъ «pomenik» и «doramak», и Трнски «pomenik» и «uteg» — слова, которыхъ изъ тысячи читателей едва одинъ пойметъ въ желаемомъ значеніи. Переводъ двухъ послѣднихъ стиховъ произвольно отступаетъ: «и обновила наконецъ на ватѣ шлафоръ и чепецъ»: «Napokon je popravljala sada *bielo ruho*, *suknjicu* i *kapu*» Димитр., у Трнскаго: «staru kapu i haljetak», Одавичъ и здѣсь ближе къ подлиннику и естественнѣе: «За свој «шлофрок», чепац стари», но въ сербскомъ языкѣ выраженіе «чепац» для русскаго слова «чепецъ» мало употребительно, хотя оно у Вука отмѣчено.

III. 1: «Ужъ эти мнѣ поэты» не просто восклицаніе: «Moj piesniče mili». Особаго оттѣнка значенія не угадали ни оба остальные переводчика. «И тебѣ не *трудно*» нельзя переводить «nije l'ti *odurno*»! Ни выраженіе Трнскаго «mrzko» не годится, лучше Одавичъ: «зар *досадно* теби није». Въ III. 2 надо исправить опечатку «do sada» въ «dosada», а въ III. 3: «варенья» не хорошо сказано «jestvine» Дим. или «variva» Трнски, лучше Одавичъ: «слатко». Въ III. 4 во 2-мъ стихѣ «zimom» надо исправить въ «domom» (домой). Тамъ же въ 7-мъ стихѣ вм. «nije ravno» надо поставить запятую «nije, ravno».

III. 5: «и молчалива какъ Свѣтлана» — у Димитровича пропущено; ошибка исправлена у Трнскаго и Одавича.

III. 9. Изъ Юліи (Julie) сдѣлалъ переводчикъ мужчину Julio!

III. 11: «Свой слогъ на важный ладъ настроя» переведено безжизненно: «u divnome opisujuć skladu» Дим. Трнски передѣлалъ это на свой ладъ: «drugda važnim desetercem», но русскій поэтъ не могъ имѣть въ виду «важнаго» десятисложнаго стиха

въ сербскомъ значеніи, а вообще торжественность эпическаго стиля. Лучше Одавичъ: «Важним слогом што му годи».

III. 12: «Британской музы небылицы тревожатъ *сонъ отроковицы*» въ переводѣ Димитровича выходитъ совсѣмъ иначе: «Britanije jao mudropojka sanak buni *i majci i kćerci*». Кто далъ переводчику право на упоминаніе «матерей» рядомъ съ дочерями, когда въ подлинникѣ этого нѣтъ?

III. 13: «Тогда романъ на старый ладъ *займетъ* веселый мой закатъ»: «tada roman u starom će skladu *promieniti* veseli moj zahod». Совсѣмъ не такъ, не о перемѣнѣ говоритъ поэтъ, а о томъ, что́ могло бы заинтересовать, занять, его старые дни. Лучше Одавичъ: «у роман ћу форме старе да уложим своје даре».

III. 17: «А нынѣ все мнѣ темно, Таня: что знала, то забыла. Да, *пришла худая череда*! Зашибло» — эти слова, полныя старческой грусти, переведены впрочемъ вѣрно, только съ нарушающей смыслъ одной прибавкой: «hvala Bogu»: «Al' je sada sve mi tamno, Tano. Što sam znala, sve sam pozabila. Ta su doba, *hvala bogu, prošla*». Въ подлинникѣ, напротивъ, сказано: «*пришла*» (не *прошла*) худая череда, и прибавлено еще «зашибло». Трнски и Одавичъ передаютъ только общій смыслъ вѣрно.

III. 18: «недѣли двѣ ходила сваха къ моей роднѣ», не хорошо сказать: «*zaova* je rodbinu *i mene* dvie nedielje oblazila danah»; во-первыхъ сваха не «заова» (золовка), во-вторыхъ молодой вовсе не спрашивали, поэтому не надобно было прибавить «i mene». У Трнскаго не хорошо передѣлано общее значеніе «навѣщать родныхъ» въ спеціальное «dolazila *otca lovit*».

III. 22: «Дивился я ихъ спѣси модной» совсѣмъ не то, какъ въ переводѣ Димитровича: «ukusnoj sam divio se nošnji»; «спѣсь» не «nošnja». Но и Трнски не угадалъ: «*žurenju* se čudih njinu», онъ смѣшалъ «спѣсь» и «поспѣшность»; спѣсь можно бы перевести словомъ «ponos» или «кичельивост».

III. 23: «по крайней мѣрѣ — сожалѣніемъ» — переводчикъ безъ достаточной причины прибавилъ отъ себя: «jer *sad čeznjom* sada sažaljenjem», слову «čeznja» (лучше čežnja) нѣтъ повода въ

подлинномъ текстѣ. Ближе Одавичъ: «у крајности сажаљењем», но «у крајности» не годится, не передаетъ подлинника.

III. 25: «Сперва тщеславіе кольнемъ надеждой»: «*čeznutjem* ću okružit najpèrvo i nadeždom» — не хорошо и даже непонятно. «Тщеславіе» значитъ «sujeta», и такъ можно было перевести: «sujetu ću najpre spotaknuti nadom». «Кокетке» не могло остаться, въ глазахъ пуристовъ это была бы непростительная вольность; Димитровичъ употребилъ «provijuša», Трнски «namiglica», Одавичъ народное слово «намигуша».

III. 26: «по-русски» — не слѣдовало передѣлывать въ переводѣ въ «po slavjanski»; «къ почтовой прозѣ» въ буквальномъ переводѣ «poštarskoj prozi» остается непонятнымъ. Трнски передѣлалъ «дамскую любовь» въ «ljubav u boljara», да и растянуто перевелъ: «dosle ljubav u boljara nije ruski zvala zlato». Гораздо лучше Одавичъ: «У љубави до сад није им'о права језик руски», тутъ нѣтъ дамъ, но нѣтъ и «бояръ».

III. 27. И здѣсь напрасно у Димитровича сказано: «slavjanski», вм. «по русски», потомъ въ переводѣ не слѣдовало выраженіе «хотятъ заставить» послаблять въ «sad se zanimaju» или какъ у Трнскаго: «gospoje će učit ruski, knjizi volit». Русскій поэтъ не раздѣлялъ патріотическаго пафоса противъ французскаго языка, въ преобладаніи его въ устахъ дамскихъ онъ обвинялъ русскую литературу. Этой строфы не перевелъ вѣрно ни одинъ изъ переводчиковъ. Гдѣ напр. въ подлинникѣ найти подтвержденіе слѣдующимъ словамъ Трнскаго: «Natuca vam svaka nešto, *nakaza vam prava to je*»? Поэтъ напротивъ очень снисходительно говоритъ: «его такъ мило искажали». У Одавича «право страхъ» совсѣмъ невпопадъ сказано «каква дика», и у него повторяется въ подражаніе Трнскому: «док с' наказом најзад створи».

III. 28: «Съ семинаристомъ въ желтой шалѣ иль съ академикомъ въ чепцѣ» переведено безъ вниманія къ словамъ подлинника: «učitelja u kapici ženskoj pod rubačom il' akademika». Какой вздоръ! Исправлено у Трнскаго, которому вообще эта строфа удалась, лучше чѣмъ Одавичу.

III. 30: «тревожить» — совсѣмъ неудачно переведено «uzburkati» Дим. У Трнскаго съ большимъ жеманствомъ сказано: «Evo drug ti vodu grca pak te bogom brati, kumi», вм. простыхъ словъ подлинника: «я сталъ бы просьбою нескромной тебя тревожить», которыя очень хорошо переведены у Одавича: «нескромном би молбом сада тебе, драга, намучио». И слѣдующіе стихи у него проще: «у заносне руске гласе да преведеш туђе красе» («чтобъ на волшебные напѣвы переложилъ ты страстной дѣвы иноплеменныя слова»), чѣмъ у Трнскаго: «da u liepo naško smilje pretvoriš mu tudje bilje».

III. 31: «кто ей внушалъ умильный вздоръ, безумный сердца разговоръ и увлекательный и вредный» переведено совсѣмъ наобумъ: «tko l' nadahnu milim umiljenjem i dosietne duše uzletjenjem i plamenim žarkog uzhitjenja?» Очень искусственно, и въ то же время невѣрно также у Трнскаго: «tko joj dade last manitat, zamjerom se silno hitat, da se svakog srca prima». Лучше во всякомъ случаѣ Одавичъ: «ко јој даде оне баје, срца страсне изражаје, што подижу, крепе груди». На этомъ одномъ примѣрѣ — а такихъ большое количество — можно изучать, какъ переводчики въ рисункахъ психическихъ настроеній идутъ въ разбродъ, не будучи въ состояніи слѣдить за всѣми нѣжными оттѣнками русскаго подлинника. Пуризмъ Трнскаго въ этой строфѣ превзошелъ самого себя, онъ не хотѣлъ даже извѣстное названіе оперы «Freischütz» оставить безъ перевода: въ переводѣ его онъ выходитъ «Strielac Vilenjak»!!

Въ письмѣ Татьяны: «Души неопытной волненья смиривъ со временемъ (какъ знать) по сердцу я нашла бы друга» переведено невѣрно, потому что переводчикъ не понялъ вставочныхъ словъ «какъ знать»: «neizkusne duše talašenje kako znati smiriti vremenom? Za sèrdašce našla bi si druga» Димитр. Прочіе переводчики удалились отъ русскаго текста. «Но такъ и быть»: «i tako je». Неточно, лучше: «neka bude». — «Страшно перечесть» — Димитровичъ не понялъ глагола «перечесть»: «strašno *vele često*»! У прочихъ переводчиковъ исправлено.

III. 33: «лице твое какъ маковъ цвѣтъ» нельзя переводить «lice ti je kao sunčaniса», потому что у этого растенія цвѣтъ не румяный, а желтый! Хорошо у Трнскаго, лучше чѣмъ у Одавича, замѣнившаго «маковъ цвѣтъ» розою: ружа.

III. 34: «куда мнѣ ихъ и перечесть» совсѣмъ не то, какъ въ переводѣ: «komu valja izručiti pismo». Видно и здѣсь переводчикъ былъ въ недоумѣніи насчетъ глагола «перечесть». Ошибка исправлена у Трнскаго и Одавича.

III. 36: «да видно, *почта* задержала»: «*posli* su ga zadèržali malo» — очевидно лишь по недосмотру; у прочихъ переводчиковъ вѣрно.

III. 37: «китайскій чайникъ нагрѣвая» относится конечно къ дѣйствію самовара, но Димитровичъ, по всей вѣроятности, этой картины никогда и не видалъ. Онъ перевелъ: «iz Kitaja čajnik zakuhao» (!). Трнски свободно, но въ сущности вѣрно: «pod čajnikom tiho s dola kuljala je topla para». Что Димитровичъ изъ подаваемыхъ «сливокъ» сдѣлалъ «сливы», этому я не удивляюсь, но съ какой стати у Трнскаго прибавлено «i vodu»? Не думалъ ли онъ о стаканахъ воды, подаваемыхъ въ вѣнскихъ кофейняхъ?! Одавичъ превратилъ сливки въ — калачи: «Кад с колач'ма дечко стиже»!

III. 38: «легче тѣни Татьяна прыгъ въ другія сѣни»: «lakše od siene mienja boju na obrazu Tana». Совсѣмъ не то, рѣчь идетъ о легкости движенія.

III. 39: «Затѣя сельской остроты» не хорошо сказано: «Sbijalice selskih vragolijah» Дим.; и у Одавича не совсѣмъ удачно: «досети се госпа мила» (какая госпожа?); у Трнскаго, который напрасно два раза выставляетъ «рабство (roblje) служанокъ», эта затѣя приписывается крестьянамъ (sudi seljak).

Въ пѣснѣ дѣвушекъ у перваго переводчика невѣрно переведено «разбѣжимтесь»: biežite вм. перваго лица множ. числа. Исправлено у Трнскаго и Одавича.

III. 40: «зайчикъ *въ озими* трепещетъ»: «zec u bèrlogu trepti» — неточно, озимь не берлога. Хорошо у Трнскаго: «iz strni si gleda», у Одавича пропущено.

IV. 7. Содержаніе этой строфы ни у одного переводчика не пересказано вполнѣ удовлетворительно. Димитровичъ сдѣлалъ изъ «разврата» личное названіе «razvratnika», «хладокровный» переведено sladoljubni, что не одно и то же. Переводчикъ не обратилъ вниманія на «науку любовную», въ словахъ «sa vieštinom ljubavi» не отзывается наука. Переводъ Трнскаго отступаетъ отъ подлинника до неузнаваемости, искусственный наборъ фразъ кромѣ того мало понятенъ. Въ переводѣ Одавича тоже слишкомъ много мыслей подлинника не нашло отраженія.

IV. 8: «кого не *утомятъ* угрозы»: «koga neće *uništiti* grožnje», здѣсь переводъ преувеличиваетъ.

IV. 9: «желаніемъ медленно томимъ, томимъ и вѣтреннымъ успѣхомъ», если анализировать эти слова, выходитъ совсѣмъ не то, какъ переведено у Димитровича: «lagano su uspiesi i želje vietreno mu izmučili sèrce». Нѣсколько вѣрнѣе, хотя не ближе въ выраженіяхъ, у Трнскаго: «spora sreća sad ga iedi, il ga uspjeh brz razjari»; подражая ему и Одавичъ: «спор напредак јед му ствара, ал' и брз му баш драг није».

IV. 10: «Въ красавицъ онъ ужъ не влюблялся, а волочился какъ нибудь» не совсѣмъ вѣрно выражено: «nije više ljubio ljepote, *okanio jerbo se je* strasti» Дим., и у Одавича второй стихъ не удовлетворяетъ: «у њег неста за њу мара», нѣсколько лучше Трнски: «pri svakoj ti samo šara».

IV. 12. Переводъ вообще точный и удовлетворительный, но я не понимаю, какъ могъ Трнски отъ имени Онѣгина сказать: «i izkazat jade svoje», когда въ сердцѣ его никакой печали не было. Такія прибавки нарушаютъ вѣрность подлинника.

IV. 16: «не обновлю души моей» не видно почему въ переводѣ совсѣмъ не такъ: «Što sam reko, poreći ne mogu» Дим. У Трнскаго и Одавича исправлено. Тутъ же «съ каждою *весною*» первый переводчикъ задумалъ исправлять Пушкина: «svaku *jesen*»!

IV. 17: «онъ подалъ руку ей»: «nju za ruku *prosi*». Совсѣмъ не вѣрно.

IV. 18: «его *чествли* такъ и сякъ»: «više manje *čest* su mu

davali»—не одно и то же. Одавичъ передѣлалъ свободно по смыслу: «Закачку му нађу лако». Трнски удалился слишкомъ далеко.

IV. 19: «А что? да такъ» нельзя перевести: «Što sad? tako», скорѣе: zašto? или буквально a što? Въ 6-мъ стихѣ «oborena» у Димитровича опечатка вм. «obodrena». «Въ кругу порядочныхъ людей» переведено тяжело: «u okružju redoljubnih ljudih»; «безъ всякой злобы и затѣй» нехорошо: «brez ikakve *mušice* i zlobe». Цѣлая строфа выходитъ въ парафразѣ Трнскаго совсѣмъ не такъ, какъ въ подлинникѣ, гдѣ все гораздо проще и понятнѣе. Нельзя похвалить ни передачи Одавича, ни у него не идетъ разсказъ просто и гладко.

IV. 20: «о Рождествѣ навѣщать» и «pohodit ih na godovno čedno» не одно и то же. Далѣе «или по почтѣ» не то, что «i još poštom», поэтъ не требуетъ того и другого. Одавичъ не согласенъ съ личнымъ визитомъ, слова «ихъ навѣщать» у него переведены: «честитку им треба слати» (sic!).

IV. 21: «для добродѣтельной жены» не слѣдовало переводить: «radi svoje dobrotvorne žene», предлогъ «radi» здѣсь нарушаетъ смыслъ. И у Трнскаго невѣрно: «uz to misli muž siroma (sic!) da j' poštenje ženi sveto», въ подлинникѣ же сказано: «мнѣнія супруга... всегда почтенны быть должны». Одавичъ придерживался Трнскаго. Вообще тонкіе намеки этой строфы не удались переводчикамъ!

IV. 24: «Качая важно головою сосѣди шепчутъ межъ собою»: первый стихъ не переведенъ и замѣненъ такъ: «da je živa ona ni ne znade», но этихъ лишнихъ словъ нѣтъ въ подлинникѣ. Трнски и Одавичъ исправили эту ошибку.

IV. 25: «въ ея покоѣ»: «u njezinu *dvoru*», не лучше ли: «u njezinoj sobi»? (Трнски своимъ пуризмомъ предпочитаетъ конечно «izbu»). Къ подлинному: «они въ саду, рука съ рукой, гуляютъ» Трнски прибавилъ (для риѳмы?): «ili vrtom *il pred dvorom* vodaju se rujnom zorom». А Одавичъ, подражая ему, не хотѣлъ отказаться отъ этой ненужной прибавки: «и по врту (*двор им смета*) њих се двоје често шета»!!

IV. 26: «И Ленскій пѣшкою ладью беретъ» невѣрно: «*pješcem* miče kano sa *kraljicom*» Дим., у Трнскаго: «Lenskomu se... *kralj pješakom* pače čini», ему подражалъ и Одавичъ: «на свог *краља*... са *пешаком* својим дигне». На дѣлѣ «ладья» значитъ «slon» или «top», «пѣшку» же обыкновенно переводятъ «momak».

IV. 28. У Димитровича и Одавича оставлены французскія слова безъ перевода, какъ и слѣдовало. Трнски перевелъ и это!

IV. 30. Въ концѣ строфы Димитровичъ и Одавичъ остались вѣрны подлиннику, сохранивъ мадригалы, но Трнски передѣлалъ это въ mile lale!

IV. 31: «не хладно блещетъ остротой» не значитъ: «i gorućom dosietnosti sjaje», поэтъ хотѣлъ сказать, что Ленскій вообще не прибѣгалъ къ остротамъ. У Трнскаго очень искусственно: «bez obinje, primisalja javnu štono osjećo je». И Одавичъ удалился отъ словъ подлинника. «Что ни замѣтитъ, ни услышитъ» не значитъ: «što *nit* vidi *niti* čuje», какъ у Трнскаго сказано, и въ подражанье ему у Одавича: «чег на Олги баш и *ниje*». Оба переводчика не поняли значенія русскаго оборота «что ни». Кажется, по той же причинѣ и Димитровичъ вывернулся ловко изъ затрудненія не переведя этого мѣста.

IV. 32. Смыслъ строфы, имѣющей близкое отношеніе къ тогдашней литературной критикѣ, не легко было передать въ точности. Димитровичъ поступилъ благоразумно придерживаясь буквальнаго перевода, только «Ничуть. Куда!» переведено не хорошо: «ništa. Kuda», вм. «ни по што» или «ниje тако». Парафраза Трнскаго совсѣмъ отступаетъ отъ подлинника, приписываетъ русскому поэту мысли, имъ невысказанныя. Напр. въ подлинникѣ не говорится о томъ: «sbrisat će mi pjesmu koju, ubogi mi sgazit vienac»! Гдѣ же въ подлинникѣ «*a reć druzi* viču svoju»? или «misli glavnica mi mrtva bila, *dokle ljubih*»?! Одавичъ постарался ближе подойти къ тексту Пушкина, но ни онъ не понялъ всѣхъ тонкостей.

IV. 33. Продолженіе мыслей строфы предыдущей, чего опять переводчики не сумѣли передать какъ слѣдовало. У каждаго изъ

нихъ много ошибокъ по непониманію русскаго текста. Напр. «какъ ихъ писали *въ моцны годы*» перевелъ Трнски: «*Za godovno* pište čije» (т. е. пишите оды *для именинъ*!!). Впрочемъ для извиненія переводчиковъ я долженъ примѣтить, что эта строфа нуждается въ самомъ дѣлѣ въ комментаріѣ для всѣхъ не знающихъ литературныхъ стремленій предшествовавшей Пушкину эпохи.

IV. 35: «*бродя* надъ озеромъ» не значитъ «po zelenom *zaveslim* jezeru» Дим. или «ribnjakom se *vozam*, plovim» Трнски, или «по jезеру *бродим* ти'о» Одавичъ. Переводчики опять не замѣтили разницы значенія между русскимъ «бродить» и сербскохорватскимъ «brodіti».

IV. 42. Риомы «розы» и «морозы» Димитровичъ не выдержалъ, поэтому онъ вм. пропущенныхъ двухъ стиховъ (они въ скобкахъ въ русскомъ текстѣ) растянулъ разсказъ: «опрятнѣй моднаго паркета блистаетъ рѣчка, льдомъ одѣта», въ слѣдующіе четыре стиха: «bolje nego podovi voštani, izkefani viešto osvietljani, u ukusnoj ikakvoj dvorani, sjaji rieka ledom odievena». Такимъ же пріемомъ выигралъ и Трнски число стиховъ; только Одавичъ пытался подражать подлиннику, но чтобы получить риому на «ружа», онъ внесъ въ первый стихъ глаголъ «пружа».

IV. 49: «сдѣлай одолженье»: «odduži se njima» Димитр. — не идетъ, скорѣе: «ugodi im» или «učini ljubav».

IV. 51: «какъ *пьяный* путникъ на ночлегѣ»: «na noćištu kao putnik *nježni*», должно быть просто по недосмотру. Ошибка исправлена у Трнскаго и Одавича.

V. 2: «въ красномъ кушакѣ»: «u ćubari cèrnoj» Дим., вѣрнѣе у Трнскаго: «crljeni pâs», Одавичъ: «топли (sic!) појас».

V. 3: «*изящнаго* не много тутъ»: «ništa u njoj *zanimivog* nema» Дим., лучше Одавичъ: «*лепоте* је у њих мало», но не лучше Трнски: «*umjetnosti* baš je malo».

V. 4: «со всего двора» и «u svakome dvoru» не совпадаютъ значеніемъ. У Трнскаго и Одавича пропущено.

V. 8: «i zdielice» въ пятомъ стихѣ несомнѣнно опечатка вм. «iz zdielice» (изъ блюда). «Гребутъ лопатой серебро» неточно

сказано: «srebro *zlato nose* na lopati» Дим. Послѣдній стихъ: «милѣй кошурка сердцу дѣвъ» въ переводѣ Димитровича пропущенъ. Трнски и въ подражаніе ему Одавичъ перевели его такъ: «Ljepše j'»: «zove mačak macu»: «лепше ј': мачак мацу зове».

V. 13: «въ своей *нахмуренной* красѣ»: «u *smèrknutoj* svojoj su krasoti» — не хорошій выборъ прилагательнаго, лучше было бы: «u potmurnoj krasoti». Трнски и Одавичъ не входятъ въ подробности. Въ перечисленіи деревьевъ нѣтъ въ подлинникѣ «стараго дуба» (stara hrasta), не безъ причины; не надо было включать его въ переводъ.

V. 26: «отъ тридцати до двухъ годовъ»: «od trideset i dva lieta niže» — не точно, надо было сказать: «od trideset do dva ljeta na niže». «Въ пуху, въ картузѣ, съ козырькомъ»: «štono frake iz haljine gradi» — безсмысленный переводъ! Не годится, какъ у Трнскаго: «šubari mu obod širok», у Одавича совсѣмъ пропущено.

V. 28: «уѣздныхъ матушекъ отрада» не «zabava», какъ сказано у Димитровича или «slast» какъ у Трнскаго, скорѣе «утjеха» или «радост».

V. 34: «пошли привѣты, поздравленія»: «nazdravljanjem nasta čestitanje» — не совсѣмъ точно, лучше было бы: «počeše joj čestitat, nazdravljat».

V. 35: «однообразная семья, всѣ жадной скуки сыновья»: «roditelji od tih su igarah dugi časi, novčana pohlepa» — очень неточный переводъ. Не лучше у обоихъ остальныхъ переводчиковъ.

V. 36: «Люблю я часъ опредѣлять обѣдомъ, чаемъ и ужиномъ» не то значитъ, что сказано въ переводѣ: «Dragi su mi časi, odlučeni za obied, večeru i čaj» Дим., исправлено у Трнскаго, но не совсѣмъ. Въ словахъ «Želudac je naš *sad* vele vieran» я вижу опечатку вм. *sat*. Одавичъ не довольствовался одинъ разъ упомянуть о «стомакѣ» или о «желудцѣ», а всего — два раза. Трнски, наоборотъ, перевелъ: «kad je dobnjak zdrav mi tielu», а не сказано, гдѣ этотъ «dobnjak» (пуризмъ за «часы»!), т. е. въ желудкѣ.

V. 37. Въ этой строфѣ не переведенъ стихъ «предъ сонной скукою полей» въ изданіи Димитровича (въ обоихъ слѣдующихъ переводахъ эта строфа пропущена), зато вставленъ лишній стихъ: «al' ti tvèrdu vieru moju dajem».

V. 40. Вмѣсто «въ родѣ мнѣ Альбана» Димитровичъ вставилъ: «mila bratjo moja», Трнски перевелъ: «u rodjaka mog Albana», что не даетъ смысла, вѣдь Альбанъ давно уже не существовалъ, да какой онъ «родня» русскому поэту?! «Въ дѣлахъ и слогѣ поправляться» переведено не вполнѣ: «popravljati stihove i slogove» — гдѣ же дѣла? Трнски перевелъ то и другое: «umnim biti *djelom*, slogom». Одавичъ отдѣлался парафразою.

V. 43: «такъ и ломаетъ *полъ* вокругъ» — переводчикъ не понялъ значенія слова «полъ» и перевелъ невѣрно: «do pole je krugom odpanula», значитъ: каблукъ — «на половину вокругъ отпалъ»!!

V. 44: «пошлый мадригалъ» никакъ нельзя назвать «ugodne miline», у Трнскаго общее выраженіе: «budi kakvo zavodjenje», у Одавича тоже «неку песму».

VI. 4: «глава повѣсъ, трибунъ трактирный» — отъ перевода этихъ словъ переводчикъ уклонился общей фразою: «i još svašta što sviet ni ne znade». Трнски: «i gost krčmi noć i dan», Одавичъ: «у кафани вођа пирни» — все не то! «Отецъ семейства холостой» не «porodice otac *bez poroda*», а то, что по смыслу сказано у Одавича: «а сад отац... од ванбрачне деце пеке». У Трнскаго это обстоятельство не принято въ переводъ.

VI. 7: «дабы завтракать втроемъ»: «da bi š njima *večerao sutra*» — для чего такое ненужное отступленіе отъ подлинника? Трнски и здѣсь пожелалъ блеснуть оригинальностью выраженія: «te *mirȍkov* ručat s njima», слово «мироковъ» значитъ поэтически въ самомъ дѣлѣ «мировой».

VI. 9: «всталъ безъ объясненій» не значитъ: «brez odvieta stajo», встать и стоять не одно и то же.

VI. 10: «и подѣломъ» переведено: «i u stvoru», что у Димитровича обыкновенно служитъ выраженіемъ фразы «въ самомъ дѣлѣ». Для «мячикомъ предразсужденій» нѣтъ перевода у Димит-

ровича, у Трнскаго, понимавшаго «мячикъ» въ значеніи «мальчика» сказано: «ne bit gorim od dječaka», у Одавича: «не страшљивац који бега», что уже совсѣмъ не годится. Онѣгинъ не былъ трусъ!

VI. 11: «конечно быть должно презрѣнье цѣной его забавныхъ словъ» — этого возраженія, которымъ могъ бы Онѣгинъ оправдаться, если-бъ онъ отклонилъ дуэль, не обнаруживаетъ переводъ: «A napokon mora biti prezrienje nagrada mu u zabavnom krugu», «забавныя слова» не «zabavni krug»! Трнски тоже не вникъ въ сущность подлинника, Одавичъ же подражалъ ему.

VI. 12: «привезъ торжественно отвѣтъ» не хорошо сказано: «donio je odgovor *u slavi*». Хорошо у Трнскаго: «svečan» или у Одавича: «важно». Слову «*ženski* svoje uklonio grudi» тоже нѣтъ основанія въ подлинникѣ. Ленскій боялся совсѣмъ не того, чтобы Онѣгинъ струсилъ, а чтобы не отшутился! Лучше переведено это мѣсто у Трнскаго и Одавича.

VI. 14: «онъ почти здоровъ» нельзя переводить: «i zdrav zdravcat», у Трнскаго тоже нехорошо: «sretnik lišen boli, biede», ни у Одавича: «срећан је и пун силе».

VI. 18: «друзей соединила-бъ вновь»: «opet dobra pomirila druga», невѣрно, потому что дѣло касается обоихъ. Или развѣ «dobra druga» Димитровичъ считалъ двойственнымъ числомъ?! «Но этой страсти и случайно еще не открывалъ» не совсѣмъ вѣрно у Трнскаго: «Ali ljubav tu na znanje tko bi Lenskom priniet mogo» — не о Ленскомъ здѣсь говорится, а о тайномъ вздыханіи Татьяны! Одавичъ и здѣсь подражалъ Трнскому, но не повторилъ его ошибки: «ал' љубав јој ни случајно још открио нико није»!

VI. 23. Словъ «темно и вяло», характерныхъ для романтизма, не слѣдовало измѣнять или послаблять, «*žalostno* i *tužno*» нехорошій переводъ, лучше Одавичъ: «*туга*, *тама* из свег бије», Трнски перевелъ только «грусть», т. е. «*sjetni* peru trag se krvce vidi» (какой слѣдъ крови? откуда взялъ это переводчикъ?).

VI. 24: «ужъ солнце катится высоко» никакъ нельзя передавать: «već je skoro *počinulo* sunce»!

VI. 25: «халатъ и туфли»: «bielo, čisto dodaje mu ruho» — совсѣмъ не такъ! Димитровичъ не понялъ, что значитъ «Лепажъ», да и «къ двумъ дубкамъ» не надо было передѣлывать въ ед. число «k debelome dubu». Одавичъ передѣлалъ два дубка въ «березу» (где су оне брезе)!

VI. 30: «еще не цѣля» нельзя сказать: «ne pucaju jošte» — это было бы еще рано! Хорошо у Трнскаго: «ne naperiv cievi ljute».

VI. 33: «оплошнаго врага» не «*lienoga* dušmana» Димитр., лучше «druga *nemarnoga*» (только не «друга») Трнски; у Одавича не удобопонятно: «душманин ти с руге многе».

VI. 39: «стеганый халатъ» не нужно было перемѣнять въ переводѣ въ «rariče vezene», лучше Трнски: «spavaćem si u odielu»! Одавичъ удалился въ своемъ переводѣ отъ всѣхъ подробностей.

VI. 40: «въ волны погружать кувшины» не содержитъ въ себѣ «ili se kupati», какъ Димитровичъ перевелъ! А все-таки и Трнски разсказываетъ: «Žetelica gdje *se kupa*», и даже Одавичъ: «Жетелицам купалиште»!! Но по картинѣ Пушкинской жницы приходили туда не чтобы купаться, а только почерпать кувшинами воды!

VI. 43: «*тревожатъ* сонъ моей души»: «sanak moje *zapanjuju* duše» Дим., лучше было бы «zabunjuju».

VII. 4: «На каретахъ тяжко нагруженныхъ, на долгихъ иль на почтовыхъ» — переводъ не полный: «nakèrcajte kola i kočije», а слова «što možete sve bèrže i bolje» — лишняя, ничего не значащая прибавка. И у Трнскаго сокращено: «prtljaj, prtljaj, svak se žuri» или у Одавича: «нек' с' у кола пртљаг диже». Такими обобщеніями вытираются индивидуальныя черты.

VII. 7: «памятникъ унылый — забытъ»: «nitko ne dolazi» — черезчуръ блѣдное отраженіе подлинника. Нѣсколько лучше Трнски: «zapušten je grob taj veće» и у Одавича: «заборављен гроб је сада».

VII. 13: «облегченья не находитъ она подавленнымъ сле-

замъ» — въ переводѣ: «olakšice ne nahodi nigdje, *vaviek cvili, do boga se čuje*» сказано то, чего нѣтъ въ подлинникѣ, не о громкихъ проявленіяхъ отчаянія говорится, а только о — подавленныхъ слезахъ.

VII. 23: «вездѣ Онѣгина душа себя невольно выражаетъ» — въ переводѣ надо было оставить «душу» подлежащимъ предложенія», не переводить такъ: «svagdje ona (т. е. Татьяна) Onjegovu dušu nehotice sebi izražuje». Хорошо у Трнскаго: «Evgenova duša svagdje nenaumce odaje se».

VII. 26: «какъ мелкимъ бѣсомъ разсыпался» — смыслъ фразы, судя по переводу, не былъ переводчику извѣстенъ: «čudnim čudom raztrešen je bio» совсѣмъ не то, что хотѣлъ сказать поэтъ, т. е. «kako joj se ulagivao». И фразы «зачѣмъ же стало» нельзя передавать: «Što je zato stalo» — слова значатъ: «а što, gdje je stvar zapela» или «а što, zašto da odgadjamo». Невѣрно и у Трнскаго: «bud' nam se je bavit time».

VII. 27: «на *судъ взыскательному* свѣту»: «na *pogèrdu ukusnome* svietu» — не удовлетворяетъ, во-первыхъ «судъ» не «pogèrda», во-вторыхъ «взыскательный» не «ukusni». Нѣсколько лучше Одавичъ: «свету што све критикује на очи ће сада поћи», менѣе удачно у Трнскаго»: «tako na sve oči da se prosta Moskvom *koči*».

VII. 29. Осенью «природа... какъ жертва пышно убрана»: «kano žèrtva *umiljato gizda*» Дим. — не то хотѣлъ сказать поэтъ, лучше у Трнскаго: «poput žrtve nakićene» или у Одавича: «ко кићена жртва да је».

VII. 30: «первымъ снѣгомъ *съ кровли бани* умыть лицо, плечи и грудь» невѣрно переведено: «da se pèrvim *u kupelji* sniegom bielo lice opere i grudi». И у Трнскаго это превратилось въ «nejde sgrtat snieg lagašan». Да это не ея дѣло, сгребать снѣгъ! Ошибка исправлена у Одавича.

VII. 31: «ну, много всякаго добра» — значеніе частички «ну» не понято, въ переводѣ не слѣдовало сказать: «al' i mnogo svakojaka dobra», какъ будто бы этими словами прибавлялось еще

что-нибудь новое къ прежде причисляемымъ предметамъ. Въ перечисленіи переводчики очень расходятся, въ доказательство, что въ такихъ подробностяхъ они не придавали значенія точности. Напрасно!

VII. 32: «въ возокъ боярскій ихъ впрягаютъ»: «upregoše *bojarske vozove*». Съ какой стати въ переводѣ множ. число?

VII. 33: «и заведетъ крещеный міръ на каждой станціи трактиръ» — одинъ переводчикъ нашелъ въ этихъ словахъ, что на каждой станціи будутъ гостиницы полны крестьянскаго народа («Kèršteni će napunjati ljudi gostilnice kod svakog odmora» Дим., какъ будто бы это было желательно), другой истолковалъ предсказаніе поэта, что въ каждомъ трактирѣ будетъ шинкаремъ — христьянинъ (стало-быть не жидъ?!): «a još svadje nek se *kršten krčmar* nadje» (Трнски). Лучше всѣхъ Одавичъ: «механе ће хришћан дићи», только и у него выраженіе «хришћан» было бы лучше замѣтить общимъ словомъ «народ».

VII. 35. Въ переводѣ сравненія «въ глазахъ мелькаютъ какъ *заборъ*»: «kano *vietar* pred očima bieži» потерянъ намекъ. Лучше у Трнскаго: «*stoborjem* se uz drum čine», у Одавича неудачно сказано: «мислиш да је *шума* права». Существеннаго объясненія «боясь прогоновъ дорогихъ» нѣтъ въ переводѣ Димитровича.

VII. 45: «все тотъ же другъ, мосьё Финмушъ, и тотъ же шпицъ и тотъ же мужъ», въ переводѣ сдѣлано нѣсколько произвольныхъ и ненужныхъ измѣненій: «drug joj *vierni*, finmuš *štene staro*, isti *majmun*, isti vaviek vojno». Почему Финмушъ названъ старой собакой? Почему шпицъ замѣненъ обезьяною? Трнски сдѣлалъ этого друга «королемъ всѣхъ щеголей» (kralja ljubi svieh kicoša)!!

VII. 47. Въ переводѣ Димитровича несомнѣнно въ стихѣ 5-омъ: «za uzdanje» опечатка вм. «za uzdarje».

VII. 48. Первый переводъ буквально безупреченъ, но не читается удобно. У Одавича слова подлинника не уцѣлѣли въ переводѣ, но за-то стихи просты и гладки. У Трнскаго неестественно и очень искусственно.

VII. 49: «Архивны юноши» не отражается въ переводѣ Димитровича «gizdelini mladi», въ переводѣ Трнскаго: «junaci svieh ureda» выражено слишкомъ неопредѣленно, точно такъ у Одавича: «чиновници многи млади». Выразительное слово «чопорно» понято опять Димитровичемъ въ смыслѣ и значеніи сербско-хорватскаго «čopor», т. е. онъ перевелъ «na jagmu»! Лучше Трнски: «kicošeć se mjere Tanju» и въ подражанье ему Одавичъ: «мере је са стране сваке». Слова «одинъ какой-то шутъ печальный» переведены у Димитровича совсѣмъ серьезно: «Samo jedan njome nadahnuti, za divotu držaše ju pravu». Такъ и у Трнскаго: «jedan samo medju sborom proglasi ju uzor-stvorom». Лучше попалъ въ шуточный тонъ Одавичъ: «неки «вициг» међ' том свитом нађе Тању узоритом». Конецъ строфы, гдѣ разсказывается о встрѣчѣ Вяземскаго съ Татьяной, потомъ о старикѣ въ парикѣ, переводъ довольно сбивчивъ.

VII. 50. Стихи «гдѣ машетъ мантіей мишурной она предъ хладною толпой» не переведены, какъ слѣдовало бы: «gdje vezeni zlatni plašć se vije, pred studenom gomilom je ona» Димитр. Ни у Трнскаго или Одавича не лучше.

VII. 51: «гусары отпускные»: «častnici iz bližnjih». Съ какой стати? Но еще менѣе удачно Трнски: «A konjici vragulini» или Одавичъ: «а хусари са дозволом» (т. е. гусары съ позволенія сказать)!!

VII. 55. Пуризмъ Трнскаго не позволилъ ему оставить даже выраженіе «классицизмъ» нетронутымъ. Въ этой строфѣ поэтъ подсмѣивается надъ классицизмомъ (правда, не совсѣмъ во время, въ самомъ почти концѣ сочиненія), а переводчикъ далъ словамъ «я классицизму отдалъ честь» такой видъ въ переводѣ: «*izvrstnosti* im pokorih»! Кто пойметъ это?

VIII. 5: «безмятежно» нехорошо: «bez zaprieke» Дим., у Трнскаго не лучше: «bez svieh spona», у Одавича пропущено. «Пиръ младыхъ затѣй»: «pir za mlade varke»—не вполнѣ удачно, лучше: «mladih želja» или «mlada pregnuća».

VIII. 6: «явленьемъ медленнымъ гостей»: «pojavljenju tre-

nutnih gostijuh», не вѣрно. Трнски удалился отъ русскаго текста, Одавичъ перевелъ: «гледа госте како хите», т. е. какъ разъ не то, что въ подлинникѣ.

VIII. 7: «такъ, точно онъ»: «svojom li je glavom?» очень неудобный вопросъ!

VIII. 8. Въ переводѣ этой строфы Димитровичъ устранилъ «Мельмота», замѣнивъ его, какъ кажется «bogomoljcem» (неудачно, прибавимъ), но Трнски вычеркнулъ и Гарольда, а также слова космополитъ, патріотъ, квакеръ должны были уступить чистымъ народнымъ, въ слѣдующемъ видѣ: «Il samoživ, il domoljub, danguba li il bogoljub, il zemljotres, svietu prijan, na sito li lis je vijan». Признаться, мнѣ несравненно понятнѣе подлинникъ русскій, чѣмъ подобнаго рода переводъ. Одавичъ облегчилъ себѣ задачу пропусками.

VIII. 9: «что умъ, любя просторъ, тѣснитъ»: «Zašto razum vaviek progonimo» — совсѣмъ не такъ. Трнски: «put mu umu stješnjavamo», Одавичъ въ подражанье ему: «Ум полетан стешњавамо» — тоже не вѣрно. Мысль поэта была сказать, что умъ его (т. е. Онѣгина), любя просторъ (развязность въ выраженіяхъ и т. д.) тѣснитъ (т. е. мѣшаетъ другимъ, вызываетъ съ ихъ стороны возраженія). «Намъ по плечу и не странна»: «nestrana je na ramenu nama» — переводъ безъ смысла! Ближе подошелъ къ подлиннику Трнски: «Polovna nam što su djela običajna, omiljela». Одавичъ удалился опять въ область самостоятельнаго разсужденія: «што туђ рачун водит знамо, а на свој и не гледамо»!

VIII. 13: «немногихъ добровольный крестъ»: «što s njim nitko podielio nebi» — совсѣмъ не то! Одавичъ пропустилъ слова «весьма мучительное свойство», его переводъ: «носилаца још је таки' добровољног крста тога» хорошо передаетъ приведенныя слова. Трнски совсѣмъ удалился, измышляя по своему: «kako ne bi jadan strado, kad mu takva groz se svidje»!

VIII. 14: «безъ этихъ маленькихъ ужимокъ, безъ подражательныхъ затѣй»: «brez malenih onih je znakova, i brez svijuh varakah na licu» — не удовлетворяетъ. Трнски по своему: «ne

privlačla mehkim mamom nit naumce igdje posta»—но въ этихъ словахъ не узнать русскаго подлинника. Одавичъ: «нит се она ту бенави, нежнога је на њој доста», здѣсь только первый стихъ нѣсколько напоминаетъ русскій подлинникъ.

VIII. 16: «хоть ослѣпительна была»: переводъ «štono sobom sve je zasliepila» не точно отнесенъ къ предыдущему слову «susiedka». Исправлено у Одавича. У Трнскаго послѣдній стихъ строфы относится тоже къ Татьянѣ вм. Невской Клеопатры.

VIII. 18: «и что ей душу не смутило»: «ništa dušu smutilo joj nije» — совсѣмъ наоборотъ. Исправлено у Трнскаго и Одавича. И въ концѣ строфы переводчикъ удалился безъ надобности: «въ ней сохранился тотъ же тонъ, былъ такъ же тихъ ея поклонъ»: «istim ga je pozdravila glasom, *kô da nigda vidila ga nije*»! Трнски хорошо, но очень натянуто: «glasom grla ne sapeta, poklonom ga smjernim sreta». Лучше Одавичъ: «оста израз што је био, поклони се смерно, ти'о».

VIII. 22: «угрюмый, неловкій»: «*tvèrdokoran*, neprestan i mrgačan» — здѣсь въ переводѣ первое прилагательное лишнее, оно даже не соотвѣтствуетъ обстоятельствамъ, второе — опечатка: «neprestan» нужно исправить въ «nespretan», тогда это слово будетъ равняться русскому «неловкій». Въ слѣдующемъ поэтъ два раза употребилъ прилагательное «упрямый», котораго въ переводѣ нѣтъ ни у Димитр., ни у Одавича, только Трнски: «i *tvrdoglav* sam se mori».

VIII. 23. Изящные обороты этой строфы, столь наглядно рисующей непринужденную болтовню высшаго общества, поставили переводчиковъ въ затрудненіе. Димитровичъ хотѣлъ быть буквально точенъ, но не хватило подходящихъ выраженій. Какъ ему перевести: «легкій вздоръ сверкалъ безъ глупаго жеманства»! Онъ перевелъ это такъ: «mile traske sjajno bliešte brez ikakve resnje» (очень неизящно, слова traska и resnja принадлежатъ къ неупотребительнымъ неологизмамъ). Трнски: «žamor stoji brza, bistra dosjećanja, nema gizde, zamjeraja» (хорошо, но не то). Одавичъ: «Доскочица, шала годи а книгиња не замера» (еще свобод-

нѣе). Какое несходство, не правда-ли? Только послѣднее слово у Одавича вызвано переводомъ Трнскаго, во всемъ остальномъ расходятся. Еще труднѣе для перевода были слѣдующія слова: «и прерывалъ его межъ тѣмъ разумный толкъ безъ пошлыхъ темъ, безъ вѣчныхъ истинъ, безъ педантства». Димитровичъ перевелъ: «Al' medju tim kadikad i traske razboriti pretèrguje govor, sve na mili i slobodni način», Трнски: «A sa šalom još se spaja istinica mudra znanja», Одавичъ: «Ту се и чем другом вине те разговор умни сине без педантних оних мера».

VIII. 24. И въ этой превосходной строфѣ переводчики не сумѣли передать всѣ черты, всѣ штрихи подлинника. Напр.: «въ душистыхъ сѣдинахъ старикъ, по-старому шутившій, отмѣнно тонко и умно» переведено у Димитровича такъ: «tu je bio ostarieli starac, koji umne ugodne i mile po starinsku sbijao je šale» (нѣсколько вяло), Трнски: «i sied starac tuda kroči te se šaleć svud praćika, umno, zrelo, bistro, bujno» (слишкомъ искусственно, натянуто), Одавичъ: «неки старац ту j' међ њима што старачки шале твори, тон подробан из њих веје» (послѣднія слова этого перевода неудачны).

VIII. 25: «на плоскость дамъ» нельзя переводить: «na odurnost ženah», нѣсколько лучше Трнски: «na um ženski suprotivan» (не выразительно). Одавичъ отдѣлался молчаніемъ.

VIII. 26. Первые четыре стиха этой строфы, гдѣ говорится о Сабуровѣ и каррикатурахъ на него француза St.-Priest, переведены у Димитровича совсѣмъ невпопадъ: «заслуживший извѣстность низостью души» «pogèrdni i podli, svi ga mèrze i svi ga preziru», слова же «prem do zemlje svaki mu se klanja» лишняя прибавка, ничего подобнаго нѣтъ въ русскомъ текстѣ. О каррикатурахъ, припоминаемыхъ въ подлинникѣ, у Димитровича и помину нѣтъ, такимъ образомъ слова «što u svakom pomeniku sjaje» остаются безъ русскаго текста непонятными. Трнски ошибся, считая каррикатуры дѣломъ Сабурова: «črčkanja mu nadjena su po svih knjigah spomenicah». Одавичъ перевелъ точнѣе, но и онъ не понялъ смысла: «кој' потроши на албуме, St.-Priest-e,

писаљке ти». — «Румянъ какъ вербный херувимъ»: «ko rak cèrven» — большая разница! — «И путешественникъ залетный, перекрахмаленный нахалъ»: «tu je putnik dèrzki, doletjeli, što se diči i napinje važno» — переводъ мало похожъ на подлинникъ. Еще менѣе у Трнскаго: «Tamo putnik vjetren, hitan, pod noge je obraz vrgo». Одавичъ съ пропускомъ: «Ту j' и путник неки био, *ког су други мерит стали*».

VIII. 27: «но неприступною богиней роскошной царственной Невы» переведено свободно: «što no pred njim sa svim veličanstvom ko boginja nedosižna stáše». У Трнскаго не лучше, а скорѣе хуже: «boginja je nedodirna ponad carskom *zviezda* (sic!) Nevom», выходитъ Татьяна — богиня и звѣзда за одно! Не хорошо и у Одавича: «те богиње *дивне*, *мамне*, што нам Неву собом дичи».

VIII. 28: «объ немъ она—дѣвственно груститъ»—нехорошо сказано въ переводѣ: «za njim rieke prolila je suzah»! Это неправда. И послѣдніе стихи переведены совсѣмъ не такъ, какъ слѣдовало бы. Характернаго стиха «къ лунѣ подъемлетъ томны очи» вовсе нѣтъ въ переводѣ. Трнски опять по своему измышленію: «za njm ona ciele noći *gramzila je priraslicom* (для меня непонятное слово!), lomila se bezsanicom, ljubila ga strastnom moći». У Одавича снята почти вся прелесть съ подлинника, переводъ его удалился и вышелъ блѣднымъ.

VIII. 30: «или раздвинетъ предъ нею пестрый полкъ ливрей»: «il oko nje kada se saleti dvoriteljah sva šarena četa» — здѣсь въ переводѣ опущенъ глаголъ, выражающій что́ сдѣлалъ влюбленный Онѣгинъ, т. е. раздвинулъ толпу, но не для того, чтобы разогнавъ ихъ самъ поднялъ ей платокъ, какъ у переводчика выходитъ: «da *u jaymi* dohvati joj rubac». Такъ понялъ и Трнски: «il kad može brz priteći *i razturiv čopor cieli*, dohvatit joj rubčić bieli». Ту же ошибку повторилъ и Одавичъ, подражая Трнскому.

Въ письмѣ Онѣгина пропущенъ въ переводѣ Димитровича стихъ: «Нѣтъ, поминутно видѣть васъ», у Трнскаго онъ переведенъ такъ: «Al vas vidjet svakog trena».

VIII. 34: «жестокая хандра»: «ljuti od života trudi» — неудачно; нехорошо и у Трнскаго: «*obiest* razigrana», Одавичъ: «кад га оно *чама* свила». Во всякомъ случаѣ «чама» ближе русской хандрѣ, чѣмъ «obiest» (заносчивость).

VIII. 35. Пуризмъ и здѣсь сослужилъ переводчикамъ нехорошую службу, у нихъ переведены даже названія такихъ изданій, какъ альманахъ и журналъ, утраченъ намекъ на значеніе этихъ словъ въ тогдашней русской литературѣ. Димитровичъ переводитъ «dnevnike i lietopise», Трнски «ljetni koji list il dnevni». Только Одавичъ въ этомъ пунктѣ поступилъ благоразумно.

VIII. 36: «ни съ чѣмъ не связанные сны»: «prinoznačni čudnovati sanci» — въ переводъ внесено гораздо больше, чѣмъ въ подлинникѣ сказано. У Трнскаго по своему: «O snu mutnu, babjih činih». Гораздо лучше Одавичъ: «то су снови искидани». — «Иль длинной сказки вздоръ живой»: «te pričice pametne i smiešne» Димитр. (неудачно), «duge priče sa oblaka» (еще менѣе удачно) Трнски. Въ подражаніе ему Одавичъ: «то су приче, слатке наде».

VIII. 38: «мой *безтолковый* ученикъ» едва-ли позволено было перевести такъ: «moj *valjani* i *vèrstni* učenik» Дим.! У обоихъ слѣдующихъ переводчиковъ пропущено.

VIII. 39: «на... изсѣченныхъ льдахъ»: «po... razdrobljenom ledu» — невѣрно. У Одавича пропущено, у Трнскаго не сохранена картина подлинника.

VIII. 42: «проходитъ долгое молчанье»: «već dugo prolazi meštanje» — должно быть по недосмотру вм. «молчанье» переводчикъ прочелъ въ русскомъ текстѣ «мечтанье».

VIII. 43: «одну суровость»: «samo ponos» — невѣрно. Трнски и въ этомъ простомъ языкѣ сердца не могъ обойтись безъ причудливыхъ вымысловъ: «al se s *leda* vašeg sgražah; za tihu mi ljubav znaste al ju *ledom* odvraćaste»! Итакъ два раза — ледъ!

VIII. 44: «*соблазнительную* честь»: «*prazni* slavu» — не хорошо, лучше Одавичъ: «име заводника». Трнски: «da uzmognete na glas doći» — но чѣмъ?

VIII. 45: «колкость вашей брани»: «vaše staro svojstvo» —

переводъ наобумъ! «Какая малость»: «bezstidna uvrieda» — это не переводъ, а передѣлка русскаго текста. Неудачно также у Трнскаго и Одавича.

VIII. 46. Первые стихи этой строфы не поддавались переводу точному, хорошему: «пышность эта, постылой жизни мишура, мои успѣхи въ вихрѣ свѣта, мой модный домъ и вечера — что въ нихъ?» Эти великолѣпныя слова переведены у Димитровича такъ: «velika je muka za me sjajnost i ličenje viečno, svi uspiesi u vèrtlogu svieta i večere i ukusni dvori» (безъ малѣйшей изящности), у Трнскаго: «što je meni do te slave, do žamora? do uspieha polučenih, do posiela, sjajnih dvora» (очень далеко отъ оригинала), у Одавича (лучше чѣмъ у другихъ): «нек је клета лажна сјајност што ме кружи, успеси ми сред тог света, дом узором што ми служи» (послѣднія слова неудачны). — «За полку книгъ»: «za knjižicu», кажется, что здѣсь «knjižicu» простая опечатка вм. *knjižnicu*.

VIII. 48: «она ушла»: «ona udje» — не точно, вм. «ona ode» (*уйти* не значитъ *уѣхать*, а *отъѣхать*).

VIII. 50: «и даль свободнаго романа я — еще не различалъ»: «a ja spievah slobodnog romana...» не хорошо и не точно. Напротивъ, очень хорошо у Одавича: «ал' даљину тог романа — тад сам само назирао», но «я сквозь магическій кристалъ» осталось у всѣхъ безъ перевода.

VIII. 51: «съ которой образованъ Татьяны милый идеалъ», неточно переведено: «a ta što sam nacèrtao š njome Tatjanu uzoricu milu», «съ которой» не значитъ здѣсь «š njome», а «š nje». Хорошо у Одавича: «Ти *с које* сам прецртаво». — «Не дочелъ» не значитъ «ne skonča», а «ne dočita».

IV.

По приведеннымъ многочисленнымъ примѣрамъ легко составить себѣ правильное понятіе о сравнительныхъ достоинствахъ трехъ сербско-хорватскихъ переводовъ «Евгенія Онѣгина». Точ-

нѣе другихъ и ближе къ словамъ русскаго подлинника оказывается переводъ Спира Димитровича. Но его стремленіе къ буквальной точности поневолѣ увеличило число случаевъ, гдѣ онъ промахнулся, не угадавъ смысла и значенія русскаго текста. Частью это вызвано недостаточнымъ знаніемъ русскаго языка, частью невозможностью вѣрной передачи всѣхъ тонкостей русскаго подлинника. Дать же переводу изящную форму, чтобы онъ могъ гладкостью стиха и языка соперничать съ подлиннымъ текстомъ — такого желанія у Димитровича вовсе не было, столь высокою цѣлью онъ и не задавался. Напротивъ, стремленіе именно къ этому идеалу замѣтно у второго переводчика, у Ивана Трнскаго. Этотъ поэтъ придавалъ всегда, во всѣхъ своихъ произведеніяхъ, большой вѣсъ — изящной формѣ, онъ всегда дорожилъ красотою языка и стиха, онъ любовался даже болѣе прелестью своихъ стиховъ со внѣшней стороны, чѣмъ богатствомъ содержанія. Иванъ Трнски напоминаетъ мнѣ отчасти Аполлона Майкова. Онъ знаетъ превосходно сербско-хорватскій языкъ, онъ изучилъ его не только по словарю Вука Караджича и другихъ, а также изъ устъ народа, преимущественно въ бывшей хорватской «военной границѣ». Но въ одномъ я не могу похвалить пріемовъ маститаго поэта. Трнски слишкомъ увлекается новизной, онъ любитъ слова и фразы новыя, необыкновенныя, при чемъ онъ часто забываетъ, что значительнымъ количествомъ неологизмовъ отягощается разсказъ, затрудняется чтеніе и притупляется вниманіе читателя. Стихъ течетъ плавно, но если спросить, что̀ отдѣльныя слова значатъ, тогда поневолѣ останавливаешься, хочется вторичнаго чтенія и немалыхъ усилій, чтобы разгадать смыслъ сказаннаго. Да не всегда это удается. Когда поэтъ, придерживающійся такихъ пріемовъ, взялся за нелегкій переводъ «Евгенія Онѣгина», въ результатѣ получился трудъ, пожалуй, очень почтенный, обнаруживающій доказательства похвальнаго усердія со стороны переводчика, но на дѣлѣ все-же не вполнѣ удачный. Переводъ «Евгенія Онѣгина» въ трудѣ Трнскаго блеститъ дѣйствительно внѣшнею фразеологіею, но у него одинъ большой недостатокъ: у него нѣтъ изящной

простоты и естественности подлинника. Что у русскаго поэта выходитъ просто и легко, что у него высказано великолѣпными, но въ то же время общепонятными словами и оборотами, то въ переводѣ нерѣдко выражено натянуто, искусственно, словами или оборотами мало извѣстными вслѣдствіе ихъ неупотребляемости. Разсказъ Пушкина производитъ на читателя впечатлѣніе прекрасной разговорной рѣчи, съ нѣкоторымъ даже оттѣнкомъ модной небрежности въ употребленіи французскихъ словъ или галлицизмовъ, въ переводѣ же Трнскаго постоянно слышится неестественная натянутость, вызванная изысканнымъ подборомъ мало употребляемыхъ словъ или оборотовъ. Прибавимъ къ этому еще одно обстоятельство, осложнившее его задачу: необходимость выдержать ритму очень часто заставила переводчика удалиться далеко въ сторону отъ словъ русскаго текста, онъ поневолѣ долженъ былъ прибѣгать къ произвольнымъ прибавкамъ, къ лишнимъ противъ подлинника измѣненіямъ и вымысламъ.

Въ объясненіе этой стороны перевода можно бы указать на множество примѣровъ. Я не желаю останавливаться на всѣхъ. Ограничусь главнѣйшими.

I. 4: «Когда же юности мятежной пришла Евгенію пора»: «mlade doЬe čim li steżne Evgeniju dodje hora». Подлинникъ я понимаю, но перевода — не понимаю. Что значитъ «mlada doba *stežna*»?

I. 5. Знаменитыя слова: «Мы всѣ учились понемногу, чему-нибудь и какъ-нибудь» переведены очень вяло: «nauka nam sviem je mala, jedva tko će više znati». Гораздо лучше (потому что проще) Одавичъ: «Сви ми тек по штогод знамо», второй стихъ менѣе удачно: «буди како ма од чега», лучше было бы сказать приблизительно такъ: «ал не питај, што и како».

I. 6: «Латынь изъ моды вышла нынѣ», какъ неестественно сказано: «Rus latinstvo odnemari»!

I. 28: «Музыка ужъ гремѣть устала»: «cilik glasbe *vesnu* namah» — мало понятный глаголъ «vesnuti se» (не «vesnuti» безъ «se») значитъ «появиться», что не соотвѣтствуетъ русскому

«устала». У Одавича: «а музика занос буди» — тоже не то. По-видимому переводчики воображали себѣ, что русское слово «устала» значитъ то же что сербское «устала»!

I. 29: «О вы почтенные супруги вамъ предложу свои услуги»: «oj muževi poštenjasi, *na krilaša ja se bacih*». Какая неумѣстная вставка! Что же значитъ въ слѣдующемъ стихѣ: «svjetovat vas u tom *grezu*»? Если «grez» значитъ «грязь», хорошо ли Онѣгину говорить: «хочу дать вамъ совѣтъ въ этой грязи»?! Когда поэтъ совѣтуетъ мамашамъ «держать прямо свой лорнетъ», то едва ли онъ хотѣлъ этимъ сказать: «na nju očnik vazda peri», т. е. чтобы мать лорнетомъ всматривалась въ свою дочку! Лучше Одавичъ: «Све лорњетом нек је прати» (т. е. пусть слѣдитъ своимъ лорнетомъ за ея взорами).

I. 32: «она (ножка) пророчествуя взгляду неоцѣненную награду»: «izpod skuta *biele* none *povoljicu* snit me gone». Очень искусственно, даже не совсѣмъ умѣстно. Гораздо проще и лучше Одавичъ: «при погледу она ствара у награду занос чара».

I. 34: «онѣ не стоятъ ни страстей, ни пѣсенъ ими вдохновенныхъ»: «jer ne vriede *prošla mira*, uzleta nam tanke žice». Одавичъ тоже не совсѣмъ хорошо: «а ниједна *страшћу* није звучне песме сад достојна».

I. 35: «на биржу *тянется* извозчикъ, съ кувшиномъ охтенка спѣшитъ»: «vozar *juri* (невѣрно, онъ ѣдетъ медленно!), snaša *sipa* noseć mlieko» (тоже невѣрно, охтенка не проливаетъ молока!). Одавичъ не понялъ значенія «биржи» — и Трнски пропустилъ эту мелочь — поэтому передѣлалъ извозчика въ купца: «свом дућану газда жури»!

I. 45: «мечтамъ невольная преданность, неподражательная странность, и рѣзкій, охлажденный умъ. Я былъ озлобленъ, онъ угрюмъ»: «i što smušen trabunjaše i što stranput straniaše, umom bio hladan drznik, ja bih zlobnik, a on mrznik». Переводъ этотъ былъ бы хорошъ, хотя онъ свободенъ, если бы слова *drznik*, *zlobnik*, *mrznik* не пропзводили впечатлѣнія неупотребительныхъ неологизмовъ. Поэтому лучше и проще у Одавича: «Заволех му

сетну машту, туђење му од свих људи, оштри разум ал' и дрзак. Ја бех злобан, и он мрзак». Впрочемъ тутъ видно подражаніе Трнскому въ выборѣ прилагательныхъ *дрзак*, *злобан*, *мрзак*, только что *мрзак* не передаетъ русскаго «угрюмъ».

I. 52: «стремглавъ по почтѣ одскакалъ»: «k pošti namah odšulja se»—слова перевода значили бы, что онъ тайкомъ подошелъ къ почтѣ!! Также неестественно переведено и продолженіе разсказа: «pak se praštat smrče, stavi, na plač srdce mrtvo navi, novca radi — lelek diže, kan da crn mu svane petak». Кто могъ бы догадаться, что въ основаніи этихъ словъ лежитъ слѣдующій текстъ: «и ужъ заранѣе зѣвалъ, приготовляясь денегъ ради на вздохи, скуку и обманъ». Не естественнѣе ли и проще у Одавича: «и на пошту хита, жури, ал' у напред већ се дури, спремајући се ради пара уздасима, плачу, свиме...», хотя и здѣсь вм. «на пошту» было бы лучше сказать «по пошти», а послѣднее слово «свиме» мѣшаетъ своей безсодержательностью.

I. 55. Въ концѣ строфы стихъ: «slavi s' ipak ne domakoh» совсѣмъ лишняя прибавка Трнскаго, причины которой нѣтъ въ русскомъ текстѣ.

I. 57: «tako spjevah *narav čilu*» — и этого въ подлинникѣ нѣтъ.

I. 60: «sumnje smrvih, da sam ja taj junak»— опять лишняя прибавка.

II. 5: «Поступкомъ оскорбясь такимъ всѣ дружбу прекратили съ нимъ»: «zamjera je, razpadanje, polaznika svak dan manje». Очень сбивчивый переводъ. Лучше и естественнѣе у Одавича: «наљућени врло тиме прекидоше дружбу с њиме».

II. 6: «Привезъ учености плоды: вольнолюбивыя мечты, духъ пылкій и довольно странный»: «dodje... maste razdražene, rogobatan, smušen, čudan». Переводъ очень мало похожъ на подлинникъ, рисуетъ характеръ Ленскаго совсѣмъ не такъ, какъ у Пушкина. Уже въ I. 10 присвоено переводчикомъ Онѣгину качество «rogobatan», здѣсь опять Ленскій тоже «rogobatan», а настоящаго значенія прилагательнаго «rogobatan» я все еще не знаю!

II. 7: «Отъ хладнаго разврата свѣта еще увянуть не успѣлъ»: «s nevaljalstva i grehota mlad uvehnut ne navali» — послѣдній глаголъ не удовлетворяетъ, вышло какъ-то натянуто. Лучше Одавичъ: «крај развратних, ниских људи он још млађан није пао». А въ концѣ строфы «надъ ней (т. е. цѣль жизни) онъ голову ломалъ и чудеса подозрѣвалъ» переведено такъ, что вышло общее мѣсто: «više l' mozga, bilo s česa, čudnija mu tiem čudesa»! И Одавичъ подошелъ ближе къ Трискому чѣмъ къ русскому подлиннику.

II. 8: «что безотрадно изнывая его вседневно ждетъ она»: «da ga želi, *pazi*, *sluša* neprestance, nigda spora». И этотъ переводъ не отражаетъ собою подлинника. «Душа родная» не могла его «наблюдать» или «прислушиваться» — это не въ духѣ романтики сказано. Лучше Одавичъ: «што му с' нада, што га чека», но не хорошо у него «што његовој (души) блиско стоји», это не переводъ словъ «безотрадно изнывая».

II. 9. Подъ конецъ строфы переводъ опять не удовлетворяетъ: «A zar nije puste sreće (sic!) kad u redke gizdav meće *štogodier mu srce grije* (гдѣ тутъ «возвышенныя чувства» подлинника?), štogod mašta više smaga (въ подлинникѣ: «порывы *дѣвственной* мечты»), čim prostota nadima ga» (въ подлинникѣ: «и *прелести важной* простоты»). Одавичъ отчасти вяло, отчасти очень хорошо: «песме су му пуне силе, осећаји пуни жара. У њим дечја мачта оста, и лепота важна проста».

II. 10: «онъ пѣлъ любовь, любви послушный и пѣснь его была ясна какъ...» у Одавича просто: «Љубав пева с пуно силе, песма му је јасна, лака к'о...», а Трински очень искусственно: «O *milki* si voljan pjeva, pjesma mu je po jasnoći miso...». Въ слѣдующемъ «луна» названа богинею «тайнъ и вздоховъ нѣжныхъ», Трински же называетъ «mjesec» «откликомъ» («vesak» значитъ приблизительно откликъ, эхо) вздоховъ нѣжныхъ. Но можно ли луну назвать «откликомъ»?! Превосходную характеристику туманной романтики во второй половинѣ строфы не могъ выдержать въ своемъ переводѣ Трински, но не удалась она и Одавичу.

II. 11: «ему не нравились пиры», переводчикъ говоритъ «dodijali», т. е. «наскучили», но пиры не могли Ленскому наскучить, когда онъ въ нихъ не принималъ никакого участья! Кто уполномочилъ Трнскаго къ пирамъ прибавить еще и «охоту» (lovi)? Какъ можно простое выраженіе «разговоръ благоразумный» переводить: «Domjenci razbukani» (слова «domjenak» нѣтъ даже въ академическомъ словарѣ)? О разговорѣ сказано, что онъ «не блисталъ ни чувствомъ, ни поэтическимъ огнемъ, ни остротою, ни умомъ, ни общежитія искусствомъ», а въ переводѣ говорится о томъ же самомъ: «mrtva srdca struje tamo (куда?) bez sveg ognja pjesničkoga, bez sve misli, *oštra sloga* (острота не «острый слогъ»!), bez sve kušnje (что такое kušnja? переводчикъ понялъ значеніе слова «искусство» въ томъ же смыслѣ, какъ обыкновенно употребляется сербско-хорватское «искусство», т. е. опытъ!) — trt mrt samo»!

II. 12. Безъ малѣйшей надобности, все о чемъ говорится въ этой строфѣ относительно Ленскаго, присвоено въ переводѣ — матери, т. е. говорится отъ ея имени! Выходитъ даже не совсѣмъ прилично, что именно мать намекаетъ гостю на свою — дочку!

II. 13: «сперва взаимной разнотой они другъ другу были скучны»: «jedan drugom dosadan je *te su sborit mučna oba*» — въ переводѣ не сказано, что они не сошлись сначала вслѣдствіе ихъ разности, зато прибавлены лишнія слова второй половины! «Первый каюсь я» относитъ Пушкинъ къ себѣ, переводчикъ же это передѣлалъ: «pjesnik sam se tuži», имѣя въ виду, должно быть, Ленскаго. Впрочемъ и въ II. 23 такое же примѣчаніе отъ своего имени въ 1-мъ лицѣ переводчикомъ перенесено въ 3-е лицо. Въ началѣ 14-ой строфы сказано, что даже и этой дружбы (т. е. о которой говорится въ концѣ предыдущей строфы) «нѣтъ межъ нами», Трнски же начинаетъ очень торжественно общимъ изреченіемъ: «Pobratimstva pravog nesta»!

II. 14: «для *насъ* орудіе одно» не слѣдовало въ переводѣ передѣлывать въ «oruđje *tu* (т. е. Наполеону) tek bijahu». «Намъ чувство — дико и смѣшно» не даетъ никакого смысла въ пере-

водѣ: «smiešno — čuvstvo u tom mahu». «Сноснѣе многихъ былъ Онѣгинъ»: «snosnijega znam *junaka*». На что здѣсь герой? «Хотя онъ людей, конечно, зналъ и вообще ихъ презиралъ» переведено очень туманно: «i prem mrči na množinu», а стихъ «и вчужѣ чувство уважалъ» значитъ у Трнскаго: «Drugo srdce voljan čuje» — мало понятно. Цѣлая строфа переведена гораздо проще и удобопонятнѣе у Одавича.

II. 15: «поэта пылкій разговоръ» переводится: «kad vilovit taj se lama» — для меня непонятно! «Онѣгину все было ново»: «sve to prilju čudno ječi» — какъ вычурно! Трнски вообще въ своемъ переводѣ любитъ вычурныя слова, въ числѣ ихъ также «milak» вм. любовь и «prilj» вм. prijatelj! Цѣлый стихъ «misli mu se mozgom metu» вставленъ переводчикомъ безъ надобности, а слова «nije s mene vrieme stalo» представляютъ собою очень искусственный переводъ русской фразы «и безъ меня пора придетъ». «Пускай покамѣстъ онъ живетъ да вѣритъ міра совершенству» переведено опять очень неестественно: «samo izvij vieka malo, za svršenstvo znat ćeš svietu». Хорошо переведена и эта строфа у Одавича.

II. 16: «и гроба тайны роковыя, судьба и жизнь, въ свою чреду — все подвергалось ихъ суду» — у Трнскаго очень мало похоже: «O sudbini, živu glasu, o smrti nam, duše spasu». Не лучше ли и ближе у Одавича: «и гробова вечне тајне, судба, живот и још друго — о чем они зборе дуго»? — «Читалъ отрывки сѣверныхъ поэмъ» — этихъ словъ не узнаешь въ переводѣ: «tudjoj pjesmi stavke sbori», кромѣ того здѣсь не слѣдовало обойти молчаніемъ эпитетъ «сѣверный». Дѣйствительно у Одавича сказано: «из северних спева гдешто».

II. 17. Строфа разсказываетъ о любимой темѣ собесѣдниковъ, о страстяхъ. Переводчикъ и здѣсь употребилъ свое излюбленное выраженіе «milak». Онѣгинъ говорилъ о страстяхъ «съ невольнымъ вздохомъ сожалѣнія», но это не значитъ: «žali spominjuć ga čase gubit», Онѣгинъ вовсе не жалѣлъ посвящать часы разговорамъ на эту тему, онъ только жалѣлъ въ разговорѣ

тѣхъ, которые когда-нибудь сдѣлались рабами страстей. «Блаженъ кто вѣдалъ ихъ волненія и наконецъ отъ нихъ отсталъ» переведено странно: «Blažen koji umie ljubit i pregorjet *nemar zmije*»! Что значитъ здѣсь «nemar zmije»? «Кто охлаждалъ любовь разлукой, вражду — злословіемъ» въ переводѣ: «il je hladan te ženarom zajam vraća» для меня непонятно! Какіе это «ženari»?

II. 20. Въ этой строфѣ представляется случай указать, какъ переводчикъ, придерживаясь очень некритическаго внушенія южно-славянскихъ стилистовъ, старался передѣлывать существительныя въ глаголы. Въ подлинникѣ читаемъ: «всегда, вездѣ одно *мечтанье*, одно привычное *желанье*, одна привычная *печаль*, ни охлаждающая *даль*, ни долгія *лѣта разлуки*» и т. д., переводчикъ передѣлалъ это такъ: «svagdje, vazda jedno *snatri*, živ je plamen vječnoj vatri (этого въ подлинникѣ нѣтъ), živom željom za njom *gine*, ne *ohladnje* s dalečine, ni dug razstaj ne *suzbi* ga...». Такихъ примѣровъ въ переводѣ Трнскаго много. Ср. напр. III. 25: «сперва *тщеславіе* кольнемъ надеждой, тамъ *недоумѣньемъ* измучимъ сердце, а потомъ ревнивымъ оживимъ *огнемъ*»: «malom nadom nek se *grije*, neka *dvojbi*, *gramzit* haje, potla jače njeg *razžežem*». Или IV. 39: «*прогулки*, *чтенье*, *сонъ* глубокій, лѣсная *тѣнь*, *журчанье* струй... *поцѣлуй*», а у Трнскаго: «*šetaj*, *čitaj*, *spavaj* dosti, *hladuj*, *snatri*, žuber *slušaj*... *poljubit*» — все глаголы. Противъ этой фальшивой теоріи романтической школы, будто бы въ славянскомъ слогѣ долженъ преобладать глаголъ, нужно возстать какъ противъ нехорошаго предубѣжденія. Какъ и въ другихъ языкахъ, такъ должно и въ славянскихъ властвовать — имя существительное! Доказательство на лицо — прекрасный русскій языкъ Пушкина.

II. 22: «blažili si krvcu ćudnu» должно быть отраженіе русскихъ словъ «тайныхъ мукъ отраду»! а «svjetlo maglom zamagljeno» передаетъ «замѣну тусклыхъ фонарей». Значитъ svjetlo передаетъ «фонарь». Безъ русскаго текста я бы не догадался.

II. 25: «ни свѣжестью ея румяной»: «niti živa nit lagana» — большое разногласіе! Одавичъ почти буквально: «ни свежином руменила».

II. 29: «отецъ ея былъ добрый малый, въ прошедшемъ вѣкѣ запоздалый», въ переводѣ: «otac joj je mlak dobrica, prošlog vieka sustalica» попадаются два выраженія изъ рѣдкихъ: «sustalica» въ словарѣ Вука засвидѣтельствовано, но въ другомъ значеніи, а «dobrica» въ академическомъ словарѣ приводится какъ существительное женскаго рода.

II. 32: «служанокъ била осердясь»: «na sluge se vazda ljuti» — въ сравненіи съ подлинникомъ мало.

II. 34: «нецеремонные друзья»: переводчикъ употребилъ новое слово «nežarce», отъ глагола «žarati se» церемониться. Попытка похвальная, но слово мало извѣстное. А въ II. 37 «suze *triše*» опять какой-то новый глаголъ.

II. 38: «изъ міра»: Трнски прочелъ «изъ мира» и перевелъ «iz mira», Одавичъ передѣлалъ это въ «из тишине», такимъ образомъ изъ одного недосмотра вышли двѣ ошибки.

III. 6: «иные даже утверждали»: «sve bi *priečke* drugi digli» — опять новое слово, значенія его въ словаряхъ не находимъ, кажется «priečka» значитъ «препятствіе» (такъ по крайней мѣрѣ въ кайкавскомъ нарѣчіи).

III. 9: «Всѣ для мечтательницы нѣжной въ единый образъ облеклись, въ одномъ Онѣгинѣ слились»: «svi su srdca otmičaru slični Geni, nje junaku, Tanja maštu goji taku» — довольно далекое разстояніе между подлинникомъ и переводомъ. Ближе Одавичъ: «Све јој ствара, све то буди једну слику пуну чара, Оњегина све јој ствара».

III. 10: «и себѣ присвоя чужой восторгъ, чужую грусть, въ забвеньи шепчетъ наизусть»: «te svojata tudju njegu, tudju muku, *jada stiku*, i toliko zaniela se, da na izust šapće glase» — въ этомъ переводѣ опять попадается фраза «jada *stiku*», которой значенія я не понимаю. Что значитъ «jada stiku»? опечатка ли это вм. jada sliku? Въ подлинникѣ никакого указанія на эти

слова нѣтъ. Очень неудобно сказано тоже въ концѣ строфы: «nije Grandisonu slična *pasma*» (порода)!

III. 13: «u kom neću *groz* izpredat krvna djela, dobra *straću*»— опять два неологизма, хотя довольно легкіе, но ненужные; послѣдняго выраженія въ подлинникѣ нѣтъ, тамъ сказано: «не муки *тайныя* злодѣйствія я грозно въ немъ изображу», о «потерѣ добра» не говорится.

III. 15: слова «вездѣ воображаешь ты пріюты счастливыхъ свиданій» переведены такъ, что я перевода не понимаю: «u gluh mašte mrak trnapi sastanku se radujući»!

III. 20: «a *mrtvosan* sviet občini»—слово «mrtvosan» опять что-то новое, въ подлинникѣ все просто: «и все дремало въ тишинѣ», такъ и у Одавича: «а свет спава у тишини».

III. 21: «въ необдуманномъ письмѣ любовь невинной дѣвы дышетъ» переведено не совсѣмъ отчетливо: «kroz te crte djevojkine nevina joj ljubav diše» — можно бы думать о чертахъ лица, не о письмѣ, здѣсь же только о письмѣ рѣчь идетъ.

III. 24: «одарена *воображеніемъ мятежнымъ*» никакъ нельзя передавать словами: «mjeru punu dobi *misli* i *pojama*». Что же тогда значило бы «мысли и понятія»?

III. 27. Въ строфѣ, толкующей о незнаніи русскаго языка въ дамскомъ обществѣ, прибавленъ въ переводѣ стихъ, преувеличивающій упрекъ дамамъ, котораго въ подлинникѣ нѣтъ: «dočim tudjoj sve su vješte, *i sam tudjin da im plješte*»!

III. 28: «робкая любовь» не значитъ «ljubav roba».

III. 30: «пѣвецъ «Пировъ» *и грусти томной*», въ переводѣ къ сожалѣнію послѣднія слова пропущены: «Baratinski pievče srdca». Какъ же можно слова «я сталъ бы просьбою нескромной тебя тревожить» переводить: «Evo drug ti *vodu grca* pak te bogom brati, kumi». Что значитъ «vodu grca»? Должно быть переводчикъ хотѣлъ сказать: другъ твой въ затрудненіи, поэтому обращается къ тебѣ съ просьбой...

III. 31. О попыткѣ перевода этой строфы упомянуто уже выше на стр. 236, и здѣсь видно стремленіе Трнскаго избѣгать

по возможности существительныя: «кто ей внушалъ и эту *нѣжность* и словъ любезную *небрежность*?»: «tko joj *milje sladko* stvori, *prostoumce* što ga sbori». Конечно безъ неологизма не обошлось, «prostoumce», кажется, новое издѣлье автора! Въ концѣ строки: «Početnica tako laka grdi strielca vilenjaka» — и этихъ словъ я бы не понялъ, если бы не было русскаго подлинника: «или разыгранный Фрейшицъ перстами робкихъ ученицъ». Не проще ли у Одавича: «ко Фрајшиц што те дира, почетница кад га свира», только «почетница» заимствована отъ Трнскаго.

III. 34: «moja glava tog ne tovi» — я не понимаю фразы, вижу только, что она соотвѣтствуетъ русскому стиху: «я нынче стала безтолкова».

III. 39: «хранитъ надежды темный сонъ»: «*čudne* nade Tanja hrani» — не точно.

IV. 10: «спокойно дома засыпаетъ»: «sladko spava, *prospi svadju*» — послѣднихъ словъ въ подлинникѣ нѣтъ.

IV. 15: «Съ такимъ умомъ ко мнѣ писали»: «dočim su vam nizom lista um i srdce zablistali» — переводъ черезъ чуръ сложный.

IV. 16: «Danu ni snu nema *vraće*» — удачный переводъ для «мечтамъ и годамъ нѣтъ возврата», только существительное «dan» и «san» не соотвѣтствуютъ. «To su božje *dovoljice*» опять неологизмъ, уже второй въ этой строфѣ! А трудно понять и этотъ стихъ: «Al vam umom mar ne šeni» — это долженъ быть переводъ русскихъ словъ: «учитесь властвовать собой»!

IV. 17: «Татьяна молча оперлась»: «tad se Tanja mrtvih grudi *zaobjesi*» — неудачный глаголъ! Очень искусственно переведены также слѣдующіе стихи: «головкой томною склонясь, пошла домой вкругъ огорода»: «podje glave ponikle si *sagom trave* (по ковру травы!) uza nj mučeć u dvor *roda*». Проще Одавичъ: «већ грудима главу склања, крај ограде двору оде...»

IV. 18. Первые стихи, простые по содержанію, переведены опять очень сложно: «Вы согласитесь, мой читатель, что очень мило поступилъ съ печальной Таней нашъ пріятель»: «taj mu

postup ni najmanje nemilostan, braćo, nebi osjećanju tužne Tanje»! Менѣе поэтично, можетъ быть, но во всякомъ случаѣ естественнѣе переводъ Одавича: «Читаоче, признај сада, да је добро учинио Јевђеније с Тањом тада». Еще одно мѣсто въ этой строфѣ вышло неудачно у переводчика: «враги его, друзья его (что можетъ быть одно и то же), его честили такъ и сякъ»: «pače zavist drúga koga često njega ozloglasi, ko što samo nedrug može. (Hrdja — hrdja)!

IV. 22: «ni dosadit svici dvora» — это долженъ быть переводъ (для меня непонятный) стиха: «кто не наскучитъ никогда»! Слова же «призрака суетный искатель» отражаются очень блѣдно въ переводѣ: «takov pojav neće k nama». У Одавича по своему, но очень свободно: «зато нек вас понос храни»!

IV. 25: «Владиміръ сладостной неволѣ предался полною душой»: «a on *bahat* bez obzira ljubi dragu bogujući» — я нахожу вставку прилагательнаго *bahat* (почти что *нахальный*, или по крайней мѣрѣ *спѣсивый*) здѣсь совсѣмъ неумѣстной. Какъ можно такъ назвать любовника, о котораго нѣжномъ стыдѣ далѣе рѣчь идетъ?

IV. 27: «мгновенной думы легкій слѣдъ»: «da miloduh miri cvieta» — переводъ мало значащій, а глаголъ «miri» мало употребительный.

IV. 32. Уже раньше (на стр. 240) сказано, что переводчикъ не угадалъ смысла этой строфы. «Strogi cienac (неологизмъ! вм. критикъ) sbrisat će mi pjesmu koju» не упоминаетъ элегіи, о которой здѣсь рѣчь идетъ. Также слова «pravo tako, trublja trubi, eno kindžal, krinka mami» — переводъ неудовлетворительный. Въ доказательство непониманія русскаго текста можно указать на переводъ словъ: «ничуть! куда!», которымъ выражено отрицаніе, а переводчикъ спрашиваетъ: «nema l' sgode?»!!

IV. 33: «припомни что сказалъ сатирикъ» конечно не значитъ: «rugalac se nama ruga», еще же менѣе «чужого толка хитрый лирикъ»: «tudj da lirik, tudja tuga»! а «унылыхъ нашихъ риѳмачей» нельзя переводить просто «nego naš nam pjesnik koju».

IV. 34: «*поклонникъ* славы и свободы» опять безъ существительнаго: «*ljubeć* slavu, slast sloЬode», точно такъ: «въ *волненьѣ* бурныхъ думъ своихъ»: «što ga *nuka* Ьurna miso». «Milje slovi žamoreće» труднѣе понять, чѣмъ «читающій мечты свои». И въ IV. 35: «milinje mi posestrino» для меня загадка, кажется это относится къ нянѣ: «подругѣ юности моей», но какъ вычурно все это выражено! Или же это переводъ словъ «гармоническихъ затѣй»? Въ «silom sletim susjeda si» пропущены важныя слова «ко мнѣ забредшаго». Не Пушкинъ разъѣзжалъ по сосѣдямъ!

IV. 45. Въ разсказѣ о шампанскомъ, которымъ Онѣгинъ угощалъ Ленскаго, переводъ не удержалъ всего, что въ подлинникѣ сказано. Гостю и не подавали другихъ винъ, поэтому предлогъ «uz» (во 2-омъ стихѣ) не нуженъ. Стихъ 4-й «ne bi l' Ьile maћ mu lieta» — лишняя прибавка переводчика. «Оно сверкаетъ, оно — меня плѣняло» не значитъ «jedno — drugo», похвала касается вообще шампанскаго. Мало удовлетворяютъ стихи: «lutao sam lud osovce i u razkoš pustu zašo», на сколько проще у Пушкина: «Его волшебная струя рождала глупостей не мало»!

IV. 46. Похвала вину бордо не такъ далеко идетъ въ подлинникѣ, какъ въ переводѣ, тамъ оно сравнивается съ другомъ, здѣсь же называется другомъ. Эта перемѣна заставила переводчика говорить о томъ, что бордо «*groznici* mi liek i Ьiedi», но въ подлинникѣ о лихорадкѣ и помину нѣтъ. Есть и другія измѣненія вовсе не желательныя, кромѣ того переводчику представился опять случай блеснуть такими необыкновенными оборотами, какъ «mladilac je svih umrlih» и «metilj pravi duga časa»!!

IV. 47: «Пора межъ волка и собаки» — переводчикъ могъ эту фразу (entre chien et loup) точно такъ передать въ буквальномъ переводѣ, какъ это сдѣлалъ Пушкинъ, только не слѣдовало прибавлять неумѣстнаго здѣсь «uz piev», эта прибавка нарушаетъ картину. Одавичъ, не зная, должно быть, французскаго происхожденія поговорки, передѣлалъ ее въ «мачка с мишом сложила се», но такъ нельзя поступать!

IV. 48—49. Поэтъ говоритъ о приглашеніи «на той недѣлѣ»,

переводчикъ нехорошо перевелъ «prvu ovu nedjelju» (ошибку повторилъ Одавичъ), а такъ какъ именины были въ субботу, то онъ долженъ былъ нѣсколько дальше внести въ переводъ слова «danak prije», что конечно все не такъ. Приглашеніе гласило на самый день именинъ.

IV. 50: «viek *ženika* da je težkih jada slika» — это невѣрно. Онѣгинъ отзывался скептически не о женихѣ и непродолжительномъ времени, когда еще дѣвица въ невѣстахъ, а о «домашней жизни» супружеской, стало быть слово «ženik» не годится.

IV. 51: «кто все предвидитъ»: «koj sve scienja» — не вполнѣ соотвѣтствуетъ. Неточно переведены также стихи: «кто всѣ движенья, всѣ слова въ ихъ переводѣ ненавидитъ»: «znajuć što je vjera čija, štono li su dvostručenja».

V. 2: «konj *čavkuni*» — опять необыкновенное слово, даже въ академическомъ словарѣ нѣтъ другого примѣра, только ссылка на словарь Вука Караджича!

V. 3: «i *koljenat* umie amor» для «прогулки тайныя въ саняхъ» дало переводчику поводъ блеснуть оригинальностью и употребить опять слово хотя и хорошее, но мало извѣстное!

V. 4: «крещенскіе вечера» не слѣдовало въ переводѣ ограничить однимъ днемъ: «uz bogojav, *u kog oći*».

V. 5: въ переводѣ пропущено: «*младой* двурогій ликъ»: «upazi li mjesec liepi» (ожидаемъ «mladi»).

V. 7. Въ концѣ строфы нехорошо переведено: «*mlad* i star», рѣчь идетъ только о старикахъ. Ошибку повторилъ и Одавичъ.

V. 9: Народное повѣрье о лунѣ не совсѣмъ точно переведено, оно не стоитъ въ связи съ слѣдующимъ потомъ повѣрьемъ. «Zrcalom si mjesec hvata»: «на мѣсяцъ зеркало наводитъ». Это одно и отдѣльно. «Istom ona tako bila, tužni mjesec uhvatila» — эти слова не должно было связывать съ «snieg zaškripi». Здѣсь начинаетъ новый разсказъ. Слова «istom ona tako bila» вообще лишняя прибавка, въ подлинникѣ говорится: «но въ темномъ зеркалѣ одна дрожитъ печальная луна». Къ типичному вопросу «какъ ваше имя»: «kako t' ime» не слѣдовало прибавлять въ пе-

реводѣ «trebam znati». Этихъ словъ нѣтъ въ подлинникѣ, они и теперь не прибавляются къ вопросу.

V. 10: «раздѣлась и въ постель легла»: «svukla s', legla *u last loga*» — съ какой стати лишняя и неестественная прибавка *u last loga*? Не проще ли такъ, какъ въ подлинникѣ?

V. 11: «nema sgode pridržaju» — лишняя прибавка.

V. 16: «медвѣдя нѣтъ»: «medjed *štuče*» — опять слово очень рѣдко употребляемое, но Трински отыскалъ его!

V. 17: «того кто милъ и страшенъ ей»: «bojanje si, milovanje» — поэтически, но натянуто!

V. 18: «vrč se proli» въ 10 стихѣ — лишняя прибавка, которой нѣтъ основанія въ подлинномъ текстѣ. Зато нѣтъ слѣда въ переводѣ слову «шайка *домовыхъ*».

V. 23: «поклоны, шарканье гостей»: «poklanjanju *strug* se začu» — въ здѣсь требуемомъ значеніи слово «strug» опять неологизмъ.

V. 26. Переводчикъ присвоилъ Скотинину тридцать дѣтей!! «trideset ih živih cieni»! Рѣчь идетъ о возрастѣ дѣтей, начиная со старшаго 30-лѣтняго.

V. 28: «žamor nasta molećih se» — нехорошій переводъ, вызывающій предположеніе, будто бы гости за столомъ громко богу молились!

V. 29: «на мигъ умолкли разговоры» — понятно почему: началась ѣда! Переводчикъ сдѣлалъ изъ этого простого стиха: «Sva se usta šutnjom slave». Слишкомъ торжественно! Нельзя похвалить оригинальную передачу словъ: «Ахъ, Творецъ — наконецъ»: «u jedvine jedva jade».

V. 30: нельзя согласиться съ переводомъ: «podbio ju *znoj krvavi*»! Это ужъ черезчуръ много для словъ подлинника: «пышетъ бурно въ ней страстный жаръ»!

V. 31: Начало строфы переведено неудачно: «suze sličnе rosi» для одного русскаго «слезы» сравненіе неумѣстное. А также стихи, въ родѣ слѣдующаго: «но дѣвы томной замѣтя трепетный порывъ» не удались: «ali smotriv *blied* na dievi» выражаетъ слишкомъ мало.

V. 34: «онъ молча поклонился ей»: «mučke joj se *pogrbio*» — нельзя назвать изящнымъ переводомъ! Не хорошо, думаю, переведено.

V. 35: «сосѣдъ сопитъ передъ сосѣдомъ»: «susjed *hrče* susjedu si», «сопѣть» здѣсь не значитъ «храпѣть» какъ во снѣ.

V. 36: «zaplećem vam rad mi redke, toli često pir i svetke, razna jela, družtvo ždno» — гораздо понятнѣе для меня текстъ подлинника: «рѣчь веду въ моихъ строфахъ я столь же часто о пирахъ, о разныхъ кушаньяхъ и пробкахъ»...

V. 39: «дѣвицы чинно едва за блюдечки взялись»: «čajne čaše baš za držke» — это не то, что въ подлинникѣ, переводчикъ конечно не видалъ русскаго обычая пить чай изъ блюдечекъ. Въ 3-емъ стихѣ слово «otržke» опять — лакомый кусокъ для переводчика, потому что оно очень рѣдко употребляется, собственно «otržito». Не хорошо сказано: «dieve pustiv rum i čaše», въ подлинникѣ не дамы или дѣвицы, а мужчины покидаютъ «чашки съ ромомъ».

V. 41: «чета мелькаетъ за четой»: «uza te li dvoje mune» — переводъ менѣе понятенъ, чѣмъ-русскій текстъ, а что значитъ въ стихѣ 12-омъ «poput lonje», этого уже я совсѣмъ не знаю.

V. 44: «Онѣгинъ съ Ольгою пошелъ»: «A Onjegin namah hrli pored Olge *prolandati*» — этотъ глаголъ мнѣ не нравится, я бы не вводилъ его въ танцовальный залъ! Въ концѣ строфы пропущено въ переводѣ существенное слово — котильонъ!

VI. 1. Хотя въ подлинникѣ просто сказано: «Онѣгинъ мой одинъ уѣхалъ спать домой», переводчикъ пожелалъ и здѣсь блеснуть оригинальной фразой: «Sam Onjegin, *neću glavat*, odveze se kući spavat»!

VI. 3: «Šobot strašan zašobota» — этого стиха въ подлинникѣ нѣтъ, кажется мы имъ обязаны рѣдко употребляемому слову «šobot», вытащенному изъ словаря!

VI. 9: «To ga žacnu zagrizača, ali brzo gnjev nadjača» — этого въ подлинникѣ нѣтъ, о гнѣвѣ не говорится, сказано только: «съ перваго движенья», стало быть и «zagrizaču» нѣтъ основанія.

VI. 10: «А во-вторыхъ, пускай поэтъ дурачится, въ осьмнадцать лѣтъ оно простительно»: «nije l' grieh to, nazor tiesni, što i pjesnik s vrieda bjesni star osamnajst godinjaka» — въ сравненіи съ простымъ текстомъ подлинника переводъ тяжелъ и непонятенъ.

VI. 27. Онѣгинъ, представляя своего секунданта, не извиняется такъ, какъ сказано въ переводѣ: «drugi su mi odaljeni»! «И пошли за мельницу»: «*odigrali* za mlin tamo»! Какъ можно для такого серьезнаго шага выбрать слово «odigrati»!?

VI. 32: «и страненъ былъ томный миръ его чела»: «mir s' obrno po tom čelu širit tmurnu» — переводъ гораздо сложнѣе чѣмъ слова подлинника. Проще Одавичъ: «на челу му мир се свио» — только слову «страненъ былъ» нѣтъ отголоска въ этомъ переводѣ, но его нѣтъ ни въ переводѣ Трнскаго.

VI. 34. Словечкомъ «что-жъ» вводится новая строфа въ видѣ постепенно увеличивающагося впечатлѣнія, начиная съ «пріятнаго», въ началѣ строфы 33-й, переходя въ «пріятнѣе» въ серединѣ строфы, потомъ же наоборотъ разсказъ рисуетъ «не пріятное» въ концѣ строфы 33-й и еще болѣе непріятное въ этой, 34-й строфѣ. Въ переводѣ эта постепенность испорчена началомъ строфы «sbilja» (кстати)!

VI. 35. Въ концѣ строфы въ переводѣ опять неологизмъ: «i strelimke *odburiše*» (полетѣли, т. е. лошади).

VI. 36. Въ переводѣ этой нѣжной строфы не все удалось. Не думаю, что можно о цвѣтѣ молодости сказать: «cviet stao da *zene*», «стремленіе благородное» не «рота» (бѣшенство!), а мечтанья уже никакъ не могутъ быть «na zemlji *raja slika*», онѣ могутъ своей неуловимостью только напоминать жизнь неземную, но не быть «картиною».

VI. 43: «*zaman* duša obljubi ga, *zaman* mi se k njemu vratit» не то, что сказано въ подлинникѣ: «*хоть* я люблю, *хоть* возвращусь», поэтъ не *напрасно* полюбилъ своего героя... Слова «лѣта къ суровой прозѣ клонятъ» относятся къ лѣтамъ поэта, въ переводѣ же сказано «viek taj», какъ будто бы о перемѣнѣ современнаго вкуса рѣчь шла, поэтому и прибавлено: «ne mili se

moja, težko mi je njoj se dovit, težko mi je umlje *novit*». Всего этого въ подлинникѣ нѣтъ, не говорится о трудности поэта примкнуть къ новому направленію, а напротивъ о нежеланіи его продолжать по прежнему, шалить рифмой и т. д. Въ связи съ этимъ не все вѣрно сказано въ строфѣ 44-ой. Напр. «al mi željam nada gine, naviru mi nove suze», совсѣмъ не то, что сказано поэтомъ: «для *первыхъ* (т. е. юныхъ желаній) нѣтъ мнѣ упованій, а *старой* мнѣ печали жаль».

VI. 46: «простите-жъ, сѣни, гдѣ дни мои текли въ глуши» нельзя переводить: «s bogom *luzi*, gdje *u hladu* dne sprovodih»— такой романтики въ жизни поэта почти и не было, менѣе всего можно о годахъ, прожитыхъ на югѣ Россіи, говорить: простите *рощи*! И Одавичъ не понялъ слова «сѣни», но все же лучше «*хлади*» чѣмъ *luzi*.

VII. 2. Прелестные стихи этой строфы переведены не совсѣмъ удачно, напр. «slabo što mi s' duše dojmi» совсѣмъ не идетъ сюда. Нехорошо также: «mrtve mi se duše taći».

VII. 10: «изнывая не долго плакала она»: «ne će ona po toj istoj plakat mjeri» — тяжелый переводъ.

VII. 12: «tek ih Tanja poizprati» — здѣсь словечко «tek» (только) нарушаетъ смыслъ.

VII. 18: «въ воскресенье» не значитъ «na uzkrs»—этотъ недосмотръ не повторяется у Одавича, нѣтъ его ни у Димитровича.

VII. 38: «proć je njima kraj *Bugara*»—это конечно опечатка вм. «Buhara» (бухарцы).

VII. 46: «и что-то блѣдной и худой» (находятъ Татьяну ея подруги и родственницы): «blieda, *suha kao trska*» — черезчуръ много и съ порицаніемъ сказано!

VII. 47: «Потомъ, въ отплату лепетанья, ея сердечнаго признанья умильно требуютъ онѣ» переведено такъ, что я не понимаю всего: «I da s' uzda, *mati za njih*, mazile se one Tanji, nek im kaže srdca boli». Что тутъ мать? Такъ и въ слѣдующей строфѣ (48-ой) непонятны для меня слова: «um sramoti *majke, otce*» вм. русскаго: «не улыбнется темный умъ».

VIII. 5. Въ переводѣ этой строфы не слѣдовало вычеркнуть музу, провожавшую поэта въ Молдавію и разсказывать все только отъ имени поэта.

VIII. 6: «на прелести ея степныя съ ревнивой *робостью* гляжу»: «gotovo me ljubav mori, kad joj liepost divlju gledam»— въ переводѣ пропущено главное слово — робость. И въ слѣдующемъ: «kako tuj se svi vrkoče» пропущенъ переводъ слова «мужчины», безъ котораго стихъ «pak su okvir slike raju» остается почти непонятнымъ.

VIII. 7: «red *zašiljen*» неудачно для «порядокъ *стройный*», «смѣсь чиновъ и лѣтъ» точнѣе чѣмъ «smjes starješтva vieka stara». «Что — сплинъ иль страждущая спѣсь»: «zar je *handrast* ili *mučan*?». Что значитъ «handrast»? Въ академическомъ словарѣ этого слова нѣтъ.

VIII. 11: «что наши лучшія желанья, что наши свѣжія мечтанья истлѣли быстрой чередой: «liepih li nam želja dašto, *povodne nam tebe*, mašto, u toj nagloj nesta mieni». Не понимаю словъ «povodne nam tebe».

VIII. 13: «kad mu takva groz se svidje» — этихъ словъ въ подлинникѣ нѣтъ, поэтому они для меня непонятны. Не могу также похвалиться, что я понимаю стихъ: «sitan svikom jadi jade» — и этого нѣтъ въ подлинникѣ.

VIII. 14: «она (Татьяна) была не тороплива»: «naglilica brza rieka» (nije bila) — лишнее ли это сравненіе съ рѣкою, котораго въ подлинникѣ нѣтъ или же rieka родит. падежъ существительнаго riek, brza rieka, т. е. быстрой поговорки — не знаю! Вообще цѣлая строфа въ подлинникѣ гораздо проще, чѣмъ въ переводѣ.

VIII. 15: «старушки улыбались ей»: «starice joj spremne trebat» — не понимаю!

VIII. 16. Поэтъ говоритъ о словѣ (англійскомъ) vulgar, переводчикъ замѣнилъ слово вещью, поэтому вышло странно: «ta prostota men' se mili, *premda pravo ne znam* šta je (sic!). О томъ же словѣ сказано: «оно-бъ годилось въ эпиграммѣ», пере-

ведено это такъ: «šuć, muć samo pa tad prospi!». Это уже — черезчуръ оригинально!

VIII. 19: «не сжала даже губъ она» переведено безцвѣтно: «nema na njoj *poništaja*», гдѣ poništaj конечно — неологизмъ. Не хорошо сказано, что у Татьяны не видна «nekadašnja *sjetna duša*». Кто говоритъ, что *душа* ея измѣнилась? Измѣнилось только поведеніе.

VIII. 21: «*sna* grčina, *sna* mu milje buni uz noć glavu *snenu*, *dosnu*». Едва ли это удачный переводъ, гдѣ слово «san» значитъ не то сонъ, не то мечта. Слова подлинника: «Въ какомъ онъ страшномъ снѣ! что шевельнулось въ глубинѣ души холодной и лѣнивой» переведены такъ: «Na što l' mu se duh izprieči? taštost li se kosnu troma?» Признаться, и здѣсь мнѣ понятнѣе слова подлинника чѣмъ перевода. — Въ слѣдующей строфѣ, прекрасно рисующей состояніе души Онѣгина, когда онъ очутился наединѣ съ Татьяной, въ переводъ внесены слова совсѣмъ ненужныя: «угрюмый, неловкій онъ едва-едва ей отвѣчаетъ»: «mrk i *leden*, neokretan jedva koju odgovori». «Голова его полна упрямой думой. Упрямо смотритъ онъ»: «I tvrdoglav sam *se mori*, smišlja misli, *čami sjetan*, *kradom pazi*, vreba na nju». Какая куча глаголовъ!

VIII. 28: «Объ немъ она во мракѣ ночи, пока Морфей не прилетитъ, бывало дѣвственно груститъ, къ лунѣ подъемлетъ томны очи»: «Za njim ona ciele noći *gramzila je priraslicom*, lomila se bezsanicom, ljubila ga strastnom moći». Въ переводѣ луна пропущена, что едва ли позволительно въ виду бывшаго очень романтическаго настроенія Татьяны—дѣвицы, но зато внесены слова для меня непонятныя: «gramzila je priraslicom».

VIII. 29: «Въ дождѣ страстей они (т. е. юныя сердца) свѣжѣютъ, и обновляются и зрѣютъ» — въ переводѣ это сказано: «Srdce *bridi*, *brekne*, *buji*, *napupi* se te procvati». Можно ли это назвать переводомъ?

VIII. 31. Она (т. е. Татьяна) его (т. е. Онѣгина) «свободно дома принимаетъ, въ гостяхъ съ нимъ молвитъ слова три»: «ni s' na došla osvrtala, jedva koju s njim da slovi» — переводъ нехо-

рошъ, потому что пропущены существенныя слова «дома» и «въ гостяхъ».

Въ письмѣ Онѣгина, переведенномъ вообще хорошо, попадаются нѣкоторыя неточности, какъ напр. «предъ вами въ мукахъ замирать» не значитъ: «na oči vam i smrt kušat», вѣдь это значило бы «покушаться на собственную жизнь»! «Я утромъ долженъ быть увѣренъ, что съ вами днемъ увижусь я»: «moram znati jutros veće, smiem li danas pred vas stupit» — не точно, потому что «днемъ» не значитъ «сегодня» (danas) и «утромъ» не значитъ «jutros» (т. е. сегодня утромъ, сіе утро). Не «mrko gledat», а «глядѣть на васъ веселымъ взглядомъ» сказано въ русскомъ текстѣ! А «živim mrtcem tuj se zvati» переводчикъ прибавилъ отъ себя!

VIII. 33: «какъ удержать негодованье уста упрямыя хотятъ»: «liepe usne grize Tanja, nekom jadu maha ne da» — переводъ не похожъ на подлинникъ.

VIII. 40: «k *carevu* se sanjka gradu» — непонятно почему такъ сказано въ переводѣ, когда въ подлинникѣ говорится «примчался къ ней». «Письмо какое-то читаетъ и тихо слезы льетъ рѣкой»: «štila pismo *pa ga savi*, poliše ju suze bonu». И здѣсь въ серединѣ лишняя вставка.

VIII. 41: «простая дѣва съ мечтами, сердцемъ прежнихъ дней, теперь опять воскресла въ ней»: «prosta dieva, *na davnoj si srdca snazi*, pred oči mu eto lazi» — переводъ подчеркнутыхъ словъ неудаченъ.

VIII. 44: «što prostota niesam naška» — этихъ словъ и этого умствованія нѣтъ въ подлинникѣ. Также нѣтъ: «i rod mi je dost razgranjen». Зато остались безъ перевода слова: «мой позоръ теперь бы всѣми былъ замѣченъ».

VIII. 47: «а счастье было такъ возможно, такъ близко»: «ta je sreća htjela doći, domače se» — невѣрно, вслѣдствіе чего переводчикъ долженъ былъ прибавить въ 4-мъ стихѣ уже отъ себя: «te me sreća ne zapade». Слова «možda sgrieših u slaboći» тоже не передаютъ русскаго текста: «неосторожно, быть можетъ, по-

ступила я»: «Udadoh se za *prvaka*» значило бы «за перваго встрѣчного» — чего поэтъ не хотѣлъ сказать. «Въ вашемъ *сердцѣ* есть и гордость и прямая честь»: «U vašoj bo ima *vlasti* velik ponos, dosta časti» — не одно и то же.

VIII. 48: «kod kuće nas svojad čeka» — лишняя вставка. «Давно-бъ — пора»: «davno bilo, već je hora» — не совсѣмъ точно.

VIII. 49: «Дай богъ, чтобъ въ этой книжкѣ ты для развлеченья, для мечты, для сердца, для журнальныхъ сшибокъ хотя крупицу могъ найти»: «bog bi dao, duša svaka našla nadi sjajnih zraka, zabavku si povod mio» — въ переводѣ не все сказано.

VIII. 50: «я съ вами зналъ все, что завидно для поэта»: «što mi vili zavidjahu vaše slavje» — не совпадаетъ.

Не всѣ мѣста здѣсь перечислены, гдѣ можно по той или другой причинѣ возражать и не соглашаться съ переводомъ Трнскаго, но уже изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что возраженія здѣсь совсѣмъ другого рода, чѣмъ у Димитровича. У второго переводчика такъ и слышится поэтъ, съ трудомъ обуздываемый чужимъ текстомъ, чужимъ ходомъ мыслей. Ему стоитъ много усилій повиноваться подлиннику, на каждомъ шагу щекочетъ его собственное творчество, онъ хотѣлъ бы прибавить что-нибудь отъ себя, передать то или другое искусственнѣе, поэтичнѣе, чѣмъ у русскаго поэта сказано. Это конечно не хорошо, переводъ Трнскаго перещеголялъ Пушкина, но не въ хорошую, а въ дурную сторону. Жаль, что переводчикъ самъ не замѣтилъ этого недостатка или лучше сказать этого излишества въ своемъ во всякомъ случаѣ очень почтенномъ трудѣ. Справедливость требуетъ при этомъ замѣтить, что многія изъ тѣхъ строфъ подлинника, гдѣ переводчикъ сумѣлъ воздержаться или же гдѣ самъ русскій текстъ не вызывалъ его краснорѣчія, переведены дѣйствительно превосходно. Я могъ бы привести много примѣровъ образцоваго текста въ переводѣ Трнскаго, но я по неволѣ долженъ ограничиться двумя-тремя примѣрами:

I. 56. Цвѣты, любовь, деревня, праздность
Поля! я преданъ вамъ душой.
Всегда я радъ замѣтить разность
Между Онѣгинымъ и мной,
Чтобы насмѣшливый читатель,
Или какой-нибудь издатель
Замысловатой клеветы,
Сличая здѣсь мои черты
Не повторялъ потомъ безбожно,
Что намаралъ я свой портретъ,
Какъ Байронъ, гордости поэтъ;
Какъ будто намъ ужъ невозможно
Писать поэмы о другомъ
Какъ только о себѣ самомъ?

Cvieće, ljubav, pustoš, selo,
Polja, lug se mili meni.
Niesam, niesam ja, zacielo,
Što Onjegin pokunjeni.
Zato, brate, koj me štiješ,
Koj me na sviet izdat mniješ,
Ne vjeruj mi klevetnikom,
Da sam ja to duhom, likom,
I ne tvrdi tol bez duše,
Sam da svoju rišem sliku,
Sljednik lordu zatočniku,
Da mi žice ne smognuše
Stvorit pjesmu o drugome,
Veće o men' i zlu mome!

II. 23. Всегда скромна, всегда послушна,
Всегда какъ утро весела,
Какъ жизнь поэта простодушна,
Какъ поцѣлуй любви мила,
Глаза какъ небо голубые,

Улыбка, локоны льняные,
Движенья, голосъ, легкій станъ,
Все въ Ольгѣ... но любой романъ
Возьмите и найдете вѣрно
Ея портретъ: онъ очень милъ;
Я прежде самъ его любилъ;
Но надоѣлъ онъ мнѣ безмѣрно.
Позвольте мнѣ, читатель мой,
Заняться старшею сестрой.

Vazda skromna poslušnica,
Kano zora vesela je,
Kano pjesnik — blaženica,
Kano cjeliv sladka sva je,
Modre oči — nebo vedro,
Zlatna kosa, lišce jedro,
Pokret, posmjeh i glas pitom —
Sve j' u Olge... eno i tom
Uzoru vam vierne slike
U romanu mal ne svakom,
Za njom gorjah i ja lakom;
Ali dost je njene dike.
Pjesnik želi, da izvede
Kćer stariju na oglede.

Ш. 16. Тоска любви Татьяну гонитъ,
И въ садъ идетъ она грустить,
И вдругъ недвижны очи клонитъ
И лѣнь ей далѣе ступить:
Приподнялася грудь, ланиты
Мгновеннымъ пламенемъ покрыты,
Дыханье замерло въ устахъ,
И въ слухѣ шумъ, и блескъ въ очахъ...
Настанетъ ночь; луна обходитъ
Дозоромъ дальній сводъ небесъ,

И соловей во мглѣ древесъ
Напѣвы звучные заводитъ.
Татьяна въ темнотѣ не спитъ
И тихо съ няней говоритъ:

Vrtom sama tužno kroči,
Na srdcu joj težki jadi,
U jedan put spušti oči,
Upanji se, obeznadi:
Grudi htješe da joj puknu,
Obraz u živ plamen buknu,
Prestade joj sapa hitra,
Uho šumi, oko titra...
Dodje noćca; mjesec lieva
Svjetlost nebu po okrugu,
A u tamnom slavuj lugu
U sjetan si glas popieva.
Na oči joj san se ne da,
S dadiljom si rieč zareda:

IV. 14. «Но я не созданъ для блаженства:
Ему чужда душа моя;
Напрасны ваши совершенства:
Ихъ вовсе не достоинъ я.
Повѣрьте (совѣсть въ томъ порукой),
Супружество намъ будетъ мукой.
Я сколько ни любилъ бы васъ,
Привыкнувъ, разлюблю тотчасъ;
Начнете плакать — ваши слезы
Не тронутъ сердца моего,
А будутъ лишь бѣсить его.
Судите жъ вы, какія розы
Намъ заготовитъ Гименей
И, можетъ быть, на много дней»!

Niesam vrstan blažen biti,
Nemirnu si dušu biedim,
Sva vam kras me zalud miti,
Tol' vas vriedne ja ne vriedim.
Vjerujte mi, sviest mi veli,
U zô bi se čas uzeli.
Ljubio b' vas vrieme malo,
Tada bi mi dodijalo;
Vaše b' oko zaplakalo,
A s tih suza ne bi sreće,
Dost bi ieda bilo veće.
Sudte, bi l' nam cvieće cvalo
Na tom putu viek nam cio?
Predug bi se viek taj vio.

Для сравненія съ русскимъ текстомъ, каждому русскому читателю легко доступнымъ, приведу еще нѣсколько удачныхъ строфъ:

IV. 19. Kuda šibam neuredce?
Što da pjesnik smet taj grne?
Htjedoh reći mimogredce,
Klevete vam nije crne,
Koja lažju nij' narasla
Sa drugova gadna masla.
Napadaju tebe muče,
Za tobom da rep se vuče.
U kolu nam poštenjaka
Nema krpe, drug što ne bi
Prišio je drugu tebi
Nenaumce, sve to slahka...
Inače te dašto štuje,
Rado bratom zvat se čuje.

V. 19. Strepi Tanja te se sili
Pobjeć brže, ne da noga;

Obori se te da cvili,
Kako b' hćela: nema toga.
Grunu Evgen tuj na vrata,
Spazi družba čudnovata,
Spazi dievu, oči pari,
Zagrohotat svaki mari.
Kopita si i zenice
Kundrav rep i, koji zinu,
Krvavu si jezičinu
Rogove si i gubice
U nju pere, preko broja
Glas se čuje: moja, moja!

VI. 17. Zamisli se, skunji vrlo,
S milka Olge sav je šenut,
Stegnuto mu ne da grlo
Sinoćnicu ni spomenut;
Misli: idem spasit dragu,
Njezinu je ne dam vragu,
Miljem hvala, uzdisaja
Da joj srdca vrag opaja —
Crv joj jada, preziranja
Struk da lieru toči, suši,
Savije ga, cviet skrkljuši,
Tek se dostô razcvjetanja.
To toliko kan da veli,
Da se skobit s drugom želi.

VII. 1. Sunce grije, bježi zima,
Snieg se s gora tali, krâvî,
Mutnim teče potocima,
Livade nam, njive plavi.
Radostnime smieškom sreta
Proljeće si narav sveta;
Sinje nebo već se blista,

Gorom drvlje veće lista,
Kroz lišće se zrake kriese,
A na poljsko pčela cvieće
Iz trnke si marna lieće.
Nizi suše, šarene se;
Stada bleje, danak dulji,
Noćju poju već slavulji.

VII. 23. Rezkog nokta urezaka
Svaki list joj pokazivo:
Proukom je takvih znaka
Bavila se Tanja živo.
Vidje drkćuć, s koje misli
Nokti su se u list tisli,
Zašto sudit ne htie isto,
Gdje l' uz pisca prilj je pristo.
Pače njegve olovke se
Tuj i ondje crtaj nadje,
Evgenova duša svadje
Nenaumce odaje se
Besjedicom, krsta likom,
Kvakastim li upitnikom.

VII. 51. Na ples još ju vodi sreća,
Tuj tjeskoba i sparina,
Žamor glasbe i sjaj svieća,
Vrtnja, vreva, prah, vrućina,
Bogat nakit gospodjica,
I šarena mužka lica,
Zaručnika kolo sjajno,
Razkošje im srdcu tajno.
Vrkoče se gizdelini,
Po bezstidnu običaju
Očalinom žagrit znaju,
A konjici vragulini

Dodji, migni, liepu reci,
Srdce rani, pa uteci.

V.

Скажемъ еще нѣсколько словъ отдѣльно о третьемъ, новѣйшемъ переводѣ. Мнѣ приходилось въ предыдущемъ обозрѣніи довольно часто ссылаться на переводъ Одавича въ сравненіи съ переводомъ Трнскаго и давать ему предпочтеніе. Было бы однакожъ слишкомъ поспѣшное умозаключеніе, если бы по упомянутымъ примѣрамъ я вздумалъ утверждать, что переводъ Одавича стоитъ безусловно выше труда Трнскаго. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ дѣйствительно переводъ Одавича вышелъ удачнѣе. Такъ напримѣръ онъ сумѣлъ воздержаться отъ лишняго пуризма, отмѣченнаго нами въ предыдущей главѣ относительно перевода Трнскаго. Одавичъ не стѣснялся такими словами иностраннаго происхожденія, какъ: албум (VIII. 26), алманах (V. 27, VIII. 35), апетит (VII. 34), аристократ (VIII. 6), акуратни (I. 35), анекдот (I. 6), аплаудира (I. 17), апотека (VII. 38), бал (I. 27, VIII. 13), балет (I. 17), барока (VII. 49), боа (VIII. 30), бокал (II. 5), бронза (I. 24), ваханткиња (VIII. 3), вициг (VII. 49), галантан (I. 4), граматички (VIII. 49), дама (II. 5), диван (II. 3), дипломат (VIII. 6), доктор (VIII. 31), дуел (VI. 9), дуелиста (VI. 11), економ (I. 7), елегија (IV. 33), епиграм (I. 5, 46, VIII. 16), епиграф (I. 6), журнал (VIII. 35), закулисни (I. 17), интересан (I. 5), јехтика (VIII. 31), кокета (I. 12, V. 45, VI. 47), корзет (II. 33), корпа (VII. 26), клика (VIII. 44), критизира (I. 17), командирчић (V. 28), лампа (VII. 19), луксус (I. 23), лорњет (I. 19, 29, VII. 50, VIII. 17), маневра (III. 23), мантил (VII. 50), маскара (I. 25), маскарад (VIII. 46), орман (II. 3), официр (VIII. 6), партер (I. 20, VII. 50), подагра (VI. 39), поезија (VI. 36), поета (V. 39), пиштољ (V. 45), педантан (I. 5, VIII. 23), рам (VIII. 6), ритам (I. 58, III. 3), рола (I. 11), сала (II. 2), секунданат (VI. 26), таленат (I. 5), трифла (I. 16), факља (IV. 29), форма

(I. 60), флаша (I. 24), фагот-флаута (V. 45), форајтер (VII. 32), фрајла (V. 28), цвикер (V. 27), шал (III. 28), шоља (V. 39), штала (VII. 43) и мн. др. Я вполнѣ одобряю эту кажущуюся халатность, она отнимаетъ у текста лишнюю торжественность, несвойственную роману по замыслу самого поэта, которая на мой взглядъ много повредила переводу Трнскаго. Нельзя однакожъ со всѣми выраженіями переводчика согласиться, иногда онъ впадаетъ въ слишкомъ низкій тонъ, употребляя безъ малѣйшей надобности слова вульгарныя, турецкія, замѣняемыя уже давно у всѣхъ хорошихъ писателей общеизвѣстными славянскими выраженіями. Я не нахожу подходящими къ характеру романа такія слова, какъ: башкарити се (I. 15, глаголъ мнѣ непонятный), кајшари (I. 51, «каишар» значитъ обманщикъ, въ подлинникѣ же рѣчь о «заимодавцахъ»), комшије (II. 34, вм. суседи, въ русск. сосѣди), комшилук (II. 6, сосѣдство), дембел (VIII. 37), дембелан (I. 8, значитъ лѣнивецъ), бећар (IV. 50, въ подлинникѣ «враги Гимена»), спахија (II. 6, помѣщикъ). Для «франта» употребляется и у Трнскаго «кицош», и у Одавича, напр. I. 25, II. 30, оттуда и глаголъ «кицошити се» I. 25 (Оњегин се кицошио), VIII. 10 (у двајестој кицоши се, у Трнскаго «vragujući»), но едва ли нужно было идти еще дальше и образовать «кицошлук» II. 24 для русскаго выраженія «жеманство», что и не совпадаетъ съ «франтовствомъ», въ VIII. 23 то же слово не вошло въ переводы; въ VII. 46 «жеманный» оставлено безъ перевода, въ V. 5 «жеманный котъ» тоже не переведено у Одавича, а у Трнскаго невѣрно: «šaren mačak». Хорошее слово, но съ отвратительнымъ мадьярскимъ окончаніемъ V. 26 «сплеткарош», лучше у Трнскаго spletkar, въ русскомъ подлинникѣ «сплетникъ». Скажу наконецъ, что мнѣ вовсе не нравится слово «цура», постоянно употребляемое Одавичемъ, напр. III. 12, 14, 15, 20, 28, IV. 21, 39, 41, V. 4, 28, 31, 35, 39, VII. 51, 52, VIII. 28, 36, 41. Одавичъ не избѣгалъ даже руссицизмовъ, хотя не въ той мѣрѣ, какъ мы видѣли выше у Димитровича. Такъ напр. онъ оставилъ хероја I. 2, 5, 17, пирог IV. 32 (лучше чѣмъ у Трнскаго «tiesto»),

халат VI. 25 (лучше, чѣмъ у Трнскаго «bielo ruho» или «odielo»), порок (III. 12), вред (VII. 42), изъ «играть въ дурачки» сдѣланъ глаголъ «дурачити» VII. 18; по примѣру русскаго глагола сказано «ал' због тог се сусед дује» (значитъ «љути се»), въ I. 42 русское «скученъ» переведено сербскимъ «скучен», что не подходитъ; наконецъ я замѣтилъ даже «унилост» IV. 11, гдѣ въ подлинникѣ сказано «видъ унылый» (у Трнскаго: «plašiv gled»); на другомъ мѣстѣ (III. 8) «унынiе» переведено у Одавича «слатке сете», у Трнскаго «sjeta», а IV. 3 переводится «унылый» словомъ «сетан» у Одавича. Въ III. 38 «на душу joj сета пала» соотвѣтствуетъ русскому глаголу: «и между тѣмъ душа въ ней *ныла*». Но слова «сета» и «сетан» имѣютъ у Одавича очень широкое употребленiе. Въ I. 4 «сета» значитъ «грусть» (у Трнскаго «tuga»), въ I. 48 его «сета» соотвѣтствуетъ приблизительно существительному «задумчивость»: «Јевђеније препун сете»: «стоялъ задумчиво Евгенiй», у Трнскаго: «Onjegin upro sjetan», точно такъ IV. 44 «лености се сетној дао»: «вдался въ задумчивую лѣнь», въ подражанiе Трнскому: «Sjeta mah mu ote jače», и VI. 46 «посред снова душе сетне»: «сновъ задумчивой души». Въ II. 17 «сета» передаетъ «сожалѣнiе»: «са уздахом неке сете»: «съ невольнымъ вздохомъ сожалѣнья». Въ IV. 40 «уз шуштање пуно сете»: «съ печальнымъ шумомъ». Въ VI. 8 сказано у Одавича: «Он Јевђену с пуно сете песниково писмо даде», въ подлинникѣ же стоитъ: «Онѣгину осклабя взоръ вручилъ записку» (и у Трнскаго прибавлено противъ подлинника: «skromno, muče»). Въ VII. 32 у Одавича: «због крају тихе сете»: «прости пріютъ уединенный» (у Трнскаго въ подражанiе подлиннику: «vi kuteljci usamljeni»). Въ VI. 3 у Одавича: «Тању што је сети склона» — въ подлинникѣ такой прибавки вовсе нѣтъ. Такое же широкое и неопредѣленное употребленiе замѣчается относительно прилагательнаго «сетан»: кромѣ выше упомянутаго «унылый» оно значитъ въ I. 45: «заволех му сетну машту», въ подражанiе Трнскому: «i što smušen traḃunjaše» (въ подлинникѣ нѣтъ прилагательнаго къ слову «мечта»), въ I. 46: «ал' привикох сетном

спору»: «къ его язвительному спору» (точнѣе у Трнскаго: «рeckanju mu uvriednomu»), въ II. 25 опять въ подражаніе Трнскому: «дивља, тужна, сетна лица»: «stidna, tiha, sjetna lica» (въ подлинникѣ: «дика, печальна, молчалива»), въ III. 4: «што си сетан» соотвѣтствуетъ русскимъ словамъ «но скучаешь ты», здѣсь Одавичъ замѣнилъ своимъ словомъ то, что у Трнскаго сказано: «al si *nujan* preko reda», въ VII. 5 у Одавича: «у суседству Тање моје, сањалице сетне моје», опять похоже на переводъ Трнскаго: «miloj mojoj snatrilici, sjetnoj Tanji» (въ подлинникѣ: «Тани молодой, моей мечтательницы милой»), въ VII. 3 у Одавича: «сетна нам се мисо крене», въ подлинникѣ: «сближаемъ думою смущенной» (у Трнскаго: «s tuge duša da ne sići»), тамъ же «сетна машта» соотвѣтствуетъ русскому «поэтическій сонъ», у Трнскаго «pjesnički sanak», въ III. 7: «ал' сетне се мисли море» — въ подлинникѣ нѣтъ такого выраженія, точно такъ V. 4: «сетна Тања». Но въ III. 12: «унылый романтизмъ» переведенъ у Одавича неудачно: «у пропали романтизам», а въ VI. 17: «задумчивый, унылый» у Одавича только однимъ прилагательнымъ: «сав поништен», Трнски употребилъ глаголы «zamisli se, skunji vrlo»; въ I. 19: «взоръ унылый» въ переводѣ не выраженъ прилагательнымъ ни у Трнскаго, ни у Одавича.

Нельзя Одавича упрекать многочисленностью неологизмовъ, столь навязчивыхъ въ переводѣ Трнскаго, но конечно и у него есть свои стилистическія слабости. Онъ въ противоположность прежнему переводчику, предпочитаетъ разрушить оригинальность русской фразы, чѣмъ попытаться сблизить свой языкъ выразительностью съ подлинникомъ. Оттого его разсказъ, правда легче и народнѣе чѣмъ у Трнскаго, но для этого онъ долженъ былъ пожертвовать многими тонкостями русскаго образца. Напр. въ подлинникѣ сказано: «залить горячій жиръ котлетъ» (I. 17), въ переводѣ Одавича: «свак залива јело своје» — просто и удобно. Или «Тамъ Озеровъ невольны дани народныхъ слезъ, рукоплесканій съ младой Семеновой дѣлилъ», у Одавича: «Ту ј' Озеров негда био, ком је народ хвалу вио, а крај њега Семенова» — это

опять только остовъ подлинника.—Въ I. 20: «въ райкѣ нетерпѣливо плещутъ» — этой наглядной картинкѣ плохое отраженіе въ переводѣ Одавича: «сред жагора и сред граје», лучше во всякомъ случаѣ у Трнскаго, хотя я пуризму его «nestrpno se *trietom* plješte» не сочувствую.— Въ I. 22: «еще не перестали топать, сморкаться, кашлять, шикать, хлопать», слова эти относятся конечно къ публикѣ, что внутри въ театрѣ дожидается конца представленія; Одавичъ перенесъ эту картину на улицу или въ подъѣздъ, поэтому и перевелъ: «још *прозебли* хукћу, вичу, шмрчу, кашљу, *љуте* с', шичу»! Значитъ все это дѣлаютъ «прозябшіе» люди, какъ черезъ нѣсколько стиховъ «прозебли коњи»!— Въ I. 36 рисуется жизнь Онѣгина: «Проснется за-полдень и снова до утра жизнь его готова, однообразна и пестра»: у Одавича это въ поблеклыхъ краскахъ гласитъ такъ: «У подне се диже лако, па до зоре опет тако, промене га слабо муче»! Характеристика дамъ высшаго общества (I. 42) переводчику совсѣмъ не удалась; русскій поэтъ говоритъ съ тонкой ироніею: «Къ тому-жъ онѣ такъ непорочны, такъ величавы, такъ умны, такъ благочестія полны, такъ остроумны, такъ точны, такъ неприступны для мужчинъ», переводчикъ же не сумѣлъ выдержать роли: «Крај нежности што је туна још је мила, још је драга, па побожна, добра, блага; душа јој је пажње пуна, ал' од нас се крије, клони». Въ этомъ переводѣ всѣ лестные упреки исчезли!— Въ I. 49 русскій поэтъ мечтаетъ о прогулкахъ съ венеціанкой въ гондолѣ, переводчикъ же сдѣлалъ изъ мечты о будущемъ (какъ мы знаемъ, никогда не сбывшейся) воспоминаніе прошлаго: «С венећанком што те згори, што час ћути а час збори, *ја се вожах* у гондоли, а њене ми усне жарке *више* песме из Петрарке»!!— Въ I. 57 въ подлинникѣ просто и отчетливо сказано: «всѣ поэты любви мечтательной друзья», переводчикъ поубавилъ такъ много, что вышелъ переводъ незначительный: «Љубави се песме дају»— и только!— IV. 17 въ подлинникѣ говорится, послѣ рокового разговора Татьяны съ Онѣгинымъ: «Татьяна молча оперлась, головкой томною склонясь, пошла домой вкругъ огорода»: пере-

водчикъ пропустилъ первыя слова, собственно не пропустилъ ихъ, а не понялъ, полагая, что «оперлась» значитъ воспротивиться, какъ въ сербскомъ языкѣ, поэтому въ его текстѣ сказано: «Не учини исто Тања, већ грудима главу склања, крај ограде двору оде...» Выходитъ совсѣмъ другая картина, чѣмъ по словамъ подлинника. — Въ IV. 42 поэтъ, подсмѣиваясь риѳмѣ розы, прибавленной къ морозы, замѣчаетъ: «на вотъ, возьми ее скорѣй», переводчикъ тоже состряпалъ для «ружа» риѳму «пружа», но его замѣтка говоритъ: «ал' не може ма да ј' воља»! Какъ можно сказать «не може», когда риѳма на лицо?! — Въ IV 45 русскій текстъ ничего не разсказываетъ о дѣйствіи шампанскаго на фантазію Ленскаго какъ поэта, но уже Трнски въ своемъ переводѣ вставилъ стихъ: «ne bi l' bile mah mu lieta» (т. е. для поддержки его «полета»), а подражая Трнскому написалъ также Одавичъ, только попроще: «Крај њих му се машта диже»! — V. 15 въ подлинникѣ медвѣдь (во снѣ Татьяны) принесъ ее, зная хорошо куда: «здѣсь мой кумъ: погрѣйся у него немножко», переводчикъ передѣлалъ это въ вопросъ, поднимаемый медвѣдемъ: «kamo kuma? da se samo zgrejem malo»! — Въ VII. 33 рѣчь идетъ о просвѣщеніи, но переводчикъ не понялъ фразы «когда — отодвинемъ болѣе границъ», а то не вышелъ бы переводъ его довольно странный: «kad prosveti... granica nam ne zasmeta»! — Въ VIII. 8 переводчикъ не понялъ русской фразы «иль просто будетъ добрый малый», переведя буквально: «ил' је добар дечко мали», лучше Трнски, хотя очень искусственно: «il dobricom da ga slove».

Итакъ на мой взглядъ переводъ Одавича нисколько не лучше труда его предшественника, Трнскаго, онъ уступаетъ ему прежде всего въ вѣрности разсказа, въ соблюденіи всѣхъ тонкостей подлинника. Въ переводѣ Одавича достигнута, правда, нѣкоторая легкость рѣчи, но это могло состояться только въ ущербъ точности по отношенію къ русскому тексту. Переводчикъ рѣшился отбросить множество очень характерныхъ и почти всегда прелестныхъ подробностей, которыми русскій поэтъ сумѣлъ оживлять свой разсказъ, изображая картины полныя жизни. У пере-

водчика выходитъ все это тусклымъ, безцвѣтнымъ. Но рядомъ съ упрощеніемъ содержанія замѣчается также бѣдность техники стихотворческой. Оба переводчика ведутъ разсказъ романа въ осмисложныхъ стихахъ, въ трохейскихъ стопахъ. Что можетъ быть проще этого стиха? Трнски постарался придать ему нѣкоторое разнообразіе богатствомъ риѳмъ. У Одавича и этого нѣтъ. Если уже Пушкинъ жаловался на незначительность наглагольныхъ риѳмъ, то по отношенію къ однообразію риѳмическаго искусства Одавичъ стоитъ значительно ниже Трнскаго. У Трнскаго все-таки гораздо больше разнообразныхъ риѳмъ, чѣмъ у Одавича, не говоря уже о томъ, что Одавичъ многія риѳмы заимствовалъ у Трнскаго, о чемъ рѣчь впереди. Чтобы наглядно представить риѳмическое однообразіе въ переводѣ Одавича, приведемъ примѣры глагола «вити» — «вијати» и «свити» — «свијати», играющаго въ переводѣ его чуть ли не первенствующую роль какъ средство для сочиненія риѳмы: наде које *вијем* (кријем) II. 39; олим хвале *вије* (пије) I. 34, о том јој хвалу *вије* (пије) IV. 31, да ми срце песме *вије* (пије) III. 5, преде цура песме *вије* (бије) IV. 45, други лажну љубав *вије* (није) IV. 22, ал му мис'о мис'о *вије* (бије) VI. 20, мазурка се лака *вије* (мучно ти је) I. 28, где се рог и песма *вије* (бије) I. 48, тако глас се *вије* (није) II. 5, јаук ми се тужни *вије* (није) I. 19, платну на ком с' везе, *вије* (није) II. 26, па се гиба па се *вије* (није) I. 20, нит се око својих *вије* (није) II. 25, ветрењача туј се *вије* (бије) V. 17, за паром пар се *вије* (свије) V. 41, а на ком се натпис *вије* (крије) VII. 6, у свем писму што га *вије* (крије) III. 21, жеља што се с душе *вије* (сањарије) VIII. 11; блистају се, трепте, *вију* (лију) VI. 24, у поток се шумни *вију* (лију) VI. 40, и валове како с' *вију* (свију) I. 33; од сад више песме *вити* (бити) III. 13, пушком гађат', мачем *вити* (бити) I. 37, нит му народ хвалу *вити* (бити) VI. 37; којој Назон песме ј' *вио* (соотвѣтствующая риѳма пропущена!) I. 8, твоје песме што си *вио* (мио) I. 58, горској вили песме *вио* (чио) I. 57, ком је народ хвалу *вио* (био) I. 18, похвале му свет је *вио* (био) VI. 5, по хладу се с њоме *вио* (био)

II. 21, а рој му се мисли *вио* (био) IV. 11, њен се уздах другом *вио* (био) II. 30, над њоме се Љељо *вио* (ти'о) V. 10, он се крај ње клиз'о, *вио* (ти'о) V. 44, рани ветрић... да је *вио* (это собственно глаголъ вѣять, но для риѳмы это безъ различія: био) VII. 7, већ облаке север *вио* (отъ глагола вијати = преслѣдовать: ти'о) VII. 29, нос и плећа ј' у вис *вио* (био) VIII. 15; за чашом је песме *вила* (заносила) VIII. 3, у албуме речи ј' *вила* (говорила) II. 33, што с' лепојци каквој *вила* (свила) I. 37, ту се машта јаче *вила* (мила) I. 55, пена, што с' на њему *вила* (задобила) IV. 45; којима сте песме *вили* (мили) III. 27, и венце им већ су *вили* (мили) II. 21, којој су се звуци *вили* (мили) I. 57; речи што се туна *виле* (силе) III. 41. Не лишнимъ считаю нарочно упомянуть, что у Трнскаго ни въ одномъ изъ приведенныхъ примѣровъ нѣтъ риѳмы отъ глагола *вити*.

Еще чаще употребляется переводчикомъ въ риѳмѣ сложный глаголъ «свити — свијати». Приведемъ и здѣсь почти всѣ примѣры: а да ли га срећа *свија* (добија) I. 36, и на воду кад се *свија* (сија) I. 47, месец светлост на свет *свија* (извија) III. 16, чекам буру да се *свије* (скрије) I. 50, ко не може с њом да *свије* (скрије) I. 58, над подглавник мој се *свије* (није) III. 31 п. Т., кад се поноћ *свије* (Јевђеније) III. 45, кад се ноћца *свије* (није) II. 22, као вихор кад се *свије* (вије) V. 41, неког опет миље *свије* (бије) IV. 36, у веке се... друшто *свије* (комшије) II. 34, ал' кад младо срце *свије* (није) VIII. 29; да с' пред њене ноге *свију* (вију) I. 33; у балове ја сам *свио* (походио) I. 30, кад бих с врста̂ перо *свио* (ти'о) I. 59, а кад вихар што ме *свио* (лио) I. 59, ког би сладак тренут *свио* (био) II. 1, ал' тај што јој срце *свио* (био) III. 10, бол што му је душу *свио* (био) III. 31 п. Т., па у јаду што ме *свио* (ти'о) IV. 35, светила му чар је *свио* (ти'о) V. 9, које од свуд снег је *свио* (снио) V. 11, коњ снег њушка што га *свио* (чио) V. 2, брег и поље снег је *свио* (поравнио) V. 13, селу где га занос *свио* (био) VI. 40, и у том га санак *свио* (ти'о) VI. 23, сред свег кала што нас *свио* (мио) VI. 47, ал' зао се удес *свио* (био) I. 51, а на

душу глас се *свио* (био) III. 31 п. Т., на чело му мир се *свио* (ти'о) VI. 32, ал' свачиј се поглед *свио* (био) V. 32; ту је Дидла слава *свила* (мила) I. 18, досада га младог *свила* (вила) I. 37, оде тама што ме *свила* (мила) I. 59, хладна речца што га *свила* (мила) II. 15, слатка мис'о њу је *свила* (заљубила) III. 7, на груди је главу *свила* (удавила) III. 33, због љубави што их *свила* (мила) III. 14, и унилост што је *свила* (мила) IV. 11, да л' је кога срећа *свила* (мила) IV. 34, (љубав) сад првином срце *свила* (мила) III. 24, тој љубави што је *свила* (мила) III. 25, више мене нежно *свила* (мила) III. 31 п. Т., несвестица тад' је *свила* (прозборила) V. 30, у лепоти што је *свила* (мила) VI. 20, што му говор мржња *свила* (мила) VI. 34, кад га оно чама *свила* (долазила) VIII. 34; са мртвила што га *свило* (мило) IV. 43; кајшари се многи *свили* (задужили) I. 51; обмане јој срце *свиле* (миле) II. 29, и заблудâ што га *свиле* (силе) IV. 9, када би вас муке *свиле* (миле) IV. 21; слатке сете сад је *свише* (више) III. 8, пламени јој груди *свише* (више) III. 40, друзи што вас *свише* (више) IV. 19, Владимира јаче *свише* (више) IV. 23. Ничего подобнаго у Трнскаго нѣтъ, у него глаголъ «вити» попадается вообще очень рѣдко (I. 4: klanjajuć se liepo *vije*, IV. 14: predug bi se viek taj *vio*, нѣсколько разъ съ предлогами: dovi, navi, provi). Одавичъ, напротивъ, влюбился въ этотъ глаголъ на столько, что онъ употребляетъ его, хотя изрѣдка, даже не въ риѳмѣ: «а њене ми усне жарке *више* песме из Петрарке» I. 49, кад су мисли, дела своја скупа *вили* VI. 28, пред њом му се *свија* глава II. 7, што на очи *свија* снове III. 9, да ме *свије* мис'о стара III. 31 п. Т., те га мис'о *свије* лако III. 25, тамом *свију* пола света II. 28, ноћи што се *свију* лако V. 4, сплетке што их *свише* лако III. 7, што ме *свиле*, што се свете III. 31 п. Т.

Не только въ одномъ этомъ повтореніи высказывается бѣдность поэтической рѣчи Одавича, она выходитъ наружу еще въ другихъ примѣрахъ. Мало употребительный глаголъ *govjeti* (говѣть, но въ особенномъ значеніи) играетъ у Одавича роль служебную для риѳмы: ма да души више *гове* (Торкватове) I. 48,

зевању му равно *гове* (нове) II. 2, њојзи игра та не *гове* (зове) II. 27, то јој *гове* (зове) II. 33, те им радост души *гове* (Духове) II. 35, он ми *гове* (снове) III. 8, што нам *гове* (снове) III. 9, што му *гове* (снове) IV. 34, сјајем да вам *гове* (зове) VII. 4, а старицам тек што *гове* (лове) VIII. 15, колко срцу да *угове* (изазове) I. 17.—Такую же роль играетъ глаголъ *слетати*: и девојче што не *слета* (лета) IV. 8, мис'о што га силно *слета* (лета) IV. 27, а што лудост Ленског *слета* (лета) VI. 10, и пред гробом с њега *слета* (прелета) VI. 41, да с громке му лире *слета* (света) VI. 37, да ми душу студ не *слета* (света) VI. 46, ил' га можда љубав *слета* (смета) VIII. 21. Разъ *слеће* (пеће) III. 24, и *слеће* (цвеће) IV. 14.

Одно изъ самыхъ обыкновенныхъ средствъ для осуществленія риѳмы, представляютъ очень часто такія пошлыя чередованія, какъ *тада — сада*, *када — тада*, *када — сада*; напр. въ VII. 18 повторяется даже два раза *тада — сада*, хотя ни у Пушкина, ни у Трнскаго этой ничтожной риѳмы въ строфѣ нѣтъ. Другое не менѣе блѣдное слово, служащее подспорьемъ для риѳмы, это род. падежъ ед. или множ. числа слова *јад*. Форма *јада* чередуется по большей части въ риѳмѣ съ «*сада*», «*тада*». О вѣрномъ соотвѣтствіи русскому тексту нельзя и говорить, потому что переводчикъ черезчуръ охотно прибѣгалъ къ этому слову для достиженія своей цѣли, т. е. риѳмы, не обращая ни малѣйшаго вниманія на русскій подлинникъ или на требованіе его значенія. Вотъ въ доказательство примѣры, въ скобкахъ же кромѣ риѳмы прибавлены мною также слова русскаго подлинника, отраженіемъ котораго будто бы является неизбѣжное *јада:* мука пуна *јада* I. 8 (риѳма: *млада*, въ подлинникѣ — отрада!), душу пуну *јада* II. 20 (*сада*: безумная душа), с пуно *јада* III. 31 (*сада*: съ тайною тоскою), то же VI. 28 (*сада*: злобно), то же VIII. 40 (*изненада*: съ такой силой), то же VIII. 42 (*сада*: смиренно), препун *јада* VI. 12 (*тада*: враждой нетерпѣливой), пуна *јада* V. 6 (*нада*: предчувствій горестныхъ полна), бреме *јада* I. 45 (*тада*: условій свѣта бремя), нећу муке нити *јада* III. 13 (*сада*:

муки тайныя злодѣйства), творче пира, тешка *јада* III. 30 (*сада*: пѣвецъ пировъ и грусти тайной), песник *јада* VI. 40 (*сада*: поэтъ задумчивый мечтатель), с тешка *јада* VI. 13 (*тада*: смутить), са искрена тешка *јада* VI. 35 (*сада*: въ тоскѣ сердечныхъ угрызеній), плачућ горко с тешка *јада* VII. 12 (*тада*: слезами горько обливаясь), тешка *јада* VIII. 41 (*сада*: нѣмыхъ ея страданій), ето *јада* IV. 43 (*пада*: того и жди), желуцу ми створи *јада* IV. 46 (*сада*: но измѣняетъ онъ желудку моему), она се боји *јада* V. 24 (*сада*: въ подлинникѣ нѣтъ подходящаго выраженія), папуни се срце *јада* VI. 19 (*тада*: полное тоской), да л' у срцу неста *јада* VI. 42 (*сада*: сердце долго ли страдало), неста туге, неста *јада* VII. 11 (*сада*: не смущается ничѣмъ), неста *јада* VII. 10 (*млада*: изнывая), крај свег *јада* I. 51 (*тада*: въ подлинникѣ нѣтъ подходящаго выраженія), без *јада* VII. 5 (*сада*: неугомонный), сред *јада* VI. 45 (*сада*: за грусть), тужан с *јада* VII. 36 (*пада*: въ горестной разлукѣ), са бола — *јада* VII. 43 (*сада*: больной и ласки и веселье), оставих друштво с *јада* VIII. 4 (*тада*: нѣтъ подходящаго выраженія), и од овог *јада* VII. 42 (*сада*: не только грусть), скрхат *јада* VI. 18 (*сада*: ничего подходящаго нѣтъ), пре тих *јада* VI. 32 (*нада*: ничего подходящаго нѣтъ), дан *јада* VI. 21 (*пада*: день заботъ), свака *јада* VIII. 45 (*сада*: колкость вашей брани) не осетих толко *јада* I. 33 (*никада*: средь пылкихъ дней кипящей младости), благо суза, среће, *јада* VII. 47 (*тада*: завѣтный кладъ и слезъ и счастья), прошлих мисли, срца, *јада* VIII. 41 (*сада*: съ мечтами, сердцемъ прежнихъ дней). Приводимыя въ скобкахъ соотвѣтствующія слова русскаго текста показываютъ, какое разнообразіе подлинника сведено въ переводѣ подъ одно ничтожное выраженіе слова *јад!* Ничѣмъ можетъ быть не засвидѣтельствовано лучше преимущество перевода Трнскаго, какъ тѣмъ многознаменательнымъ фактомъ, что въ его трудѣ этого лоскутка для образованія риѳмы на слова «тада», «сада» — вовсе нѣтъ. У Одавича попадаются такія для поэтическаго языка очень пошлыя словечки, какъ «тада», «сада» въ концѣ стиха, значитъ для риѳмы, очень часто; я насчиталъ

въ текстѣ этого перевода слишкомъ 150 разъ оба эти слова вмѣстѣ, тогда какъ у Трнскаго я отыскалъ 7 примѣровъ для «sada», 1 примѣръ для «tada»! При такой бѣдности переводчика относительно риѳмическаго творчества не удивительно, если онъ прибѣгаетъ къ риѳмамъ въ родѣ *дође — пође* (I. 15, 59, II. 6, 13, 34, IV. 23, 27, 44, V. 44, VII. 3, 4, VIII. 3, 29, 50), *пође — дође* (I. 34, IV. 37, V. 34, VII. 21, VIII. 31), *пође — прође* (I. 21, V. 6, 41, VI. 42, VII. 14), *прође — пође* (I. 25, III. 35, VIII. 6), *дође — прође* (VI. 7, VIII. 23), *прође — дође* (III. 3, VI. 11, 23, VII. 26), *пођем — прођем* (VII. 16), *дођу — прођу* (IV. 10, VII. 7), *пођу — прођу* (VII. 44), *поћи — доћи* (I. 51, IV. 49, VII. 27), *доћи — поћи* (III. 28, IV. 50, VIII. 28), *изађе — нађе* (V. 45, VII. 23), *зађе — нађе* (III. 10, VI. 32), *заћи — наћи* (III. 25), *саћи — наћи* (I. 19), *прошо — дошо* (IV. 35), *дошо — пошо* (II. 37); сл. еще *доче — поче* (V. 29), *пон'о — дон'о* (V. 27). Въ строфѣ VII. 17 попадаются риѳмы *дође — пође, прође — пође*; въ VII. 43: *одра мека — чека* два раза, въ VI. 45: *тада — јада, сада — сада*, въ VII. 51: *мере — мере*, въ VIII. 9: *знамо — знамо*, въ III. 25: *гони — гони*, и т. д. Все это — доказательства слабой догадливости и плохой находчивости переводчика. Благодаря этимъ качествамъ его встрѣчаются различныя повторенія риѳмъ, въ родѣ *јури — жури* (I. 35, II. 38, V. 2, 35), *јуре — журе* (I. 22), — (эта риѳма и у Трнскаго, напр. VIII. 22 juri — žuri), — *чиста — блиста* (I. 10, 27, III. 11, VII. 52), *чиста — заблиста* (V. 6), *блиста — чиста* (IV. 29, VI. 31, VII. 1), *груди — људи* (I. 44, 45, II. 7, IV. 18, VI. 42), *људма — грудма* (IV. 19), *дичи — личи* (I. 34, II. 24, VIII. 27), *личи — дичи* (I. 2), *ствара — чара* или *чара — ствара* (I. 32, 36, 46, 47, II. 22, III. 9 два раза, 10, 11, IV. 9), *сјајна — тајна* (II. 37), *сјајне — тајне* (V. 18), *сјајни — тајни* (IV. 30), *сјајно — тајно* (II. 28), *сјајну — тајну* (III. 33), *ситно — хитно* (I. 16, V. 4), *хити — кити* (III. 4, IV. 36), *хите — ките* (III. 4, VII. 32, VIII. 6), *збори — мори* (I. 42, III. 34, 40, IV. 49, V. 33), *мори — збори* (III. 8, 16, IV. 22), *збори —*

гори (V. 5, VII. 14, 28), *мори — гори* (III. 32, V. 30), *гори — мори* (VI. 3), *боља — воља* (IV. 21), *воље — боље* (IV. 26, VIII. 9), *боли — воли* (III. 19, IV. 7), *преста — неста* (VI. 32, 37, 44), *неста — преста* (IV. 23) и т. д.

Не только въ риѳмахъ замѣтно слишкомъ частое повтореніе, происходящее отъ того, что у Одавича число словъ вхожихъ въ риѳмы довольно ограниченное, но и помимо этого условія нѣкоторыя слова у переводчика попадаются безъ достаточной причины очень часто. О *ядъ* въ значеніи грусти, горя и т. д. была уже рѣчь. Приведемъ еще *занос* и прилагательное *заносни*. Слово употребляется очень различно, какъ это видно будетъ изъ прилагаемаго соотвѣтствующаго выраженія русскаго: да л' ће *занос* на ме саћи I. 19 (въ русскомъ: полетъ), ножице им — *занос* бајни I. 30 (въ русскомъ нѣтъ подходящаго выраженія), она ствара у награду *занос* чара I. 32 (неоцѣненную награду), а *занос* нам посве смета II. 18 (иль порывы), да она му *занос* ствара II. 22 (восторговъ, у Трнскаго глаголомъ: zanese ga), у грудма ми *занос* створи III. 29 (лишняя прибавка, въ подлинникѣ только «сердечный трепетъ»: те затрепће душа моја), па тек душа... *занос* буди IV. 48 (въ русскомъ текстѣ ничего подходящаго нѣтъ, у Трнскаго: tihe ti je, mile ćudi), Оњегина *занос* мину V. 20 (Онѣгинъ руку замахнулъ!), нада, мржња, *занос*, љубав мила VI. 32 (вдохновенье, вражда, надежда и любовь), где се блажен *занос* скрива VI. 36 (благородное стремленье), бујни би се *занос* скрио VI. 39 (юношества лѣта), селу где га *занос* свио VI. 40 (питомецъ вдохновенья), скривајући *занос* тада VII. 20 (скрывъ свое волненье, Трнски: ne odav svoga ćuta), плод *заноса* песникова V. 22 (сладкихъ вымысловъ поэта), сред *заноса* и сред нада II. 15 (юный жаръ и юный бредъ), у *заносу* срца свога IV. 31 (въ порывахъ серца своего), у *заносу* неизмерном IV. 35 (нѣтъ соотвѣтствующаго выраженія), *заносу* ми душа смета VI. 43 (тревожатъ сонъ моей души). — Въ такомъ же широкомъ значеніи встрѣчаемъ прилагательное: *заносни* га говор краси II. 6 (восторженную рѣчь), у *заносне* руске гласе III. 30

(на волшебные напѣвы), при *заносноj* месечини III. 20 (при вдохновительной лунѣ), *заносне* му крепи груди IV. 50 (его восторговъ ожидали), ни *заносни* земље краси II. 20 (ни чужеземныя красы!), кад *заносно* о чем збори II. 15 (поэта пылкій разговоръ), *заносна* је, узвишена VII. 52 (нѣтъ подходящаго выраженія въ подлинникѣ). — Любимымъ словомъ переводчика надо считать также *миље*, въ значеніи «прелесть»: местанце је пуно *миља* II. 1 (прелестный уголокъ), узоръ *миља*, узор части II. 23 (нѣтъ подходящаго выраженія въ подлинникѣ), у којој се *миље* скрило III. 25 (невинной прелести полна), њих загреје *миље* лако II. 35 (они роняли слезки три!), да им дадеш *миља* своја III. 30 (нѣтъ ничего подходящаго въ подлинникѣ), неког опет *миље* свије IV. 36 (кто въ чувствахъ нѣжится печальныхъ), па му *миља* никад не да IV. 51, пуна *миља* земља VII. 1 (улыбкой ясною), пун се *миља* живо вио VII. 19 (взоромъ умиленнымъ), вашим *миљем* срце блажит VIII, письмо Онѣгина (въ подлинникѣ нѣтъ подходящаго слова). См. у Трнскаго: «proljetna nam doba *milja*» VII. 2 (весна весна пора любви), «sna mu *milje*» VIII. 21 (мечтой прелестной). — Нѣсколько разъ повторяется фраза *с пуно мара*: он се гизда с пуно мара I. 25 (соотвѣтствуетъ русскому стиху «въ своей одеждѣ былъ педантъ»), гладећ косу с пуно мара I. 28 (въ русскомъ только: «расправилъ волоса рукой»), држе с пуно руска мара II. 35 (въ подлинникѣ подробности, которыхъ въ переводѣ нѣтъ), сл. также «у њег неста за њу мара» IV. 10 (въ подлинникѣ не такъ). Это слово часто попадается въ стихахъ Трнскаго, сл. VI. 39: Liepe duše *mar* ohladnje.

VI.

На вопросъ, воспользовался ли Одавичъ переводомъ Трнскаго, можно отвѣтить утвердительно. Онъ заимствовалъ изъ перевода своего предшественника иногда цѣлые стихи, иногда только отдѣльныя фразы. Приведемъ примѣры:

I. 4.

Evgeniju dodje hora
Hora nade, tuge nježne

Јевђенију дође хора
Хора надâ, туге, сете.

I. 6.

Kronološki red i broje
Povjesnici zemlje svoje

Хронолошке луде броје
Историје земље своје.

I. 10.

Jednu ljubi, jednu slavi,
Uz nju sebe zaboravi

Једну воли, једну слави
Па и себе заборави.

I. 19.

Opet li ću čut vam sbore,
Vidjet ruske Terpsihore

Да л' ћу чути ваше хоре,
Видет' руске Терпсихоре.

I. 24.

Branič prava i slobode
Tuj stranputce malo ode

Бранич правде и слободе
Овде с права пута оде.

I. 29.

Pero eto samo piše
A ja grešnik niesam više

То ми сâмо перо пише
Стари грешник нисам више.

I. 44.

Izradjeno bez sve brige

А рађено баш без бриге.

I. 53.

Drži zemlje, šume, vode

Држи земље, воде, шуме.

II. 21.

Kad za ljubav ni zno nije
Zarobi ga Olga krasna

Док за-љубав није знао,
Олга га је заробила.

II. 26.

Prstići joj nježni bieli — Прстићи јој нежни, мали.

II. 32.

Kojim drugda lieka nema — Којим друга лека нема
Na sluge se vazda ljuti — На млађе се своје љути.

III. 7.

Tako zrno brzo klija — Плодно зрнце брзо клија
Proljetno li sunce sija — Кад пролетње сунце сија.

III. 22.

Možda i vi pokraj Neve — И ви тамо покрај Неве
Baš za takve znate neve — Знате можда такве деве.

III. 29.

Kajati se ne znam više — Кајати се не знам више
Galicizmi omiliše — Галицизми омилише.

III. 31 п. Т.

Ja bih našla druga smjerna, — Супруга бих нашла смерна,
Bila bi mu žena vjerna — Жена бих му била верна.

IV. 9.

Tako strati osam ljeta — Тако страћи осам лета
Mladosti si divna cvieta — Свог живота дивна цвета.

IV. 12.

Izpovied li saslušate, — Кад исповест саслушате,
Sudite mi kako znate — Пресудите како знате.

IV. 28.

Tko te dušo ljubi više, — Ко те душо воли више,
Nek si ime niže piše — Нек од мене даље пише.

IV. 40.

Po polju se magla hvata	Већ се земље магла хвата
A gusaka divljih jata	А гусака дуга јата.

V. 17.

Tobot konjski, ljudska vika	Људска вика, коњски топот

VI. 39.

Ijo, pio, debljo, spado	Дебљо, спадо, јео, пио.

VII. 19.

Byronova divna slika	Бајронова дивна слика.

VII. 24.

Tumač li je tudjih ćudi	Или тумач туђих људи (?ћуди?).

Здѣсь пропущены всѣ тѣ стихи, гдѣ русскій текстъ могъ внушить тому и другому переводчику тѣ же слова, такъ что они могли независимо другъ отъ друга сдѣлать одинъ и тотъ же переводъ, тожество словъ могло бы быть тутъ дѣломъ случайнымъ, стало быть не доказывало бы ничего. Гораздо больше такихъ мѣстъ, гдѣ отдѣльныя выраженія, въ особенности же риѳмы несомнѣнно заимствованы изъ перевода Трнскаго или же гдѣ переводъ Трнскаго указалъ Одавичу путь и направленіе. Для большей убѣдительности я прибавлю въ скобкахъ русскій текстъ, чтобы видно было разстояніе его отъ словъ перевода.

I. 3: *ćud* uljudit zaboravi: ал' предвиде (должно быть: превиде) дечје *ћуди* (не докучалъ моралью строгой).

I. 10: Snebiti se *mrgodjeti:* замишљо се *мрѕодио* (казаться мрачнымъ, изнывать).

I. 11: Nju *zaludit* na samoći: *залудити* цуру лако (давать уроки въ тишинѣ).

I. 15: U tri kuće *pozivlju* ga: у три дома *позивљу* га (три дома на вечеръ зовутъ).

I. 16: Odsanjka se... *hitno*... nasta *vika*, zaljeska se *inje sitno* s dabrova mu zavratnika: У саоне седа *хитно*... чуje с' *вика*, и сија се *иње ситно* са дабровог овратника (...въ санки садится, раздался крикъ, морозной пылью серебрится его бобровый воротникъ).

I. 20: *Sjajna lahka: сјајна лака* (блистательна полувоздушна).

I. 21: druge *čepat* stane: а све *чепа* (идетъ... по ногамъ).

I. 30: Premnogo li vieka svoga zabavami raznim *provih:* Свог живота многе дане у балове ја сам *свио* (увы на разныя забавы я много жизни погубилъ).

I. 32: Pod stolnjakom kad se *skuta*, kada ljeti travom *luta:* кад провири испод *скута* и по трави када *лута* (подъ длинной скатертью столовъ, весной на муравѣ луговъ).

I. 35: A Onjegin? *San ga svlada:* А Оњегин? *сан га свлада* (Что жъ мой Онѣгинъ? Полусонный).

I. 45: Umom bio hladan *drznik*, ja bih *zlobnik*, a on *mrznik:* Оштри разум ал и *дрзак*, ја бех *злобан* а он *мрзак* (И рѣзкій охлажденный умъ, я былъ озлобленъ, онъ угрюмъ). — S nesreće nam, sa zla *svieta*, kad bijasmo mladih *ljeta:* Од Фортуне и од *света* на уранку наших *лета* (Слѣпой Фортуны и людей на самомъ утрѣ нашихъ дней).

I. 47: *Kasno — jasno: касно — јасно.*

I. 49: *žarke — Petrarke*: *жарке — Петрарке.*

I. 50: *slobode — sgode*: *слободе — згоде.*

I. 51: *parbe* neće: *процес* неће, *očevinu — очевину*, *biede veće — беде веће.*

I. 53: ljubitelji svieh *opiela:* што већ гину за *опела.*

I. 54: a dan treći lug i *polje* ne biše mu više *s volje*: али трећег — за брег, *поље* није више имо *воље* (на третій, роща, холмъ и поле его не занимали боле).

II. 1: Po njoj pase *stado bielo*, strag bjeluca s' eno *selo* a *debele nudi hlade:* и виде се куће *села* по пољима *стада бела*, гај што *густа хлада нуди* (мелькали села здѣсь и тамъ, стада бродили по лугамъ и сѣни расширялъ густыя).

II. 6: Dodje *mašte razdražene:* и *раздражај маште* живе (вольнолюбивыя мечты).

II. 7: *Sladkim sankom: слатким сновма* (мечтою сладкой).

II. 14: *štuje — čuje: штује — чује* (отличалъ — уважалъ).

II. 15: *Smješkajuć* se Lenskog *sluša* — mlad li umom u vis *kuša:* а *осмехом* Ленског *слуша* — а ум што тек снагу *куша* (Онъ слушалъ Ленскаго съ улыбкой — и умъ еще въ сужденьяхъ зыбкій).

II. 19: burno *hiti:* лако *хити* (она готова разболтать).

II. 22: Sbogom igre! On vas *pusti* te sad voli lug taj *gusti* i *samoći* i *tišinu:* Збогом игро, сане *пусти*, сад шумарак воли *густи*, па *тишину* и *самоћу* (простите игры золотыя! онъ рощи полюбилъ густыя, уединенье, тишину).

II. 24: Što se tako zovu *bake služavke* nam svakojake: код *служавки* и код *бака* (воспоминанье старины ихъ дѣвичьей).

II. 25: *sjetna lica — plašljivica: сетна лица — плашљивица* (молчалива — боязлива).

II. 31: *Naviku* nam bog sam *daje*, neka sreći *izmjena* je: *Навику* нам *небо даје*, срећи она *замена* је (Привычка свыше намъ дана, замѣна счастію она).

II. 37: On mi Olgu *namjenjivo—živo:* Олгу ми је *намењиво—живо* (Онъ Ольгу прочилъ за меня. . .).

II. 40: Još *obnavljat starčev* vienac: *старчев* лавор *обновити* (потреплетъ лавры старика).

III. 1: to su *dobri*, prosti *ljudi:* то су, је ли, *добри људи* (простая русская семья).

III. 4: Pustare mi te je *dosta — žena prosta:* та глупости већ је *доста — жена проста* (какія глупыя мѣста — Ларина проста); *piće — nahudit će: пиће — нахудиће* (вода — вреда).

III. 6: sve bi priečke *drugi digli* — niesu *stigli:* озбиљно се *други дигли* — нису *стигли* (иные даже утверждали — не достали).

III. 7: *živo želi kog mu drago:* те *зажели ког му драго* (душа ждала кого нибудь).

III. 8: čedu *milom* — divnom *silom:* чеду *милом* — моћном *силом* (дѣвѣ милой).

III. 18: *Man'* se Tanjo: *мани* Тања (и полно). — *Smakla* bi me s toga *svieta:* с овог *света* — *смакла* (согнала со свѣта).

III. 19: ne *obolih* — nekom *voli:* Не *боли* — срце *воли* (больна — влюблена); *prsti* — *krsti*: *крсти* — *прсти.*

III. 25: *namiglica* — ljubi *sbilja: намигуша* — *сбиљски* воли (кокетка — любитъ не шутя).

III. 27: *nakaza* vam prava to je: док с' *наказом* најзад створи (его такъ мило искажали).

III. 31 п. Т.: ne privi se *duša moja:* не би хтела *душа моја* (не отдала бы сердца я). — U *snu* mi se veće *javi:* и у *сну* ми ти се *јави* (ты въ сновидѣньяхъ мнѣ являлся), — ti mi *svanu:* мени *свану* (я вмигъ узнала), — ti me krivu još *ukori:* јаох мени, ти *укори* (укоромъ).

III. 36: prodje *drugi*, nema *nema*, *vas dan dugi:* наста *други*, још *нема*, *вас дан дуги* (нѣтъ отвѣта, нѣтъ какъ нѣтъ, съ утра одѣта), — *ljuto* kori: *љуто* кара (злой укоръ).

III. 38: *zači* topot: *зачу* топот (вдругъ топотъ).

IV. 10: on s' *odmara:* он с' *одмара* (радъ былъ отдохнуть).

IV. 13: uz last *mnogi* — koli *togi:* тугу *многу* — кол'ко *могу* (въ залогъ — сколько могъ).

IV. 14: bi l' nam *cviće cvalo: цвеће* — тада *цвало* (какія розы намъ заготовитъ).

IV. 21: *S toga* ljubit: *с тог* је љубав (за то любовь). — Prirodne li *neslobode:* па још уз њу сто *слобода* (но своенравіе природы), — да ј' *poštenje* ženi sveto: да *поштење* жена храни (всегда почтенны быть должны).

IV. 26: porumeni, list *prelista:* руменећи он *прелиста* (онъ пропускаетъ покраснѣвъ).

IV. 27: Goluba li dva svrh *lire* — krila *šire:* баш на *лири* — крила *шири* (на лирѣ голубка перомъ и красками слегка).

IV. 29: Vojnik—*oštru* miso: и војнике—*оштре* песме (піитъ армейскій — стишокъ злодѣйскій), — *dosjećanje* da l' je *plitko:*

досетка — да л' је *плитка* или није (остро иль нѣтъ я могъ соврать).

IV. 30: *mašta čista* — divna kista: *машта чиста* — моћна киста (кистью чудотворной).

IV. 34: na glas čita *svomu zlatu:* да край *свога злата* мила песме чита (читать въ глаза своимъ любезнымъ).

IV. 46: liek i *biedi* — koj mi *vriedi:* и у *беди* — а то *вреди* (въ бѣдѣ — вездѣ).

IV. 47: *na stolu* s' još *rumeni*, u čaši se *vince pjeni:* на *столу* се *вино пени*, прелива се и *румени* (свѣтлый кубокъ еще шипитъ среди стола).

V. 2: *put* si *prti* — u vis *vrti: пут* — *прти* — ко прах *врти* (обновляетъ путь), — и *saone* dječak *stare* — ruke *tare:* уз'о санке *старе* — он их *таре*.

V. 3: nije *stalo* — baš je *malo*, krasnim *slogom* — višnijm *bogom:* није *стало* — у њих *мало*, вишњег *бога* — јача *слога*.

V. 8: bogato je naše *selo:* богато је моје *село* (тамъ мужички-то всѣ богаты); *neveselo: невесело* — *zove maćak* macu: *мачак* мачку *зове* (милѣй кошурка сердцу дѣвъ).

V. 12: *tuži* — *pruži: тужи* — *пружи* (ропщетъ на ручей).

V. 17: S *lubanjom* je *guščja šija:* на врх танке *гушче шије лубања*.

V. 18: *Odškrine* si vrata malo: те *отшкрину* врата мало (немного растворила дверь).

V. 26: krupna *stasa* — *glasa:* грозна *стаса* — *гласа* (дородной — превосходной).

V. 32: *dušo* Zizo, moja *srećo:* Зизи *душо*, *среħо* моја (Зизи кристаллъ души моей).

V. 33: Vince *buja* te se *pjeni:* вино с' *пени*, *буја*, диже (вино шипитъ).

V. 40: na um *pade:* успомена мени *паде*; ја vam *lutah:* лако с' *лута*.

VI. 2: spavat *ne da* te *kroz prozor* u sviet *gleda:* сну се *не да* те *кроз прозор* у мрак *гледа* (не спитъ и въ поле темное глядитъ).

VI. 17: *sinoćnicu* ni spomenut: *синоћницу* да спомене (вчерашній день).

VI. 18: pobit za *mrak* hladna *groba:* потуħи се за *мрак гроба* (заспорятъ о могильной сѣни).

VI. 21: Evo vam ih *sačuvanih:* стихови су *сачувани* (стихи сохранились).

VI. 27: Zarecki slegne *pleći:* Зарецки сними *плећи* (Зарѣцкій губу закусилъ).—Drage volje: драге воље (начнемъ, пожалуй),—brže bolje: брже боље.

VI. 30: *mirna oka: мирна ока* (тихо ровно); — *četir kroka: четир крока; bliže — diže: ближе — диже;* Onjegin *zape:* Јевħен *зане;* čujte *jade — pade:* црни *јаде — паде.*

VI. 40: Gdje se s *jelom srasla* jela: ту се *срасла с јелом* јела (двѣ сосны съ корнями срослись).

VI. 42: Svedj jednoum *mrkogledja,* što nam Lenskog *mlada ubi: злопоглеħа* празних груди што песника *младог уби* (гдѣ этотъ пасмурный чудакъ убійца юнаго поэта).

VII. 6: *polukruga — vijuga: полукруга — вијуга* (полукругомъ — лугомъ).

VII. 14: *sjeti* — odleti: *сети* — лети.

VII. 17: stan *gospode — ode:* двор *господе — оде.* — *Samotovo: самово* је (сиживалъ одинъ).

VII. 18: *objedovo* — njegov *ovo: обедово* — његов *ово.*

VII. 19: s lampom *ugašenom:* са лампом *угашеном,* s krasnim *sagom:* скупим *сагом.*

VII. 22: *vierno — neizmjerno: верно — неизмерно.*

VII. 32: I na vrata sviju *nesta,* s bogom sada tiha mjesta: са двора га брзо *неста,* због мирна места (ползетъ за ворота, простите мирныя мѣста).

VII. 35: *dosadna* je — već *traje: досадна* је — како *траје.*

VII. 40: u ulici nekoj *stali:* испред неке куħе *стали,* teta — ljeta: тета — лета.

VII. 44: pridošlica iz *daleka* — rod je *čeka:* пóħу из *далека* — сусрет *чека* (издалеча — встрѣча).

VII. 45: nosi *svaka* — od *čipaka:* држи *свака* — од *чипака* (образецъ — чепецъ).

VII. 46: *grle* — oči *pouprle: грле* — глед *упрле* (обнимаютъ — озираютъ).

Въ заключеніе представимъ двѣ строфы въ переводѣ Одавича, сравнительно съ текстомъ Трнскаго; выбираю такія, гдѣ можно дать Одавичу предпочтеніе:

I. 33.

Видех море усред буре
И валове како с' вију,
Како хите, како журе
Да с' пред њене ноге свију.
Желео сам да уз вале
Љубим оне ноге мале.
У младости још никада
Не осетих толко јада,
Не пожелех с више страсти
Љубит' уста мила, нежна,
Ни Армидâ лица снежна,
Нити груди рајске сласти.
Никад тако страсти више
Душу моју не морише.

Još se sjećam čudne zgode:
Zateče ju morska plima,
Ja zavidjah valom vode
Dopirućim k listovima.
Napala me želja pusta,
Da mi plinu k nožkam usta!
Pomaman sam često bivo,
Ali nigda toli živo
Ne poželjeh stravljen, smiljen
Poizljubit usta vila,
Il rumena lišca mila,
Ili grudih raj zakriljen,
Nigda m' kano u tom mahu
Strasti dušom ne trzahu.

V. 30.

Према њима била Тања
Бледа као месец што је;
А к'о срна сред бежања
Не подиже очи своје.
Страсни жар је силно мори,
Тешко јој је, лице гори.
Не чу поздрав оба госта,

Posade ih prama Tanji,
Od mjeseca štono bledja
Poput srne s' plaši, panji,
Ne smie glednut izpod vedja.
Podbio joj znoj krvavi,
Mučno joj je, strast ju davi,
Preču pozdrav druga dvaju,

Њено око сузно поста.
Несвестица тад је свила
Те јој тешко тешко пада...
Ал' одржа воља тада:
Две три речи прозборила
Тешком муком, али хтеде;
И поново за сто̀ седе.

Na oku joj suze sjaju,
Nada joj se obeznanit.
Al joj razbor, volja vriedi,
Te pregori, strah pobiedi,
Te će s' u glas tih nakanit
Dvie tri rieči njima reći,
Tad će šućet tuj sjedeći.

VI.

Раньше чѣмъ Р. І. Одавичъ напечаталъ свой переводъ «Евгенія Онѣгина», но послѣ труда Ивана Трнскаго, вышли въ сербскомъ переводѣ первыя двѣ главы этого романа. Переводчикомъ былъ нѣкто *Јован Симеоновић-Чокић*, лицо въ сербской литературѣ мало извѣстное. Первая глава его перевода напечатана въ сербскомъ журналѣ «Јавор» за 1885 годъ, вторая въ журналѣ того же характера «Стражилово» за 1886 годъ (ч. 16 и 17, стр. 527—534, 553—562). О продолженіи перевода мнѣ ничего не извѣстно; что̀ помѣшало автору довести дѣло до конца, не знаю. О качествѣ этого перевода я могъ составить себѣ понятіе только по тексту второй главы; «Јавора», гдѣ помѣщенъ переводъ первой главы, у меня не было подъ руками. Переводчикъ отнесся къ своей задачѣ нѣсколько иначе чѣмъ Трнски и Одавичъ, по крайней мѣрѣ относительно внѣшней стороны. Согласно съ ними выбралъ и онъ исключительно четырехстопный трохаическій стихъ для передачи подлинника, но чередованіе риѳмическое у него не соблюдено. Какъ выше указано, Трнски и Одавичъ сдѣлали только въ томъ отступленіе отъ подлинника, что въ ихъ переводахъ риѳма мужская замѣнена женской, т. е. внѣшній видъ риѳмической техники остался нетронутымъ по схемѣ *ababccddeffegg*, только что стихи *bdfg* вмѣсто мужской риѳмы подлинника представляютъ женскую риѳму наравнѣ со всѣми прочими стихами строфы. Чокичъ, напротивъ, поступилъ по своему, онъ не замѣнилъ мужскихъ риѳмъ женскими, не

оставилъ также бѣлыхъ стиховъ въ полномъ количествѣ мужскихъ риѳмъ, т. е. не всѣ восемь стиховъ, снабженные въ подлинникѣ мужской риѳмой, остались у него бѣлыми стихами, строфа получаетъ у него слѣдующій видъ: *xaxaxbxbxcxcdd*, выходитъ восемь стиховъ риѳмованныхъ и шесть бѣлыхъ. Мнѣ кажется, что съ этимъ нарушеніемъ риѳмическаго чередованія трудно согласиться. Поэтому Одавичъ поступилъ очень разумно, что онъ, не поддавшись вліянію своего непосредственнаго предшественника Чокича, предпочелъ пріемы Трнскаго. Впрочемъ я долженъ признать за нимъ большее разнообразіе въ риѳмической техникѣ, чѣмъ она обнаружилась у Одавича. Такихъ очень незначительныхъ риѳмъ, какія мы въ множествѣ встрѣчали у Одавича, у Чокича почти нѣтъ. Видно, писать въ стихахъ съ риѳмами ему удавалось легче, чѣмъ Одавичу. Но вѣрности въ передачѣ подлинника такъ же мало у Чокича, какъ у Одавича. Оба обходились одинаково безцеремонно съ многими подробностями русскаго текста. Есть конечно и прямыя ошибки въ переводѣ, вызванныя непониманіемъ русскаго текста. Укажемъ нѣсколько примѣровъ.

II. 2. Поэтъ описываетъ замокъ Евгенія и говоритъ, что «все это нынѣ обветшало, не знаю право почему, да впрочемъ другу мосму въ томъ нужды было очень мало» — Чокичъ перевелъ это такъ: «Све то беше старе моде. Ја се дивљах тому сему, *но Јевђена не запитах...*». Но о намѣреніи спрашивать Евгенія не говорится въ русскомъ подлинникѣ.

II. 3: «полъ дубовый» нельзя сказать: «храстов *столац*» (полъ не стулъ). — Стихъ «въ другомъ наливокъ цѣлый строй» переведенъ совсѣмъ безъ смысла: «и рачуни бела света», для «тетради расхода» сказано уже въ предыдущемъ стихѣ: «у једноме трошковник је».

II. 4: «другой лукаво улыбнулся»: «други опет *ружи, грди*», здѣсь переводъ преувеличиваетъ, лучше у Одавича: «а други га *смешѣ* псује».

II. 6: «всегда восторженную рѣчь»: «језик течан, *речи врећа*» — послѣднія слова (куль словъ) могли бы быть примѣ-

нены къ пустому болтуну, но не къ Ленскому; лучше Одавичъ: «заносни га говор краси».

II. 8. Романтическое настроеніе хорошо обрисовано поэтомъ: «что *душа* родная соединиться съ нимъ должна», значитъ о родствѣ и союзѣ душъ мечталъ романтикъ, въ переводѣ же сказано: «верово је од све душе, да ће сродна (кто?) с топлих *груди* на његове *груди* пасти»!

II. 9. Конецъ строфы переведенъ не такъ, какъ слѣдовало: «пламенит му жар је прати *с благословом одозгоре*» — въ подлинникѣ этого нѣтъ, тамъ сказано «онъ въ пѣсняхъ гордо сохранилъ всегда возвышенныя чувства». Далѣе сказано о поэтѣ романтикѣ, что онъ сохранилъ «порывы дѣвственной мечты и прелесть важной простоты», а въ переводѣ не то: «простотом је мила јасном као *цура душом красном*».

II. 12. Ленскій «вездѣ былъ принятъ какъ женихъ», но это не значитъ: «*жениће се*, много снива», не онъ вѣдь мечталъ о женитьбѣ! Точно такъ не хорошо сказано «*изводе* му ћерке редом» для русскаго глагола «всѣ дочекъ *прочили* своихъ». И здѣсь повторяется ошибка, которую мы отмѣтили у Одавича, что «за полурусскаго сосѣда» переведено: «пô Русији он је сусед». И стихъ «зовутъ сосѣда къ *самовару*» не значитъ: «па га *на чај редом* зову», объ очередныхъ приглашеніяхъ не говорится здѣсь.

II. 13. Постепенное сближеніе Онѣгина съ Ленскимъ передается въ переводѣ довольно тяжело и неестественно, вмѣсто рельефнаго стиха «потомъ понравились, потомъ съѣзжались каждый день верхомъ» сказано въ переводѣ: «али време све то глади те разлика паде свака, краћа викла па навикла». — Вставочныхъ словъ «первый каюсь я» переводчикъ тоже не понялъ: «знам и *нигда не докајах*».

II. 14. Начало строфы въ переводѣ не вяжется съ послѣдними словами предыдущей строфы. «Намъ чувство дико и смѣшно» въ переводѣ не отражается всей силой: «Срце нам се слабо жаца». Характеристика Онѣгина въ концѣ строфы не уцѣлѣла въ переводѣ.

II. 15: «Простимъ горячкѣ юныхъ лѣтъ» не значитъ: «прост' му жаре крвце младе», «горячка юныхъ лѣтъ», это фактъ самъ собою, ему же прощается «юный жаръ и юный бредъ», что опять не значитъ «несташлуке таште наде».

II. 16: «и гроба тайны роковыя»: «тмицу гроба и блаженство» — послѣднее слово въ переводѣ лишняя прибавка.

II. 17. Слова въ концѣ строки: «Наслеђене паре списк'о и не на те трице стиск'о» для меня не совсѣмъ понятны.

II. 18. Переводчикъ для пополненія своего нѣсколько сокращеннаго разсказа прибавляетъ въ концѣ отъ себя: «од смеја се старац клати, где жутокљун сламу млати»!

II. 19. Начало строфы переведено неудачно, свойственную молодости болтливость нельзя назвать: «брже боље диже вику» (поднимаетъ шумъ). Въ разсказъ влюбленнаго Ленскаго вставлены такія вещи, какъ «ту вам песме, ту вам цвеће», о чемъ въ подлинникѣ и рѣчи нѣтъ.

II. 22. Сказать про луну: «оj месече... *негда дражи од сунашца*» нѣтъ основанія въ русскомъ подлинникѣ, точно такъ не слѣдовало назвать ее «а ти си нам фењер само», потому что въ подлинникѣ сказано, что луна только «замѣна тусклыхъ фонарей».

II. 23. Въ переводѣ пропущены слова: «но любой романъ возьмите и найдете».

II. 24. И въ этой строфѣ придуманы переводчикомъ слова: «е гле јако сад господа све туђинска зато просе», а безвкусныя имена не могутъ быть названы «имена нам нису чиста». И то, что о просвѣщеніи въ переводѣ сказано, не соотвѣтствуетъ смыслу подлинника.

II. 25. Словамъ «као да је тиште ране» нѣтъ ничего соотвѣтствующаго въ русскомъ текстѣ.

II. 26. Переводчикъ присвоиваетъ Татьянѣ властолюбіе надъ куклой, тогда какъ въ подлинникѣ обращеніе съ куклою считается только признакомъ властолюбія. Не обращено вниманіе на слова: «охоты властвовать примѣта», для которыхъ содержаніе ближайшихъ стиховъ служитъ только объясненіемъ. По-

этому въ начальныхъ словахъ слѣдующей строфы, гдѣ прямо говорится «но куклы — Татьяна въ руки не брала», переводчикъ долженъ былъ отступить отъ русскаго текста, чтобы не вышло противорѣчіе, его переводъ разсказываетъ довольно неопредѣленно: «нигда још за младих љета *не спомену луци сјаје*»! И оба слѣдующіе стиха тоже не подходятъ къ смыслу русскаго текста.

II. 30. И въ этой строфѣ переводъ представляетъ лишнія прибавки: «из *златне* је она Москве нећакиња њена *славна*», въ подлинникѣ сказано только: «ея московская кузина». «Вереник јој по невољи само мио» не то, что сказано въ русскомъ текстѣ: «но по неволѣ она вздыхала о другомъ».

II. 32. Что значатъ слова перевода: «навика јој тугу слади *но сладост је слаба била*»? Въ подлинникѣ сказано не то. И въ концѣ строфы невѣрно переведено: «са мужем и не разговара» вмѣсто русскаго «все это мужа не спросясь», т. е. въ своей энергической дѣятельности она распоряжалась не спроса мужа, но это еще не значитъ, чтобы она и не говорила съ мужемъ.

Судя по этому отрывку можно утверждать, что переводъ Чокича въ осмысленьи русскаго подлинника посредствомъ сербскихъ стиховъ уступаетъ Одавичу, но въ бойкости стиховъ стоитъ выше его. Нельзя одобрить правописанія «Ањегин».

IX.

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ.

въ двухъ переводахъ: А. Писаревича (1894) и Ис. Великановича (1899).

Очень долго приходилось ждать, пока наконецъ и переводъ «Бориса Годунова» попалъ въ сербско-хорватскую литературу. Это случилось лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ 1894 году вышелъ первый переводъ этой трагедіи въ «Стражилово», т. VII, №№ 20—25. Къ сожалѣнію, сколько мнѣ извѣстно, объ отдѣльномъ оттискѣ никто и не думалъ, когда переводъ печатался, такъ что тѣ, у кого нѣтъ цѣлаго тома «Стражилово» подъ руками, — а такихъ очень много, — не въ состояніи запастись переводомъ этого классическаго произведенія русской литературы. Трудъ переводчика, А. Писаревића, появился и уже преданъ забвенію, какъ это обыкновенно бываетъ съ журналами за прошедшіе годы. Однакожъ это жаль. Переводъ А. Писаревића заслужилъ лучшую участь. Авторъ перевода сумѣлъ справиться съ своей задачею. Онъ почти вездѣ вѣрно угадалъ смыслъ подлинника и перевелъ текстъ точно, хорошимъ, отборнымъ сербскимъ языкомъ. Главную часть текста, написанную ямбическимъ размѣромъ (десяти- и одиннадцати-сложными стихами), переводчикъ передалъ десятисложнымъ трохаическимъ или иногда ямбическимъ стихомъ, съ цезурою не послѣ четвертаго, какъ въ эпическомъ размѣрѣ, а послѣ пятаго слога. Конечно есть и исключенія, т. е. такіе стихи, гдѣ первая половина передъ цезурой обнимаетъ шесть слоговъ, въ такомъ случаѣ зависитъ отъ объема второй половины, будетъ ли цѣлый стихъ десяти- или одиннадцати-сложный. Обыкновенно онъ выходитъ одиннадцати-сложнымъ. Напр. одиннадцати-сложными стихами оказываются слѣдующіе: въ I-й сценѣ ст. 11: Најзад ће пристатя на то, до прими; во

II-й сценѣ (цифры стиховъ по изданію Поливанова) ст. 2: Бојаре, свећенство и патријарха, въ IV. 1: Оче патријарше и сви бојари, IV. 17: Делио послове, а још не бејах, въ V. 2: и моја хроника биће готова, ib. 5: Није ме бадава изабро Господ, ib. 10: Што су га векови нагомилали, ib. 34: И свою хронику брижљиво пише, ib. 59: Пао сам стрмоглав, пробудио се, ib. 68: Час видим пред собом развратне гозбе, ib. 73: Под Шујским литванску војску си туко, ib. 79: Још би ми достало времена да се, ib. 84: Још многим и тешким искушењима, ib. 90: Кад ме у манастир доведе господ, ib. 106: Видео ништавост овога света, ib. 197: Борисе, Борисе, свима си трепет, ib. 201: У тамној ћелији грозну пресуду, VII. 6: Волео бих знати, шта му проричу, VII. 46, IX. 8, 11, 17 и т. д. Стиховъ одиннадцати-сложныхъ, какъ видно, соразмѣрно очень немного, ихъ появленіе по большей части обусловлено объемомъ нѣкоторыхъ многосложныхъ выраженій. Очень рѣдко при цезурѣ послѣ шестого слога, вторая половина стиха обнимаетъ только четыре слога, напр. IV. 4: Страхом и смерношћу узео власт, V. 4: Коју ли грешноме зададе Бог, VII. 10: Да сам ја кћерину удовству крив, ib. 45: Смерну монахињу — на све сам ја, IX. 21: Да живи велики государ наш, и т. д.

Переводчикъ не стремился къ соблюденію въ переводѣ такого же числа стиховъ, какъ въ подлинникѣ; въ текстѣ не сплоченномъ риѳмой въ опредѣленныя рамки, отступленіе отъ подлинника во внѣшнемъ объемѣ не имѣетъ никакого значенія. Позволяя себѣ нѣкоторую широту изложенія, авторъ перевода могъ за-то настаивать на вѣрной передачѣ всего, что въ подлинникѣ сказано — и только, т. е. у него замѣтно рядомъ съ точностью также похвальное рѣшеніе не прибавлять, не придумывать кой-какихъ заплатъ для пополненія стиха. Дѣйствительно у этого переводчика можно почти всегда положиться на его слова въ полномъ убѣжденіи, что они если не буквально, хотя въ большинствѣ случаевъ даже и это достигнуто, то по крайней мѣрѣ по смыслу вѣрно передаютъ текстъ подлинника. Въ виду этого

превосходнаго качества перевода «Бориса Годунова» я хочу указать на тѣ мѣста, гдѣ текстъ перевода, на мой взглядъ, требуетъ исправленій, чтобы еще ближе подойти къ своей высокой цѣли— быть вѣрнымъ отраженіемъ русскаго подлинника.

Сц. I, ст. 8—9: «Борисъ еще *поморщится* немного, что пьяница предъ чаркою вина» — эта картинка не вполнѣ точно переведена: «И лице ће му с' *разведрит*' брзо, кô пијаници кад види пехар пун *црвеног*а вина пред собом». Пьяница, привыкшій выпивать залпами чарки вина, не всегда самаго лучшаго сорта, легко можетъ поморщиться, видя предстоящую ему обязанность опять выпить — переводчикъ же говоритъ о «сіяющемъ» лицѣ пьяницы при видѣ вина.

Сц. I, ст. 35: «кто *подослалъ* обоихъ Битяговскихъ съ Качаловымъ»: «ко Биђаговских двоје *поткупи* са Качаловим» — желательно было бы видѣть здѣсь въ переводѣ другой глаголъ, напр. «тајно посла».

Сц. I, ст. 67: «перешагнетъ; Борисъ не такъ-то робокъ!» переведено неудачно: «Па зар на престо хоће да седне?! Ал Борис неје тако бојажљив». Съ какой стати въ переводѣ высказано въ первомъ стихѣ будто бы сомнѣніе Шуйскаго, котораго на дѣлѣ не было?

I. 73—74: «Вѣдь Шуйскій, Воротынскій, *легко сказать*, природные князья»: «Шујски, Воротински, *сами се кажу* княжевског рода». Переводчикъ не понялъ вставочной фразы «легко сказать», которую можно бы перевести «није шала».

I. 80: «давай народъ искусно *волновать*»: «ми ћемо хитро *подићи* народъ» — въ переводѣ сказано слишкомъ много, лучше было бы «бунити».

Сцена вторая (II), гдѣ Щелкановъ говоритъ «съ краснаго крыльца», не слѣдовало переводчику написать: «долази на црвени трг», это была бы «красная площадь».

III. 21: «не намъ чета» не переведено, а замѣнено лишнимъ стихомъ «та нама ништа познато није», вмѣсто того, чтобы приблизительно сказать: «то није наше друштво».

IV. 17: «Когда труды я ваши раздѣлялъ»: «кад сам вам ја *делио* послове» — невѣрно, переводчикъ не уловилъ смысла фразы «раздѣлять труды», надо было сказать напр. кад сам с вама делио послове.

IV. 29: «*Совѣтую* порой и забывать»: «Ја *велим*, нек се и заборави» — не совсѣмъ точно.

V. 30—31: «и дремотой знать во всю ночь не смыкалъ очей» — въ переводѣ всѣмъ этимъ выраженіямъ единственный откликъ въ глаголѣ «још трено није».

V. 37—38: «О *казняхъ* ли свирѣпыхъ Іоанна, о бурномъ ли новогородскомъ вѣчѣ»: «ил' о *казнима* Ивана Грозног, ил о народној бурној скупштини што се *скупи* у Новоме Граду». Во-первыхъ слово «о казняхъ» не переведено довольно выразительно, лучше было бы «о убиствима окрутним»; во-вторыхъ о новгородскомъ вѣчѣ неудобно говорить, будто бы оно только разъ собралось.

V. 99. Его дворецъ «монастыря видъ новый принималъ»: «Његов двор — *сад је* прави манастир» — невѣрно, не о нынѣшнемъ видѣ дворца царя Іоанна рѣчь идетъ, а о томъ, что онъ въ свое время затѣвалъ сдѣлать изъ него монастырь.

V. 146: «Ужъ не видать такого намъ царя»: «*још* не *видесмо* такога царя» — изреченіе не относится къ прошедшему времени, а къ будущему.

Добавочная сцена «ограда монастырская» внесена здѣсь въ текстъ. Трохаическіе пятнадцати-сложные стихи переведены отчасти такими же, но есть и четырнадцати- и тринадцати-сложные въ переводѣ этой сцены.

Ст. 6: «Радъ, что въ колоколъ ударятъ»: «Зар је радост» — невѣрно, чернецъ, напротивъ, радуется удару колокола, потому что ему не спится.

Ст. 9: «поминай какъ звали»: «Звали су ме» — переводчикъ не угадалъ смысла фразы, слѣдовало перевести: «био пак се поминьао».

Ст. 24: «А бояре въ Годуновѣ помнятъ равнаго себѣ»: «а

наши бојари сматрају га и спомињу к'о себи равнога»—въ переводѣ пропущена существенная часть изреченія, т. е. имя Годунова.

Въ переводѣ сцена 8-я «Корчма на литовской границѣ» заняла мѣсто раньше 7-й сцены — «Царскія палаты». Въ 8-й сценѣ пьянствующихъ монаховъ-бродягъ трудно было перевести разговоръ по складамъ, напр. «Вольному воля — а пьяному (обыкновенно говорится «спасенному») рай» переведено: «Сваки је од своје воље господар — а пијаници је вино господар» — это могло быть выражено лучше и короче. Нѣкоторыя изреченія удались въ переводѣ, напр. «ти само пи па пред собом ри». Если «заставы царскія» переводится выраженіемъ «царске пречнице», то «сторожевые приставы» нехорошо передается словомъ «стражарска постаја», можно было оставить: «стражарски пристави» или хоть бы «стражарски људи». Въ словахъ чернеца, присматривающагося къ подозрительному разговору Григорія съ хозяйкой, сказано: «не нужна тебѣ водка, а нужна молодка: дѣло, братъ, дѣло», что въ переводѣ такъ сказано: «теби не треба вотка, већ милојка: *бадава*, брате». Послѣднее слово надо бы замѣнить лучше подходящимъ, напр. «ваља, брате» или «ела, брате». — Фраза «дозоромъ идутъ» едва ли хорошо переведена «ти иду назорце», понятнѣе было бы здѣсь выраженіе «прометачина». Что первый приставъ вскрикиваетъ на Григорія «врешь» — этого не слѣдовало переводить словомъ «просто», а скорѣе прямо «лажеш!».

Сц. VII. 13: «сердечный гладъ мгновеннымъ обладаньемъ»: «а кад се у срцу загаси жеђ *једним трепутком*» — переводъ не полный, существеннаго слова «обладанье» нѣтъ въ переводѣ.

VII. 18: «предчувствую небесный громъ и горе» — этотъ стихъ въ переводѣ пропущенъ.

Сц. IX. Шуйскій говоритъ слугамъ: «сбирайте со стола» — но это не значитъ «идите од стола», а «распремите сто̑» или «скидајте са стола».

IX. 66: «что на *колу* кровавомъ»: «на губилишту» — не точно, вѣдь казнь «на колац» была хорошо извѣстна и на югѣ.

IX. 89: «въ приказъ холопій»: «пред суд раднички» — переводъ не совсѣмъ вѣрный, «приказъ» гораздо шире значеніемъ, чѣмъ «судъ», можетъ быть «уред».

IX. 94: «такъ и пойдетъ потѣха»: «па ће све проћи», неудачно, лучше было бы: «па ће бити комендија» или «па ће бити пазар».

Сц. X. 13: «дремучіе лѣса»: «ево — древних планина» — не совсѣмъ точно.

X. 45: «Сейчасъ послать за Шуйскимъ»: «Послаћу одмах сада по Шујског» — лучше было бы: «нека се одмах пошаље», чѣмъ первое лицо.

X. 47: «Сношенія съ Литвою» — не то, что въ переводѣ: «Савез са Литвом». Сношенія еще не — союзъ.

X. 50: «уклончивый» я бы не перевелъ «покоран», скорѣе «опрезан».

X. 62: «нѣтъ нужды»: «није ми нужно» — это точный, но не вѣрный переводъ, потому что русская фраза значитъ не совсѣмъ то; лучше было бы: «не смета».

X. 84: «Димитрія! — Царевичъ удались!». Въ переводѣ не проведена разница между убитымъ Димитріемъ и присутствовавшимъ при разговорѣ Ѳеодоромъ: «Зар царевић!.. Иди одатле!».

X. 146. Стихъ «но презирать не должно ничего» пропущенъ въ переводѣ.

Сц. XI. 42: «*молва* объ немъ умолкла»: «од тад *слава* му преста» — не одно и то же.

XI. 66: «мы изъ Москвы *опальные* бѣжали»: «из Москве ми смо к теби прибегли» — не переведено важное слово «опальные».

XI. 70: «мужайтесь» не значитъ точно «држ'те се мушки», скорѣе «уздајте се», «не клон'те духом».

XI. 92: «подъ небомъ полунощнымъ»: «под небом ноћним» — едва ли этотъ переводъ удобопонятенъ, не лучше ли употребить прилагательное «северни»?

Сц. XII. 7. Рузя (переводчикъ пишетъ «Русја»!) говоритъ Маринѣ: «когда изволили вы ѣздить во дворецъ», переводчикъ

прибавилъ одно лишнее словечко, оно портитъ смыслъ: «кад сте *овамо дошли* у дворац» — не о здѣшнемъ замкѣ, а о королевскомъ дворцѣ въ подлинникѣ рѣчь идетъ.

XII. 15: «отецъ надѣется *на васъ*»: «нада се *вама* данас за цело» — невѣрно, переводчикъ не замѣтилъ различія въ значеніи «надѣяться кому» и «надѣяться на кого».

XII. 23: «*въ гостяхъ у васъ* пируетъ онъ»: «него пирује» — въ этомъ переводѣ не все сказано.

XII. 33: «Умомъ — превыше *вы* похвалъ» — переводчикъ отнесъ эту похвалу къ цѣлому роду: «дух *им* је чувен свуд на далеко».

На разницу въ размѣрѣ стиховъ XII-й сцены переводчикъ не обратилъ вниманія, онъ перевелъ по обыкновенію десятиизрѣдка одиннадцати-сложными стихами, гдѣ въ подлинникѣ тринадцати- и двѣнадцати-сложные стихи, съ примѣсью восьми- и девяти-сложныхъ.

Сц. XIV. 54: «ты медлишь»: «ти, принче, чекаш» — глаголъ не довольно выразительный, вм. простого «чекаш» ожидали бы «завлачиш», «дангубиш», «одгађаш» и т. д.

XIV. 98: «монашеской *неволею* скучая»: «калуђерска ме *невола* нагна» — и здѣсь обмануло переводчика слово «неволя», русское значеніе котораго не соотвѣтствуетъ сербскому; надо было выбрать другое выраженіе: «неслобода» или «стега».

XIV. 142—144: «такъ долженъ ужъ — ты *достоинъ* быть успѣха своего»: «моро би ваљда успети у том» — не совсѣмъ точно, надо было не обойти въ переводѣ слова «достоинъ».

XIV. 176—178: «игра войны кровавой, судьбы моей обширныя заботы, тоску любви — заглушатъ» — въ переводѣ изъ двухъ подлежащихъ предложенія сдѣлано одно, другое же переведено какъ предметъ предложенія: «ратна ће игра крвава бурне судбе ми бриге угушит с' овом муком љубавном»; надо было перевести: «ратна ће игра крвава и судбе ми велике бриге угушити ову муку љубавну».

XIV. 200: «и тебя мятежница, повѣрь, молчать заставятъ»:

«а твој ће немир морат' престати, веруј ми само» — не совсѣмъ удачно переведено.

Сц. XV. 11: «въ своемъ пиру теперь онъ загуляетъ» (о мечѣ рѣчь) — этотъ стихъ въ переводѣ пропущенъ.

Сц. XVI. 1: «разстрига, бѣглый инокъ» надо было въ переводѣ крѣпче выразить, одного выраженія «расколник» мало.

Сц. XVIII. Одинъ изъ народа спрашиваетъ: «что? ужъ проклинали того?» переводъ не подходитъ: «шта, зар га је *већ когод* проклео?» Не о томъ, проклялъ ли кто-либо его, спрашивается, а о торжественномъ проклинаніи въ соборѣ.

Сц. XXI. 95: «какъ твоего благословляли *дядю*»: «к'о што је *деда* твог благосиљо» — ошибка переводчика спутавшаго дядю съ дѣдомъ.

XXI. 129: «цѣлуйте крестъ Ѳеодору»: «њега поштујте» — слишкомъ мало, надо было сказать: «њему се закуните» или «присегните».

Сц. XXII. 28: «я самъ скажу»: «сам кажеш» — по недосмотру первое лицо глагола замѣнено вторымъ.

XXII. 41: «охотно ли *ваши рати* сражались съ нимъ?»: «јесу л' се с вољом борили с њиме» — въ переводѣ пропущено важное обозначеніе подлежащаго.

Въ концѣ сцены: «слышишь? визгъ!»: «Чујеш ли? *метеж!*» не хорошо передается «визгъ» словомъ «метеж», лучше «цвиљење».

При внимательномъ сличеніи я отыскалъ только это небольшое число маленькихъ недосмотровъ или неточностей. При отдѣльномъ изданіи этой «романтической драмы», какъ самъ Пушкинъ назвалъ своего «Бориса Годунова», авторъ могъ бы безъ затрудненія исправить отмѣченныя въ этомъ обозрѣніи неточности.

Второй переводъ этой драмы вышелъ въ часто упоминаемой Пушкинской антологіи, которую издала Матица Хорватская, въ Загребѣ 1899 г. На стр. 143—249 напечатанъ въ этой книжкѣ

«Boris Godunov. Preveo Iso Velikanović». Переводъ отличается, какъ я могъ убѣдиться, изумительной аккуратностью въ передачѣ русскаго оригинала, онъ близокъ подлиннику, доходя часто до буквальнаго совпаденія, и не смотря на все это переводъ читается легко, стихи гладкіе, плавные, безъ малѣйшихъ натяжекъ въ языкѣ или оборотахъ. Правда, слогъ Великановича настолько правиленъ, что вѣетъ отъ него даже нѣкоторою сухостью. Въ этомъ отношеніи переводъ Писаревича нѣсколько богаче и разнообразнѣе, но во всемъ остальномъ я не затрудняюсь дать предпочтеніе новѣйшему переводу. Въ доказательство моего мнѣнія я приведу параллель изъ обоихъ переводовъ, выбираю монологъ Пимена:

Још ова само последња прича,
И моја хроника биће готова,
Дужност ћу своју онда испунит',
Коју ми, грешноме, зададе Бог.
Није ме бадава изабро Господ,
Да будем сведок многих година,
И за учење разум ми дао:
Ма кад ће наћи калуђер вредни
Рад овај смерни и без имена,
И он ће своју запалит' лампу
И са хартија прах ће отрести,
Што су га векови нагомилали,
Верно ће ове приче преписат,
Да православни потомци знају
Минулу судбу рођене земље,
Да се сећају својих царева,
Њиховнх дела, славе, добара,
А за грехове и дела тамна
Нека се смерно помоле Богу.
У старости ме нов живот буди,
Пред очима ми сва прошлост лебди —
Та није давно она кипела

Догођајима к'о бурно море
Ал' сад је мирна и тиха сасвим:
Неких се само лица сад сећам,
Неке сам само речи запамтио —
А друго све је у забораву...
Но дан се ближи, свећа се гаси.
Још само једна, последња прича...

(Писаревић).

Još samo jedna povjest posljednja
I ljetopis dovršio sam svoj,
Odužio sam dug, što mi je grješnom
Bog zàvještao. Nije Bog me zalud
Svjedokom dugih postavio ljeta,
I knjižnoj me naučio vještini:
Jedared koji marljivi će monah
Moj bezimeni usrdni trud naći,
Zapalit će kô i ja svjetlo svoje,
Sa hartije će prah viekova stresti
I prepisivat istinite priče,
Nek unuci pravoslavni saznadu
Sudbinu staru otačbine svoje,
Nek velikih se sjećaju careva
Za dobro njino, zà slavu i za trud, —
A za grijehe, za zla djela njina
Nek ponizno se spasitelju mole...
Oživio sam s nova u starosti,
Pred očima mi prošlost prolazi...
Odavno li je prolazila burna,
Talasajuć se kao pusto more.
A sad je tiha, sad je spokojna:
Po koje lice um mi je sačuvô,
Po koja rieč tek dolazi do mene,
A sve je drugo po netragu prošlo!..

No sviće dan i dogara mi svjetlo, —
Još samo jedna povjest posljednja.
(Velikanović).

Въ переводѣ этого монолога у Великановича число стиховъ ровное съ оригиналомъ — 27, у Писаревича переводъ двумя стихами длиннѣе — 29. Въ подлинникѣ 9 стиховъ десяти-сложныхъ и 18 одиннадцати-сложныхъ, въ переводѣ Писаревича въ большинствѣ стихи десяти-сложные (всѣ за исключеніемъ 4-хъ), въ переводѣ же Великановича преобладаютъ (за исключеніемъ 5-ти) одиннадцати-сложные стихи.

Въ переводѣ послѣдняго я отмѣтилъ только два-три мѣста, гдѣ нельзя вполнѣ согласиться съ переводчикомъ:

Сц. II. ст. 7: «выходитъ намъ *сказать* рѣшенье думы»: «izilazi da odluku *pročita*» — въ подлинникѣ не сказано, что дьякъ *прочтетъ* рѣшеніе.

Сц. V, ст. 30: «и *дремотой* знать во всю ночь онъ не смыкалъ очей»: «piše i *drjemucka*, zaklapô nije svu noć» — поэтъ не допускаетъ даже того, чтобы Пименъ дремалъ.

V. 63: «*смиряй* себя молитвой и постомъ»: «*umiri* se u molitvi i postu», лучше было бы: «obuzdavaj, kroti, smiruj se molitvom i postom».

V. 175: «и въ ужасѣ *подъ топоромъ* злодѣи покаялись»: «i od straha se pokaju zločinci... *na samrti*», надо было выразить сильнѣе.

V. 187: «отъ *'подвиговъ* духовныхъ»: «od svog duhovnog — *pregnuća*», лучше, быть можетъ: «od svojih duhovnih — naprezanja, vjedžbanja».

Сц. VII, ст. 56: «и все тошнитъ»: «i sve te mrzi» — выразительнѣе: «sve se grsti».

Сц. VIII. Хозяйка говоритъ: «*Только слава*, что дозоромъ ходятъ, а подавай имъ и вина» и т. д.: «*Tako i jest*, obilaze i pregledavaju, pa im samo daji i vina i sud», я полагаю, что надо было перевести: «kako ide glas da obilaze, daji im» и т. д.

VIII: «не умудрилъ Господь»: «nije me *prosvietlio* Gospod», глаголъ «umudriti» существуетъ и въ сербскомъ языкѣ.

VIII: «Ребята»: «Djeco!» вѣрно, но здѣсь было бы лучше передѣлать это восклицаніе иначе, напр. словомъ: «Ljudi»!

Сц. IX, ст. 49: пропущенъ въ переводѣ цѣлый стихъ: Что жъ говорятъ объ этомъ удальцѣ.

Сц. XI, ст. 10: вмѣсто союза *dok* для болѣе опредѣленной передачи подлинника я бы предпочелъ *kad*: kad drugo jače nadodje vrijeme.

Сц. XII, въ ст. у Поливанова подъ строкою на стр. 213: *ждутъ казней* — выражаетъ гораздо больше чѣмъ въ переводѣ: *bit će kazni*. Лучше было бы сказать: *bit će krvi*.

Сц. XII, ст. 14: для *сейчасъ* переводъ: *još čas* даже слишкомъ близокъ!

Сц. XIV, ст. 27: хорошо сказано *заря вечерня гасла*, но едва ли хорошо было оставить тотъ же глаголъ въ переводѣ, гдѣ *заря* замѣнено словомъ *sumrak*. Можно ли сказать, что «сумерки гаснутъ»? Свѣтъ гаснетъ но не тьма. Поэтому стихъ «Polako mi je sumrak noćni gasô» слѣдовало бы исправить, напр. «Polako se je sumrak noćni hvatô». Или же замѣнить *sumrak* словомъ *zaranci*.

Сц. XVI, ст. 23: «служителей *причетныхъ*» не хорошо сказано «služitelja *preko broja*», хотя по смыслу оно такъ и выходитъ.

Сц. XX, ст. 28: я было *смялъ* передовую рать не значитъ: ja ono *makoh* prednju našu vojsku. Не о передовой рати самозванца рѣчь, а о первыхъ пострадавшихъ рядахъ войска Годунова.

Желая сдѣлать переводъ дословнымъ, авторъ оставлялъ иныя русскія слова не переведенными. Иныя изъ нихъ довольно извѣстны въ сербско-хорватскомъ литературномъ языкѣ, напр. *gordi*: dvor njegov puncat *gordih* ljubimaca (стр. 159), *gordi* pan (стр. 178). Можно предсказать, что и глаголъ *razuvjeriti* будетъ понятнымъ: *razuvjerio* odmah bi ga Boris (стр. 147), или же

прилагательное *zibak*: *zibko* klasje (стр. 225) и *sladostrastan*: *sladostrastnog* muža (стр. 202). Уже рискованнѣе употребленіе глагола *zatočiti*: i još bi me *zatočili* kudagod (стр. 147) или же словъ *objednja*: pred *objednju* i bubnjaju i zvone (стр. 161), *oblast* въ русскомъ значеніи: sve ti *oblasti* — pod tvoju vlast da padnu (стр. 182), *poriv*: zaboravljam tvoj poriv bezumni (стр. 208), *zavjetan* въ сербско-хорватскомъ языкѣ не то что русское *завѣтный*: put *zavjetni* pokazujem dušmánu (стр. 210) значило бы путь *обѣтованный*! Кто пойметъ «san *netljeni*» (на стр. 214)? Не знаю, въ употребленіи ли хоть въ сербскомъ военномъ языкѣ русское слово отбой: Udarajte *odboj* (стр. 217)? Нельзя одобрить, что переводчикъ замѣнилъ слово *санъ* въ переводѣ русскимъ же выраженіемъ *чинъ*: tvoj *čin* ti mora draži biti od svih (стр. 203); когда о самозванцѣ и его царственномъ санѣ рѣчь идетъ, не слѣдовало говорить о чинѣ!

Кромѣ того попадаются въ языкѣ нѣкоторыя областныя выраженія въ родѣ глагола *prenavljati se*, *očikati* и т. д.

X.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

О

ТРЕХЪ ПЕРЕВОДАХЪ „КАПИТАНСКОЙ ДОЧКИ“

Какъ сказано въ библіографическомъ обозрѣніи, первый переводъ (мнѣ доступный) «Капитанской дочки» вышелъ въ 1875 г. въ загребскомъ литературномъ органѣ «Vienac». Переводчикомъ былъ нынѣшній профессоръ Т. Маретичъ, подписавшійся тогда только буквой М. Проф. Маретичъ доказалъ потомъ переводомъ «Полтавы», что онъ умѣетъ переводить точно и правильно, хорошимъ, легкимъ языкомъ. Но переводъ «Капитанской дочки» — плодъ его только что начинавшихся занятій русскимъ языкомъ. Поэтому не удивительно, что ему не удалось сразу вникнуть въ смыслъ всякой фразы, поговорки или всѣхъ простонародныхъ оборотовъ русскаго оригинала. А также языкъ переводчика мѣстами не отличается еще изяществомъ хорошей прозы. Я убѣжденъ, если бы проф. Маретичу пришлось теперь переиздавать переводъ, онъ и самъ счелъ бы необходимымъ трудъ свой значительно переработать. Мои замѣчанія относятся не къ нынѣшнему переводчику а къ сочиненію его исполненному четверть вѣка тому назадъ. Второй переводъ вышелъ въ 1896 году, лѣтъ двадцать спустя послѣ перваго, кромѣ того онъ появился въ другой литературной средѣ, подъ вліяніемъ нѣсколько различныхъ пріемовъ и взглядовъ на условія хорошаго перевода. Чтобы однимъ словомъ высказать, переводъ Маретича стоялъ въ свое время подъ вліяніемъ загребской школы, дорожившей пуризмами въ формахъ грамматическихъ и въ выборѣ словъ; переводъ же Радовича, такъ какъ онъ вышелъ въ Герцеговинѣ, въ Мостарѣ, примыкаетъ, за исключеніемъ южнаго нарѣчія, во всемъ осталь-

номъ къ пріемамъ спеціально сербскимъ, бѣлградскимъ, не только въ формахъ — въ этомъ отношеніи теперь и въ Загребѣ мало по малу отказываются отъ своихъ прежнихъ особенностей по крайней мѣрѣ выдающіеся писатели — сколько въ фразеологіи, въ выборѣ различныхъ культурныхъ выраженій и наконецъ въ болѣе широкомъ употребленіи иностранныхъ словъ, иногда даже безъ надобности. Укажемъ нѣсколько примѣровъ этой разницы, имѣющей по большей части значеніе до сихъ поръ, хотя въ послѣднее время перекрестное смѣшеніе дѣлаетъ успѣхи, вырабатывается одинъ дѣйствительно единственный литературный сербско-хорватскій языкъ.

а) Различіе въ обыкновенныхъ словахъ: семейство — obitelj — породица; согласиться — složiti se — сагласити се; съ вниманіемъ — pozorno — с пажњом; предлогъ — izlika — предлог (руссицизмъ); любопытство — radoznalost — љубопитност; пройти — minuti — проћи; чувствительный — čuvstven — осјетљив; шляпа — klobuk — капа; присягнуть — prisegnuti — zakleti se; окно — okno — прозор (нынѣ и на западѣ «прозор»); грязный — blatan — каљав; комната — odaja — соба (и на западѣ послѣднее обычнѣе); грибы — vrganji — печурке; привыкать — priučati — навикавати; убѣжденъ — osvjedočen — убијеђен; ободрять — obodravati — потицати; городъ — grad — варош; лужа — mlaka — локва; извиняться — ispričavati se — извињавати се; родственникъ — rodjak — сродник; воспитывать — odgajati — васпитати; воспитаніе — uzgoj — васпитање; отечество — domovina — отаџбина; полъ — spol — пол; обѣдъ, обѣдать — objed, objedovati — ручак, ручати; рябой — kozičav — оспичав; обольстить — zavesti — саблазнити; хлѣбъ — kruh — хљеб; рѣка — potok — ријека (potok собственно только ручеекъ); вытолкать — izrivati — изгурати; получать — dobivati — примати; грудь — grud — прси; чувство — čuvstvo — осјећај, осјећање; почувствовать — poćutjeti — осјетити; поцѣлуй — cjelov — пољубац; лѣкар — liečnik — љекар, письмо — list — писмо; непристойный — neučtiv — непристојан; крыса — štakor — пухаћ (но пухаћ собственно другой сортъ мыши).

b) Различіе въ культурныхъ выраженіяхъ, на восточной половинѣ здѣсь отчасти слова турецкія, на западной иногда неологизмы: постель — postelja — кревет; порохъ — puščan prah — барут; паспортъ — putni list — пасош; серьги — nauhvice (неологизмъ) — мењуше; чемоданъ — torbak — куфер; лавка — štacun — дућан (нынѣ «дућан» вездѣ употребительно); платокъ — rubac — марама; ночлегъ — noćište — хан; станція — postaja — станица; столъ — stol — трпеза; рота — satnija — чета; ротмистръ — satnik — капетан; офицеръ — častnik — официјер; урядникъ — podčastnik — наредник (поднаредник); сержантъ — stražmeštar — наредник; отпускъ — dopust — распуст; дядька — strika — дидаскал; палачъ — krvnik — џелат; начальникъ — poglavar — начелник (старјешина); диванъ — mehkušac (неологизмъ) — диван; ложка — ožica (žlica) — кашика; пуля — kuglja — куршум; ядро — kuglja — ђуле; залпъ — pucnjava — плотун; часы — ure — сати; пакетъ — smotak, zamotak (неологизмъ) — пакет; мундиръ — odora — униформа; дипломъ — povelja (собственно: грамота) — диплома; чуланъ — komora — ћилер; трубка — lula — чибук; шпага — mač — шпада; бумага — papir — артија; географія — zemljopis — географија; географическая карта — zemljovid — географска карта; фехтованіе — mačevanje — фехтовање; кій — biljardna palica — штека; цирюльникъ — ranar — бријач (бербер) и т. д.

Конечно на этомъ не останавливается разница переводовъ Маретича и Радовича (о третьемъ поговорю отдѣльно). Языкъ второго переводчика новѣе и ближе къ нынѣ принятому литературному стилю, чѣмъ у Маретича, у котораго замѣчается помѣсь простонароднаго штоковскаго съ выраженіями загребскаго пуризма, иными словами кайкавскими и даже воспоминаніями литературной фразеологіи предыдущихъ столѣтій. Въ сравненіи съ этой смѣсью языкъ и стиль Радовича гораздо цѣльнѣе. Въ переводѣ его многіе недосмотры перваго переводчика исправлены, мѣстами онъ подходитъ ближе къ оригиналу, восполняетъ пропуски перваго перевода, однимъ словомъ передаетъ русскій

текстъ гораздо добросовѣстнѣе. Но и въ новомъ переводѣ не все такъ, какъ бы мы ожидали отъ вѣрной и точной передачи русскаго подлинника, не говоря уже о томъ, что Радовичъ, не знаю почему, пропустилъ заглавія отдѣльныхъ главъ, всѣ motto въ началѣ каждой главы, а также вставки въ стихахъ въ главахъ 4-ой и 8-ой. Все это имѣется въ переводѣ Маретича сполна.

Укажемъ однако-жъ нѣсколько примѣровъ, гдѣ у Маретича пропуски.

Въ главѣ I-й, стр. 182 (изданія литературнаго фонда) не переведены слова: «и могъ очень здраво судить о свойствахъ борзаго кобеля». У Радовича сказано только: «и могах врло добро распознати, које је ловско псето добро». Въ слѣдующемъ пропущены слова: «вмѣстѣ съ годовымъ запасомъ вина и прованскаго масла», у Радовича: «заједно с извјесном количином вина и зајитина» (не совсѣмъ точно).

I. 183 пропущены слова: «при чемъ учителя обыкновенно и обносили», у Радовича: «уз то обично су учитеља пропуштали».

I. 186 пропущены слова: «въ видѣ надгробнаго слова», у Радовича: «у облику надгробне бесједе».

I. 186 пропускъ словъ: «Вѣдь не все же бить жидовъ», у Радовича: «та увијек не можеш бити чивуте».

I. 186 не переведены слова: «черезъ бортъ», у Радовича: «преко краја од биљарде», тамъ же пропущены слова: «который считалъ богъ вѣдаетъ какъ, часъ отъ часу умножалъ игру — словомъ велъ себя какъ», у Радовича: «који је рачунао Бог би знао како; једнако сам тражио да се у више игра, једном ријечи понашао сам се као дериште». Послѣднія слова въ переводѣ Маретича: «koji se vladaše ko nestašno derište» относятся вслѣдствіе пропуска не къ молодому путешественнику, а къ — маркеру.

I. 187 пропущены въ переводѣ Маретича слова: «а всего бы лучше опохмѣлиться полстаканчикомъ настойки», у Радовича: «а да се мамурност разбије, најбоље би било да попијеш чашицу добре ракије» (только «настойка» не «добра ракија»).

Глава II, стр. 195 пропущены слова: «я стою на твердой

полосѣ, отвѣчалъ дорожный, да что толку?», у Радовича: «ја стојим на тврдом земљишту, одговори путник; ама зар то што год значи?».

II. 191: «тогда найдемъ дорогу по звѣздамъ» замѣнено общей фразой: «tada nećemo zalutati», у Радовича: «тада ћемо пут наћи по звијездама».

II. 191 пропущены слова: «небось, лошади чужія, хомутъ не свой, погоняй, не стой. Ямщикъ казался мнѣ правъ», у Радовича: «Туђи су коњи, хамови нијесу моји, гони па куд изиђе. Мени се учини да је кочијаш прав».

II. 192 не переведено: «не смотря на всевозможное презрѣніе къ предразсудкамъ», у Радовича: «и ако ми сви презиремо предрасуде».

II. 192: «*умышленнымъ* ослушаніемъ» — прилагательное въ переводѣ пропущено, сказано только: «ne će li to smatrati neposluhom», но у Радовича: «е ја *нарочито* не ћу да се покоравам».

II. 193: «отвѣчалъ *поговоркою*» — послѣднее важное обозначеніе въ переводѣ пропущено: «i odsječe u kratko», лучше у Радовича: «и рече ову пословицу». И въ слѣдующемъ (на стр. 194) пропущены слова: «лѣсничій ходитъ», у Радовича: «шумар хода наоколо».

Гл. III, стр. 200. Слова «я смотрѣлъ на нее съ предубѣжденіемъ» не переведены, у Радовича: «ја сам на њу гледао с предрасудом».

Гл. IV, стр. 205: «а и не честенъ, такъ здоровъ», у Маретича не переведено, но у Радовича такъ: «и ако није поштено, али је здраво».

Гл. V, стр. 212: «онъ научилъ тебя тыкаться желѣзными вертелами да притопывать, какъ будто тыканьемъ да топаньемъ убережешься отъ злого человѣка» — переведено слишкомъ сокращенно: «on te je naučio metati se kopljem, a ipak se niesi mogao ugnuti šakam onoga zlikovca». Лучше у Радовича: «он те научио, да се бодеш гвозденијем ражњима и да лупаш ногом, као да се баш бодењем и лупањем ногом можеш сачувати од непријатеља».

Гл. VI, стр. 219. Слова: «кажется, не должно бы» — не переведены у Маретича, у Радовича: «Рекао бих, није се нашло» — но это невѣрно, надо было сказать: «Чини се, да не би требало да буде».

Гл. VII, стр. 224. Въ переводѣ пропущены слова: «и укрѣпленные частоколомъ», у Радовича: «а људи га утврдили плотом». Потомъ нѣтъ въ переводѣ словъ: «Близость опасности одушевляла стараго воина бодростію необыкновенной», у Радовича: «опасност, која је била на прагу, особито је охрабрила старога војника».

Гл. VIII, стр. 231: прибавка «подаренный бродягѣ» къ слову «дѣтскій тулупъ» въ переводѣ пропущена, но у Радовича: «дјетињи тулуп, који сам даривао пробисвијету».

VIII. 231. Въ переводѣ пропущены слѣдующія слова: «за обѣдомъ скушать изволилъ двухъ жареныхъ поросятъ, а парится такъ жарко, что и Тарасъ Курочкинъ не вытерпѣлъ, отдалъ вѣникъ Ѳомкѣ Бикбаеву, да насилу холодной водой откачался... Нечего сказать: всѣ пріемы такіе важные...» Вмѣсто этой обширной характеристики въ переводѣ сказано: «Po svemu je vidjeti da je pristao čovjek: kupao se je u hladnoj vodi»!! Но у Радовича полный переводъ: «за ручком је изволио да поједе два мала прасета, а у купатилу тако се жестоко парио, да и Тарас Курочкин није могао издржати, него је предао метлицу од лика Томи Бикбајеву, па се онда једва сам хладном водом облио. Мора се признати: све су у њега манире врло знамените ..». И дальше пропущены слова: «величиною съ пятакъ», у Радовича: «велик као пјетак» (вм. «пјетак» конечно «петак»).

Гл. X, стр. 239 пропущены слова: «наполнявшій ровъ» и «каменьщики тащили кирпичъ» — у Радовича переведено все: «којим бијаше напуњен канал», «зидари су носили опеке и поправљали градски бедем».

Сокращенія эти объясняются отчасти недосмотромъ, отчасти нарочнымъ желаніемъ пропустить нѣкоторыя мѣста, представлявшія затрудненія для переводчика. Но кромѣ этихъ пропусковъ существуютъ въ переводѣ примѣры невѣрной передачи рус-

скаго подлинника, потому что переводчикъ не вникъ въ смыслъ текста или же русскія слова ввели его въ заблужденіе.

Глава I, стр. 182: «на двѣнадцатомъ году» не значитъ: «do dvanaeste godine», лучше Радовичъ: «у дванаестој својој години».

I. 183: «за свои нѣжности» не совсѣмъ хорошо переведено: «za svoje usluge», лучше оставить «за своје њежности», такъ у Радовича.

I. 183: «привыкъ къ русской *настойкѣ*» нельзя сказать: «naučio se ruskoj *mjeri*».

I. 183: «мы тотчасъ поладили»: «mi se s njim pogodismo» не такъ хорошо, какъ у Радовича: «ја се брзо здружих с њиме».

I. 184: «полно ему бѣгать» неудачно: «Lako je njemu skakati»; хорошо у Радовича: «доста је играо и гонио голубове».

I. 185: «что и было поручено» не слѣдовало здѣсь перевести: «a to ostavih skrbi», лучше Радовичъ: «што је било наређено», порученіе вѣдь сдѣлано уже дома родителями молодого путешественника.

Гл. II, стр. 190: «что цѣлые обозы бывали занесены» не хорошо переведено: «*da* znadu često i kola *prevaliti*», лучше у Радовича: «да тамошње мећаве засипају цијела товарна кола».

II. 190: «лошади бѣжали дружно»: «konji bježahu uzagrabce», совсѣмъ не нужно, у Радовича безъ прибавки «коњи потрчаше».

II. 190: «вѣтеръ вылъ съ такой свирѣпой выразительностью, что казался одушевленнымъ» — переводъ выражаетъ очень слабо: «a vjetar urla toli biesno, kao da hoće sve raskopati», ближе у Радовича: «вјетара је стала хука и бука те је изгледало, као да га је ентузиазам обузео», но и этотъ переводчикъ не сумѣлъ перевести прилагательное «одушевленный», въ настоящемъ его значеніи здѣсь, гдѣ не объ энтузіазмѣ говорится.

II. 191: «его смѣтливость» не значитъ: «njegova oprezност», лучше у Радовича: «досјетљивост».

II. 193: «погребцъ» не точно «prtljagu», лучше у Радовича: «чајни прибор», хотя и это не совсѣмъ вѣрно, кромѣ того слова «прибор» въ сербскомъ языкѣ въ этомъ значеніи нѣтъ.

II. 193. У Маретича «вожатый» и «ямщикъ» переведены безъ различія словомъ «kočiš», но это не вѣрно, надо было ихъ различать, Радовичъ назвалъ перваго турецкимъ словомъ «калауз».

II. 193. Разговоръ молодого путешественника съ вожатымъ, взобравшимся на полати, въ переводѣ вышелъ не соотвѣтствующимъ фактическому положенію; переводчикъ не понялъ значенія слова «полати», у него вожатый не находится на полатяхъ внутри горницы, а гдѣ-то на дворѣ. Неточность перевода проведена послѣдовательно: «отвѣчалъ мнѣ голосъ *сверху*»: «oglasi se nešto *iz vana*» (у Радовича: «одговори ми глас *одозго*); «я взглянулъ на *полати*»: «zirnem *vanka*» (у Радовича: «ја погледам на *панте*», слово «панта» не передаетъ вполнѣ значенія «полати»); «я *предложилъ* вожатому чашку чаю; мужикъ *слѣзъ* съ *полатей*»: «*pozvah* mužika na čašu čaja, mužik *udje*» (у Радовича: «ја предложих нашему калаузу чашу чаја, мужик *сиђе* с *паната*); «и воротился на *полати*»: «i izidje *na polje*» (у Радовича: «врати се на *панте*»).

Гл. III, стр. 197: «кривой старичекъ» не точно: «*grbav* stagac», русское значеніе слова «кривой» смѣшано съ сербскимъ «krivi», у Радовича употреблено прилагательное «једнооки». Такимъ же недосмотромъ на стр. 199: коммендантъ «въ колпакѣ» нехорошо сказано: kapetan — «u kalpaku», лучше у Радовича: «у ноћној капи».

III. 200: «она мнѣ не очень понравилась» ошибочно сказано: «a već mi se vrlo sviknu», лучше у Радовича: «није ми се свидјела». — Тамъ же «вѣникъ» переведено «vienac», исправлено у Радовича: «метла».

Гл. IV, стр. 201: «вышедшій въ офицеры изъ солдатскихъ дѣтей», переводчикъ, не зная русской исторіи, перевелъ невѣрно: «bivši od malih noguh vojnikom postade kašnje častnikom» — и у Радовича растянуто: «син простога војника, и ако је био такође прости војник, постао је официјер».

IV. 207: «ни за что-бъ я не хотѣла, чтобъ и я ему такъ же не нравилась» переведено не точно: «i ni za što ne bi hćela biti

mu dragom», лучше у Радовича, хотя нѣсколько передѣлано: «да ми ништа не би теже било него кад му се не бих допадала».

Гл. V, стр. 213: «не почелъ за нужное рапортовать» невѣрно переведено: «ne smatraše potrebnim *otcu* doglasiti» — не объ отцѣ, а о генералѣ рѣчь идетъ.

Гл. VI, стр. 219: «человѣкъ самый прямодушный» не слѣдовало перевести словомъ «odrješiti», у Радовича: «искрен и срдачан» (лучше было бы «искрен и правичан»).

Гл. VII, стр. 226: «красный казацкій кафтанъ»: «u *liepu* kazačkom kaftanu», здѣсь и у Радовича: «у *лијеп* казачки кафтан». Оба переводчика забыли, что «красный» не соотвѣтствуетъ сербско-хорватскому «лијепи», надо было перевести «у црвени казачки кафтан». Маретичъ пропустилъ прибавку «обшитый галунами», у Радовича: «извезен на около гајтанима». — Тамъ же на стр. 228 «самозванецъ» не точно переведенъ словомъ «silnik», лучше у Радовича: «лажи-цар».

Гл. XI, стр. 246: «не ровенъ часъ» не значитъ: «nemaš pravo», хорошо сказано у Радовича поговоркою: «ко зна шта носи дан, шта ли ноћ».

XI. 250: «да ты что за угодникъ»: «gle, gle, kako si ti *pravedan*», у Радовича ближе къ подлиннику: «а какав си ми ти то угодник!».

XI. 253: «они свою шею выкупятъ моею головою»: «kod prve nesreće mogli bi mi glave doći», точнѣе у Радовича: «при првој погибији они ће откупити своју главу мојом главом».

Такихъ промаховъ можно бы насчитать еще нѣсколько. Они не нарушаютъ общаго впечатлѣнія, хотя лучше было бы безъ нихъ.

Нельзя сказать, чтобы переводъ Радовича обошелся совсѣмъ безъ ошибокъ, хотя вообще онъ гораздо точнѣе и несравненно ближе къ русскому оригиналу, что видно уже изъ приведенныхъ выше примѣровъ. Для полноты оцѣнки укажемъ на нѣсколько случаевъ неточности, лишнихъ добавокъ или пропусковъ также этого второго перевода.

Глава I, стр. 182: «я былъ записанъ въ Семеновскій полкъ» нельзя сказать: «ја сам се као наредника уписао» — вѣдь это состоялось безъ участія мальчика.

I. 187: «нужно было нанимать въ дядьки басурмана» — очень некстати переведено: «и зар је требало њега *ђавура* узимати за *дидаскала*». Такъ еще въ гл. II, стр. 195: «прошу не умничать, сказалъ я своему дядькѣ», переведено: «не попуј ти ту, молим те, рекнем ја свом *дидаскалу*», и въ гл. IX, стр. 236: «о чемъ дядька мой вздумалъ писать»: «што мој *дидаскало* пише». Такъ же еще на стр. 237, у Радовича на стр. 110. На мой взглядъ переводъ *дидаскало* (или лучше *даскал*) для русскаго *дядьки* ни куда не годится!

Гл. II, стр. 190: «добро бы на свадьбу» переведено: «као да идемо на варен пилав»! Свободный и едва ли изящный переводъ.

Гл. III, стр. 200, къ переводу: «да ме неће за десет година заборавити» (что лѣтъ на десять угомоню) прибавлено безъ причины: «памтиће они мени југовину»!

III. 201: «выстрѣлъ изъ ружья» нехорошо переведено: «пуцањ из *топа*». Но ружье не пушка!

Гл. V, стр. 214: «дали моей душѣ сильное и благое потрясеніе» переведено: «потресли су ми душу силно и утицали су на њу *као балзам*»!

Гл. VI, стр. 220: «долго оставался безъ дѣйствія»: «није се остварио» — слишкомъ много сказано въ переводѣ, надо было по крайней мѣрѣ прибавить: «*дуго* се није остварио».

VI, 220: «смотри-жъ, Юлай, хорошенько его»: «гледај де, Јулају, *загриј му их*, као што стоји и да му ваља» — слишкомъ обстоятельно!

VI, 221: «всѣ были поражены»: «сви ником поникосмо и у црну земљу погледаемо» — слишкомъ поэтически!

Гл. VII, стр. 224: «по ихъ рысьимъ шапкамъ и по калчанамъ»: «по капама и торбицама од рисове коже» — невѣрно: «колчаны» не «торбице» и прилагательное «рысьи» относится не къ колчанамъ, а только къ шапкамъ.

VII. 225: «вотъ я васъ»: «даћу ја вама *из пушака врућијех крушака*» — лишняя прибаутка!

VII. 225: «она казалась безъ памяти»: «да је изгледала *као укопана* и да ће скоро пасти у несвијест». Очень растянуто!

VII. 226: «бей въ барабанъ»: «засвирајте у трубе» — не совсѣмъ точно.

Гл. VIII, стр. 232: «съ красными рожами»: «те се црвењаху *као кукурijек*» — лишнее сравненіе.

Эти и еще нѣсколько такихъ ненужныхъ отступленій отъ подлинника не мѣшаютъ назвать переводъ Радовича очень удачнымъ и большой похвалы достойнымъ трудомъ. Переводчикъ постарался для уразумѣнія своихъ предполагаемыхъ читателей, мало подготовленныхъ, указать въ краткомъ введеніи всѣ превосходныя стороны этого романа, при чемъ онъ воспользовался отзывами Ланга, Бѣлинскаго и Скабичевскаго.

Третій, новѣйшій переводъ «Капитанской дочки» — трудъ хорватскаго писателя Антона *Радича* — задался цѣлью въ точной, чуть ли не буквальной передачѣ русскаго подлинника дойти до возможнаго совершенства. Въ этомъ отношеніи авторъ дѣйствительно достигъ своей цѣли. У него переведенъ не только весь текстъ безъ малѣйшихъ пропусковъ, но не пропущено даже ни одного почти русскаго слова, иные обороты переданы даже на столько близко, что удобопонятность становится сомнительной, напр. на стр. 244: «mi smo živjeli — *duša u dušu*», стр. 246: «da on ne će *zapustiti* Petruše *svojom milošću*», стр. 263: «da te *bez počasti* ogrlim», ib. «*ćas od ćasa* sve to teže», стр. 304: «ja sam mislio *da sam vitez*», даже «батюшки мои»: *ćaćki* или «*ćaćci* moji»!! Я могу, правда, засвидѣтельствовать, что за очень рѣдкими исключеніями переводчикъ понялъ смыслъ подлинника правильно, такъ что на переводъ его можно положиться, какъ на очень вѣрное отраженіе русскаго текста. Все это такъ. Но стремленіе быть точнымъ должно знать мѣру, не то нарушается простота и изящество. Къ сожалѣнію г. Радичъ не вполнѣ миновалъ эту опасность. Переводъ его, благодаря именно излишней

точности, не только не идетъ въ сравненіе съ Пушкинскимъ простымъ и легкимъ разсказомъ, онъ уступаетъ даже переводу г. Радовича. У послѣдняго на мой взглядъ языкъ проще и правильнѣе, чѣмъ у Радича. Переводъ г. Радича производитъ на меня впечатлѣніе чего-то неизящнаго, сухого, мѣстами даже тяжелаго. Какъ напримѣръ онъ не догадался выбрать для русскаго «дядьки» другое слово вмѣсто неудобнаго *dadilja?* Вѣдь это значитъ русскую мамку или няню, не дядьку! Какъ безвкусно выходитъ переводъ слова «начальникъ» выраженіемъ *načeonik*, и еще хуже *načeoničtvo* для «начальства»! Не изящно сказано: «i tako se *rušile* sve moje sjajne nade», проще и лучше у Радовича: «све моје лијепе наде *пропадоше*»? Не могу одобрить переводъ «kolica» для «кибитки» — съ какой стати здѣсь уменьшительное? Русскій «халатъ» не то, что *halja*, Радовичъ чувствовалъ необходимость прибавить по крайней мѣрѣ «у *ноћној* халини» (= *Schlafrock!*). Какъ не хорошо вышелъ буквальный переводъ такихъ оборотовъ, какъ «ne *izvolievaj* se mi uznemirivati», или «da se uzalud izvoljevate ljutiti». Такъ же мало можно одобрить исключительно дубровницкое слово *gospar'u* для «сударь», какъ *ćaća* или *ćaćko* для очень широкаго употребленія русскаго «батюшка» или слово *mužić* для «мужичка» (передѣлано должно быть кайкавское «mužek» въ «mužić»?). Какой странный вкусъ переводить «настойку» словомъ *napojište* (пойло)?! Кто догадается сразу, что «*polovina*» (на стр. 261) значитъ «полтину» рубля? Не хорошо выходитъ переводъ *soldatić* для русскаго ласкательнаго «солдатикъ». Не могу согласиться съ переводомъ *čuvsten* для «чувствительной» дѣвицы, лучше у Радовича *осјетљив*. Особое значеніе словечка «такъ» въ фразѣ «она такъ и обмерла» г. Радичъ передаетъ словомъ *samo*, напр. «ja sam samo obamrla» (стр. 280, 312), «i srce mi samo zamre» (стр. 300), «koje su joj samo gorjele» (стр. 269); мнѣ кажется, что и это провинціализмъ. Такихъ не совсѣмъ удачно подобранныхъ словъ у г. Радича довольно много. Но есть также выраженія, сочиненныя переводчикомъ въ подражаніе русскимъ, напр. стр. 284: «neka se *namisli* i pokaje», сообразно съ рус-

скимъ: «пускай онъ себѣ *надумается* и раскается», или же стр. 333: «*zagovorite* me jadnu», для русскаго: «*заступитесь* за меня бѣдную»; «zagovoriti» въ этомъ значеніи провинціализмъ! Не хорошъ переводъ стр. 346: «*ne može se kazati*, dao si *se oćutjeti*» (hast dich fühlen lassen!), въ русскомъ: «нечего сказать: далъ ты тебя знать»; фраза «нечего сказать» еще разъ на стр. 312 нехорошо переведена (хоть бы и точно): «ne možeš kazati». «Ворчанье» жены некрасиво переведено: «mrčanjem svoje žene» (стр. 348), не лучше ли «mrmljanjem», какъ у Радовића, или «gundjanjem». Не могу похвалить непослѣдовательность обнаруженную въ переводѣ съ одной стороны «u prolivenoj *hrišćanskoj* krvi», съ другой «budi s nama sveti *križ*»: кто говоритъ «*križ*», говоритъ также *kršćanski*. Не изящнымъ мнѣ кажется глаголъ *lolati* для русскаго «гулять», не лучше ли «skitati se» или «pijančiti»? Для русскаго «хрюканья» не употребительно слово «*gundranje*» — выраженіе областное, кайкавское, въ ходу, сколько мнѣ извѣстно, только для людей, напр. для ворчливыхъ бабъ, стариковъ; Радовичъ перевелъ настоящимъ словомъ «роктанье». Едва ли хорошо сказано «juha će *stinuti*», это потому что въ русскомъ «простынутъ», но этимологическое родство словъ сюда не идетъ. Фраза «tko će kraće povući» напоминаетъ черезчуръ нѣмецкое «das kürzere ziehen»; удачнѣе у Радовича: «ко ће извући дебљи крај». Не хорошо сказано: «da se kanite *potući* na sablje», или «družtvo vrlo je zabavljalo moje *pomišlanje*», да «воображеніе» не есть «pomišlanje». Ошибочными я считаю слова *majkica* (вм. *majčica*) и *kugla* (вм. *kuglja*); не понимаю также, что заставило переводчика передѣлать «калмыка» въ *kalmuka!* Не по правиламъ литературнаго языка сказано: «Što bude, bude» (стр. 313) вм. «Što će biti, to će biti» (такъ у Радовича), или «ako ja ne *budem* htio služiti, kad moje službe *bude* trebalo» (стр. 319), или на стр. 343: «U jutro me dodjoše *pozvati*» (вм. «dodjoše da me pozovu»).

Маленькіе пропуски замѣчены мною въ слѣдующемъ: на стр. 267: «sobica... razdieljena na dvoje» (пропущено «pregra-

dom», у Радовича читается); на стр. 308: «vješalama na gredi nadje se osakaćeni Baškirac», пропущено «верхомъ», у Радовича выразительнѣе: «на попречну греду бјеше *узјахао* осакаћени Башкир»; на стр. 330: «da odbijamo artilerijskom silom (ako to bude moguće) u provalnim četama», въ подлинникѣ сказано: «силой артилеріи и вылазками», такъ и у Радовича: «да одбијамо топовском ватром и ако се могбуде јуришима».

Этими примѣрами, число которыхъ можно бы еще увеличить, достаточно оправданъ мой взглядъ на этотъ новѣйшій, но не лучшій переводъ «Капитанской дочки». Языкъ г. Радовича принадлежитъ къ произведеніямъ такъ называемой загребской школы, въ которой въ новѣйшее время замѣчается, вслѣдствіе несчастныхъ недоразумѣній политическихъ, стремленіе сепаратистическое. Нѣкоторые писатели, преимущественно изъ молодыхъ, стараются всѣми усиліями обособить свой спеціально «хорватскій» литературный языкъ. Это очень мало обдуманное намѣреніе поддерживается пока разницею орѳографическою и тенденціозной наклонностью къ областнымъ словамъ. Вмѣсто полнаго литературнаго объединенія съ сербами, которое намъ представителямъ отживающаго поколѣнія когда-то казалось уже почти достигнутымъ — выступаетъ теперь на сцену партія молодыхъ писателей, проповѣдывающая сближеніе хорватовъ со словѣнцами. Мнѣ же кажется, что совершись полное и надежное, весьма разумное и цѣлесообразное единство сербско-хорватское не только въ литературномъ языкѣ, гдѣ оно дѣйствительно почти существуетъ, но также въ духѣ и направленіи, во взаимной поддержкѣ и распространеніи совокупной дѣятельности литературной по всѣмъ странамъ, гдѣ сербы и хорваты существуютъ, тогда и словѣнцы, при ихъ немногочисленности, стали бы гораздо сильнѣе тяготѣть къ этому единству сербско-хорватскому, чѣмъ они это теперь показываютъ.

XI.

АНДЖЕЛО.

въ двухъ переводахъ одного и того же переводчика.

Выше, на стр. 130, подъ № 87, упоминается переводъ Пушкинской поэмы «Анджело», сдѣланный сербскимъ поэтомъ Іованомъ *Дучичемъ* для журнала, издаваемаго въ Мостарѣ (въ Герцеговинѣ) подъ заглавіемъ «Зора». Онъ напечатанъ въ 1898 году (третьемъ этого журнала), на стр. 105—9, 143—6, 185—7, 211—3. Недавно тотъ же переводчикъ напечаталъ въ «Летопис Матице српске», въ кн. 207 (въ III выпускѣ за 1901 годъ), вторично свой переводъ той же поэмы въ нѣсколько исправленномъ видѣ. Это второе изданіе обращаетъ на себя вниманіе критики, само собою напрашивается сравненіе, желательно убѣдиться, насколько въ новомъ изданіи трудъ переводчика вышелъ лучше, исправнѣе. Скажемъ нѣсколько словъ и объ этомъ.

Пушкинъ написалъ своего «Анджело» въ александринскихъ 12-ти- и 13-ти-сложныхъ ямбическихъ стихахъ. Переводчикъ не сумѣлъ въ этомъ размѣрѣ вполнѣ подражать подлиннику. Разнообразіе мужскихъ и женскихъ риѳмъ у него пропало, мужской риѳмы у него нѣтъ, всѣ же стихи вышли шестистопными, безъ гиперкаталектическаго прибавленія. Всѣ стихи заканчиваются ритмомъ трохаическимъ, несмотря на то, что иногда начало стиха обнаруживаетъ стопу ямбическую, въ родѣ слѣдующихъ: «У јѐдноме», «А дру́г мира», «У прѐсуди», «За ла̀ганим», «И с ту́гом», «А су́д», «Са сна́жним», «Путо̀вати», «У на́ди» и т. д. Обыкновенно уже на второй или третьей стопѣ размѣръ ямбическій опрокидывается въ противоположный, трохаическій ритмъ. Напр. въ I. 3 встрѣчаемъ такіе стихи:

Тад Àнџело нѐки бјѐше чòвјек пòзнат,
Са снáжног искýства и сýрове ћýди,
И Дýжд стáри њѐга нàмјесником нàзва и т. д.

Это нарушеніе ритмической послѣдовательности, конечно, большая ошибка. Если переводчику не удавалось переводить правильными ямбическими стопами, чему я нисколько не удивляюсь, зная что при рѣшительно трохаическомъ характерѣ сербской рѣчи ямбы обыкновенно выходятъ очень неудовлетворительными — тогда лучше было бы совсѣмъ отказаться отъ ямбовъ и безъ малѣйшихъ уступокъ въ пользу ихъ перевести всю поэму размѣромъ трохаическимъ. Многіе стихи дѣйствительно представляютъ довольно сносныя трохаическія стопы, какъ напр.:

I. 3: Бјѐше мрáчног чѐла, вòље вјѐчно јáке,
I. 5: О̀ чем нѝко нѝкад нѐ слуша у грáду,
I. 8: Њóј ме пòсла áмо њéн несретни брàтац
Нѐсретни а зàшто? Штà је с њѝме збòри
I. 11: Рàзмисли на љýбав прѐпуће ти срце
I. 11: Зáкон нѝје дò сад ýмирао нѝкад, и т. д.

Должно быть литературная критика не подняла еще своего голоса противъ такого непозволительнаго смѣшенія двухъ противуположныхъ ритмическихъ теченій, гдѣ, по выраженію Пушкина, «стихъ то въ ямѣ, то на кочкѣ». Или же она не пользуется достаточнымъ авторитетомъ, чтобы заставить поэтовъ обращать нѣсколько побольше вниманія на важную въ каждой поэзіи ритмическую сторону стиховъ? Какъ бы то ни было, но переводчикъ «Анджело» не исправилъ этого недостатка во второмъ изданіи своего перевода, въ которомъ, какъ видно изъ приведенныхъ выше примѣровъ, все осталось по прежнему. Стремленія подогнать стихи подъ ямбическія стопы не видно.

Что же касается употребленія риѳмы, и въ этомъ отношеніи переводчикъ далеко отсталъ за своимъ образцомъ. Онъ довольствовался исключительно женскими риѳмами, даже въ тѣхъ слу-

чаяхъ, гдѣ начало стиха отзывается стопою ямбическою. Громадное большинство стиховъ заканчивается у него двусложнымъ словомъ. Употребленіе исключительно женской риѳмы идетъ черезъ стихъ такъ, что риѳмуютъ стихи 2 и 4, стихи же 1 и 3 остаются бѣлыми. У Пушкина мужскія и женскія риѳмы чередуются то перекрестно, то попарно. Мы имѣли случай убѣдиться, что при нѣкоторомъ усиліи переводчики успѣли и въ этомъ отношеніи подойти ближе къ подлиннику, чѣмъ это сдѣлалъ г. Дучичъ. Поэтому мнѣ сдается, что издатель второго изданія (Матица сербская), если онъ уже согласился вторично напечатать переводъ поэмы «Анџело», могъ съ полнымъ правомъ требовать отъ переводчика, чтобы онъ постарался исправить и усовершенствовать свой трудъ также съ внѣшней, технической стороны.

Но и въ передачѣ содержанія трудъ г. Дучича не удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ хорошаго и удачнаго перевода. Онъ слишкомъ удаляется отъ подлинника то пропусками не только отдѣльныхъ выраженій, а цѣлыхъ оборотовъ и изреченій, то ненужными вставками или замѣною мыслей Пушкинскихъ другими, присвоенными ему переводчикомъ. Я знаю, конечно, что отъ переводовъ поэтическихъ нельзя требовать точности буквальной, но искусство переводчика должно именно стремиться къ тому, чтобы трудъ его передавалъ все содержаніе подлинника не только въ красивой формѣ, но также въ возможной полнотѣ. Въ первомъ отношеніи переводъ Дучича довольно хорошъ, но во второмъ онъ вызываетъ постоянныя возраженія. Нельзя даже сказать, чтобы новое изданіе существенно измѣнилось къ лучшему, хотя иныя поправки могутъ быть названы удачными. Въ доказательство справедливости этого моего отзыва я постараюсь привести примѣры.

I стр. 1. Стихъ «Другъ мира, истины, художествъ и наукъ» переведенъ сначала такъ: «*А друг* мира, знања и праведног рада», во второмъ изданіи слова «а друг» замѣнены выраженіемъ *стражар*. Едва ли это къ лучшему. Переводчикъ заставляетъ стараго Дука быть «сторожемъ» художествъ и наукъ. Да въ переводѣ

его о художествахъ и не говорится. Далѣе стихъ «какъ дряхлый звѣрь, уже къ ловитвѣ неспособный» первоначально былъ растянутъ въ переводѣ въ три стиха:

Што у сјенци тавној др'јема звијер стара
За лаганим скоком и за смјелим ловом
Немајући више ни воље ни жара —

но потомъ переводчикъ замѣтилъ эту лишнюю растянутость и передѣлалъ стихъ короче и лучше, такъ:

...као стара звијер
Изнурена давно за лов по планини.

Послѣ словъ «Дужъ это чувствовалъ» (въ новомъ переводѣ «и дужд и сâм спази») слѣдуютъ въ подлинникѣ важныя выраженія: «въ душѣ своей незлобной и часто сѣтовалъ», въ новомъ переводѣ нѣтъ имъ никакого отраженія, въ первомъ можно было найти по крайней мѣрѣ слова: «И *с тугом* и *болом* и сам сазна старац». Итакъ здѣсь новый переводъ даже менѣе выразителенъ чѣмъ старый. Стихъ «Что хуже дѣдушекъ съ дня на день были внуки» переведенъ сначала совсѣмъ неудачно, такъ: «Унуцима с дједом све је већа мука» (какъ будто бы рѣчь шла о вознѣ внуковъ съ дряхлыми дѣдушкама!), но въ новой передѣлкѣ то-же безъ малѣйшей причины растянутъ стихъ въ два:

«Синови су гори него оци њини,
Унуци су гори него њини дједи».

I. 2. Въ этой строфѣ слова подлинника «тому же особливо, кто первый самъ его потворствомъ одобрялъ» въ переводѣ пропущены въ новомъ изданіи. Зато въ текстъ перевода вставлены лишнія слова: «Ал' све бјеше заман — И дан је за даном протицао лако», которыми разсказъ дѣлается расплывчивымъ, не придавая содержанію ничего существеннаго. И здѣсь въ первоначальномъ переводѣ была по крайней мѣрѣ сдѣлана слабая по-

пытка дать отголосокъ приведеннымъ словамъ русскимъ въ такомъ видѣ: «заман гонећ бригу, што мир старих дана неспокојством квари». Конечно это не то, что сказано въ подлинникѣ, очевидно не понятомъ.

I. 3. Слова «са снажног искуства» для передачи «въ искусствѣ властвовать», доказываютъ лишній разъ, что и этотъ переводчикъ не постарался навести справку въ словарѣ, значитъ ли дѣйствительно русское слово «искусство» то, что въ сербско-хорватскомъ языкѣ «искуство». — Словъ «докучнаго вниманья избѣгая» переводчикъ не понялъ, его переводъ «за сву бригу више не хтје ни да мари» значилъ бы, что старый Дукъ отказался отъ всѣхъ заботъ.

I. 4. «Пружины ржавыя опять пришли въ движенье» и «Правосуђе силно из санка се прену» — изреченія очень не похожія другъ на друга. Точно такъ: «и говоритъ: хе, хе! да этотъ ужъ не тотъ» и: «гдје прозбори закон што ј'одавна ћуто» — это не переводъ, а замѣна мысли подлинника совсѣмъ другой. У Пушкина народъ замѣчаетъ разницу между прежнимъ и нынѣшнимъ владѣтелемъ, у переводчика же выходитъ только новое дѣйствіе законовъ наружу.

I 5. Новый князь отыскалъ старый законъ противъ прелюбодѣевъ и «опять его на свѣтъ пустилъ для исполненія, сурово говоря помощникамъ своимъ». Эти очень простыя слова въ переводѣ замѣнены чѣмъ-то совсѣмъ новымъ: «Али св'јет га ипак испуњават не хтје, нит' без љутог збора пустити га хтјеше». Въ исправленномъ изданіи переводчикъ пошелъ въ своемъ вымыслѣ еще дальше, онъ пишетъ (въ скобкахъ!): «Ко гром овај случај одјекну по граду и гомилом грдње засути га хтјеше»!! Это не значитъ даже передѣлывать, а просто выдумывать!

Въ той же строфѣ подъ конецъ сказано въ подлинникѣ:

Законъ не долженъ быть пугало изъ тряпицы,
На коемъ наконецъ уже садятся птицы —

Въ первомъ изданіи перевода этому поэтическому сравненію нѣтъ

ни малѣйшаго слѣда, оно пропущено. Во второмъ же пожалуй сдѣлано еще хуже, переводчикъ прибавилъ отъ себя послѣ перевода вышеупомянутыхъ словъ, слѣдующее разсужденіе:

«Ил' је бич судије да грешнике казни,
Свети бедем који штити појединце?»

Въ подлинникѣ ничего подобнаго не сказано, нѣтъ рѣчи о законѣ какъ плети въ рукахъ судей для преступниковъ, нѣтъ рѣчи о роли его какъ крепостного вала въ защиту одинокихъ!

I. 6. Стихъ рисующій легкомысленность молодежи: «межъ тѣмъ какъ вѣтрено надъ бездною скользила» передѣланъ, должно быть по недоумѣнію персводчика, такъ: «Но узаман подсмјех, и узаман труди». Въ новомъ изданіи только союзъ *и* замѣненъ словечкомъ *сви*. Значитъ, все прочее оказалось въ порядкѣ?!—Словамъ «већ навике своје гонећ' на тенани» нѣтъ ни малѣйшаго повода въ подлинникѣ, а надежда Клавдія любовницу свою современемъ представить обществу какъ супругу, переведена страннымъ образомъ совсѣмъ невѣрно:

«У нади *да блудним савременим станьем* (!!).
Оправда пред св'јетом своје гр'јехе љуте».

Въ глазахъ Пушкина выходитъ Клавдіо гораздо менѣе преступнымъ человѣкомъ, чѣмъ у переводчика, передавшаго стихъ: «Джюльету нѣжную успѣлъ онъ обольстить» такими крѣпкими словами: «*Страшном гр'јеху* нагна на стрмене путе».

I. 7. И здѣсь опять русское «искусство» переведено сербскимъ «искуством», что даже очень некстати сказано: «има много ума и искуства сретна». О какой опытности можетъ говорить братъ относительно молодой сестры монахини?! Точно такъ не слѣдовало «*рыдающая* мадость» переводить: «младост *цвјетна*»; рыданіе молодой дѣвицы не цвѣты.

I. 8. Ошибку перваго изданья: «побожно тог дана *постригла је* косе» переводчикъ успѣлъ исправить во второмъ: «побожно *ће* сутра *да* постриже косе». Точно такъ «перебирая четки» исправ-

лено въ новомъ изданіи «Бројанице нижуħ», въ первомъ было ошибочно: «у побожне сате». Далѣе безъ малѣйшей причины вставленъ стихъ: «коју овдје скрива дом свети и стари». Лишней вставкой оказываются также слова: «А да вас не мори љубопитство дуже, нећу да вам дуљим в'јест с ком сам дош'о». Невѣрно переведены слова: «за то, за что бы я благодарилъ его, красавица моя»: «за ствар, душо, да сам мјесто њега, камо л'јепе среће» (такъ въ обоихъ изданіяхъ). Но Люціо вовсе не завидуетъ своему другу, онъ считаетъ только поведеніе его достойнымъ похвалы. — Въ переводѣ «без чуђења» видно, что переводчикъ не справился насчетъ настоящаго значенія словъ «безъ притворныхъ причудъ». — Нѣтъ причины для замѣны словъ «чиста *душою*» въ «*мис'о* чиста». — Переводъ перваго изданія: «Празном р'јечју, злошћу св'јет непознат њојзи не смути јој душу» (въ подлинникѣ: «ее смутить не могъ невѣдомый ей міръ своею суетой и праздными рѣчами») подходитъ ближе къ подлиннику, чѣмъ въ новомъ изданіи: «никад поток света непознатог њојзи не помути душу». Слова «што чедношћу (нов. изд. врлином) блиста» — опять лишняя прибавка переводчика; точно такъ и комплиментъ сдѣланный красотѣ ея словами: «своју сестру *пуну чара и милоште*». Эти излишества оставлены въ новомъ изданіи безъ перемѣны! — Стихъ «но сомнѣваюсь; во мнѣ не станетъ силъ» въ переводѣ пропущенъ. Слова «сомнѣнья намъ враги» въ первомъ изданіи передаются неудачно: «о сатање сумње», вмѣсто чтобы сказать: «сумње су наши противници», въ новомъ изданіи сказано нѣсколько иначе, но не много лучше.

I. 9. Стихи: Простите вновь его, бросайтесь на колѣни
Хватайтесь за плащъ, рыдайте, слезы, пени,
Всѣ средства женскаго искусства вы должны
Теперь употребить

переведены очень вяло:

Молите га опет
И молбама тихим (нов. изд. дугим) пуним туге, јада,

Тражте милост њему (нов. изд. брату). Плач'те, сузе, *пјене*
И сву мудрост женску употребите саде.

Въ новомъ изданіи ошибка *пјене* (для русскаго *пени*) передѣлана въ *врисак*, поправка нехорошая въ смыслѣ точности, лучше было бы сказать *корбе*. Въ послѣднемъ стихѣ возстановлено слово «и сва средства», только для «женскаго искусства» у переводчика не нашлось другого слова какъ «жене». Сравненіе съ иголкой, не понятое въ первомъ изданіи, исправлено въ новомъ какъ слѣдуетъ, но и здѣсь послѣдніе два стиха подлинника остались безъ перевода.

I. 10. Словами «Хватајући се плашта» внесено здѣсь въ текстъ то, что слѣдовало примѣнить къ извѣстному мѣсту предыдущей строфы, гдѣ дѣйствительно имѣются слова «Хватайтесь за плащъ», но здѣсь въ подлинникѣ этихъ словъ нѣтъ. Также нѣтъ повода прилагательнымъ перевода «уплакана, бл'једа». Странное недоумѣніе замѣчается въ слѣдующемъ, гдѣ вм. «ни бархатъ судіи», въ переводѣ сказано: «величања гласи» или въ новомъ изданіи «химна̂ гласи»! Какимъ путемъ переводчикъ дошелъ до этого перевода, это для меня загадка!

I. 11. И въ этой строфѣ попадаются мелочи лишнія. Такъ въ самомъ началѣ не нужно было вносить въ стихъ: «Тако Изабела». Вм. «преклињем те, иди», въ подлинномъ менѣе торжественно, но естественнѣе сказано: «Оставь меня, иди». Съ какой стати «праведная сила» переведено «страшна сила»? Въ концѣ не нужно было прибавлять «па да видим (прежде «спазим») грешна».

I. 12. Въ подлинникѣ сказано «и завтра онъ умретъ», переводчикъ счелъ нужнымъ еще прибавить: «он умире сјутра *у освитку бл'једом*», и въ слѣдующемъ отвѣтѣ Изабеллы еще разъ повторено: «*у освитку* сутра». Для чего это? «Теперь проснулся онъ» въ первомъ изданіи сказано: «спавао је само и сада се трг'о», во второмъ оставлена первая лишняя половина стиха, вычеркнуто же то, что лучше подходитъ къ русскому подлиннику. — Очень тяжело переданъ стихъ: «Потворствовать грѣху есть тоже

преступленіе»: «Преступ власти то је свагда када попуштава гр'јеху», въ первомъ изданіи сказано: «Јер допуст гр'јеха то је преступ власти». Въ томъ и другомъ переводѣ мѣшаетъ прибавка «власти», рѣчь идетъ не о правленіи, это гномическое изреченіе въ родѣ пословицы. — Въ слѣдующемъ: «ужель душа твоя совсѣмъ безвинная» переведено лучше въ первомъ изданіи: «ил' зар твоја душа не *погр'јеши* никад», чѣмъ во второмъ: «не *грјеши* никад». Наконецъ цѣлый послѣдній стихъ: «Ужели и мысли грѣшныя въ ней отроду не тлѣли» остался въ обоихъ изданіяхъ не переведеннымъ.

I. 13. Начальный стихъ «Дубока и силна њега прожма језа» можетъ быть очень хорошъ, но онъ не соотвѣтствуетъ русскимъ словамъ «невольно онъ вздрогнулъ, поникнулъ головой». Стихи:

«Молитвами любви, смиренія и мира,
Молитвами святыхъ, угодныхъ небу дѣвъ,
Въ уединеніи умершихъ ужъ для міра,
Живыхъ для Господа»,

которыми дѣвственная Изабелла готова одарить Анджело, переведены совсѣмъ неудачно такъ:

Молитва недужне, дјевојачке душе
Пред судиштем страшним куд сви најзад гремо
Те молитве давно умрлих за земљу
А живих за небо».

Подчеркнутымъ словамъ второго стиха нѣтъ ни малѣйшаго отголоска въ подлинникѣ.

Въ концѣ строфы тоже цѣлая вереница словъ — прибавка переводчика: «И остави *бл'једу монахињу туде*, Пошав *мутном духу да тражи смирења*». Ничего подобнаго въ русскомъ текстѣ нѣтъ. Тамъ сказано только: «и въ отдаленные покои поспѣшаетъ». Если переводчикъ заставляетъ Анджело еще только искать смиренія, то онъ не обратилъ вниманія на слова Пушкина: «сму-

щевъ и *присмирѣвъ*», т. е. русскій поэтъ представляетъ Анджело уже присмирѣвшимъ, а не ищущимъ только смиренія.

II. 1. И здѣсь кое-что безъ необходимости вставлено, но за-то кое-что и пропущено. Непереведенными оказались слѣдующіе стихи:

Или когда святого уловить
Захочетъ бѣсъ, тогда приманкою святою
И манитъ онъ на крюкъ.

Зато опять прибавленъ лишній стихъ: «Свуда само видим драгу слику њену». Въ подлинникѣ ничего такого нѣтъ. Замѣтимъ кстати, что у Пушкина выступаетъ противоположность между «нескромною красотою» и «чистой дѣвою», въ переводѣ же она не обозначена, сказано только: «За љепотом женском» и «дјевојком чедном». Не хорошо также названо глубокое впечатлѣніе, произведенное на Анджело чистой дѣвою, — пониженіемъ! По словамъ русскаго поэта Анджело до сихъ поръ влюбленнаго человѣка «безумству удивлялся», въ переводѣ же говорится: «Знадох сл'јепо тада безумљу љубави да се само смејем».

II. 2: «Словами онъ *небу* говоритъ» лучше въ первомъ изданіи: «но говорећ с *небом*», чѣмъ въ исправленномъ: «и зборећи *с Богом*».—Совсѣмъ не хорошо вышелъ переводъ слѣдующихъ словъ:

Въ унынье погруженъ,
Устами праздными вращалъ онъ имя Бога,
А въ сердцѣ грѣхъ кипѣлъ.

Въ переводѣ перваго изданія:

И кад *туге море*
Прели му се душом, он бесвјесно, тихо
Спомињаше Бога.

Во второмъ изданіи нѣсколько передѣлано:

И кад туге море
Јадну душу прели, он бесвјесно, тајно
Дозиваше небо.

Но во-первыхъ въ подлинникѣ не говорится о «морѣ грусти разлившемся на его душу», во-вторыхъ въ переводѣ не выражено, что Анджело только «праздными устами» вращалъ имя Бога. — Простыя слова «Душевная тревога его осилила» переведены въ первомъ изданіи такъ: «Но душевна борба неком тајном силом кр'јепити га заче». Замѣтивъ, должно быть, что онъ не понялъ значенія слова «осилила», переводчикъ передѣлалъ свой переводъ во второмъ изданіи такъ: «Но душевна борба у безумље тихо прелазити заче». Едва ли этотъ переводъ лучше. По смыслу надо было сказать: «Душевни немир њиме облада». — Для словъ «важность мудрую» оказывается лучшимъ переводомъ то, что сказано въ первомъ изданіи: «а озбиљност своју», чѣмъ во второмъ: «сву мудрост своју». Ударепіе падаетъ по характеру Анджело не столько на мудрость, сколько на важность его.

II 3. Въ дальнѣйшемъ разговорѣ Изабелла спрашиваетъ Анджело: «почему же простить нельзя его (т. е. брата)»? Переводчикъ некстати передѣлалъ вопросъ въ просьбу: «Милост несрећнику који грозно скриви». Прибавка «који грозно скриви» вовсе не идетъ сюда, гдѣ сестра проситъ о помилованіи брата.— «Убійство легче» говоритъ Анджело, подразумѣвая сравненіе съ прелюбодѣяніемъ, переводчикъ перевелъ невнимательно: «Зло је лакше свако»! — Въ предложеніи, которое Анджело дѣлаетъ Изабеллѣ намеками, поэтъ прибавляетъ въ скобкахъ:

«Все это клонится къ тому предположенію
И только есть вопросъ и больше ничего».

Этихъ словъ переводчикъ видно не понялъ, переводъ его въ новомъ изданіи выражаетъ совсѣмъ не то:

«Рад бих прећи на ствар
А ја само питам, брбљам, ништа више».

Въ первомъ изданіи вмѣсто неудачнаго *брблам* было *и баш*. Но намѣреніемъ поэта было высказать отъ имени Анджело нѣкоторое какъ будто извиненіе, что онъ затрогиваетъ очень щекот-

ливый вопросъ. — Точно такъ переводчикъ не понялъ второго прибавленія, состоящаго опять изъ намековъ:

Наперсникъ судіи, иль самъ, по сану властный
Законы толковать, мягчить ихъ смыслъ ужасный.

Слова эти, относимыя Анджело къ самому себѣ, переведены совсѣмъ неудачно:

Гле војник законâ, озбиљан по чину
Када и сам гр'јеши — како тражи р'јечи,
Законе тумачећ и оштрину њину!

Въ первомъ изданіи нѣсколько иначе, но конечно не лучше:

«И миљеник реда озбиљан по чину
Законе тумачећ, преступном и жарком
Жељом гоњен теби, сву оштрину њину,
И ужасну смисô умекшат би хтио!»

Продолженіе разсказа тоже переведено совсѣмъ не такъ, какъ бы ожидалось, судя по тексту. Словамъ его:

Къ тебѣ желаніемъ (sc. если-бъ) былъ преступнымъ воспа-
И требовалъ, чтобъ ты казнь брата искупила [ленъ
Своимъ паденіемъ — — —

вовсе не соотвѣтствуетъ слѣдующій переводъ:

«Онај ко би мого да за свагда спасе
Јадног несрећника — то једина ти си!»

А къ этимъ двумъ стихамъ прибавленъ еще третій, не имѣющій ни малѣйшаго отношенія къ русскому подлиннику:

Ах ја сам занесен, распаљен, ја гр'јешим.

Въ первомъ изданіи этой прибавки нѣтъ. Оно такъ и лучше. Вмѣсто «лечь въ гробъ *кровавый*» переводчикъ безъ малѣй-

шей надобности перевелъ: «лећи у гроб *свети*», слова же слѣдующаго стиха:

«Без сузе и јада и без раскајања»

представляютъ опять безсмысленную прибавку второго «исправленнаго» изданія, которой въ первомъ еще не было.

Слова Изабеллы: «Онъ лучшій путь себѣ конечно изберетъ», переведены въ первомъ изданіи еще довольно сносно: «Пут ће љепши за се тим најзад да нађе», но во второмъ переводчикъ вздумалъ блеснуть оригинальностью: «Пут смирења с губилишта води»! Стихъ «Братъ лучше умри, чѣмъ гибнуть мнѣ на вѣчно», переведенъ растянуто, и все-таки не точно:

И он када мора губит' ме за навек,
Радије ће једном и у смрт да креће.

Въ первомъ изданіи первый стихъ нѣсколько лучше: «И кад би за нав'јек изгубит ме мор'о». Смыслъ требуетъ такого приблизительно перевода: «Нека радије брат један пут умре, него ли ја да упанем у вјечиту погибио».

Слова «а братній грѣхъ едва-ль не шуткой почитала» переданы совсѣмъ невѣрно: «и грех брата свога поштовала скоро», видно переводчикъ не понялъ, что значитъ «почитать шуткой»!

Въ отвѣтѣ Изабеллы переводчикъ неудачно перевелъ слово «невольно» (без воље), «лукавила» не значитъ «гријешила». Лишняя прибавка стихъ: «зато нек се почне куд с' одавна циља». Ничего подобнаго нѣтъ въ подлинникѣ.

Стихъ «И полно лицемѣрить, Тебѣ передъ людми» въ переводѣ пропущенъ. Точно такъ не переведены слова: «Теперь я волю далъ стремленію страстей», если не считать переводомъ: «Док се закон, правда, освештава мноме», которымъ ничего соотвѣтствующаго не находимъ въ русскомъ подлинникѣ, между тѣмъ какъ въ первомъ изданіи хорошо переведено: «но сад пуштам страсти нек царују мноме»!

II. 4. Въ первомъ изданіи переведено какъ слѣдуетъ: «Па у небо диже Пунан молбе поглед и десницу чисту» (поднявшій къ небесамъ молящій, ясный взоръ и чистую десницу), во второмъ же «исправленномъ» осталась только вторая часть: «Па у небо диже чисте руке своје». Послѣднія же слова: «Дверь отворилась ей и братъ ея глазамъ представился» — оставлены совсѣмъ безъ перевода, въ первомъ изданіи уцѣлѣлъ маленькій намекъ: «И с братом се срете».

II. 5. Въ переводѣ недостаетъ передачи для «въ цѣпяхъ»; «въ упыпіи глубокомъ» лучше сказано въ первомъ изданіи: «у дубокој сјети», чѣмъ въ новой передѣлкѣ: «погружен дубоко и суморан тешко». Перевод «пун усхита врела» для «мгновенно оживленъ» страдаетъ нѣкоторымъ преувеличеніемъ.

II. 6. Послѣ словъ Клавдія: «Дакле нема спаса» въ новомъ пздапіи прибавлено не на основаніи подлинника: «Зборп сестро, зборп».

Далѣе въ переводѣ пропущенъ стихъ: «повѣрь, безъ трепета отъ міра отрѣшусь, коль должно умереть».

Восклицаніе Изабеллы: «Вотъ братъ мой! узнаю!» переводчикъ не понялъ, переводъ его: «Ево брате што је» не передаетъ вѣрно смысла, надо было сказать: «То је мој брат, познајем га»! Стихъ «чья избранная рѣчь шлетъ отроковъ на казнь» въ переводѣ пропущенъ. Къ переводу словъ «иль завтра ты умрешь» опять прибавлено: «рано у освитак» — прибавка ненужная, какъ и цѣлый предыдущій стихъ: «Не дођем ли брате, ти ћеш мрети сутра!».

Изабелла говоритъ: «ежели одной моей могилой могла бы я тебя отъ казни искупить, не стала-бъ болѣе иголки дорожить я жизнію моей» — въ переводѣ прибавлены лишнія прикрасы: «ја бих *младост дала и живот, ко пусто ништавило ташто* (всего этого въ подлинникѣ нѣтъ), као иглу малу». Гораздо лучше безъ лишнихъ прибавокъ въ первомъ изданіи:

«Бог зна, мојим гробом кад бих могла спастп
Живот свога брата, ни колико иглу
Своју младост тада ја ц'јенила не бп».

Какія причины заставили автора замѣнить этотъ сносный и довольно точный переводъ лишними прибавками собственнаго вымысла?

И слѣдующія слова Клавдія нѣсколько лучше переведены въ первомъ изданіи, чѣмъ въ «исправленномъ» второмъ:

«Да, такъ... и страсти въ немъ кипятъ съ такою силой»

въ первомъ изданіи:

«Да!.. Но зар збиља страсти у њем тако кипе?»

во второмъ изданіи:

«Да, сестро... *Но збиља* — зар у њему тако
Лудо страсти кипе...»

Въ подлинникѣ тутъ вообще нѣтъ вопроса, было бы даже неприлично для брата разспрашивать сестру о страстяхъ Анджело. Эти слова, произнесенныя безъ обращенія къ сестрѣ, скорѣе вызываютъ воспоминанія собственной жизни и сближаютъ нѣкоторымъ образомъ Клавдія съ Анджело. Лучше въ первомъ изданіи: «и за тренут један да *погуби* себе» (въ подл. Для мгновенья ужель себя сгубить рѣшился-бъ человѣкъ), чѣмъ во второмъ: «и за тренут један зар и он *да пане*». Точно такъ: «носиться въ пустотѣ пространствомъ безконечнымъ» лучше въ первомъ изданіи, по крайней мѣрѣ ближе къ подлиннику: «или с вјетром наглим пустаром се вити бесконачним крајем», чѣмъ въ новомъ: «ил' *нестат'* под *сивим* пространством *пучине*». Переводчикъ, кажется, думалъ о пространствѣ моря, поэтому выбросилъ изъ своего перевода быстротечный вѣтръ, а глаголъ «носиться» замѣнилъ въ переводѣ словомъ «нестат'» (погибнуть, исчезнуть).

Въ подлинникѣ сказано: «*природа* извинитъ», въ переводѣ перваго изданія: «опростиће *небо*», во второмъ же: «опростиће *небо милосно и вјечно*» — опять лишнія прилагательныя.

Сестра въ отчаяніи говоритъ: «нельзя чтобъ жизнь и свѣтъ моимъ отцомъ тебѣ даны» — въ первомъ изданіи: «не могу да

мислим свјет и живот да је мој ти отац дао», во второмъ: «зар мој отац икад може тебе дати». И здѣсь первый переводъ точнѣе. Неудачно замѣнено «отеческое ложе» въ переводѣ словомъ: «кол'јевка отаца», такъ въ обоихъ изданіяхъ. Въ отвѣтѣ брата переводчикъ опять прибавилъ во второмъ изданіи: «прости, ах, прости *несрећнику мени*». Послѣднихъ словъ нѣтъ въ подлинникѣ, нѣтъ ихъ еще въ первомъ изданіи.

II. 7. Послѣдніе стихи второй части у переводчика безъ причины сокращены: «узникъ молодой» осталось еще въ первомъ переводѣ: «млађани сужањ», во второмъ пропущено. Слова «уздрхталом руком» — лишняя прибавка переводчика. Стихъ «Изабелла отъ гнѣва своего насилу охладѣла», во второмъ изданіи пропалъ безслѣдно, въ первомъ сказано довольно блѣдно: «она стаде, смири се».

III. 1. Сравненіе съ Гарунъ-Аль-Рашидомъ въ переводѣ не выдержано. Русскій текстъ говоритъ:

Воображеніе живое Дукъ имѣлъ,
Романы онъ любилъ и, можетъ быть, хотѣлъ
Халифу подражать Гаруну Аль-Рашиду —

въ переводѣ отъ всего этого осталось только:

«Ко да, волећ приче, Харун Ал-Рашиду
Подражават хтједе у мотрењу томе».

Далѣе въ подлинникѣ сказано, что онъ подслушалъ весь разсказъ, въ переводѣ перваго изданія еще такъ себѣ: «дјевојче *чувши*», во второмъ же: «тим што сад *виђе*». Но что же онъ могъ видѣть? Суть въ томъ, что онъ слышалъ.

Обширное изложеніе:

Въ растроганномъ умѣ рѣшилъ онъ тотъ же часъ
Не только наказать жестокость и обиду,
Но сладить кое-что...

сжато въ переводѣ въ слѣдующія слова:

Бјеше врло дирнут,
И сем љуте казне још се нечег сјети.

III. 2. И здѣсь много мелкихъ неточностей: «*печальное* зерцало» не «огледало *вјерно*», «*угрюмой* души» лучше въ первомъ изданіи: «*суморне* душе», чѣмъ во второмъ: «*грозне* душе». Въ подлинникѣ сказано: «и нѣжной красотѣ понравиться могло», въ переводѣ же: «једно срце *чисто*, *анђеоско*, *смерно* (да освоји)»! Эти прилагательныя отнесены въ подлинникѣ къ другому изреченію, приводимому ниже: «былъ любимъ душою нѣжною, печальной и смиренной», гдѣ у переводчика сказано только: «бјеше љубљен жарко једном њежном душом» (1-ое изд. «душом благом»). Для стиха «Безъ доказательства насмѣшливо коря» (молва) осталось въ переводѣ только: «патила је тихо» (жена). Слова оскорбленнаго нелѣпыми слухами Анджело въ переводѣ совсѣмъ пропущены. А къ словамъ «Объ ней-то вспомнилъ Дукъ», въ переводѣ прибавлено: «и на њу се сјети Дужд *у мрачној кули*».

III. 3. Въ подлинникѣ по затѣѣ стараго Дука отвергнутая жена Анджело должна «наградить его условленной наградой» (вмѣсто Изабеллы). Переводчикъ выразилъ эту сцену такъ: «пустит' му се сл'јепо, но загрљај *клети* кад и задњи мине, да му на растанку шапне само ово», въ новомъ изданіи: «да се срете с њиме мјесто Изабеле. И загрљај *клети*» и т. д. Мнѣ кажется, что затѣянной ловушкѣ не соотвѣтствуетъ прилагательное «проклятый».

IV. 4. Перемѣны, сдѣланныя въ этой строфѣ, въ переводѣ второго изданія въ сравненіи съ первымъ не могутъ быть названы исправленіемъ. Не сумѣя помѣстить все содержаніе подлинника въ объемѣ восьмистишія, переводчикъ былъ принужденъ сокращать. По моему удачнѣе сокращенъ текстъ въ первомъ изданіи, чѣмъ во второмъ. Въ первомъ читаемъ:

«Тад од *старог Дужда* (sic! невѣрно)
Тамничару стиже глас, у освит зоре,
Да злочинца сужња казни љутом смрћу
А његову главу донесе у дворе».

Во второмъ изданіи исправлена, правда, ошибка, будто бы приказъ былъ отъ Дужда, но въ прочемъ сокращеніе менѣе удачно:

«Но с писмом Анџела
Гле и један вјесник стиже прије зоре!
Читају. Шта вели? Главу Клавдијеву
Иште да му одмах донесу у дворе».

III. 5. Простой разсказъ этой строфы у переводчика запутанъ. Стихъ «Када његов гласник пред тамнице паде» (въ нов. изд. «нечекани гласник кад му с писмом паде») не вызванъ русскимъ подлинникомъ, онъ заключаетъ въ себѣ даже невѣрное предположеніе, будто бы старый Дуждъ отправлялъ куда-нибудь своего вѣстника. Въ подлинникѣ только сказано, что онъ былъ принужденъ остановить исполненіе приказа Анджело и съ этой цѣлью самъ представилъ начальнику тюрьмы свой перстень и печать. Поэтому въ переводѣ невѣрно также продолженіе разсказа:

«Он се крену с писмом старом тамничару,
И с њиме му Дуждев жиг и печат даде».

Ничего подобнаго нѣтъ въ русскомъ подлинникѣ. Приказъ о замѣнѣ головы Клавдія головою морского разбойника вышелъ непосредственно отъ стараго князя, ночевавшаго въ облаченіи монаха въ тюрьмѣ, и когда онъ все устроилъ, тогда «самъ отправился дабы вельможу злаго... предъ свѣтомъ обличить». Переводчикъ растянулъ конецъ строфы, вмѣсто трехъ стиховъ у него вышло пять, благодаря такимъ вставкамъ: «*да се јави граду и најжешћом казном казни... и покаже свијету*». Гораздо проще и даже нѣсколько ближе къ подлиннику въ первомъ изданіи:

«А он сам се диже и опреми тада
Да гр'јех казни љуто и држава ц'јела
Да грјешника позна и гнусна му дјела».

III. 6. «Едва молва успѣла пробѣжать» не значитъ: «тек што *мину* вијест», лучше было бы сказать: «тек што *прође* глас». Неудобный переводъ «Дужде да ходи по граду» исправленъ дѣйствительно во второмъ изданіи такъ: «Дужде да се враћа у град». Нехорошо переданъ дальнѣйшій ходъ разсказа. Послѣ стиха «Поће и Анџело замишљен и мрачан» очень неудобно было сразу продолжать: «Свуда је весело, радосно и живо». Въ подлинникѣ нѣтъ такого скачка, напротивъ смущеніе Анджело рисуется пропущенными въ переводѣ словами: «грызомый совѣстью, предчувствіемъ стѣсненный». Дукъ сначала привѣтствовалъ народъ и потомъ Анджело протягивалъ руку, но не хорошо сказано у переводчика: «Кад Дужде съ Анџелом *проће испод руке*» Нигдѣ не говорится о томъ, что они (Дукъ и Анджело) шли подъ руку! Подъ конецъ строки пропущены въ переводѣ слѣдующія слова подлинника: «наконецъ злодѣйство на землѣ получитъ воздаянье»; словамъ же «Но обнаружа гнѣвъ и долго скрытое въ душѣ негодованье», имѣется очень слабое отраженіе въ переводѣ: «ал се старац трже».

III. 7. И въ послѣдней строфѣ не все передано такъ, какъ бы мы желали. Въ подлинникѣ обрисована твердость воли Анджело слѣдующими словами: «Безъ словъ и безъ боязни, съ угрюмой твердостью», въ переводѣ только: «а он с тврдим болом рече». Въ подлинникѣ отвѣтъ его ограничивается однимъ роковымъ словомъ: «казни», въ переводѣ же впечатлѣніе ослаблено растянутымъ отвѣтомъ: «нека закон мјесто мене збори». Отчаянная жена Анджело говоритъ между прочимъ Дуку: «не смѣйся надо мною». Слова эти въ переводѣ пропущены. Должно быть вслѣдствіе этого пропущенъ также отвѣтъ Дука: «Не я, но Анджело смѣялся надъ тобою». Пропущены также слова: «Останутся тебѣ его сокровища», далѣе слова: «Мнѣ лучшаго не надо, помилуй,

государь, не будь неумолимъ», и опять слова: «Ужели для того такъ долго я вдовѣла. Онъ человѣчеству свою принесъ лишь дань». Всего этого въ переводѣ нѣтъ, зато вставленъ слѣдующій стихъ: («Рука твоја што ме с њим спојила опет) *Нек не буде крива новом јаду свему*». Какимъ образомъ могла бы быть рука Дука виновата въ несчастіи жены?

Странное впечатлѣніе производитъ переводъ «Моћни» для русскаго слова «Государь», развѣ не ближе слово «Господар»?

Еще одно возраженіе: «За меня не осуждай его» переведено: «Не убијај њега нит осуђуј саде». Какая удивительная логика въ этомъ порядкѣ глаголовъ: сначала не убивать, а потомъ осуждать!

Не имѣя ни малѣйшей причины относиться менѣе дружелюбно или менѣе безпристрастно къ труду г. Дучича, чѣмъ ко всѣмъ прочимъ, въ предыдущихъ статьяхъ разобраннымъ переводамъ, я хотѣлъ только на этомъ новѣйшемъ образцѣ переводческой дѣятельности сербско-хорватской литературы показать, съ какимъ невниманіемъ, съ какой небрежностью поэты часто относятся къ своей задачѣ, какъ мало дорожатъ пользой приносимой родной литературѣ хорошими переводами, и въ то же время какъ мало заботятся редакторы повременныхъ изданій и журналовъ о достоинствахъ печатаемыхъ ими статьяхъ, стихахъ, переводахъ и т. д.

ДОПОЛНЕНІЯ.

На стр. 85, подъ № 12, гдѣ говорится о переводѣ стихотворенія «Русалка», надо прибавить еще слѣдующее:

Въ 1868 году издавался въ Карловцѣ журналъ подъ заглавіемъ «Slavjanski jug», вышли, говорятъ, только четыре выпуска. На стр. 109 помѣщенъ подъ заглавіемъ «Vila» переводъ Пушкинской «Русалки», что отмѣчено уже переводчикомъ: «Iz ruskoga po Puškinu». Переводчикъ подписался Žarkoljub F-ć (въ обозрѣніи содержанія сказано «Žarkoljub F.....vić», вѣроятно Filipović?). Начало перевода слѣдующее:

Nad jezerom u čarobnom miru
Dubrava se malena prostire;
A u slastih čudotvornom viru
Sve u okol u tami umire.

(Этимъ сообщеніемъ я обязанъ профессору Шрепелю въ Загребѣ).

На стр. 121, подъ № 73, говорится о двухъ переводахъ Пушкинскихъ «Цыганъ». Изъ одной замѣтки въ бѣлградскомъ журналѣ «Коло» за 1901 годъ (свеска 3), на стр. 194 узнаемъ, что молодой сербскій поэтъ Јован Дучић представилъ въ «Матицу Сербскую» свой переводъ этого стихотворенія. Стало быть, это будетъ, если выйдетъ, уже третій переводъ.

На стр. 125, подъ № 79, упоминается только по наслышкѣ объ одномъ переводѣ «Каменнаго гостя». Выше упомянутая замѣтка въ бѣлградскомъ «Колѣ» разсказываетъ о томъ, что поэтъ Јован Дучић перевелъ также и представилъ «Матицѣ Сербской» «Каменнаго гостя».

На стр. 136, послѣ № 95, надо еще прибавить слѣдующее: IV. 309—314: *Кирджали*. Этотъ разсказъ А. С. Пушкина вышелъ въ сербскомъ переводѣ въ фельетонѣ Загребской политической газеты «Србобран» за 1899 годъ, № 138, подъ заглавіемъ «Кирџалија», превео *Рад. М. Вуксан.* (Указаніе г-на Драганова).

XII.

А. С. ПУШКИНЪ У СЛОВѢНЦЕВЪ.

НАПИСАЛЪ

Иванъ Пріятель.

У словѣнцевъ, самаго западнаго племени южно-славянскаго, численностью не превышающаго полутора милліона, языкомъ близко подходящаго къ ихъ ближайшимъ сосѣдямъ съ востока, хорватамъ — потребность литературной дѣятельности начала являться не раньше конца XVIII и начала XIX столѣтія. Водникъ былъ ихъ первымъ поэтомъ, который, стоя подъ вліяніемъ романтическаго настроенія своего времени, занимался также собираніемъ словѣнскихъ народныхъ пѣсенъ, заботился о грамматикѣ и о составленіи словаря словѣнскаго языка. Помимо знакомства съ латинскими классиками преобладало конечно исключительное господство и вліяніе нѣмецкаго языка и литературы, но уже довольно рано обстоятельства сложились такъ, что словѣнцы стали интересоваться также русскими, ихъ языкомъ и наконецъ также ихъ литературой.

Начало XIX столѣтія съ своими Наполеоновскими войнами увеличило особенно славу Россіи. Вся Европа вздохнула свободно и съ благодарностью смотрѣла на дальній Востокъ, на могучихъ укротителей того, передъ кѣмъ трепетала цѣлая Европа. Понятно что западнымъ славянамъ было лестно, что у нихъ есть такіе могучіе братья и съ тѣхъ поръ подчеркивали свое родство съ Русскими охотнѣе и чаще. Русское могущество и сила поражали также и словѣнцевъ. Уже въ 1797 году писалъ *Водникъ* въ своихъ «Новицахъ» въ статьѣ: Povedanje od slovenskiga jezika слѣдующее: «Кто желалъ бы понять значеніе различныхъ краинскихъ именъ, долженъ знать московитарскій языкъ. Краинскій

языкъ наиболѣе подобенъ московитарскому, болѣе, чѣмъ всѣмъ другимъ славянскимъ нарѣчьямъ. Московитари много словъ сохранили, которыя нами позабыты и вышли изъ употребленія».

Еще большее воодушевленіе охватило Водника, когда онъ видѣлъ походъ русскихъ войскъ черезъ Любляну. Въ «Новицахъ» 1799 г. № 26, онъ говоритъ: «Вотъ важная для насъ краинцевъ новость! Русскіе, наши старые братья, пришли къ намъ чтобы не только посѣтить насъ, но и защитить насъ передъ непріятелемъ. Полторы тысячи лѣтъ тому назадъ первые словѣнцы пришли въ наши края. Они были изъ рода Русовъ и другихъ славянъ. Вотъ причина, почему мы такъ легко понимаемъ русскій языкъ; вѣдь они славяне и корень, изъ котораго происходятъ и наши отцы...

Теперь мы видимъ воочію, какихъ могучихъ, великихъ братьевъ мы имѣемъ на свѣтѣ. Они сохранили нашъ языкъ въ совершенной чистотѣ. Къ нимъ мы должны приближаться, когда хотимъ очищать свой языкъ».

Восхищеніе Русскими росло съ ихъ успѣхами. Съ какою радостью привѣтствовали тогда словѣнцы эти успѣхи, доказываетъ письмо священника Матвѣя Шнайдера, одного изъ позднѣйшихъ «Чебеличаревъ» (сотрудниковъ «Пчелы»), который писалъ Урбану Ярнику въ 1813 году слѣдующее: «Опьянило меня веселье, когда изъ газетъ узналъ о мужественномъ и счастливомъ боѣ московитаревъ. Сильный сѣверъ поднялся черезъ западниковъ, въ страшныя сѣти попались они убѣгая, чувствуя вострую косу сердитаго казака, палача, котораго они заслужили, цѣлыми тысячами поглащаетъ ихъ черная пропасть». («Jezičnik» XV, стр. 3).

Въ томъ же году писалъ Ярникъ Примицу въ Грацъ о французахъ и русскихъ: «Сѣверъ буйствуетъ, югъ трепещетъ и бахвалъ (хвастливый гонитель) бѣжитъ, всѣ войска его разбиты, плѣнные вкушаютъ сладость сѣвернаго неба и въ морозѣ, въ ужасѣ, въ снѣгу заучиваютъ десятую и седмую заповѣдь. Вечеръ покажетъ, каковъ былъ день, говорятъ молодцы, сѣвер-

ные славяне. Наиславнѣйшія дѣла будутъ ими совершены. Каждое начало у нихъ съ Богомъ, точно также и конецъ. Благодареніе, слава и хвала возносится Господу, который по дѣломъ вѣнчаетъ трудъ». (Тамъ-же).

Въ мирное время словѣнцы имѣли сношенія съ русскими въ 1821 году по случаю конгресса монарховъ въ Люблянѣ. *Жупанъ* и *Циглеръ* учились по-русски. Первый даже защищалъ превосходство «краинщины» передъ русскимъ языкомъ въ разговорѣ съ княземъ П. Л. (Ср. его статью: «Vorzug des Krainischen vor dem Russischen und Serbischen von einem Russen und Serben selbst anerkannt». Illyr. Blatt, 1831, № 10). Не знаю, правда, убѣдили ли доказательства Жупана русскаго князя, что «краинщина» менѣе испорченное славянское нарѣчье, чѣмъ русскій языкъ. Нынѣ намъ это кажется наивнымъ.

До 30-тыхъ годовъ русскимъ языкомъ занимались у словѣнцевъ исключительно писатели, а даже тѣ лишь настолько, насколько по словамъ Водника «приближались къ нему, когда желали очищать свой языкъ». По этому поводу учился ему также и Жупанъ. Онъ самъ занимался литературою, сочинялъ стихи, хотя сомнѣваюсь, чтобъ со своимъ знаньемъ русскаго языка онъ могъ читать современныхъ русскихъ поэтовъ.

Въ тридцатыхъ годахъ начали изучать славянскіе языки нѣсколько юношей, воодушевленныхъ общеславянской идеей въ эпоху романтизма («иллиризма»). Теперь уже это дѣлалось нѣсколько основательнѣе, хотя также преимущественно по литературнымъ причинамъ. Нужно упомянуть два кружка: въ Грацѣ былъ кружокъ молодыхъ штирійцевъ (Вразъ, Миклошичь, Трстенякъ...) въ Люблянѣ кружокъ молодыхъ богослововъ, между которыми Антонъ *Жакель* (какъ поэтъ Rodoljub Ledinski) зналъ уже на третьемъ курсѣ богословія всѣ славянскіе языки. Между краинскими «иллирцами» занимались русскимъ языкомъ особенно Жакель и Кобэ, которые учились въ карловицкой гимназіи. Кобэ описалъ (со словъ какого-то нѣмца) Русскихъ въ «Новицахъ» 1857 года. Здѣсь онъ говоритъ между прочимъ: «Вскорѣ уже

никому не покажется смѣшнымъ, когда будутъ говорить о русской образованности, о русской наукѣ и искусствѣ, о русскомъ языкѣ, точно также какъ теперь французамъ при словѣ «Allemand!» Будемъ учиться по-русски, какъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ по-англійски...».

Во второй половинѣ 30-тыхъ годовъ (въ 1837 году) умеръ Пушкинъ. Когда подумаемъ, какою выдающею поэтическою личностью былъ Пушкинъ уже при жизни и какъ сильно взволновала его неожиданная смерть общественное мнѣніе, то несомнѣнно, что и западъ узналъ о немъ очень рано. Но зналъ ли Прешеренъ, умѣвшій читать современника Пушкина, поляка Мицкевича, въ подлинникѣ, что нибудь о Пушкинѣ, неизвѣстно. Со всѣмъ неизвѣстенъ онъ у словѣнцевъ не былъ, такъ какъ Illyrisches Blatt уже годъ спустя послѣ его смерти (1838 г. № 43) напечаталъ въ нѣмецкомъ переводѣ «Deli-Bascha (Aus dem Russischen des *A. Puschkin*)» и въ томже самомъ году сообщаетъ фельетонистъ газеты, что «полное собраніе сочиненій Пушкина выходитъ въ Петербургѣ въ 7 томахъ; первые три уже поступили въ продажу. Седмой томъ будетъ содержать портретъ автора и его біографію». (Ill. Blatt, 1838 г. № 51).

Въ 1843 году Др. Янезъ *Блейвейсъ* началъ издавать въ Люблянѣ словѣнскую газету «Kmetijske in rokodelske *Novice*», въ которой принимали участіе лучшіе словѣнскіе писатели. Черезъ Новице знакомились словѣнцы также съ культурными пріобрѣтеніями и съ литературами отдѣльныхъ славянскихъ народовъ. Съ русской поэзіей, а именно съ Пушкинымъ познакомилъ читателей Новицъ вышеупомянутый Родолюбъ Лединскій, который напечаталъ въ 1852 году (№ 42) въ словѣнскомъ переводѣ Е. Ѳ. барона Розена «Проклятіе» а въ 1855 году (№ 81) первый словѣнскій переводъ изъ Пушкина, его «Стансы».

Больше Лединскій кажется не переводилъ ничего изъ Пушкина. За нимъ послѣдовалъ десять лѣтъ спустя *Веселъ*, тоже священникъ. Будучи богословомъ онъ былъ членомъ подобнаго же кружка молодыхъ людей, воодушевленныхъ славянствомъ, какимъ

былъ тотъ кружокъ 1841 года, который описываетъ Яковъ Крашна хорвату Вѣкославу Бабукичу въ своемъ письмѣ, напечатанномъ въ программѣ загребской гимназіи 1875 г.

Мало помалу у словѣнцевъ стало увеличиваться число газетъ, въ нихъ же охотно печатались переводы. Переводили изъ различныхъ литературъ, больше всего конечно изъ нѣмецкой. Знаменательно, что уже въ 1855 г. въ Новицахъ нѣкто И. Ш. взывалъ, «чтобы не переводить только съ нѣмецкаго, такъ какъ словѣнскій языкъ этимъ путемъ никогда не очистится отъ непріятныхъ германизмовъ и несловѣнскихъ оборотовъ, которые пестрятъ переводы какъ куколь рожь. Лучше было бы, если бы писатели переводили изъ другихъ славянскихъ нарѣчій, которыя болѣе развиты и имѣютъ обильную и прекрасную литературу». Къ этому редакція прибавила сожаленіе, что переводчики буквально берутъ всѣ выраженія подлинника, съ котораго переводятъ, и сочиняютъ свои предложенія такъ, какъ они составлены въ подлинникѣ.

Съ тѣхъ поръ словѣнскіе переводчики стали болѣе обращать вниманіе на славянскія литературы, прежде всего на русскую, а съ 80-тыхъ годовъ особенно много переводить изъ Пушкина, Тургенева и Толстого. Хорошимъ и усерднымъ переводчикомъ Гоголя былъ *Лавославъ Горенецъ-Подгоричанъ*. Но большинство другихъ переводчиковъ не освободилось еще отъ упрековъ, высказанныхъ редакторомъ Блейвейсомъ въ 1855 году. Послѣ этого будетъ понятно, почему Пушкинъ остался у словѣнцевъ совершенно безъ вліянія. Между словѣнскими переводами весьма мало такихъ, которые можно бы читать съ удовольствіемъ и наслажденіемъ. Нынче конечно многіе устарѣли, но даже въ свое время большинство ихъ не стояло на высотѣ современнаго развитія словѣнской литературы. Это происходило во-первыхъ оттого, что переводили въ большинствѣ случаевъ для упражненія. Кому понравился русскій языкъ, тотъ присѣлъ и затвердилъ нѣсколько параграфовъ изъ любой грамматики. Для того-же упражненія въ языкѣ онъ попытался также что нибудь перевести. Такимъ обра-

зомъ возникли между прочимъ переводы Пушкинскихъ новеллъ, которые представляютъ собою только школьныя упражненія.

Если же спросить, почему у словѣнцевъ и послѣ оказалось такъ мало хорошихъ переводчиковъ, то найдемъ и другую причину, почему Пушкинъ не могъ оказать вліянія на словѣнскую литературу. У насъ и понынѣ не понимаютъ значенія переводовъ. Хорошимъ переводчикамъ казалось, что жаль тратить драгоцѣнное время на переводы, назначенные для газетныхъ фельетоновъ, которые забрасываются, когда ихъ прочтутъ. Они знали, что и наилучшія произведенія теряютъ въ фельетонахъ свое значеніе.

Съ тѣхъ поръ какъ Стритаръ исключилъ изъ своего «Звона»[1]) всякіе переводы, наше общество потеряло смыслъ для чужихъ произведеній на родномъ языкѣ. Конечно Стритаръ имѣлъ при этомъ самыя лучшія намѣренія, желая чтобъ словѣнцы создали свою собственную литературу, но онъ долженъ былъ знать, что и писателемъ безъ наставниковъ никто не можетъ сдѣлаться. И такъ наши учащіеся писатели, не зная другихъ языковъ такъ основательно какъ нѣмецкій, читали даже славянскія произведенія по большей части въ нѣмецкихъ переводахъ.

А это не принесло пользы нашей литературѣ ни тогда а не приноситъ ей и теперь.

Первый словѣнскій переводъ изъ Пушкина появился въ 1855 году. Родолюбъ Лединскій перевелъ въ Новицахъ за 1855 г. (№ 81) Пушкинскіе «стансы», назвавъ ихъ по словѣнски: «Misli in žêlja». Приводимъ для образца первую и послѣднюю строфу:

Naj hodim že po ul'cah šumnih,
Naj idem v mnogoljudni hram,
Al naj sedim sred družb brezumnih,
Le lastnim mislim se rad vdam,
— — — — —

1) Dunajski Zvon выходилъ подъ редакціею Стритара начиная съ 1860 г., второй годъ изданія былъ 1876, шестой и послѣдній 1880 г.

Jn de kraj groboviga vhoda
Življenje mlado mi igrá;
De ravnodušna me priroda
S cvetenjem svojim osipljá.

По строгому хронологическому порядку надо бы считать переводъ «Кавказа», напечатанный въ маленькомъ словѣнскомъ ежемѣсячникѣ «Slovenski Glasnik» за 1865 годъ (№ 16) вторымъ переводомъ. Переводчикомъ былъ *Иванъ Веселъ*, съ литературнымъ псевдонимомъ *Веснинъ*. Авторъ скончался въ прошломъ (1900) году. Говорятъ, что у него кромѣ напечатанныхъ переводовъ изъ Пушкина, о которыхъ рѣчь впереди, еще кое-что осталось въ рукописяхъ. Но по другимъ соображеніямъ позволено утверждать, что раньше Ивана Весела-Веснина, другой словѣнскій писатель и поэтъ обратилъ свои взоры на поэзію Пушкина. Это былъ *Йованъ Веселъ-Косески*, годами гораздо старше упомянутаго Весела и давно уже скончавшійся (въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ). Переводы его изъ Пушкина вышли, правда, только въ 1870 году, въ изданіи собранныхъ его сочиненій, напечатанныхъ на счетъ общества «Matica slovenska» подъ заглавіемъ «Razne dela pesniške in igrokazne Jovana Vesela Koseskiga» (v Ljubljani 1870); но въ рукописи они могли существовать гораздо раньше. Въ изданіи къ сожалѣнію годы не отмѣчены. Переводы Косескаго въ словѣнской литературѣ цѣнятся очень не высоко, автора причисляютъ къ представителямъ старшаго поколѣнія, закончившаго свою дѣятельность уже въ шестидесятыхъ годахъ, когда словѣнскій языкъ и маленькая литература только что начали пріобрѣтать нѣкоторое общественное значеніе. Косески перевелъ изъ Пушкина слѣдующія стихотворенія, попавшія въ вышеупомянутое изданіе: «Ribič in zlata riba» (Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ) на стр. 125—133, «Kavkazki vjetnik» (Кавказскій плѣнникъ) на стр. 133—152, «Mertva carevna in sedmero vitezov» (Сказка о мертвой царевнѣ и о семи богатыряхъ) на стр. 152—169, «Bakčisarajski vodomet» (Бахчисарай-

скій фонтанъ) на стр. 169—188, «Car Saltan in knez Gvidon» (О царѣ Салтанѣ) на стр. 188—222.

Противъ этого выбора нельзя возражать. Переводъ сказокъ могъ бы какъ разъ пригодиться для тогдашней читающей публики словѣнской, т. е. преимущественно простого народа. Только у Косескаго недоставало для этого двухъ необходимыхъ условій: достаточнаго пониманія прелестнаго русскаго подлинника и умѣнія передать русскій текстъ удачнымъ, легкимъ словѣнскимъ переводомъ, который напоминалъ бы читателю знакомые ему обороты родныхъ словѣнскихъ пѣсенъ и сказокъ. Въ этомъ отношеніи нельзя, къ сожалѣнію, назвать попытку Косескаго удачной, напротивъ можно и должно жалѣть, что хрупкія и нѣжныя издѣлія русскаго поэта не нашли болѣе умѣлаго переводчика, что они въ переводѣ Косескаго потеряли всю прелесть. Косески не былъ достаточно знакомъ съ словѣнскимъ простонароднымъ языкомъ, онъ не умѣлъ даже правильно выражаться. Переводы его — переводилъ же онъ также изъ Шамиссо и Уланда — выходили всегда очень тяжеловѣсны и растянуты, безъ подлинниковъ иногда даже трудно понимаемы. Вотъ напримѣръ слова русскаго поэта:

Восхищенья не снесла
И къ обѣднѣ умерла

растянуты въ переводѣ такъ:

Tak jo to razveselí
De mu koj nasprot hití.
Pa ta stres je preobilen,
Nepričakan, clo presilen,
Premektá preveč jo vse,
In k obedni mrtva je (стр. 152).

Иногда переводчикъ не довольствовался естественною простотою подлинника, а передалъ слова русскаго поэта искусственнѣе. Такъ напр. Пушкинъ говоритъ:

Годъ прошелъ какъ сонъ пустой,
Царь женился на другой,

Косески же переводитъ:

Leto stcče, kakor sanj,
Spet ljubezen plane nanj.

Когда переводчикъ изъ 14 стиховъ Пушкина сдѣлалъ въ переводѣ 30, то не удивительно, что цѣлая сказка у него вышла 220 стихами длиннѣе подлинника, въ родѣ слѣдующаго разглагольствованія. У Пушкина:

Бѣлолица, черноброва,
Нрава кроткаго такова;

а у Косескаго:

Po lepoti je slovela,
Po razumu glas imela,
Bivši serca rahla vsa
Pa prevdarka bistriga.
Belolična, černooka,
Krasna hči plemen istoka,
Vsiga znanstva mik in slast,
Tudi možkim — hlopna past.

Отсутствіе вкуса обличаютъ у переводчика слѣдующія слова:

Pred zerkalcem lice lišpa,
Svilne oblačila *krišpa*

или:

Ti si lepa, krasne *baže*...

или:

To trdi le glupi trap,
Potepuh, nemarni cap...

Конецъ сказки у Пушкина выраженъ такъ:

Я тамъ былъ, медъ, пиво пилъ,
Да усы лишь обмочилъ.

Словѣнскія сказки любятъ заканчивать такъ: «Tudi jaz sem bil zraven in dobil sem iz naprstnika jesti in iz rešeta piti». Но Косески передѣлалъ конецъ по своему, довольно грубо:

«Tudi jaz sem zraven bil,
Mnogo vina u gerlo zlil».

Косески не раздѣлялъ взгляда Пушкина, что стихъ можетъ пріятно дѣйствовать и безъ риѳмы, поэтому онъ затянулъ «Сказку о рыбакѣ и рыбкѣ» въ риѳмы. Этимъ испорчена легкость разсказа, столь естественно подражающая у Пушкина характеру народной сказки.

Несравненно лучше удались переводы изъ Пушкина прежде упомянутому словѣнскому переводчику Веселу-Веснину. Кромѣ «Кавказа» онъ перевелъ и напечаталъ въ изданіи Матицы словѣнской «Letopis» за 1870 годъ слѣдующія пѣсни:

a) Obrekovalcem Ruske (Клеветникамъ Россіи).
b) Prerok (Пророкъ).
c) Morju (Морю).
d) Gvadalkvivir (Испанскій романсъ).
e) Gruzinska pesen («Не пой красавица при мнѣ»).
f) Elegija («Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье»).

Вмѣстѣ съ переводами изъ Лермонтова, Хомякова и князя Вяземскаго это собраніе озаглавлено: Severni cveti.

Нѣсколько лѣтъ спустя онъ же напечаталъ въ журналѣ «Zora», который издавался въ Марбургѣ (въ Штиріи), за 1873 годъ слѣдующіе переводы изъ Пушкина:

a) Krokarja («Воронъ къ ворону летитъ»).
b) Zimski večer (Зимній вечеръ).
c) Besi (Бѣсы).
d) Črna megla (Туча?).

Про Весела-Веселина можно безъ преувеличенія сказать, что онъ первый открылъ словѣнцамъ Пушкина. Никто не былъ лучше его подготовленъ для того, чтобы дать имъ въ переводѣ на ихъ языкѣ понятіе о красотѣ Пушкинской поэзіи. Веселъ выучился въ достаточной мѣрѣ русскому языку; онъ былъ въ состояніи понимать разныя тонкости подлинника, у него былъ порядочный поэтическій талантъ и много вкуса. Правда, онъ не располагалъ дарованіемъ самостоятельнаго творчества, но зато сдѣлался переводчикомъ очень счастливымъ и умѣлымъ, котораго до сихъ поръ въ словѣнской литературѣ никто не затмилъ. Въ 1865 году, какъ сказано выше, появился въ печати его переводъ «Кавказа». Стремясь къ очень близкому подражанію подлинника, переводчикъ впалъ въ ошибку, что словѣнская рѣчь его не течетъ еще совсѣмъ гладко; иногда переводъ въ мѣткости выраженія значительно уступаетъ подлиннику, или же гоняясь за буквальной передачей становится неестественнымъ. Напр.:

«Орелъ съ отдаленной поднявшись вершины
Паритъ неподвижно со мной наравнѣ»

переведено слишкомъ буквально такъ:

«Le orel, ki dvignil se z daljne veršine,
Z menoj nepremično naravnost se stavi»;

здѣсь оборотъ «naravnost se stavi» не подходитъ. Замѣтимъ еще, что въ переводѣ не выдержаны риѳмы пушкинскія.

Первое собраніе его переводовъ, изданное въ 1870 году, вполнѣ удовлетворяетъ правильностью языка и легкостью стиховъ. Пѣснь «Клеветникамъ Россіи» удалась переводчику какъ нельзя лучше. Переводъ производитъ вѣрное впечатлѣніе подлинника, несмотря на нѣкоторыя отступленія, какъ напр. «Домашній старый споръ, ужъ взвѣшенный судьбою» — въ переводѣ только: «Domača svaja, ki od starih let ostaja», или:

Кто устоитъ въ неравномъ спорѣ?
Кичливый ляхъ, иль вѣрный россъ?

Славянскіе-ль ручьи сольются въ русскомъ морѣ?
Оно-ль изсякнетъ? — Вотъ вопросъ!

Въ переводѣ не вполнѣ удовлетворительно:

Kdo zmaga v vednem tem razpori?
Al zvesti Rus? ošabni Leh?
Slovanske reke če zlijo se v ruskem morji,
Mar bo vsahnilo v zdanjih dnéh?

Нѣкоторыя слова поставлены и въ этомъ переводѣ по внѣшнему созвучію, напр. «гроза» переведено «groza», хотя значеніе обоихъ словъ не совпадаетъ, или же «мы не признали наглой воли» въ переводѣ: «priznali nismo tak *hiteči*», гдѣ «hiteči» передаетъ не русское, а словѣнское значеніе прилагательнаго «nagli».

Какъ образецъ прекрасной передачи подлинника приведемъ эти стихи:

Pustite nas; vi niste brali
Kar divji boji so pisali;
Razumu vašemu odprt
Ni ta mejsobni, strašni črt!
Vam néma Kremelj sta in Praga,
Brezumno zapeljuje vas
Brezupne borbe kri predraga,
In v srcu bije črt do nas».

Переводъ «Пророка» тоже вышелъ очень удачно, иныя мѣста соперничаютъ съ красотою стиховъ русскихъ, хотя то или другое выраженіе надо было передать описательно, напр.

И вырвалъ грѣшный мой языкъ,
И празднословный и лукавый

въ переводѣ сказано:

In grešni jezik mi izdrl,
Ki je govoril tak lokavo.

Или:

И сердце трепетное вынулъ

въ переводѣ:

«Srce jim vzel, *ki* v njih trepeče».

Начало перевода «Къ морю» вышло прекрасно:

Svobodno morje, bodi zdravo!
Posljednjič pred menoj vališ
Valovje grozno, temnoplavo,
V ponosu krasnem mi bleščiš.

Или:

Kak ljubil tvoje sem odmeve,
Te votle zvuke, brezdna glas,
Prešerne vetriča odpeve,
Tihotni mir v večerni čas!

Но во второй половинѣ переводчикъ опустилъ крылья, напр. стихи

Ты ждалъ, ты звалъ... я былъ окованъ,
Вотще рвалась душа моя.
Могучей страстью очарованъ
У береговъ остался я

переведены очень вяло:

In čakal si... bil sem okóvan,
Moj duh je še drugod *se gnal*(!):
Z mogočno strastjo očarovan
Na bregu milem sem ostal.

Предпослѣдняя строфа въ переводѣ пропущена.

Прекрасно переведены также «Испанскій Романсъ» (начало: Lehak zefir, Pihlja nemir, Šumi, Beži, Guadalkvivir) и стихи: «Не пой красавица при мнѣ» (у переводчика подъ заглавіемъ: «Gruzinska pesen») со слѣдующимъ началомъ:

Ne poj mi, ljuba, oj ne poj
Gruzinske pesmi tožnožalne:
Spominja mil napev me tvoj
Na prejšnji čas in brege daljne.

Во второмъ собраніи переводовъ, изданномъ въ 1873 году, замѣтна одинаковая заботливость и одинаковое умѣніе передать вѣрно прежде всего мысли русскаго поэта, но во внѣшней формѣ, въ пластичности языка, кажется, эти переводы нѣсколько уступаютъ предыдущимъ. Напр. «Два ворона» («Krokarja») не такъ хорошо вышли, какъ «Испанскій романсъ». Въ переводѣ «Зимняго вечера», рядомъ съ легкими, гладкими стихами попадается нѣсколько очень тяжелыхъ. Въ «Бѣсахъ» въ стихѣ третьемъ «mrak» должно быть опечатка вм. «sneg», въ стихѣ 24 «prgral» — руссицизмъ; выраженію «поневолѣ» не соотвѣтствуетъ слишкомъ близкій переводъ «ne po moji volji».

Вообще должно жалѣть, что переводы Весела, спрятанные въ журналахъ, отчасти теперь уже мало доступныхъ, не вышли отдѣльной книжкой. Маленькая «антологія» переводовъ Весела изъ русскихъ поэтовъ — говорятъ, что у него имѣлось еще въ переводѣ изъ Пушкина: Утопленникъ (Utopljenec), Памятникъ (Spomenik), 26. 3. 1828, Ангелъ (Angelj), Черная шаль (Črna šal), Овидію (Ovidiju), Роза (Roža), Цвѣтокъ (Cvetka) — оказала бы и теперь еще не малую услугу небогатой хорошими переводами словѣнской литературѣ.

Въ 1870 году, пока еще политическая газета словѣнцевъ «Slovenski narod» выходила въ Марбургѣ (въ Штиріи), въ фельетонѣ ея перевелъ *J. Юрчичъ* «Дубровскаго». Переводъ простой, легкій, свободный. Конечно многія тонкости подлинника въ передачѣ на словѣнскій языкъ исчезли безслѣдно, переводчикъ познакомилъ своихъ читателей не столько съ особенностями пушкинскаго изложенія, сколько съ содержаніемъ его повѣсти.

Др. Янезъ *Менцингеръ*, занимавшійся въ молодые годы изученіемъ русскаго языка, пока онъ былъ въ адвокатской канце-

ляріи д-ра Разлага, перевелъ нѣсколько пѣсенъ изъ Пушкина. Онѣ попали безъ вѣдома автора въ руки д-ра Разлага, который часть ихъ напечаталъ въ книжкѣ своей «Pesmarica» (Любляна. 1873). Лучшимъ переводомъ были стихи «Клеветникамъ Россіи», только текстъ напечатанъ довольно небрежно, не безъ ошибокъ (напр. plamen вм. plemen, obal вм. skal), два стиха (13 и 14) пропущены, должно быть по желанію цензуры, испугавшейся словъ поэта: «Славянскіе-ль ручьи сольются въ русскомъ морѣ? Оно-ль изсякнетъ? Вотъ вопросъ». Но вѣдь въ 1870 году, въ переводѣ Весела, тѣ же стихи могли явиться въ печати!

Въ сравненіи съ переводомъ Весела эта новая попытка, кажется, уступаетъ первой. Приведемъ въ доказательство маленькую параллель. Стихи Пушкина:

О чемъ шумите вы, народные витіи?
Зачѣмъ анаоемой грозите вы Россіи?
Что возмутило васъ? Волненія Литвы?
Оставьте: это споръ славянъ между собою,
Домашній, старый споръ, ужъ взвѣшенный судьбою;
Вопросъ, котораго не разрѣшите вы.

переведены у Весела такъ:

Zakaj, govorniki, hrumite in pretite?
Kaj sveti ruski zemlji zdaj tako grozite?
Kaj je zmotilo vas? al poljski vpori mar?
Pustite: to medsobna je slovanska svaja,
Domača svaja, ki od starih let ostaja;
Te razprtije ne razrešite nikdar.

а у Менцингера такъ:

Zakaj vi, narodov besedniki, kričite?
Čemu s prokletjem sveti Rusiji grozite?
Kaj vas je premotilo? Vstaja Litve mar?
Mirujte: to domač med Slave je narodi

In star prepir, uže pretehtan po osodi,
Prašanje, ki ga vi ne rešite nikdar.

Въ 1874 г. вышли въ журналѣ «Zora», въ переводѣ *М. Плетершника* «Voz življenja» (Телѣга жизни) на стр. 209 и «Prerojenje» (Возрожденіе) ib. Послѣдній переводъ лучше перваго. Гоняясь за буквальностью, переводчикъ лишилъ свой словѣнскій языкъ простого движенія.

Въ 1875 году «Slovenski Narod» принесъ переводъ одной изъ повѣстей Бѣлкина, а именно «Gospica kmetica» (Барышня-крестьянка) № 63 и слѣд. Переводчикомъ былъ Ф. М. Штифтарь. Но та же повѣсть вышла еще разъ въ словѣнскомъ переводѣ отъ И. Пинтаря подъ заглавіемъ «Bojarska hči kot kmetska dekle», въ той же газетѣ за 1883 годъ, №№ 5—9. Первый переводъ, плодъ личныхъ занятій автора изученіемъ русскаго языка, выдаетъ человѣка не освоившагося еще со всѣми особенностями подлиннаго текста. Этимъ объясняется не только буквальность перевода, но также множество русскихъ словъ, оставленныхъ не переведенными.

Гораздо проворнѣе отнесся къ своей задачѣ второй переводчикъ, сдѣлавшій переводъ на скорую руку, въ качествѣ опытнаго журналиста, который не дорожитъ передачею каждаго отдѣльнаго слова, довольствуясь только общимъ впечатлѣніемъ. Легкое отношеніе къ дѣлу, предназначенному для любителей бѣглаго газетнаго чтенія, характеризуетъ этотъ второй переводъ. Въ языкѣ и стилѣ Пинтаря выходитъ наружу казенщина восьмидесятыхъ годовъ. Объяснимъ это примѣрами. Пушкинъ: «Онъ былъ женатъ на бѣдной дворянкѣ, которая умерла въ родахъ въ то время, какъ онъ находился въ отъѣзжемъ полѣ». Штифтарь перевелъ: «Oženil se je z ubogo plemenitaško, katera mu je na porodu umrla, ko je on bil na oddaljenem polji svojega posestva», Пинтарь же такъ: «Oženil se je. Njegova soproga je bila plemenitega rodu ali zelo uboţna. Umrla je bila na porodu, ko ravno njeńega moža ni bilo doma; odšel je bil na neko oddaljeno pose-

stvo». — Или же другой примѣръ: «со всѣмъ тѣмъ почитался человѣкомъ неглупымъ, ибо первый изъ помѣщиковъ своей губерніи догадался заложить имѣніе въ опекунскій совѣтъ — оборотъ, казавшійся въ то время чрезвычайно сложнымъ и смѣлымъ». У Штифтаря это переведено такъ: «Pri vsem tem spoštovali so ga za človeka ne neumnega, kajti on se je prvi odločil založiti svoje imenje v oskrbniški sovet — promet, kazajoč se tedaj nenavadno modrega in smelega», у Пинтаря же слѣдующимъ образомъ: «Vendar ga ni imel nikdo za bedaka, kajti bil je prvi pomeščck v guberniji, ki je zastavil svoje posestvo pri opekunskem sudu, kar bilo je takrat jako težavno in predrzno».

Пинтарь не заботится много о подборѣ словъ съ точно подходящимъ значеніемъ. Штифтарь же боится малѣйшаго отступленія отъ подлинника, оттого у него много русскихъ словъ: владаніе (posestvo) у него: «vladanje», бѣситься (jeziti se) у него: «besiti se», мѣдникъ (kotlar) у него: «mednik», красавица (lepotica или «lepa ženska») у него: «krasavica», достоинство (vrednost, čast) у него: «dostojinstvo», брови (obrvi) у него: «brvi» (но «brv» въ словѣнскомъ значитъ бревно), трудно (težavno) у него: «trudno», встрѣча (srečanje) у него: «vstreča», разсѣянный (razmišljeni, raztreseni) у него: «razsejani». Невѣрно, хотя на видъ очень точно переведенъ огородъ словѣнскимъ «ograd» и т. д. Другія неточности заключаются въ слѣдующихъ переводахъ: разоряться: «napravljati se» (и у Пинтаря неточно «zapravljati»), рѣзвость: «ljubosumnost», нараспѣвъ говорить: «počasi govoriti» (скорѣе «zategnjeno, pevajoče govoriti»), рисоваться на конѣ: «pretegovati se na konju» и т. д. Пока Штифтарь осторожно, такъ сказать съ оглядкой, примѣряетъ отдѣльныя слова къ подлиннику, Пинтарь беретъ и даетъ однимъ взмахомъ. Пушкинъ пишетъ: «было бы жаль, если бы онъ вмѣсто того, чтобъ рисоваться на конѣ, провелъ свою молодость согнувшись надъ канцелярскими бумагами» — у Пинтаря это сказано: «bilo bi škoda, ako bi mogel (sic!) sedeti mesto na konji pri aktih v pisarnicah». Пушкинъ: «но всѣхъ болѣе занята была имъ дочь англомана моего Лиза», у

Пинтаря: «Posebno Liza bi ga bila rada poznala». Переводчикъ обходился свободно, чтобы не сказать произвольно, съ подлинникомъ, пропуская иногда даже существенныя части разсказа. Напр. у него пропущенъ разсказъ о томъ, какъ Лиза готовилась, чтобы играть роль деревенской дѣвушки. Всѣ подробности туалета или обѣда у него вычеркнуты. Такимъ образомъ онъ передалъ Пушкина въ извлеченіи, пропустивъ всѣ тѣ мѣста, гдѣ надо было заглядывать въ словарь, чтобы перевести точно.

Пинтарь перевелъ также «Выстрѣлъ»: Strel (Slov. Narod 1883, № 1—4). И здѣсь видны тѣ же пріемы легкаго отношенія къ предмету при безспорной талантливости. Что ему казалось не очень важнымъ, онъ не задумывался вычеркивать изъ своего перевода или же передѣлывать на свой ладъ, напр.: «мы собирались другъ у друга, гдѣ кромѣ своихъ мундировъ не видали ничего» переведено такъ: «Tičali smo vedno v svojih stanovanjih — in k nam ni zahajal nikdo brez uniforme»! У Пушкина: «Если бъ онъ вызвался пулей сбить грушу съ фуражки кого бъ то ни было, никто бъ въ нашемъ полку не усомнился подставить ему своей головы», въ переводѣ: «V streljanji bil je tako izurjen, da ti je sbil s kroglo jabolko raz glavo»! У Пушкина разговоръ идетъ «о скорой ваканціи», у переводчика «razgovarjali smo se o tem, kaj se je danes zgodilo». У Пушкина: «побоялся я сдѣлаться пьяницею съ горя, т. е. самымъ горькимъ пьяницею», въ переводѣ: «tudi sem se bal, da bi ne postal pijanec, *kakoršnih* bilo je mnogo v tem kraji»!

Лучшимъ переводомъ Пинтаря изъ Пушкина можно назвать его, въ 1884 году изъ газеты «Slovenski Narod» за 1883 годъ №№ 250—276 отдѣльнымъ изданіемъ отпечатанный, переводъ «Дубровскаго». Здѣсь замѣтно нѣсколько больше вниманія къ подлиннику, менѣе пропусковъ, хотя безъ нихъ и здѣсь не обошлось. Напр. слова «прикажи государь — съ судомъ мы управимся» въ переводѣ не существуютъ; въ предложеніи «прикажите постлать намъ хоть сѣна въ гостиной» пропущено слово «сѣно». Въ особенности разныя нарѣчія русскаго подлинника въ

переводѣ вычеркиваются безъ милосердія, напр. глаза его *неподвижно* остановились... Дубровскій *сухо* отвѣчалъ... подчеркнутыхъ прилагательныхъ въ переводѣ нѣтъ. На недоразумѣніяхъ, вызванныхъ тожествомъ словъ, словѣнскихъ и русскихъ, при различіи значеній не будемъ останавливаться, скажемъ только, что вообще языкъ этого перевода хорошъ.

Словѣнскій филологъ и поэтъ *Фр. Левстикъ* перевелъ только «Шотландскую пѣсню» въ журналѣ «Ljubljanski Zvon» за 1883 г., стр. 544, подъ заглавіемъ: «Dva vrana» — переводъ образцовый, заставляющій жалѣть, что переводчикъ ограничился этой одной попыткой. Приведемъ его цѣликомъ:

K vranu črni vran leti,
Vranu črni vran kriči:
Vran! Kje najdeva kosilo?
Kje kosilo in gostilo?
Vranu odgovarja vran:
Kosil bodeš ves ta dan;
V čistem polju pri rakiti
Gospodar ubit leži ti!
Kdo ubil, zakaj, kako?
Sokol njega vé samo,
Črni konjic vé iz grada,
Vé gospa njegova mlada.
Sokol zletel v gaj vesel,
Konj morilca na se vzel;
Živega gospa junaka
Mrtvega doma ne čaka».

«Капитанская дочка» вышла въ словѣнскомъ переводѣ въ 1883 году, въ фельетонѣ газеты «Slovenski Narod» №№ 84—110, переводчикомъ подписался нѣкто —r, но это не Пинтарь. Пріемы не тѣ же, нѣтъ той же легкости и того же легкомыслія. Переводчикъ старался быть аккуратенъ, близокъ выраженіями къ подлиннику, иногда даже въ ущербъ смыслу. Напр. слово по-

роша въ изреченіи «вишь какъ онъ (вѣтеръ) сметаетъ порошу» переведено неудачно: «glej, kako pometa *prah*», или: «снѣгъ такъ и валилъ»: «sneg se je *tako* valil»; не слѣдовало «мужичка» перевести «možiček» (вм. kmetič), или «все равно»: «vse ravno» (вмѣсто vendar, vse eno), «полати» не то, что «polica» (русск. полка). Не хорошо сказано «gobec» для русскаго слова «хричъ», или «прервать»: «zadreti se», или «обобрать»: «odreti». Совсѣмъ невпопадъ «полно врать» переведено: «kaj še, vrag»? Трудно переводимыя русскія поговорки — опущены.

Журналъ «Slovan» рядомъ съ другими переводами изъ славянскихъ литературъ далъ въ 1886 году на стр. 213 «Pesem iz A. S. Puškina (Elegija)» — переводъ F. G. Неизвѣстный переводчикъ не сумѣлъ передать стихи русскаго подлинника, какъ слѣдовало бы.

«Пиковая дама» переведена по словѣнски два раза. Въ 1888 г. вышелъ переводъ F. H. въ газетѣ «Edinost» №№ 37—47, подъ заглавіемъ «Pikova dama»; въ 1891 году перевелъ ее З. Доклеръ (Z. Dokler) въ газетѣ «Slovenski Narod» подъ заглавіемъ «Pik dama». Оба переводчика какъ будто изучали тогда только русскій языкъ и въ видѣ практическаго упражненія взялись переводить. Но такія упражненія обыкновенно не годятся для печати! Дѣйствительно эти переводы не стоятъ ни малѣйшей похвалы. Не говоря уже о неточностяхъ въ передачѣ русскаго текста, они изобилуютъ лишними руссицизмами какъ въ отдѣльныхъ выраженіяхъ, такъ въ фразеологіи, напр. объясненіе: «objasnjenije», неуваженіе: «neuvaženje», удвоить вниманіе: «udvojiti pazljivost», шалость: «šalost», дружба: «družba», кстати: «kstati», наглыхъ и холодныхъ невѣстъ: «naglih in hladnih nevest», около которыхъ они увивались: «okolo katerih so se uvijali» и т. д.! Приводимые примѣры заимствованы изъ перевода F. H., но и второй переводъ нисколько не лучше, если не хуже, напр. «онъ меня увѣрялъ честью» въ переводѣ: «kaj je on meni *često* tvrdil»! или «мы вмѣстѣ были пожалованы въ фрейлины»: «me dve sve bile zajedno *obdarovani* (!) od dvornice»! Въ подлинникѣ рѣчь о

романѣ «гдѣ бы не было утопленныхъ тѣлъ», въ переводѣ сказано: «kjer ne bo govor *o pijancih*»! У Пушкина: «сиди здѣсь, раскрой-ка первый томъ, читай вслухъ», въ переводѣ: «Sedi in čitaj *naslov* knjige»! У Пушкина: «графиня была... женщина избалованная свѣтомъ», въ переводѣ: «Grofica je bila... žena *v prepiru* s svetom». У Пушкина: «потомъ уже никто ею не занимался», въ переводѣ: «potem pa jo nihče ni več zanimal»! Эти цвѣтки убраны на первыхъ страницахъ перевода.

Извѣстный словѣнскій поэтъ *Ашкерцъ* перевелъ и въ популярномъ изданіи «Slovenske večernice» за 1889 годъ (на стр. 66 и слѣд.) напечаталъ «O ribiču in zlati ribici». Переводъ удался словѣнскому поэту очень хорошо. Онъ сумѣлъ попасть въ тонъ подлинника, при томъ стихи его идутъ плавно, отличаются естественною простотою сказки. Ашкерцъ превосходный знатокъ словѣнскаго простонароднаго языка, этимъ онъ и воспользовался въ передачѣ русской сказки по словѣнски. Приведемъ для образца отрывокъ:

Pa gre mož spet k sinjemu morju:
Glej rahlo valovje se ziblje.
On začne klicati ribico zlato;
Priplava mu ribica in ga vpraša:
«Česa pa rad bi, o starček?»
Poklanja ji starček se, pravi:
«Usmili se me, gospa ribka!
Okregala mene je starka moja,
Ne daje mi starcu pokoja:
Korito imeti če novo,
Ker staro je čisto razklano».
Odgovarja ribica mu zlata:
«Ne žaluj, samo hodi mi z Bogom!
Dobita mi novo korito!»

Хорошо переводить стихи, конечно, задача очень трудная. Многіе добросовѣстные переводы, отличающіеся близостью къ

словамъ подлинника, теряютъ на переводномъ языкѣ всю или большую часть той гармоніи, той прелести, которою отличается подлинникъ. Въ такомъ случаѣ цѣль перевода вовсе не достигнута. Главное условіе для удачнаго перевода заключается въ томъ, чтобы переводчикъ чувствовалъ всѣ достоинства подлинника какъ произведенія изящной литературы и проникнувшись ими старался воспроизвести одинаковыя впечатлѣнія своимъ переводомъ.

Ашкерцъ повидимому хорошо сознавалъ это условіе и старался удовлетворить ему. Точно такъ онъ вѣрно поступилъ, препроводя свой переводъ сказки въ общество «Družba sv. Mohorja», задавшееся благородною цѣлью издавать книжки для народа. Такимъ путемъ переводъ Ашкерца нашелъ самое большое число читателей изъ словѣнскаго простонародья, которому, должно быть, трудъ его былъ по вкусу.

Въ 1890 году вышелъ въ часто упоминаемой газетѣ «Slovenski Narod» переводъ «Исторіи Пугачевскаго бунта» подъ заглавіемъ «Zgodovina Pugačovljevega punta», №№ 33—79. Переводчикъ, нѣкто -o, судя по труду его, принадлежитъ къ очень ограниченному у словѣнцевъ числу хорошихъ знатоковъ русскаго языка и въ то же время онъ мастеръ историческаго изложенія по словѣнски, имѣя этотъ языкъ вполнѣ въ своей власти. Однакожъ съ нѣкоторыми оборотами его словѣнской рѣчи можно не соглашаться въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ слишкомъ поддается вліянію русской фразеологіи; но повидимому это сдѣлано имъ нарочно. Дѣйствительно словѣнская фразеологія стояла слишкомъ долго подъ исключительнымъ вліяніемъ нѣмецкимъ; отчего бы не попытаться ввести въ словѣнскій стиль тотъ или другой оборотъ изъ русской рѣчи въ противовѣсъ многочисленнымъ германизмамъ? Вѣдь одними простонародными оборотами не можетъ обойтись ни одинъ языкъ, имѣющій притязаніе быть органомъ литературы. Часть попытокъ подобнаго рода, конечно, будетъ отвергнута, но иныя фразы все же быть можетъ привьются.

Въ изданіи озаглавленномъ «Slovanska knjižnica», въ выпу-

скѣ 15-мъ вышелъ переводъ «Гробовщика», подъ заглавіемъ «Rakvar», сдѣланный J. K—j (Когей). Переводъ легкій и правильный, хотя и здѣсь противъ нѣкоторыхъ выраженій можно бы возражать.

Въ томъ же изданіи «Slovanska knjižnica» вышелъ какъ выпускъ 55 и 56 еще переводъ «Капитанской дочери», подъ заглавіемъ «Kapitanova hči». Переводчикомъ значится Семенъ Семеновичъ, псевдонимъ Ивана Пріятеля. Во время появленія перевода словѣнская критика отозвалась о немъ очень благосклонно.

Въ новѣйшее время сталъ заниматься переводами изъ русской литературы словѣнскій поэтъ *Медвѣдъ* (Medved). Этому можно только порадоваться, знакомство съ богатой литературой русской должно очень выгодно отразиться на его собственномъ творчествѣ, если онъ сумѣетъ оцѣнить изумительно богатую наблюдательность русскихъ писателей и вѣрность ихъ изображеній. Изъ Пушкина переведены имъ «Талисманъ» и «Черная шаль» (Talizman, Črni šal), то и другое въ журналѣ «Slovenka» за 1898 г., на стр. 499 и 532. Эти попытки не вполнѣ удовлетворяютъ, отъ поэта въ родѣ Медвѣда, имѣющаго технику словѣнскаго стиха въ своей власти, можно бы ожидать лучшаго, болѣе цѣльнаго.

Существуютъ въ словѣнской литературѣ еще нѣкоторые переводы изъ Пушкина, преслѣдующія постороннія цѣли, какъ напр. водвореніе у словѣнцевъ кирилловскаго письма и чтенія кириллицей напечатанныхъ словѣнскихъ текстовъ, или же сближеніе словѣнскаго языка съ русскимъ въ видѣ безвкусной смѣси. Этимъ попыткамъ никто не будетъ придавать значенія, кто знакомъ съ реальными условіями жизни. Къ числу такихъ переводовъ принадлежатъ напечатанные въ журналѣ «Slovanski Svet» тексты Ламурскаго (псевдонимъ, настоящая фамилія автора Матѳ. Андр. Трновецъ): «Črna šal» (въ 1891 году), «Rusalka», «Šotlandska pesen», «Kavkaški vjetnik», «Čerkeška pesen (въ 1892 году) и «Pesen o veščem Olegu» М. Хостника (въ 1895 году).

Больше значенія для словѣнской литературы имѣютъ нѣкоторыя статьи, задавшіяся цѣлью познакомить свою публику съ біографіею и историко-литературнымъ значеніемъ русскаго поэта.

Словѣнскіе переводы изъ Пушкина.

Библіографическая таблица.

Misli in želja. (Po Puškinu Rodoljub Ledinski). Novice, 1885, № 89.

Kavkaz. (Po A. Puškinu I. Vesel). Slov. Glasnik, 1865, № 16.

Severni cveti. Ivan Vesel. Letopis Mat. Slov. 1870:

a) Obrekovalcem Ruske, стр. 163.
b) Prerok, стр. 164.
c) Morju, стр. 165.
d) Gvadalkvivir, стр. 167.
e) Gruzinska pesen, стр. 167.
f) Elegija, 168.

Rusko-Puškinovih petero. Jovan Vesel-Koseski. Razne dela, Ljubljana, 1870:

a) Ribič in zlata riba, стр. 125—133.
b) Kavkazki vjetnik, стр. 133—152.
c) Mrtva carevna in sedmero vitezov, стр. 152—169.
d) Bakčisarajski vodomet, стр. 169—187.
e) Car Saltan in knez Gvidon, стр. 188—222.

Dubrovski, svobodno prevel I. I. Slov. Narod, 1873, № 84 и д.

Prevodi ruskih pesnikov. Ivan Vesel. Zora, 1873, № 16—18:

a) Krokarja, стр. 241.
b) Zimski večer, стр. 242.
c) Besi, стр. 256.
d) Črna megla, стр. 271.

Klevetnikom Rusije. Dr. J. Mencinger. Pesmarica, izdal Dr. J. R. Razlag. Ljubljana, 1873, стр. 197.

Voz življenja, prevel —š— (M. Pleteršnik). Zora, 1874, стр. 209.

Prerojenje, prevel —š— (M. Pleteršnik). Zora, 1874, стр. 209.

Gospica-kmetica. Prevel F. M. Štiftar. Slov. Narod, 1875, № 63 и д.

Rusalka, po St. Vrazu, Zora, 1877.

Strel. Prevel J. P(intar). Slov. Narod, 1883, № 1—4.

Bojarska hči kot kmetsko dekle. Poslovenil J. P(intar). Slov. Narod, 1883, № 5—9.

Dubrovski. Poslovenil J. P(intar). Slov. Narod, 1883, № 250—276.

Dva vrana. Kaliper (Levstik). Ljub. Zvon, 1883, стр. 544.

Stotnikova hči. Prevel —r. Slov. Narod, 1883, № 84—110.

Pesem A. S. Puškina (Elegija). F. G. Slovan, 1886, стр. 213.

Pikova dama. Prevel I. H. Edinost, 1888, № 37—47.

O ribiču in zlati ribici. Prevel Ant. Aškerc. Slov. Večernice, 1889, стр. 66.

Zgodovina Pugačovljevega punta. Preložil —o. Slov. Narod, 1890, № 33—79.

Pik dama. Prevel Z. D(okler). Slov. Narod, 1891, № 214—229.

Črna šal, preložil Lamurski (Mat. Andr. Trnovec). Slov. Svet, 1891.

Rusalka. Lamurski. Slov. Svet, 1892, стр. 116.

Šotlandska pesem. Lamurski. Slov. Svet, 1892, стр. 129.

Čerkeška pesem. Lamurski. Slov. Svet, 1892, стр. 146.

Kavkaški vjetnik. Lamurski. Slov. Svet, 1892, стр. 192.

Rakvar (Grobovščik). Poslov. J. Kogej. Slov. knjižnica, вып. 15.

Pesem o Veščem Olegu. Preložil M. Hostnik. Slov. Svet, 1895, стр. 43.

Kapitanova hči. Poslov. Semen Semenovič (Ivan Prijatelj). Slov. knjižnica, вып. 55—56.

Talisman. Ant. Medved. Slovenka, 1898, стр. 499.

Črni šal. Ant. Medved. Slovenka, 1898, стр. 532.

Trije vrelci. Sem. Semenovič (Iv. Prijatelj). Slovenka, 1899, стр. 167.

Въ концѣ мая 1901 года выйдетъ въ Горицѣ у Габерщека «Ruska antologija», редакція которой, послѣ кончины Ивана Весела, въ рукахъ Антона Ашкерца. Сколько мы могли узнать изъ газетныхъ объявленій, она будетъ содержать слѣдующія стихотворенія Пушкина (переводчики въ скобкахъ).

Resnica (Dr. J. Mencinger) — Stance T...mu (Vesel) — Ugaslo dneva je svetilo (Mencinger) — Črni šal (Medved) — Preživel svoje sem želenje (Vesel) — Ovidiju (Vesel) — Morju (Vesel) — Gvadalkvivir (Vesel) — A. P. Kernovi (Gregorčič) — Zimski večer (Vesel) — Prerok (Vesel) — Angelj (Vesel) — Talisman (Medved) — Slavec (Mencinger) — Poslanica v Sibir (тотъ-же) — Trije viri (тотъ-же) — Zlato in jeklo (тотъ-же) — Gruzinska pesem (Vesel) — Cvetke (Dragotin Kette) — 26 maja 1828 (Vesel) — Utopljenec (тотъ-же) — Dva vranova (Levstik) — Ančar (Mencinger) — Glota (тотъ-же) — Kavkaz (Vesel) — Sneženi plaz (S. Gregorčič) — Zimsko jutro (тотъ-же) — Elegija (Vesel) — Besi (тотъ-же) — Obrekovalcem Rusije (тотъ-же) — Jek (Mencinger) — Pokopališču (тотъ-же) — Črna megla (Vesel) — Bajka o ribiču in ribici (Aškerc) — Spomenik (Vesel).

Біографіи и критическіе оцѣнки поэта.

1. *Ruski pesnik Puškin.* Spisal Janko Babnik. Slov. Narod, 1880, № 127—131.

2. *Aleksander Sergejevič Puškin in njegove poezije.* Predavanje Ivana Hribarja. Slov. Narod, 1882, № 94—99.

3. *Aleksander Sergejevič Puškin.* Spisal dr. Celestin. Slovan, 1884, № 29—41.

4. *K 50-letnici Puškina.* Spisal Krutorogov (Hostnik). Slovan, 1887, стр. 55—59. Съ портретомъ.

5. *Aleksander Sergejevič Puškin.* Spisal Fr. Bučar. Dom in Svet, 1895, № 15—16. Съ потретомъ.

6. *Aleksander Sergejevič Puškin.* Spisal Semen Semenovič. Slov. knjižnica, вып. 55—56.

7. *Puškin.* Spisal Iv. Merhar. (Slov. Narod, XXXII l. 1899, № 132, 134, 135, 138, 139).

Нельзя сказать, чтобы число этихъ статей, въ сравненіи съ числомъ переводовъ, не было очень значительно. Мы бы даже не ожидали столько ихъ. Къ сожалѣнію содержаніе не соотвѣтствуетъ численности. У всѣхъ повторяется преимущественно біографія поэта, повторяются избитыя мѣста, общія похвальныя сужденія о значеніи Пушкина. Не видно никакой попытки познакомить словѣнскую публику съ поэзіею Пушкинской на особый, домашній, словѣнцамъ понятный ладъ; не видно указаній на то, которою частью своей поэтической и литературной дѣятельности Пушкинъ могъ бы и теперь еще быть полезнымъ и поучительнымъ для словѣнскихъ писателей. Всѣ эти статьи, конечно, компиляціи изъ чужихъ трудовъ, самостоятельнаго изученія нельзя даже ожидать. Въ доказательство можно указать, напр. въ статьѣ подъ числомъ 1, на пѣснь Пушкина «о вещемъ Олегѣ», заглавіе которой переведено такъ: «Pesem o *belem* Olegi». Компиляторъ статьи смѣшалъ нѣмецкое прилагательное «vom weisen Oleg» съ прилагательнымъ weiss: «vom weissen Oleg»! Лучше другихъ написано чтеніе Хрибаря подъ № 2.

Указатель личныхъ именъ.

Alter Novus 44.
Амвросій казанскій 23.
Амвросій рыльскій 5.
Анатолій архимандритъ 6.
Андерсонъ 33.
Андрейчинъ Ив. Ст. 36, 42, 48.
Андреовъ Иванъ (см. Богоровъ).
Анчевъ Д. Г. 41, 42, 44, 45, 46, 47, 49.
Априловъ 8, 10, 11, 12.
Асангеръ Э. (Асан-ага) 61, 84, 86, 90, 92, 95, 96, 103, 104, 112, 114, 127.
Ашкерцъ А. 389, 390, 393, 394.

Бабникъ Янко 394.
Бабукичъ 373.
Бадаличъ Гуго 98, 104, 106, 114.
Байронъ 54, 58, 67.
Банъ М. 112, 113.
Бароній 6.
Бахъ 58.
Белло 33.
Беранже 31.
Бирбекъ 33.
Блейвейсъ 372, 373.
Бобчевъ Д-ръ Н. 42.
» Ил. С. 42.
» С. С. 38, 39.
Боговичъ Мирко 58, 60, 61.
Богоровъ Д-ръ 20, 26, 27.
Боденштедтъ 204.
Бокль 28, 33.
Бончевъ 30, 31, 32, 33.
Борисъ 105, 106.
Ботйовъ Хр. 28, 29, 30, 34.
Брлековичъ Богомиръ 65, 66, 100, 115, 130.
Бѣгій (?) 21.
Бѣлинскій 42, 339.
Бѣлчевъ Партеній 16, 18.
Булгаринъ Ѳаддей 30.
Бурмовъ 26.
Бучаръ Фр. 394.

Вазовъ Ив. 16, 18, 20, 31, 32, 34, 35, 36, 38, 40, 43—48.
Валявецъ М. 72.
Веберъ Г. 37.
Великановичъ Иса 67, 123, 311, 321—325.
Велисавъ 48.
Величковъ К. 34, 36, 40, 43, 45, 46, 48.
Вельтманъ 19.
Веневитиновъ 56.
Венелинъ 9, 11.
Вера 82.
Вергилій 66.
Веселъ-Косески Јованъ 375, 376, 377, 378, 392.
Веселъ-Веснинъ Иванъ 372, 375, 378, 379—382, 383, 388, 392, 394.
Весинъ Никола 80, 83.
Владикинъ см. Јонковъ.
Владимировъ Ив. 48.
Владиславъ 104.
Вовчекъ Марко 29.
Водникъ 369, 370.
Войниковъ 23.
Волковъ Ѳеодоръ 22.
Волтава Сл. (см. Асангеръ).
Вразъ Станко 54—57, 59, 80, 88, 89, 92, 95, 98, 104, 108, 112, 113, 120, 121, 122, 371, 393.
Вуксанъ Рад. М. 366.
Вълковъ 45.
Вяземскій князь 378.

Габрщекъ 394.
Гавличекъ И. (Havlíček Ivan) 131.

Гавриловичъ Андр. 109.
Гай Людевитъ 53.
Галаховъ 34.
Гарамбашичъ А. (Haramb̀ašić A.) 82, 84, 85, 87, 90, 91, 92, 93, 94, 97, 98, 99, 107, 108, 110.
Гашевскій Б. Ив. 44.
Гейне 67.
Гексли 28.
Георги (?) 47.
Герасимъ рыльскій 17.
Гербель 37.
Геровъ Найденъ 12, 16, 17.
Герценъ 204.
Гёте 25, 66.
Гнѣдичъ 23.
Гоголь 29, 30, 31, 39, 204, 373.
Гомеръ 32, 66.
Горацій 22, 35.
Горенецъ-Подгоричанъ Лав. 373.
Гостиша И. (Gostiša J.) 131.
Грегорчичъ 394.
Грибаръ см. Хрибаръ.
Григоровичъ В. 5, 6, 11.
Груевъ Ј. 17, 19, 36.
Гумбольдтъ 28.
Гундуличъ 55.
Гюго Викторъ 31, 67.
Гюуричичъ М. С. 129, см. Джуричичъ.
Гяльски 55.

Данте 28, 33.
Дарваръ Д. Н. 8.
Дарвинъ 28.
Делиспасовъ С. 47.
Деметеръ Димитрій 54, 57, 88, 90, 113, 114, 131.
Державинъ 18, 20.
Десницкій см. Михаилъ.
Деспотовичъ П. 119, 122, 177, 187, 192—200.
Джакометти 33.
Джуричичъ (Ђуричић) М. С. 129.
Дивковичъ 127.
Димитріевичъ Д. Ј. 99, 103, 107, 109.
Димитрій ростовскій 20.
Димитровичъ Спиро котаранинъ 61—65, 119, 120, 121, 122, 124, 125, 139, 152, 155—161, 203—255, 272, 276.
Димитровъ А. Н. 46.
Доклеръ З. 388, 393.
Достоевскій 38.
Драгановъ 33, 35, 366.
Дреперъ 28.
Дучичъ Ј. А. (Ranko) 81, 111, 121, 129, 130, 345—364, 365, 366.
Дѣспинскій Михаилъ 23, см. Михаилъ.

Евгеній кіевскій 23.
Евстатиевъ К. 39.
Еллачичъ банъ 54, 58.
Жакель (см. Лединскій) 371.
Жинзифовъ 32.
Жуковскій 26, 56, 148, 152, 204.
Жупанъ 371.

Зайцъ 60.
Захеръ Мазохъ 33.
Златарскій В. Н. 6.

Ивановъ Ив. Д. 39.
» Йорданъ 3, 21, 40, 47.
Ил. Станко 132.
Илійчъ (Илијѣ) Драгутинъ Ј. 124, 126, 127, 134, 167—173.
Јовановичъ Змай Јованъ (Змајова) 66, 77, 80, 88, 89, 91, 104, 105, 107, 111, 116, 117, 124, 128, 155, 163.
Јовановичъ Јованъ П. 133, 134.
» М. 102.
» М. Владимиръ 83, 91, 92, 100, 104, 105, 107, 116, 117.
Јовановичъ Хаджи Найденъ 17.
Јонковъ Н. Владикинъ 40.
Јордановъ Д. 41.

Кантемиръ 22.
Караведовъ Любенъ 18, 19, 28, 29, 30, 31, 34, 36.
Караджичъ Вукъ 223, 233, 255, 268.
Карамзинъ 9, 19, 20, 23, 152.
Карапетковъ Хр. 48.
Катрановъ Н. 25.
Кеттэ Драг. 394.
Кипиловскій 20.
Кифаловъ Михаилъ 9, 20.
Княжескій Захарій 11, 12—16, 20.
Кобэ 371.
Когей 391, 393.
Колляръ Янъ 54, 55, 56, 67.
Константиновичъ Бранко В. 132.
Константиновъ Алеко 34, 40, 45.
» И. Х. 7, 20.
» Никифоръ 16.
Костовъ 34, 40, 43, 44, 45, 46, 47.
Костомаровъ 29.
Крашна 373.
Круторговъ см. Хостникъ.
Кръстевъ Д-ръ К. 42, 47, 48.
Крыловъ 23.
Кукольникъ 23.
Кукулевичъ 58.
Кулаковскій Платонъ 124.
Кургановъ 11.
Кънчевъ В. 20.

Ламурскій (М. А. Трновецъ) 391.
Ланге 339.

Левстикъ Фр. 387, 393, 394.
Лединскій Родолюбъ (см. Жакель) 371, 374, 392.
Ленски см. Якшичъ.
Леопарди 67.
Лермонтовъ 29, 31, 35, 56, 66, 77, 204, 378.
Ломоносовъ 9, 18, 20, 22.
Лукшичъ А. 78.

Мажураничъ Иванъ 54, 55.
Майковъ Аполлонъ 255.
» Л. Н. 78, 81, 82.
Маколей 33.
Максимовичъ Ј. 72.
Марековичъ (pl. Marekovié) 132, 133.
Маретичъ Т. (Maretić Tomislav) 65, 66, 77, 79, 109, 117, 118, 124, 135, 155—162, 329—337.
Марковичъ 66.
Медаковичъ Д-ръ 118.
Медвѣдъ А. 391, 393, 394.
Медичъ Данилъ 124.
Менцингеръ Д-ръ Янезъ 382, 383, 392, 394.
Меньшиковъ кн. 162.
Мерхаръ Ив. 395.
Миклошичъ 371.
Милаковичъ Јосипъ 88, 89, 110.
Милетичъ Л. 4, 6.
Миливой 96, 117 (см. Маретичъ).
Мильтонъ 28.
Мининъ 23.
Михайловичъ Риста 131.
Михайловскій Н. 16.
Михаилъ Десницкій 23.
Митровичъ Милорадъ И. 86.
Мицкевичъ 33, 55, 66, 67, 372.
Мишевъ 34, 40, 43, 44, 45, 46, 47.
Мишкатовичъ Ј. 60, 61.
Момчиловъ 16.
Морозовъ П. О. 77, 78, 81, 82, 85, 86, 87, 129.
Московъ М. 42, 43, 45.
Мразовичъ 7.
Мутьева Е. 19.

Некрасовъ 31.
Неновъ Г. 39.
Неофитъ рыльскій 7, 9, 10, 11, 12.
Николай I Черногорскій 124.
Новаковичъ Стоянъ 73, 108, 119, 134, 135, 177—187, 192.
Новиковъ 23.

Одавичъ Р. Ј. 93, 115, 122, 126, 204—308, 310.
Озеровъ А. П. 10.
Орбини Мавро 6.
Островскій 23.
Острогорскій В. 39.

Паисій хилендарскій 4, 6.
Палаузовъ Н. 8, 10, 11, 12.
Панайотовъ Д. 43.
Пелагичъ Васа 118.
Первольфъ 55.
Петръ Великій 22.
Петковъ Ботьо 16.
Петровичъ С. 132.
Пинтаръ 384, 385, 386, 387, 393.
Писаревичъ А. 123, 311, 313—323.
Писемскій 23.
Платонъ митрополитъ 6, 20.
Плетершникъ М. 384, 393.
Погодинъ М. П. 10, 12, 13, 15.
Поливановъ 314, 324.
Поповичъ Милорадъ Шапчанинъ 134.
» Милошъ 87, 135.
» Мита 95.
» Райно 8, 26.
Поповъ Димитрій 16.
» Нилъ 12.
» Ст. 48.
Прерадовичъ Петаръ 54, 55, 62, 65.
Прешеренъ 372.
Примицъ 370.
Пріятель (Семенъ Семеновичъ) 391, 393, 394, 395.
Пуцичъ Медо (Pučić Orsat) 55, 87, 103, 112, 113.
Пушкинъ А. С. 36, 38, 39, 40, 42, 57, 60, 61, 67.

Радевъ П. Ив. 48.
Радичъ А. (Radić) 123, 135, 339—342.
Радовичъ Д. М. 135, 329—342.
Разлагъ Д-ръ Ј. Р. 288, 392.
Раковскій 27.
Ранко см. Дучичъ.
Реньаръ 33.

Семеновичъ Семенъ см. Иванъ Пріятель.
Сервантесъ 33.
Скабичевскій А. М. 39, 339.
Славейковъ Пенчо 34, 35, 41, 42, 44, 47.
» П. Р. 24, 25, 32, 35, 41, 46
Смайльсъ 33.
Смотрицкій М. 7.
Спенсеръ 33.
Спиридонъ іеросхимонахъ 6.
Срезневскій И. И. 56.
Станчъ (Стајић) 73.
Станко Ил. 132.
Стойковичъ Богданъ 132.
Стоиловъ Ст. 48.
Стокичъ Милутинъ 134.

Страусъ 28.
Стритаръ 374.
Сумароковъ 22.

Тассо 28.
Теодоровъ А. 3, 4.
Ткальчевичъ А. (Tkalčević-Veber) 127.
Токвиль 28.
Толстой Л. Н. 373.
Томичъ Ј. 60.
Тончевъ Д. 46.
Тредьяковскій 20.
Трифоновъ Т. Ц. 34, 36, 39, 41, 46, 47.
Трновецъ см. Ламурскій.
Трнски Ив. 59—61, 65—67, 85, 88, 89, 94, 96, 101, 102, 106, 107, 110, 115, 119, 120, 121, 125, 133, 134, 177, 187—192, 200, 203, 204—307.
Трстенякъ 371.
Тургеневъ 23, 38, 39, 55, 60, 61, 77, 373.

Уландъ 54, 376.
Утѣшеновичъ (Ognjeslav Utješenović-Ostrožinski) 65, 127.

Фенелонъ 28.
Фетъ А. 35.
Филаретъ 23.
Филиповичъ Жарколюбъ 365.
Филоновъ 34.
Фогтъ 28.

Хомяковъ 18, 56, 378.
Хостникъ М. 394.
Храниловичъ (Hranilović) Јоb. 97, 101, 102.
Хрибаръ 394, 395.
Христовъ К. 42.

Цаневъ Т. 48.
Цачевъ П. 38, 44, 48.
Целестинъ Фр. 394.
Циглеръ 371.
Цоневъ Б. 4.
Црквенацъ (Crkvenac) 132.

Чинтуловъ 24, 25.
Чокичъ Јованъ Симеоновичъ 126, 306—310.
Чолаковъ Атанасій 16.
Чурчичъ (Ћурчић) Стева 131.

Шамисо 376.
Шевченко 32.
Шекспиръ 33, 62.
Шеноа А. 55, 62, 118.
Шереметевъ 162.
Шиллеръ 25, 31, 62.
Шишковичъ Т. Н. 19.
Шишковъ А. С. 23.
Шишковъ Т. Н. 36.
Шнайдеръ 370.
Шопенгауеръ 33.
Шпаничъ Ст. (Španić Stj.) 110, 112, 113.
Шрепель Миливой 51, 73, 82, 85, 87, 90, 91, 92, 93, 94, 97, 98, 99, 102, 104, 110, 117, 126, 134, 136, 177, 365.
Штифтаръ Ф. М. 384, 385, 393.
Штоосъ Павелъ 54.

Юрдановъ И. Д. 43, 45.
Юрковичъ (Jurković Janko) 78.
Юруковъ С. Д. 49.
Юрчичъ 387.

Ягичъ 65.
Языковъ 56.
Якови (?) 37.
Якшичъ М. (Ленски) 95.
Янежичъ Вал. (Janežić) 131.
Янковичъ (Јанковић Ђура) 132.
Ярникъ 370.

Указатель переведенныхъ сочиненій.

Альбомъ (Въ): Что въ имени тебѣ моемъ? 108.
Ангелъ: Въ дверяхъ эдема ангелъ рая 101, 102, 382, 394.
Анджело 130, 343—364.
Анчаръ: Въ пустынѣ чахлой и скупой 42, 107, 394.

Барышня-крестьянка 60, 133, 384, 393.
Бахчисарайскій фонтанъ 40, 45, 57, 59, 120, 375, 392.
Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье 378, 394.
Благочестивая жена 116, 117.
Боже царя храни 26.
Больны вы, дядюшка? 84.
Борисъ Годуновъ см. Годуновъ.
Бородинская годовщина: Великій день Бородина 57, 113.
Братья разбойники 46, 62, 63, 120, 121.
Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ (Стансы) 42, 109, 372, 374.
Будрысъ и его сыновья (изъ Мицкевича) 114.
Буря мглою небо кроетъ 42, 98—100, 378, 382, 392, 394.
Бѣсы: Мчатся тучи, вьются тучи 110, 111, 378, 382, 392, 394.

Вакхическая пѣсня: Что смолкнулъ веселья гласъ 44, 95.
Великимъ быть желаю (Про себя) 85.
Великій день Бородина (Бородинская годовщина) 57, 113.
Веселый пиръ 86, 87.
Взгляни на милую (Красавица передъ зеркаломъ) 90.
Во глубинѣ сибирскихъ рудъ 394.
Воевода (изъ Мицкевича): Поздно ночью изъ похода 113, 114.
Возрожденіе 384, 393.
Возстань, о Грецiя, возстань 43, 44.
Воронъ къ ворону летитъ (Шотландская пѣсня) 106, 378, 382, 391, 392, 394.
Воспоминаніе: Когда для смертнаго 43.
Всадникъ мѣдный 46, 66, 130.
Все мое, сказало злато 104.
Въ альбомъ: Что въ имени тебѣ моемъ? 108, 109.
Въ безмолвіи садовъ 394.
Въ дверяхъ эдема ангелъ нѣжный 101, 102, 382, 394.
Въ младенчествѣ моемъ она меня любила (Муза) 90.
Въ неволѣ скучной унядаетъ (Наслажденіе) 81.
Въ пустынѣ чахлой и скупой (Анчаръ) 42, 107, 394.
Въ степи мірской (Три ключа) 104, 394.
Въ тѣ дни, когда мнѣ были новы (Демонъ) 93, 94.
Вчера за чашей пуншевою (Слеза) 81, 82.
Выстрѣлъ 48, 65, 131, 386, 393.

Голубъ: Не для бесѣдъ и ликованій 129.
Гляжу какъ безумный 88, 89, 90.
Годуновъ Борисъ 32, 41, 42, 46, 47, 67, 77, 122, 311—325.
Городокъ (Къ ***): Прости мнѣ, милый другъ 32.
Граф. А. А. Орловой-Чесменской 116, 117.
Гробовщикъ 132, 133, 391, 393.
Гробъ (юноши?) 24, 25.
Гроза Луны, свободы воинъ (Дочери Карагеоргія) 87.

Грузинская пѣснь см. Не пой красавица.

Даръ напрасный, даръ случайный (26 мая 1828) 42, 106, 394.
Делибашъ 372.
Демонъ (А. Н. Раевскому): Въ тѣ дни, когда мнѣ были новы 93, 94.
Деревня: Привѣтствую тебя, пустынный уголокъ 86.
Десятая заповѣдь 91, 92.
Дочери Карагеоргія (Гроза Луны, свободы воинъ) 87.
Дробясь о мрачныя скалы 394.
Друзьямъ: Среди бесѣды вашей шумной 82, 83.
Дубровскій 49, 60, 134, 382, 386, 392.
Духовной жаждою томимъ (Пророкъ) 100, 101, 378, 380, 392, 394.

Евгеній Онѣгинъ см. Онѣгинъ.
Египетскія ночи 136.
Ex ungue leonem (Эпиграмма): Недавно я стихами 95, 96.

Желаніе: Медлительно влекутся дни мои 79, 80.
Желаніе славы: Когда, любовію и нѣгой упоенный 96.

Зимнее утро 394.
Зимній вечеръ: Буря мглою небо кроетъ 42, 98, 99, 100, 378, 382, 392, 394.
Зимняя дорога: Сквозь волнистые туманы 101.
Золото и булатъ (Эпиграмма) 104, 394.

Изъ Мицкевича: 1) Воевода 113.
2) Будрысъ и его сыновья 114.
Изъ Томаса Мура: Эхо 42, 111, 394.
Испанскій романсъ: Ночной зефиръ 94, 95, 378, 381, 392, 394.
Истина (Resnica) 394.
Исторія Пугачевскаго бунта 390, 393.

Кавказскій плѣнникъ 41, 45, 59, 60, 119, 175—200, 375, 391, 392, 393.
Кавказъ 42, 44, 375, 378, 379, 394.
Какъ нынѣ сбирается вѣщій Олегъ (Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ) 44, 391, 393.
Каменный гость 41, 47, 125, 366.
Капитанская дочка 29, 36, 48, 65, 77, 134, 135, 327—342, 387, 391, 393.
Карагеоргія дочери: Гроза Луны, свободы воинъ 87.
Кирджали 29, 36, 48, 366.
Клеветникамъ Россіи 36, 57, 112, 113, 378, 379, 383, 392, 394.
Когда для смертнаго... (Воспоминаніе) 43.
Когда за городомъ задумчивъ я брожу 42, 394.
Когда, любовію и нѣгой упоенный (Желаніе славы) 96.
Красавица передъ зеркаломъ: Взгляни на милую 90.
Къ А. П. Кернъ 42, 43, 97, 394.
Къ *** (Городокъ): Прости мнѣ, милый другъ 32.
Къ морю: Прощай, свободная стихія! 94, 378, 381, 392, 394.
Къ нянѣ: Подруга дней моихъ суровыхъ 44.

Лизѣ страшно полюбить 92.
Любопытный (Эпиграмма): Что-жь новаго? 108.

Мая 26-го 1828: Даръ напрасный, даръ случайный 42, 106, 394.
Медлительно влекутся дни мои (Желаніе) 79, 80.
Метель 48, 131, 132.
Мечты, мечты, гдѣ ваша сладость (Пробужденіе) 83.
Мицкевичъ: Онъ между нами жилъ 114.
Младой Дафнисъ, гоняясь за Доридой (Разсудокъ и любовь) 79.
Морозъ и солнце 394.
Морю (Къ): Прощай, свободная стихія 94, 378, 381, 392, 394.
Моцартъ и Сальери 41, 47, 124.
Муза: Въ младенчествѣ моемъ она меня любила 90.
Мура Томаса (Изъ): Эхо 42, 111, 394.
Мчатся тучи, вьются тучи (Бѣсы) 110, 111, 378, 382, 392, 394.
Мѣдный всадникъ см. Всадникъ.

Надъ лѣсистыми брегами 110.
Надъ Невою рѣзво вьются (Пиръ Петра Великаго) 44, 115.
Надъ озеромъ, въ глухихъ дубровахъ 85, 86.
Наслажденіе: Въ неволѣ скучной увядаетъ 81.
На смерть стихотворца 84.
Недавно я стихами какъ-то свистнулъ (Эпиграмма) 95, 96.
Не для бесѣдъ и ликованій (Галубъ) 129.
Не пой красавица при мнѣ 378, 381. 392, 394.
Ночной зефиръ (Испанскій романсъ) 94, 95, 378, 381, 392, 394.

Обвалъ 394.
Овидію (Къ) 382, 394.

Ода вольность 43.
Октября 19-го 1825 г. 98.
Она тогда ко мнѣ придетъ 116.
Онъ между нами жилъ (Мицкевичъ) 114.
Онѣгинъ Евгеній 48, 61, 62, 63, 65, 66, 77, 118, 125, 126, 201—310.
Орловой-Чесменской граф. А. А. 116, 117.
Отвѣтъ на вызовъ написать стихи въ честь Государыни Императрицы Елизаветы Алексѣевны 43.
О чемъ прозаикъ ты хлопочешь (Прозаикъ и поэтъ) 97.
О чемъ шумите вы... (Клеветникамъ Россіи) 36, 57, 112, 113, 378, 379, 383, 392, 394.

Памятникъ: Я памятникъ себѣ воздвигъ 44, 115, 382, 394.
Пиковая дама 48, 135, 388, 393.
Пиръ Петра Великаго: Надъ Невою рѣзво вьются 44, 115.
Повѣсти Бѣлкина 48, 49, 131.
Погасло дневное свѣтило 394.
Подруга дней моихъ (Къ нянѣ) 44.
Подъ-вечеръ, осенью ненастной 44, 78.
Поѣдемъ, я готовъ 43.
Поздно ночью изъ похода (Воевода) 113, 114.
Покойникъ Клитъ въ раю не будетъ (Эпиграмма) 184.
Полтава 40, 45, 62, 63, 66, 120, 121, 124, 153—163, 329.
Посланіе въ Сибирь 394.
Послѣдніе цвѣты: Цвѣты послѣдніе милѣй 98.
Послѣдняя туча разсѣянной бури (Туча) 42, 114, 378, 392, 394.
Поэту: Поэтъ не дорожи любовію народной 42, 109, 110.
Поэтъ и чернь 31, 32, 35.
Поэтъ по мѣрѣ вдохновенной 35, 43, 394.
Прибѣжали въ избу дѣти (Утопленникъ) 44, 45, 107, 382, 394.
Привѣтствую тебя (Деревня) 86.
Пробужденіе: Мечты, мечты, гдѣ ваша сладость! 83.
Прозаикъ и поэтъ: О чемъ прозаикъ ты хлопочешь 97.
Пророкъ: Духовной жаждою томимъ 100, 101, 378, 380, 392, 394.
Про себя: Великимъ быть желаю 85.
Прости мнѣ, милый другъ... (Городокъ) 32.
Прощай свободная стихія (Къ морю) 94, 378, 381, 392, 394.
Птичка божія не знаетъ (изъ Цыганъ) 45, 58, 122.
Пустое «вы» сердечнымъ «ты» (Ты и вы) 105.
Пѣсня дѣвушекъ (изъ Онѣгина) 126.
Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ: Какъ нынѣ сбирается 44, 391, 393.
Пѣсня черкесская 60, 391, 393.

Разсудокъ и любовь: Младой Дафнисъ, гоняясь за Доридой 79.
Реветъ ли звѣрь (Эхо) 42, 111, 394.
Роза 382.
Романсъ: Подъ-вечеръ, осенью ненастной 44, 78.
Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ (19 окт. 1825) 98.
Русалка 34, 36, 47, 77, 126, 165—173.
Русалка: Надъ озеромъ въ глухихъ дубровахъ 85, 86, 365, 391, 393.
Русланъ и Людмила 62, 63, 119, 137—152.

Сказка о мертвой царевнѣ 46, 129, 375, 392.
Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ 24, 41, 46, 127—129, 375, 378, 389, 392, 393, 394.
Сказка о царѣ Салтанѣ 376, 392.
Сквозь волнистые туманы (Зимняя дорога) 101.
Скупой рыцарь 41, 47.
Слеза: Вчера за чашей пуншевою 81, 82.
Соловей 394.
Среди бесѣды вашей шумной (Друзьямъ) 82, 83.
Стансы: Брожу-ли я вдоль улицъ шумныхъ 42, 109, 372, 374.
Стансы: Философъ ранній ты бѣжишь 394.
Станціонный смотритель 49, 133.
Сцена изъ Фауста 123.
Счастливъ, кто въ страсти 80, 388.

Талисманъ: Тамъ, гдѣ море вѣчно плещетъ 44, 102, 103, 391, 393, 394.
Телѣга жизни: Хоть тяжело подъ-часъ 93, 384, 393.
Три ключа: Въ степи мірской 104, 394.
Три у Будрыса сына 114.
Туча: Послѣдняя туча разсѣянной бури 42, 114, 378, 382, 392, 394.
Ты и вы: Пустое «вы» сердечнымъ «ты» 105.

У Кларисы денегъ мало (Эпиграмма) 92.
Утопленникъ: Прибѣжали въ избу дѣти 44, 45, 107, 382, 394.

Философъ ранній ты бѣжишь 394.

Хоть тяжело подъ-часъ въ ней бремя (Телѣга жизни) 93, 384, 393.

Цвѣтокъ: Цвѣтокъ засохшій безуханный 105, 382, 394.
Цвѣты послѣдніе милѣй 98.
Цыганы 40, 45, 62—65, 121, 122, 365.
Цыганы: Надъ лѣсистыми брегами 110.

Черкесская пѣсня см. Пѣсня.
Черная шаль 44, 88—90, 382, 391, 393, 394.
Чернь 35, 43, 394.
Что въ имени тебѣ моемъ (Въ альбомъ) 108, 109.
Что-жь новаго?—Ей Богу ничего (Любопытный) 108.
Что смолкнулъ веселія гласъ (Вакхическая пѣсня) 44, 95.

Шотландская пѣсня: Воронъ къ ворону летитъ 106, 378, 382, 392, 393.

Элегическій отрывокъ 43.
Элегія (изъ поэмы «Кавказъ»): Я пережилъ свои желанья 43, 91, 394.
Элегія: Счастливъ, кто въ страсти самъ себѣ 80, 388.
Элегія: Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье 378, 394.
Эпиграммы: 1) Больны вы, дядюшка 84.
2) У Кларисы денегъ мало 92.
3) Что-жь новаго? 108.
4) Золото и булатъ 104, 394.
5) Ex ungue leonem, Недавно я стихами какъ-то свистнулъ 95, 96.
Эпитафія: Покойникъ Клитъ въ раю не будетъ 84.
Эхо (Томаса Мура): Реветъ ли звѣрь 42, 111, 394.

Я думалъ сердце позабыло 107.
Я жизнь любилъ, когда полна 116.
Я здѣсь, Инезилья стою подъ окномъ 111.
Я люблю вечерній пиръ 86, 87.
Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный 44, 115, 382, 394.
Я пережилъ свои желанія 43, 91, 394.
Я помню чудное мгновенье (Къ А. П. Керн) 42, 43, 97.

Опечатки и поправки.

Стр. 4 строка 9 послѣ нашего изслѣдованія *надо прибавить*: Этотъ вопросъ разработанъ нами подробнѣе въ болгарскомъ журналѣ «Български Прегледъ» за 1899 годъ, кн. IX—X, на стр. 103—178, подъ заглавіемъ «Наченки отъ руско влияние въ българската книжнина».

Стр. 6 строка 6 снизу: за тый *испр. въ* за тъй.

Стр. 8 строка 19: Райка *читать надо* Райна, *тамъ-же строка 24* Райко *читай* Райно.

Стр. 20 строка 1 снизу вм. Кличева *читай* Кънчева.

Стр. 28 строка 5—6 надо читать: въ области изящной литературы — *Тамъ-же строка 13* Ботеву *читай* Ботйову.

Стр. 36 строка 13 вм. Андрейчика *надо читать* Андрейчина.

Стр. 77 строка 22 вм. № 73 *читай* № 94.

Стр. 88 строка 6 вм. (XII-й) *читай* (XIII-й).

Стр. 98 строка 2 вм. мои *читай* милѣй.

Стр. 100 строка 17 (подъ № 35) вм. № 45 *читай* № 41.

Стр. 111 строка 20 Обдје *надо исправить* Овдје.

Стр. 130 строка 2 снизу: 185 *исправить надо въ* 105.

Стр. 131 строка 1: У једном *читай* у једноме — *тамъ же строка 3* чедолубив *испр. въ* чедољубив.

Стр. 157 строка 17: понятный *читай* попятный.

Стр. 165 въ заглавіи послѣ слова переводѣ *надо устранить точку. Рѣчь идетъ не о статьѣ Драгутина Илiича, а о его переводѣ.*

Стр. 171 строка 5 вм. пије *читай* није.

Стр. 190 строка 7 снизу вм. гасну *читай* заснулъ.

Стр. 217 строка 6 снизу вм. sietih *читай* sietit.

Стр. 250 строка 1 вм. privlačla *читай* privlači.

Стр. 266 строка 7 вм. koga *читай* koja.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стран.
I. Русское вліяніе и Пушкинъ въ болгарской литературѣ. *И. Д. Шишманова*	1—49
II. А. С. Пушкинъ въ хорватской литературѣ. *М. Шрепеля*	51—67
III. А. С. Пушкинъ въ сербско-хорватской литературѣ. Очеркъ библіографическій *И. В. Ягича*	69—136
IV. О переводѣ «Руслана и Людмилы». *И. В. Ягича*	137—152
V. «Полтава» въ двухъ хорватскихъ переводахъ. *И. В. Ягича*	153—163
VI. «Русалка» въ сербскомъ переводѣ. *И. В. Ягича*	165—173
VII. «Кавказскій плѣнникъ» въ трехъ сербско-хорватскихъ переводахъ. *И. В. Ягича*	175—200
VIII. «Евгеній Онѣгинъ» въ трехъ сербско-хорватскихъ полныхъ переводахъ. *И. В. Ягича*	201—310
IX. «Борисъ Годуновъ» въ двухъ переводахъ. *И. В. Ягича*	311—325
X. Нѣсколько словъ о трехъ переводахъ «Капитанской дочки». *И. В. Ягича*	327—342
XI. «Анджело» въ двухъ переводахъ одного и того же переводчика. *И. В. Ягича*	343—364
XII. Пушкинъ въ словѣнской литературѣ. *Ив. Пріятеля.*	367—395
Указатель личныхъ именъ	397—400
Указатель переведенныхъ сочиненій	401—404